

Alpus Tee

ГАМЕНТИ

ИСКУСНОТО
ПРОТИВЛИКА

— Как-то ты сказал, что если меня что-то не устраивает — я знаю где дверь. Ты был прав. Я это действительно знаю. — О, как мы заговорили. То есть я больше не очень красивый? — Ты самый красивый мужчина, которого я когда-либо видела. — И в чем тогда проблема? — В том, что ты мне больше не нравишься. Когда тебе шестнадцать, ты позволяешь себе кинуться в любой омут с головой, так я и поступила, когда встретила его. Я начала отношения, к которым не была готова и игру, в которой заведомо стояла на несколько шагов позади. Хватит ли мне ума выйти с шахматной доски победителем? Или проигрыш скорее вопрос времени и неизбежность?

Гамбит искусного противника

Ария Тес

Глава 1. Все-все-все

Май

Когда ты впервые попадаешь в зал Большого театра, то тебя, скорее всего, дико удивит и поразит атмосфера, которая там царит. Что-то вроде благоговения, восторга и дикого, неумемного интереса. Тоже самое случится с тобой и во второй, третий, даже десятый раз, но если ты просиживаешь там задницу уже в тысячный раз, все от самой глупой, помпезной завитушки, начинает страшно угнетать.

Шум. Этот гул голосов, поднимающийся до расписного потолка и крутящийся под великолепной, хрустальной люстрой. Интимная полутьма. Толпа. Столько красивых людей...Напыщенных индюков. Лицемеров и лизоблюдов. Золото и кровь — цвета истинного императора, и здесь на арене Большого театра, собираются представители высшего, московского бомонда, которые за закрытыми дверями бывает творят такую грязь, что сам Дьявол попросил бы мастер-класс. В этом зале прямо стояла физически ощутимая вонь их гнилых душ, прикрытых широкими белозубыми улыбками. Так сразу и не скажешь, но все они пришли сюда сегодня не покрасоваться — это всего лишь теплый, семейный вечер. Журналюги, любовницы рука об руку с женами, море услуги и даже заключение определенных договоренностей, к сожалению, неотъемлемая часть этого мира. Она не прошла мимо и "сегодня", когда дети этих самых "сливок" выступают на отчетном концерте.

Балетная академия давно стала целью любой девчонки, которая мечтает о сцене, но проблема в том, что будь ты даже дочерью плотно упакованного папаши, так просто сюда не попасть. Обычно, в половине деток-мажоров нет и десяти процентов таланта, будем откровенны. В обществе больших денег это не главное. Талант вообще штука весьма субъективная, а если ты дочь мэра или крупного бизнесмена, разве он имеет вообще значение? Нет. Обычно нет, но только не для Балетной академии. Попасть сюда сложно, деньги не гарант, только талант или хотя бы перспектива. Созданное двадцать лет назад заведение чтит искусство прежде всего и это многим не нравилось, но оставалось только улыбаться. Здесь вообще не принято иначе, даже если ненавидят, а ненавидят здесь постоянно. Можно сказать, это два постулата — улыбаться и ненавидеть. За все подряд: успех, талант, ум, бабки. Чем больше у тебя бабла, чем выше ты поднимаешься, тем сильнее ненависть. И тебя будут ненавидеть и вставлять палки в колеса — на Олимпе все давно поделено, — если только тебя не будут бояться.

Здесь боялись только одну фамилию. Александровские.

Знаете, что если вы не являетесь каким-то действительно важным человеком, вам никогда в жизни не попасть в Императорскую ложу, даже если у вас есть деньги? Это определенный статус, вроде трона, и он по праву принадлежал именно этой фамилии. Александровские — это что-то вроде бренда. Всегда спокойные, всегда утонченные и изящные, абсолютная репутация без единого, даже самого маленького скандала в прессе. Идеальные, словно каменные статуи, вышколенные по самым высоким стандартам Петром Геннадьевичем — главой семьи и главой империи.

Умный, расчётливый, жестокий, даже в его пятьдесят три выглядел внушительно. Высокий, с широкими плечами и крепким, натренированным телом, больше похожий на мужчину, лишь недавно перешедшего ступень в сорок, чем на дряхлого старика. Нет, стариком этот стальной мужик не будет и в восемьдесят, надо отдать должное. И дело тут

даже не в генетике, хотя она и сыграла большую роль, дело в военной выправке. Его отец был советским офицером и не из рядовых, ничего не значащих солдат. Он имел вполне конкретный доступ к высшему, политическому сословию, поэтому своему первенцу пророчил карьеру именно в этой сфере. Вот только тот выбрал другую дорогу, а на свое место собственноручно пихнул своего более податливого брата Гришу. Он не был плохим или глупым, напротив, Григорий Петрович Александровский всегда имел славу хорошего, доброго человека, в меру строгого, но по большей части добросердечного. Конечно с подачи старшего брата ему удалось войти на политический ринг с весьма громким заявлением, но удержаться, продвинуться и дорасти до мера Москвы, ему позволили отнюдь не семейные подряды. Его *действительно* любили его избиратели, и пусть Петр всегда отмахивался, как от назойливой мухи, это был скорее прочный факт, нежели грезы. Пусть так, Петр хорошо усвоил уроки отца и отлично знал — чтобы выбиться на нужный ему уровень, всегда необходимо иметь хорошо защищенные тылы в правительстве. Гриша мог быть кумиром хоть триллионов, но главным для его старшего брата критерием стала его исполнительность. Тендеры, контракты, нужные люди — так, путем лизания сотни задниц, теперь он сидел в Императорской ложе. Его боялись все, даже политики, зная его расчетливый, бурный нрав — перейти дорогу Петру Геннадьевичу Александровскому сродни подписать смертный приговор. Гордость не благодетель, трагедия, а о гордости главы самого влиятельного семейства ходили легенды.

Петр был женат трижды. Первый брак, заключенный в совсем юном возрасте, стал договорным и из этого брака он вынес очень многое — его детище «АСтрой», благодаря которому сейчас он был самым уважаемым человеком Москвы, и детей. В детстве Петр обожал историю. Это была его личная страсть — даты, имена, правящие династии. Ему нравилось читать о королях, царях, именитых родах, но главное, что он понял еще тогда: дети — это лучшая инвестиция. К отличным инвестициям он смело приписывал Мишу, Марину и Максимилиана.

Первые два ребенка родились почти сразу, как они с Марией поженились. Двойняшки. Это стало для молодых сюрпризом, ведь Мариночку не видел ни один аппарат, а Марии нравилось думать, что это Миша ее так защищал. Петр на это лишь глаза закатывал, но по-доброму, потому что она стала для него не обузой, а чудесным подарком судьбы. Миша же напротив, разочарованием. Когда они начали подрастать и достигли более сознательного возраста, чем агукать и махать руками, Петру пришлось признать неприятный факт — Миша больше похож на его мать и его брата, чем на него. Добрый, тихий ребенок, спокойный и, пусть сообразительный, безынициативный.

Когда Петр узнал о беременности Марии еще одним ребенком, у него снова появилась надежда получить наконец наследника, так и вышло. Самый большой. Величайший. Максимальный. Петр не видел в Мише себя, любил его, конечно, но только в Максе он увидел свое истинное отражение. Когда он впервые взял его на руки, знал — он будет очень похож на него самого. Скоро он в этом убедился, когда уже в пять лет Макс давал жару всем: дерзкий, умный, развитый не по годам, любящий бросать вызов, гордый. Он злил Петра непослушанием, но в тайне тот им лишь сильнее гордился.

Вторая жена Петра стала чем-то вроде глотка свежего воздуха. Отношения с Марией закончились плохо, и теперь ему было необходимо просто выдохнуть. Ее звали Света, правда та ненавидела, когда ее так называли. Лана, и никак иначе! Даже улыбка брала, когда он вспоминал, как она топала ножкой, злилась и капризничала, но второй номер никогда не

был его счастливым числом. Оказалось, что отношения со Светочкой были актуальны только пока он был женат на Марии. Опасность, нерв, адреналин — а как только она стала его женой, как сдуло все.

Третий его брак был куда лучше. Анастасия-Настенька. Настя пусть и не блистала какими-то яркими внешними данными — рост чуть выше ста шестидесяти сантиметров, волосы цвета пшеницы, аккуратные черты лица... Но ее огромные, ярко-голубые глаза так сильно напоминали ему море... Она точно походила на маленького, светлого ангела и поразила его скорее не модельными параметрами, а именно теплотой. Пусть все его любовницы с лучших подиумов мира, она стала его тихой гаванью и дарила спокойствие. В этом браке у Петра Геннадьевича родилось еще два ребенка. Первый — Алексей, младше Макса всего на полгода. Он тоже был не так прост, и Петр иногда посмеивался, мол, в год их с Максом зачатия, вода что ли была особо чистой? Но самой главной его жемчужиной была Аделаида. Самая последняя, самая младшая дочь, самая любимая его малышка. Петр никогда не думал, что может любить кого-то так сильно, но ее он любил больше всех на свете. Да, был строг, да, иногда груб, но все это ради ее блага.

Возможно, одной из причин, почему он вряд ли когда-то разведётся с Настенькой именно Адель — девчушка души не чаяла в матери. Да и он не был уверен, что готов разорвать этот брак. Она действительно была удобна во всем, терпела молча и не выкобенивалась, как та же Мария. Его гордая, первая жена устраивала такие сцены, только пух летел! За словом в карман не лезла, умела красиво отбрить, да так, что Петра до сих пор потряхивало от некоторых ее шпилек. Но больше всего он ненавидел в ней другое — та чуть что бежала, не дай бог ущемить ее гордость! Мог бы сжечь эту сраную высотку на Красных Воротах, спалил бы дотла и даже не пожалел. Столько лет прошло, а до сих пор вело от одного воспоминания, как он возвращается в их квартиру на Тверской, а их домоуправка сообщает: Марии нет, она и дети уехали в ее квартиру на Красных Воротах. Там воздух чище.

Твою мать!

Но прошлое в прошлом, пусть так и будет, главное, что сейчас все на своих местах. Миша с женой Жанной и двумя дочерьми. Первенец занимался ресторанным бизнесом — открыл международную сеть, три крупных, успешных проекта, у одного даже была звезда Мишлен. Его кухню знал Париж, Мадрид и Москва. Конечно Петр относил его достижения к своим — правильно женил на дочери крупного бизнесмена. Тесть с оговорочкой, конечно, и семья, если копнуть, с говном, но Жанна оказалась приятным исключением и хорошо дополнила картину.

Марина в строгом, деловом костюме, с выдержанным макияжем, как и полагается директору крупного холдинга. Дочь работала в его кампании, занималась ответвлением бизнеса — гостиничной веткой. Она, как и Настя, отдавала предпочтения именно этому. Застройка была не для нее, не бабское это дело, но руководство? Это была ее стихия. Петр согласился с ее бизнес-планом, на первых парах полностью контролировал, но когда увидел, что она достаточно хороша, припустил вожжи. Марина подняла уровень с четырех звезд до пяти и расширилась с одной гостиницы на две. Уже три года в центре Питера стоял гордый «Рубин». Сейчас она выбивала тендер на третью. И если бы не ее успехи в бизнесе, он бы давно женил дочь на каком-нибудь политике, на самом деле даже присмотрел одного, но отступил. Девочкам он всегда позволял больше, они в конце концов не сыновья.

Макс. Макс. Макс. Его непокорный сын...

Ему наконец исполнилось двадцать пять, буквально неделю назад он вернулся из

закрытого университета в Англии, окончив его с отличием. Все дети Александровского учились только там. И нет, не потому что «за бугром» лучше — это делалось для того, чтобы не просочились скандалы. Петр не мог позволить глупым юнцам бросить тень на его репутацию — она важнее всего! Ее можно легко разрушить одним единственным неверным решением, а восстановить потом сродни пытке. И именно для того, чтобы сохранить ее, для того, чтобы случайно не пошатнуть, вместо обычной школы, всех его сыновей с первого класса отправляли в закрытый пансион в Англии, а после его окончания в не менее закрытый университет. Но Макс вернулся не совсем таким, каким он хотел его видеть. Все еще слишком вольный, все еще слишком расхлебанный... Да, он не устраивал проблем — еще бы! — но его дерзость никуда не ушла. Он всем своим видом показывал скуку, крутил в руках фужер с шампанским и чуть ли не фыркал, когда отец к нему обращался.

Петр злился. Очень. Устроить скандал здесь — неприемлемо, пусть все фотографии и пройдут его пристальную оценку! Пусть там и не будет ни Макса, ни Алексея. Они еще не прошли обучение. Они еще не доказали. Петр давно понял, что каждое обучение лучше всего подтверждалось экзаменом — так все уроки лучше всего усваиваются. Поэтому все его сыновья выйдут в «люди» только после достижения двадцати шести лет. Тогда, как ему виделось, они достаточно вырастут, достаточно поумнеют, чтобы понимать, как работает мир, а потом можно и свадьбу сыграть...

Да — самое важное, остепениться. Мишу женил, теперь настала очередь Макса. Он уже давно знал кто это будет. Дочь партнера — Ксения. Красивая, в меру капризная, любила Макса еще с того самого закрытого пансиона — они знали друг друга чуть ли не с детства, — а главное это был отличный повод к слиянию. Две такие крупные фигуры вместе — красота. Петр уже год занимался устройством брака, дело решенное, он знал — Макс подчинится. Да и казалось он не был особо против. Сын хорошо усвоил урок, что браков по любви не бывает, как и ее в принципе — это все глупые сказки.

Петр слегка ухмыльнулся, ощущая мягкое прикосновения нежной ладони. Настенька тепло улыбнулась ему в ответ и перевела взгляд в сторону. Сегодня она прямо таки светилась! Ее мальчишки, Макс и Леша, вернулись домой! О, как она по ним скучала! Большое сердце — и вот, она уже не видит разницы между своими детьми и чужими. Нет! Они не были ей чужими! Она любила каждого по-особенному и сильно. Давно они не были все вместе — кажется дети собирались так в последний раз только на Новый год. Тот самый теплый Новый год, когда все они почувствовали себя свободно. Петра не было — он улетел в Мадрид по делам. Без него дышалось лучше всем. Плохо так думать, Настя часто ела себя ложками, но такова была правда — его отсутствие стало самым лучшим подарком под елку, а их совместные праздники чем-то вроде манны небесной.

Она ее никогда не видела, но про Марию все отзывались хорошо. Она и была хорошей. Ее Мариночка, старшая девочка, много о ней рассказывала. О том, как она им готовила по утрам вафли, о том, как играла на пианино в долгие, зимние вечера, о том, как целовала перед сном и читала сказки. Мария любила своих детей. «Некоторые» называли ее холодной и высокомерной, но Настя знала — это было не так. Все дети Марии например унаследовали эту ее черту. Аристократическая отрешенность — это не заносчивость и не высокомерие. Они такими не были. Каждый из них по-своему добр, но горячее сердце скрыто за толстым слоем брони — это было в их ДНК. Она то мать, она видит, как ее дети — добрый и мягкий Леша и нежная Адель, больше походят на нее. Более открытые, улыбчивые, светлые... Оба ее ребенка унаследовали не стальные волосы отца, а ее пшеничные. И оба имели голубой

оттенок глаз, прямо как она. Нет, разумеется они были похожи на отца, хотя если честно Леша всегда больше напоминал ей ее отца, а Адель ее маму. И все равно — в широких плечах Леша, в его росте и мимике проскакивал Петр.

Вот только больше всего на него был похож именно Макс. Свободный, дерзкий, острый на язык молодой мужчина. Волосы разве чуть темнее, но внешне он все равно сильно походил на отца в молодости. К этому всему ансамблю прибавлялись гены его матери с ее аристократичной, обжигающей, восточной красотой. Кожа не такая светлая, как у Петра, скорее оливковая, элегантность сквозила буквально в каждом его движении, когда как Петр был каким-то более...неотесанным что ли, каким-то более грубым. Макс нет. Совершенно нет! Даже в том, как он покручивал в длинных пальцах ножку фужера, было что-то невероятно притягательное и завораживающее.

«Интересно, Петр понимает, насколько его сын лучше него?» — промелькнуло в голове Анастасии, и она, слегка встряхнув золотыми локонами, уловила прямой взгляд пасынка.

Макс слегка улыбнулся, одним уголком губ, но тепло, не так как обычно остальным. Он много раз пытался ненавидеть Настю, но как со Светочкой не получилось. Настя была другой. Она не была грубой, не ставила себя выше их, не пыталась занять место их матери... Светочка, конечно, тоже не пыталась его занять, она просто пыталась стать главной в приоритетах отца, но Настя не хотела и этого. Она всегда была теплой, доброй и ласковой... красивой. Она ему нравилась.

Настя отвела взгляд, бросив его на мужа, но с досадой поняла, что тот ничуть не разделяет ее настроение, вместо того рассматривая объект своей страсти. Вон он. В первом ряду. Самая яркая из всех этих куриц. Самая желанная. Самая красивая. С самым сладким, ароматным именем — Лилиана. Она была моделью. Точнее не так. Сначала она пыталась стать певицей, но не вышло, ей не хватило не таланта, нет, она дивно пела, ей не хватило упорства. Она не привыкла к отказам, и опустила руки сразу же, как получила его на пробах в Гнесинке. Вместо того, чтобы бороться, поступила на совершенно дурную профессию «искусствовед» в РУДН, чисто для галочки, и громко вошла в высшее общество.

Невероятно красивая. Карие глаза цвета молочного шоколада, пухлые губы, ровный, слегка вздернутый носик. Высокая, длинноногая блондинка, но с большой, упругой грудью и задницей-сердечком, — и все свое, от природы! Она привлекала. Она была, как поток свежего воздуха в этом спертном террариуме. Точно ангел, спустившийся в ад. Жаль только, внешность обманчива — ангелом она была лишь снаружи. Лиля быстро освоилась. Завела пару нужных знакомств, ее сразу же заметили, и она попала в мир больших денег. Там подцепила глупого щенка, он сделал пару звонков, и вот она — идет по подиуму на местной неделе моды.

Тогда Петр увидел ее впервые. Тогда он ее захотел. Тогда он точно знал, что она будет в его постели, и она быстро там оказалась. Щенок не смог бы ее удержать, а Петр знал, как это сделать и, что самое важное, этого хотел. Игривая, веселая, легкая — рядом с ней он чувствовал себя двадцатилетним мальчишкой, — и это не надоедало. Непривычно для любовницы в их кругах, обычно они не держались дольше двух лет, а Лилиана закоренела в этой позиции также твердо, как Луна на небе.

Настя ненавидела ее и не только из-за большой страсти своего мужа — к изменам она давно привыкла, а вот наглости, беспринципности и такой тотальной бесчувственности не уставала поражаться. Сука. Настя редко говорила так о людях, что удивительно думала тоже, но эта особа особенная. Ей на все было насрать, эгоистичная, самовлюбленная дрянь — вот

кем она была. Абсолютной сукой.

Нет ничего абсолютного.

Иногда Настя об этом забывала, особенно в отношении Лили. Эмоции, ненависть, возмущение плотно застилали глаза, ведь все же даже в ней было что-то хорошее. Так всегда и бывает: абсолютной тьмы не существует, как и абсолютного света. Она сама не была идеальной и святой, и даже в Петре все еще было что-то хорошее, как не старайся это отрицать. Наверно и в Лили самой было, только Насте всегда было на это плевать, хорошее в ней она видела по-другому. И скорее не в ней, а связанное с ней.

Тонкая фигура на сцене. Ее младшая сестра — Амелия.

Настя хорошо знала эту девочку — они были лучшими подругами с ее доченькой Адель. Выглядели точно две сестры. Обе маленькие, Амелия правда совсем крошка, метр пятьдесят пять. Обе натуральные блондинки, только у ее девочки волосы теплые, как летний день, а у Амелии холодные. Светло-русые, длинные, густые пряди похожие на гладь — идеально прямые и серебристые. Красивая девочка, по-настоящему красивая. Она почти не пользовалась косметикой — от природы длинные, густые ресницы, пухлые губки и огромные, невероятные глаза. Глаза были ее главным сокровищем.

«Гетерохромия» — привычно отвечала она, заправляя непослушную прядку за ухо. Голубо-зеленные, а правый наполовину карий. Темно-карий, как шоколад. Красиво. Если ее сестры была оливковая кожа, то у нее чистый мрамор, отчего эта яркость и ее изюминка только сильнее подчеркивалась.

Но Амелия не любила комплименты. Смущалась, а Настя не могла перестать на нее смотреть. Она была так непохожа на свою сестру — скромная, добрая, веселая девочка. Умная, тихая, молчаливая, но при этом Настя видела — у нее был сильный характер. Волевой. Сложно, конечно, не быть сильной с такой то судьбой: девочка приехала в Москву, когда ей было двенадцать, после того, как ее мать попала в жуткую аварию и не выжила. Об отце никто и ничего не знал, она тоже, да и никто особо не расспрашивал.

Настя хорошо помнила тот первый раз, когда она увидела это чудо — куколка, так она ее называла! — вежливый, воспитанный ребенок. Как это возможно, чтобы две сестры так кардинально отличались друг от друга? Лиля была оплотом невежества, если бы Петр так не дорожил репутацией, точно устраивала бы свистопляски. Но Амелия? Она точно знала, как себя вести. Настя все время диву давалась насколько же они были разными. Она не испытывала никакой неприязни, четко разделяла их с сестрой в своей голове, и, признаться по правде, когда увидела, как Лили общается с Амелией стала ненавидеть ее чуть чуть меньше.

Лили любила свою сестру, невооруженным взглядом понятно, что сильно. Оберегала ее, защищала, сразу превращалась в дикую кошку, стоило хоть кому-то как-то нелестно отозваться. Точнее не так: стоило кому-то заикнуться, потому что договорить она не давала с упорством и твердостью, какой в ней Настя никогда не замечала ранее.

Даже сейчас — Амелия танцевала в красном, красивом платье, а Лили, клянусь богом, плакала! Она даже подняла брови, хотелось протереть глаза кулаками, но нет! Эта стерва действительно вытирала глаза платком.

Вот так и понимаешь, что в каждом действительно есть хоть что-то хорошее...

Лиля ненавидела Успенско-Рублевское шоссе. Нет, разумеется если бы у нее был тут домик, она бы против не была. Какой-нибудь красивый, большой особняк в стиле...ну например минимализм или хай-тек? Перед домом большие, кованые ворота, подъездная аллея и красный Порше в комплекте с мужем. Мечта, никак иначе. А что на самом деле? Огромный белый особняк в отдалении — даже для этого места, где платили за уединение, — и сраный Барокко.

Припарковав свой красный мерседес рядом с черным БМВ М8, она глубоко вдохнула. Твою мать, снова идти туда, где ее все презирают. Терпят, но пренебрежения не скрывают вообще! Еще бы! Хозяйка дома сидит напротив мужа, а между ними она — его главная любовница. Нетипичная картина, она это понимала. Забавная даже, искрометная. Могли бы такое предположить те, кто строчат анекдоты в дешевые газетенки — сделали бы состояние. Ха! Любовница, которую не прячут, идет на семейный ужин! Где это видано?!

Прикрыв глаза, Лиля дала себе секунду успокоится — в этот дом нельзя приходить на взводе. Петя не любил дерзости. Ее мужчина любил покорность, спокойствие, чтобы ему заглядывали в рот и хлопали глазками. Хотя против шпилек за огромным, дубовым столом, он никогда не был. Его забавляло, как чада коронованной семейки тренируют остроумие на его любовнице, а она на них. Главное не переходить черту — ни шагу за установленный лимит: никаких прямых оскорблений, тем более мата! Никаких драк. Это касалось его старшей дочери Марины — однажды эта тридцатилетняя сука залепила ей пощечину! Жаль Лиля не успела ответить, до сих пор руки чесались вдарить по холеной морде, Петя наказал ее сам и достаточно болезненным методом. Финансово.

Выдохнув в небо, она прикрыла глаза, сжав кулаки. Нет, сегодня определенно был не ее день. Она часто бывала в этом доме, уже отрастила броню в два пальца, была совершенно равнодушна к подковыркам отпрысков Александровского, но сегодня все было иначе. Амелия выкинула сразу несколько финтов ушами, от чего внутри прямо таки клокотало. Дурацкий танец, за ним отказ выйти в зал, как все нормальные девочки.

«Моей семьи там нет, зачем мне куда то идти?!» — холодно бросила, подцепила сумку и ушла, даже не обернувшись!

И что на нее нашло вообще?! Еще этот дурацкий ужин... Она топает ножкой, а ей теперь объяснять, почему ее строптивая сестренка отказалась от приглашения самих Александровских! Петр сочтет это пренебрежением, разозлится, а ей отдувайся. Лебезить!

«Чертова Амелия...» — поведя плечами, она снова выдохнула и потерла лоб.

Устала. И чувство такое гадкое на душе... все никак не могла отделаться от этого танца. Снова засасывало в воспоминания давно минувших дней... Она не злилась на сестру за то, что та в который раз вытащила их на свет, или злилась? Лиля была в смятении. С одной стороны даже лишнее напоминание резало изнутри кинжалами, а с другой она понимала, что сестренка тоже переживала.

М-да. Главное сегодня не выпить — еще одно правило дома Александровских. Нажраться — значит подорвать тонкую эстетику, но проблема в том, что нажраться хотелось просто до боли.

Мысли-мысли-мысли. Целый рой, вопросы без ответов, странные порывы, а еще злость и усталость — Лиля словно разрывалась изнутри, слишком погруженная в себя. Наверное поэтому и не почувствовала требовательный взгляд и яркий огонек сигареты в углу. Точно поэтому — обычно она всегда чувствовала, когда на нее смотрят. А *так?!* Нет, такой взгляд проигнорировать совершенно невозможно. Он жег лопатки, словно клеймил раскаленным

железом. Лиля даже поежилась, в следующий миг застыла, снова накатило это чувство, и ей даже не нужно было оборачиваться, чтобы узнать откуда ноги растут.

Макс.

Только он так смотрел. Жаляще, холодно, с ненавистью. Он, пожалуй, ненавидел ее сильнее всех в этом доме, а она его в тайне боялась. Притворялась, держала мину, но этот липкий страх всегда появлялся при одном упоминании его имени. Слишком похожий на отца, только еще хуже. Он был опасным человеком, способным на все. Если Петр бил четко и сильно, не таясь, этот был скорее похож на змею, что кусает исподтишка.

— Следишь за мной? — не поворачиваясь, тихо спросила она, глядя перед собой.

Услышала смешок, поежилась. Вкрадчивый, спокойный, ледяной — он стал еще хуже. Они редко виделись, пока он учился, но теперь будут видеться чаще, чем ей бы хотелось. Черт...

— Ты по-прежнему считаешь, что весь мир крутится вокруг твоей персоны. Не удивила.

Голос низковатый, обманчиво ласковый. В нем пробивалось пренебрежение, а в верхних нотах играло высокомерие. Лиля показательно цыкнула, закатила глаза и обернулась, сучающе вглядываясь в тень у забора. Она, конечно же, его не видела, лишь притворялась, что видит, но представлять могла. Высокий, выше отца. Если у Петра были русо-пепельные волосы, у него темнее, ближе к его матери. Красивые черты лица, пухлые губы. Петя считал, что появляться в обществе небритым моветон, — взял привычку от отца-военного, — поэтому все его сыновья всегда были идеально выбриты. Подготовлены. Хотя Макс и не любил этого, ему больше нравилась легкая щетина.

Девушка мотнула головой, убирая длинные волосы за спину, стараясь не выказывать раздражения или вообще каких-либо чувств. С ними нужно быть аккуратней — эти шакалы только почуяв кровь, тут же вцепятся в горло.

— Намек на мою эгоистичность? Мимо.

— От чего же? — явно веселясь, спросил молодой мужчина, делая затяжку.

Ему нравилось играть. Лиля, хоть и пыталась изо всех сил сдерживаться, но он видел, как она нервничала. Злилась. Была раздражена. Ее тело было напряжено, руки сжаты в кулаки. Нет, она никогда не научится держаться хладнокровно, сколько бы отец не впихивал в нее уроков по этикету. Как говорится, сколько не лей в стакан без дна, полнее от этого он не станет.

— Для той, кто так любит красное — ты слишком много жалуешься на то, что на тебя смотрят.

— Не из угла.

Как жалобно прозвучал ее голос, его аж передернуло. Сейчас она походила на мелкую шавку, которая до одури боится, но продолжает тявкать. Столб дыма полетел в синее небо. О! А вот и доказательство — он оторвался от стены и сделал шаг к машинам — и к ней, — на свет, а она отступила. Неосознанно, всего на пол-шажка, но он это подметил. Да и сложно скрыть этот тонкий стук ее шпилек о выложенную белым камнем площадку.

Губы растянулись в усмешке.

— Не льсти себе, — хмыкнул, ни на секунду не отрываясь от ее глаз, чем снова и снова вгонял ее в ловушку, — Я просто вышел покурить. Ты же *прекрасно* знаешь, как отец не любит дым в доме. Разве что сигары? Но я не такой *старый*.

Всего пара нужных слов, выделенных голосом, и она покраснела. Стушевалась. Сжалась

еще сильнее. Макс наслаждался этой картиной, слегка прищурившись делал затяжку, выпуская дым прямо ей в лицо. Ему хотелось ее разозлить, выбить почву из под ног — ужин тогда был бы куда веселее, — и ему это удалось. Лиля быстро помахала рукой перед лицом, злобно сверкнула глазами и цыкнула.

— Он также не любит, когда дымом пахнет от меня. *Если тебе интересно.*

О. Неужели попыталась ударить? Макс пару мгновений молчал, но не удалось сдержать смеха, только спрятать в сжатый кулак, чтобы он не разлетелся по всему участку.

— О да, — закивал, обходя ее возмущенную фигуру и открывая дверь в свой спортивный автомобиль, — Никто не любит, когда их игрушки теряют свою привлекательность.

— С каких пор ты такой послушный?

Полетело в спину. Макс сначала даже не понял, что это было?! Голосок прорезался?! Снова?! Нахмурившись, он обернулся, удерживая сигарету зубами, а Лиля сложила руки на груди и пожалала плечами.

— Куришь у забора, не создаешь проблем, собираешься жениться... Или это твой план? Усыпить его бдительность и выкинуть какой-нибудь фокус?!

Сильнее, чем хотелось бы, он сжал дверь своей тачки, так что резинка под его пальцами скрипнула. Лиля с торжеством одарила его руку взглядом, издала смешок и снова посмотрела ему в глаза — точно осмелела. Или нет? Что она затеяла?! Решила его переиграть? Макс еле сдержал смешок, после расслабил руку и достал из двери новую пачку сигарет, хмыкнув.

— Еще я перед шлюхами забыл отчитаться. Не лезь не в свое дело, а занимайся своей прямой обязанностью в его койке.

— А кто сказал, что это не мое дело?

«Ух ты, громкое заявление. Лиля никогда не отличалась особым умом, главное правильно расставить фигуры на доске»

Макс слегка улыбнулся своим мыслям, шлепнул дверь и облокотился на машину, подперев голову рукой. Новая сигарета тлела в его пальцах.

— А ты хочешь, чтобы я поверил, что отец доверил своей подстилке такой разговор?

— Твой отец умный мужчина и знает, что мне ты не сможешь соврать.

— А зачем мне врать? — затяжка, очередной столб дыма, — Ксения красива, умна, охеренно делает минет, а главное все прекрасно понимает.

— То есть ты не против?

— Ты действительно считаешь, что я буду отчитываться перед тобой? Кто ты такая, чтобы задавать мне подобные вопросы? Всего лишь папина любимая кукла.

— Я не кукла! И чтобы ты знал, он много чего мне доверяет!

— Значит не такой умный. Доверять шлюхе — это серьезный промах. Всегда же может найтись клиент, который перебьет цену, не находишь?

Секунду стояла тишина, а потом послышались плавные, размеренные хлопки тонких ладоней. Лиля ухмылялась, но в глазах читалась боль — он зацепил ее, как бы она не пыталась это скрыть, Макс все равно видел. Зацепил и здорово.

— Браво.

Она изо всех сил задирала нос, поднимала голову, чтобы показать ему, что его оскорбления ушли в небытие, но он все видел. Поэтому слегка улыбнулся и победно протянул, давая намек.

— Смотри-ка, сегодня у тебя день оваций, да, Лилиана? — она застыла, нахмурилась, а

он затянулся и, окинув ее тело взглядом, хмыкнул, — Кстати, молодец, что сменила потаскухину робу. От красного в глазах рябит...

— Не смей!

Вдруг перебила его, сделав на него уже уверенный шаг. Ее взгляд сразу потяжелел, в нем засверкали молнии, а глаза стали цвета грозового неба. Макс за всем этим наблюдал спокойно, даже игриво, похлопав глазками, протянул, чтобы подчеркнуть.

— Ой, а это тайна? Прости, конечно, но яркие цвета — цвета подстилок. Это общеизвестный факт.

Ее взгляд потяжелел еще сильнее, а Макс в примирительном жесте поднял ладони и «смиренно» кивнул.

— Породистых, разумеется, но шлюхи — они и есть шлюхи.

— Я не об этом!

— О чем тогда? — по-прежнему спокойно парировал, сделав еще одну затяжку, — Поясни.

— Не приближайся к моей сестре.

Не смог сдержаться. Смех разрезал тишину, отдаваясь эхом от высокого, каменного забора. Лиля наблюдала за этим, еле сдерживаясь, чтобы не наброситься на ублюдка с кулаками — угрожал ей! Посмел угрожать ей через Амелию! Она слишком хорошо знала его, чтобы не прочесть это между строк. Каков подонок!

— Господи, ты серьезно? — протянул он, стряхнув пепел чуть ли не на ее новые Лабутены, из-за чего Лиле пришлось снова отойти на шаг, — На кой мне сдалась твоя сестра?

— Я прекрасно понимаю твои намеки, Макс. Не приближайся, я серьезно, или я расскажу Пете о нашем разговоре, но только немного переиначу сказанное.

— Осторожней, — не сдержался, прорычал он, оторвавшись от машины, на что Лиля выставила руки перед собой, как бы защищаясь.

— Не подходи.

— А ты не смей угрожать мне, сука. Думаешь, твоя сестра действительно может меня заинтересовать?! Мало того, что она малолетка, так еще и не в моем вкусе. У меня не встает на гномов, дорогая, да и чего греха таить? Она еще большая посредственность, чем ты. Как ее только на сцену выпустили с таким убогим танцем?! Честно?! Если бы в момент ее выступления мне воткнули нож в горло — это было бы скорее благословением, чем наказанием.

— Очень мило, — закивала она, после обернулась и направилась к дому, добавив, — Просто потрясающе.

— Хотя знаешь? — бросил в спину, затормозив ее у ступенек, — Может я смогу сделать исключение, чтобы посмотреть еще раз, как ты горишь изнутри.

Нет, разговор не должен был закончиться так — он этого не хотел, поэтому и надавил на самое явное, слабое место. И если бы Лиля могла думать разумно, она бы увидела эту толстенную манипуляцию, вот только ей мешало кое что очень важное... Старые, грузные воспоминания слишком явно напомнили ей о себе горечью на языке, а страх растекался по венам быстрее крови.

И страх не из-за Макса.

Даже его персона сейчас пугала ее гораздо меньше, если пугала вообще. В эту конкретную секунду она думала только о том, чтобы защитить свое дорогое сокровище —

Амелию. Лиля больше всего на свете боялась впутать в свою сложную жизнь свою сестренку — она к такому совершенно не готова, она еще ребенок, а Макс... С дуру она стала угрожать, а главное запрещать — ему! — какая же дура! Запретный плод сладок, а в его случае? Да он просто не сможет пройти мимо! Даже если просто из вредности.

«Надо срочно исправлять ситуацию...»

На последней ступени дома, она остановилась, замерла, в судорожных попытках найти выход. И он был. Единственный верный.

— Предлагаю сделку, — выпалила, как на духу, резко обернувшись.

Макс не мог не отметить, что с девушкой все же творилось что-то странное. Обычно она плыла, как в коконе, ничто не могло выбить почву из под ее ног, но сегодня все было иначе. Она была другой. Нервная, дёрганная и разболтанная. Ему даже показалось, что возможно отец перестал справляться с дрессировкой, но он быстро отбросил ядовитый мысли. Сарказм сейчас не лучший помощник, как и эмоции, которые эта особа вызывала даже против его воли. Сейчас важнее всего правильно расставить фигуры и прозондировать почву — его совершенно точно удивило, что отец попросил поговорить о его браке. Ее. С чего вдруг? Насколько он ей действительно доверяет? Что из ее трепа правда?

— Сделку?

Усмехнулся, но сам был напряжен до предела, сделав шаг в ее сторону. Лиля опять повела плечами — играть с ним в игры опасно, ей ли не знать, учитывая чей он сын, но другого выхода просто не было. Заставить Макса что-то сделать невозможно, уговорить тоже, запретить тем более. Нужно действовать хитрее — нужно давить на слабые места. В данном, конкретном случае — это его азарт. Петр тоже таким был, азартный любитель игр. Как говорится яблоко от яблони...

— Ты держишься от моей сестры на расстоянии, я говорю Пете, что ты изменился.

Макс опешил. Блядь, она серьезно?! Собирается соврать отцу?! Он, конечно, знал, что Амелия значит для Лилианы, но если вранье вскроется, она костей не соберет. Александровский старший ненавидел ложь в любом ее проявлении, а такую ложь, если он действительно послал ее к нему, чтобы выведать планы, покарает даже не смотря на всю свою страсть к этой сучке. Но стоп, сначала надо понять, действительно ли он так постарел, что доверяет своей подстилке такие разговоры?

— Ты действительно хочешь, чтобы я поверил в то, что он доверил тебе этот разговор?

— Думаешь, я вру?

— Думаю, что тебе нечего предложить и...

— Твой отец уверен, что от нашего разговора ты психанешь и просто не сможешь соврать, — выпалила она, теряя терпение из-за бессмысленного трепа, — Он рассчитывал, что ты не сдержишься.

Макс усмехнулся. Потерев губы, отвернул голову в сторону, стараясь не поддаваться на отцовские предсказания. Сдерживаться действительно было сложно, фактически нереально, так сильно он ненавидел эту проблядь. Честно? Его при одном взгляде на нее потряхивало, и, твою мать, тот факт, что папаша был прав, только подливало масло в огонь.

— Прагматично, — все же выдавил он вместе с дежурной улыбочкой, а после и вовсе лениво пожал плечами, добавив, — Почему просто не предупредить свою малышку обо мне? Раз ты так боишься за нее.

— Она многого не знает и не понимает. Амелия может казаться любой, но по факту она еще ребенок.

Тихо приснул, помотав головой — объяснения просто потрясающие. Он знал, что за всем этим кроется что-то еще, но это что-то ускользало от него, как не хватайся. Жаль, что времени нет, да и какое ему дело, если по правде? Никакого. Ему бы со своими демонами разобраться, прежде чем лезть к другим — нужно дожимать.

— А ты не боишься, что я действительно что-то задумал? Он тебя уничтожит, если поймет, что ты соврала.

— Выкручусь. Так что? Договорились?

Небрежным щелчком он отбросил белый фильтр Парламента и медленно, размеренно направился к ступенькам. Макс намеренно тянул время, заставляя Лилию нервно теревить то пальцы, то край шелкового топа, под которым часто вздымалась ее большая грудь. Ему это нравилось — заставлять нервничать и переживать, — а когда он остановился напротив, вовсе испытал маленький оргазм от вида бегущих глазок и приоткрытых, пухлых губ. Он прекрасно знал какую реакцию вызывал у женщин, и она никогда не была исключением. Ее карие глаза, смотрящие на него снизу вверх, доставляли ему почти физическое удовольствие, но гораздо больше удовлетворение он получал от ее унижений. Не только от самой ситуации, но и от предательской реакции ее же тела, которую она, как ни старалась, не могла подавить.

— А с чего мне о чем-то договариваться с тобой? — прошептал он, слегка коснувшись костяшками ее щеки, от чего девушка дернулась, будто он ебнул ее током.

Макс снова усмехнулся, рука на миг застыла в воздухе, после он заложил ее за спину, сжав там кулак, но сам оставался спокойным, как в танке. Холодным, как айсберг — подумала она.

— Я не врал, я действительно не против жениться на Ксюше.

— Хочешь сказать, что всего за пять лет наконец понял, что любишь ее? — не выдержала и саркастично приподняла брови, сложа руки на груди.

Чтобы защититься. Его близость ей не нравилась — слишком уж подавляющая, слишком уж... горячая. Быстро мотнула головой, лишь бы отогнать эти мысли и наконец заглянула в его глаза, засовывая страх подальше — сейчас это не лучшая реакция, какую девушка могла бы выдать. Хищнику нельзя показывать страх.

— Милая Лилиана... — протянул этот самый хищник вкрадчиво, как на охоте, — Я уже давно понял, что любовь — это никому ненужные обременения. Ксюша правильная партия, ее общество меня не раздражает, а еще она отлично получается на фотографиях. Большого и хотеть нельзя.

— Милый Максимилиан... — вторила ему, правда не так уверенно, — Ты можешь рассказывать кому угодно этот бред, но мы оба прекрасно знаем, что ты не из тех, кто делает так, как ему велят. И ты не из тех, для кого любовь — обременения.

— У меня были отличные учителя, — холодно бросил, отстранился и обошел ее фигуру, направившись к огромной, дубовой двери, — Сделки не будет.

— Я вижу, что ты врешь! — выпалила быстрее, чем он успел преодолеть достаточное расстояние, чтобы ей пришлось повысить голос.

Отлично. Ей не нужна была огласка, а здесь, как бы стереотипно не звучало, везде были уши. Лилия собиралась предать Петра, и это стоило держать в секрете. Быстро обойдя Макса так, чтобы встать перед ним, она нахмурилась, огляделась, словно вор, и зашептала.

— Он тоже думает, что ты врешь. Притворяешься. Петя хочет установить за тобой слежку — он боится тебя и всего, что ты можешь вытворить. Поэтому да, он действительно

попросил меня аккуратно поговорить с тобой, делал ставку на твой взрывной характер.

— И ты проебалась, — констатировал мужчина, но не успел добавить еще пары шпилек, Лиля снова перебила, слегка мотнув головой.

— Пусть так, я все равно вижу, что ты притворяешься. Решил сыграть в хорошего сына, а потом выкинуть фокус? Флаг в руки, это ваши с ним разборки, но я не позволю втянуть в это дерьмо свою сестру. Поэтому я предлагаю тебе вполне себе выгодную сделку: ты не приближаешься к ней, я говорю, что ты подчинился.

— С чего бы ему верить тебе на слово, милая?

— А с чего ему мне не верить? Или у меня есть резоны тебя выгораживать?

Настало ее время издать смешок, а его сцепить челюсть. Теперь она была на коне, видела это по его напрягшемуся лицу и телу, что и придало больше уверенности даже в голосе.

— Условия просты и даже слишком: ты получаешь свободу до конца «своего обучения», а моя сестра живет в стороне от всего этого. И да, *милый*, у сделки есть срок годности: сейчас или никогда. Откажешься, разбирайся с ним сам, выкручивайся, как хочешь. согласишься — всего маленькая услуга, взамен ты получишь свободу действий и перемещений.

— Гарантии?

— Я скажу, что ты принял правила игры. В универе ты вращался в кругу тех, кто что-то делает, и теперь тоже хочешь быть тем, кто что-то делает. Скажу, что ты хочешь обрести хотя бы подобие самостоятельности и личного пространства. Недоверие и чрезмерный контроль погубит все на корню — кому-кому, а твоему отцу известно какой ты человек и как сильно ты ненавидишь поводок и все с этим связанное.

— О Ксении?

— Вы общались все это время, она тебя поддерживала, и теперь ты видишь в ней в первую очередь друга и партнера. К тому же ты действительно всегда тепло к ней относился, Петя поверит — даю слово. Только сам не залажай, не взорвись и не попадись на его уловки.

— И тебе плевать, что будет дальше?

— Спрашиваешь плевать ли мне, что ты задумал? Да. Будешь ли копать под свою невесту, чтобы отменить свадьбу? Попробуешь выбить себе больше свободы, сходясь с тестем как можно теснее? Будешь ли тупо прожигать оставшиеся до двадцати шестилетия время? Мне абсолютно насрать, Макс, для меня важна только моя сестра. Она не должна быть втянута во все это.

Сказала, как отрезала, и протянула руку. Макс ее жать не спешил, хотя уже давно принял решение — проверить насколько Лилиана права, насколько сильно отец доверяет ей, дорогого стоило. Но согласиться сразу? Показать насколько ему понравилось предложение? Нет. Пусть помучается еще пару мгновений.

Хотя он даже переборщил. Лиля не была настроена шутить, только не сейчас — она теряла терпение, нервничала и слишком волновалась. Конечно девушка тоже не была до конца уверена: предлагать такое этому выродку, все равно что нацепить на грудь мишень. Он в легкую может отказаться и вскрыть обман прямо на ужине, лишь бы ей досадить, тогда ей точно конец. Петр ей доверял, в основном потому что думал, что она не осмелится ничего такого проверить за его спиной, но все равно. Она знала, как сильно он ненавидит ложь, а такая ложь действительно могла бы принести много проблем. В перспективе.

Только ей было насрать. О том, как выкрутиться из этого дерьма, она придумает потом.

Сейчас важнее всего — защитить от Макса Амелию. Риск оправдывал цель, и она была готова на этот риск.

— Давай уже! — все таки не выдержала, повысив голос и дернув вытянутой рукой, — Да или нет?! И не трать мое...

Горячие пальцы сомкнулись на ее тонкой ладони, как тиски. Они причиняли боль. Макс не скрывал, что ему это доставляло, дернул девушку на себя так, чтобы она оказалась рядом достаточно, чтобы чувствовать его горячее дыхание на своем лице. И запах. Его запах. Макс всегда умел выбирать потрясающий парфюм, который так тонко подчеркивал его настроение, характер и суть. Сейчас Лилю, как холодной водой окатило. Она застыла, глядя в его красивые, нежно-зеленые глаза, прикусила губу. Неосознанно, но достаточно сильно, чтобы хоть немного прийти в себя. Как раз вовремя, чтобы воспринять серьезно все последующие, тихие слова, сказанные им дальше.

— Да. Но я предупреждаю тебя, *милая*... Во мщении мне равных нет, и если ты меня подставишь, тебя не спасет даже мой отец.

Глава 2. Первая любовь. Амелия

17; Май

Дома. Так странно звучит это слово, так непривычно его употреблять, но именно оно первое приходило в голову, когда я думаю об этой квартире. Я еще с прошлого лета знала, что буду жить с Кристиной. Помню, как счастлива была в ту ночь на набережной у моего любимого моста Хмельницкого, когда она предложила мне это. Последний день лета, за ним последний учебный год в Академии, а за ним большое, жирное «до свидания, балет!».

Балет мне, конечно, нравился: он помогал держать форму, помогал развивать дисциплину, помогал выплеснуть чувства, но это всегда было лишь моим хобби. Вот для Адель балет значил почти также много, как и ее отношения с моим лучшим другом Ромой. Если бы меня попросили ее описать, то я бы сказала, что она добрая принцесса из сказки, которая обожает танцевать и своего принца на белом коне. Рома, как никто иной подходил на эту роль. Джентльмен до мозга костей, честный и верный, а еще смелый! Точно. Смелый! Он не испугался пойти прямо в офис к знаменитому папаше своей девушки и потребовать — здесь не помешает двойное подчеркивание, — его благословения. То ли любовь Александровского к дочери была такой огромной, то ли он состарился окончательно, то ли просто ему понравилась смелость — без понятия, но он его дал. Теперь Адель официально встречалась с Ромой, они собирались вместе жить, и, как бы мы с ними не были близки, но жить втроем в мои планы не входило. Как-то это не по-людски.

Я могла бы жить с Лилей, конечно, но наши отношения были далеки от идеала. Она строила свою жизнь, которую я не совсем одобряла, а я всегда была сама по себе. Ко всему прочему мы часто ссорились, как, например, сегодня, и жить с ней все равно что добровольно ступить на раскаленные угли. Нет, спасибо.

А с Крис мне всегда было легко. Она всегда обо мне заботилась, с первого дня, как я оказалась в Москве, и я знала, что могу ей доверять. К тому же она очень напоминала мне маму со своими этими «Одень шапку», «А ты поела?», «Сделала уроки?». Кто бы от такого отказался? Тем более у нее была своя четырех комнатная квартира, где она жила одна. Ее родители жили в Брянске, а сама она переехала к бабушке, кому когда-то и дали эту квартиру за заслуги на работе. Бабушка умерла давно, Крис только поступила на первый курс универа, где и познакомилась с Лилей. Она здесь тоже жила, кстати. И как ей вообще удалось захомутать Крис себе в подружки? И почему это меня так удивляло? Да потому что они были разными от слова совсем: Крис — спокойная, мягкая и добрая, а моя сестра...к ней с трудом можно было отнести хотя бы одно из этих прилагательных.

В общем Кристине я не была помехой, тем более мы неплохо ладили и уживались, да и скучно ей, наверно, было одной в таких огромных хоробах. Так совершенно точно было по крайней мере до начала года, пока та снова не встретила свою первую любовь из универа Арая. Прикольный парень, кстати, забавный. Высокий, «типично» красивый, платиновый блондин с копной волос поставленных наверх. Оказалось, что он только первый курс учился здесь, а потом они с семьей уехали во Францию, и он вернулся только в сентябре. Теперь он тоже тут жил, и...не только он. Если говорить совсем откровенно, то я так сильно рвалась в эту квартиру не только из-за Кристины, но и из-за Алекса — двоюродного брата Арая. Я влюбилась в него с первого взгляда, как только увидела эти глубокие, странно-серые, чуть ли не прозрачные глаза. Меня как молнией пришибло...И я уже не один месяц, каждые

выходные, когда могу уехать из Академии, не вылезая из его постели.

За что ненавижу себя.

Ему плевать. Я это знаю. Да боже, Алекс это даже не скрывает — он сразу дал понять, что все, что между нами будет: секс. А мне бы хотелось большего... Но это все пустое. Я должна разорвать порочный круг, потому что больше не могу притворяться. Но как разорвать его на самом деле, не в своих мыслях, если я даже сейчас ощущаю его присутствие?

Не глядя. Кожей. Сердцем.

Алекс подходит тихо со спины, не слышно, как пантера, как хищник. Я стою и мешаю чай в чашке, молчу. Ему неинтересно, что я скажу — мне это известно тоже, — и я вроде бы ко всему готова, но вздрагиваю, когда его руки опускаются мне на талию.

Эти руки...

Кажется, я совершенно сошла с ума. Каждая часть его тела вызывает во мне дикий восторг. Например, его татуировки, которых достаточно, чтобы покрыть оба предплечья до запястья, ребра, грудь... И все они особенные. Он мне не рассказывал, даже злился, если я спрашивала, но я знаю, что у каждой есть свой смысл. Жаль, что я никогда не узнаю какой — это слишком личное. Это за гранью наших отношений, за той, куда мне путь заказан.

Алекс слишком скрытный. Я мало что о нем знаю — его любимый цвет черный и синий, он учился на архитектора во Франции и осенью пойдет на последний курс, чтобы закончить, но уже здесь. Он с шестнадцати жил в Париже. У него есть братья и сестры, но нет родных. Он никогда не завтракает, потому что это «мешает ему думать», пьет черный, крепкий чай и курит. Его парфюм — Armani Code Profumo. Восточный, пряный, теплый. Смесь кожи, апельсина, сладко-кислого яблока, приправленного мускатным орехом. Он ему очень подходит, подчеркивая его образ и характер. Чистый соблазн и опасность. От него всегда пахнет одинаково — сексом и опасностью. И он безумно интересный, но женщины для него никогда не являлись «доверенными» лицами, и никогда ими не будут. Их у него много. Только на моих глазах он целовался и даже имел одну. Ее, кстати, зовут Вера, она тоже частая гостья в нашем доме. Крис бы этого не позволила, конечно, если бы знала, что нас связывает что-то большее, чем добрососедские отношения. Их не было изначально.

И твою мать, почему я не могу его оттолкнуть?! Он оскорбляет меня, а я таю, когда он целует в шею, меня трясет от одного его запаха, а от его сладковатых губ и вовсе сносит чердак. Я вроде безвольной марионетки в его руках — так с первой секунды, как его увидела. Хотела бы сказать, что не считала дни, даже часы до нашей встречи, но это было бы жуткое вранье.

Только не сегодня.

Сегодня я слишком расстроена. Мы сильно поссорились с Лилей из-за моего отказа пойти на ужин к ее старперу, которого я ненавижу. Я так сильно на нее разозлилась, что наговорила кучу всего, она мне такую же кучу в ответ — думаю, что в ближайшее время вряд ли ее услышу. Дай бог к осени мы помиримся, и то не факт. А еще завтра... сложный день. Все это позволяет мне сохранить хотя бы горсть разума, который давно велит мне, что эти отношения пара заканчивать.

Наверно, это самое сложное решение, которое мне приходилось принимать. Я ведь действительно в него влюблена, даже сейчас, после всего, через что он заставил меня пройти. Рыдала я не раз и не два, но в этом нет ничего удивительного. Говорят, первая любовь — это всегда больно. А мне хватило мозгов не только влюбиться впервые, но и

сделать этого человека своим первым. Теперь я всегда буду его помнить, да и вряд ли даже с шукой из «Людей в черном» я могла бы его забыть. Но вот что я точно могла, так это свалить хотя бы часть своей глупости все на секс. Он был просто потрясающим.

Даже сейчас. Даже сегодня.

На черных атласных простынях, я сквозь полуопущенные ресницы смотрела на зеркальный потолок над его кроватью. Я *запоминала* его. Одни сплошные мышцы — идеальное тело с кожей цвета какао с молоком. Его длинные, темные волосы сейчас были расплетены и падали мне на кожу. От них пахло яблоками.

Боже. Ну за что?

Захотелось зарыдать — Алекс идеален. Он точно греческий бог, такой же красивый и совершенный, такой же холодный и недостижимый.

Такой же, как в тот сентябрьский день на площадке нашего дома, когда я впервые его увидела...

16; Сентябрь

Осень в этом году была просто сказочной. Тепло, как летом, чуть ли не жарко! Москва, которая мне на самом деле не очень нравилась и городом моей мечты уж точно не была, сегодня даже не бесила. Казалось, что ничто не может испортить мне настроение, и я почти вприпрыжку шла по двору, слушая в наушниках веселую попсытину двух тысячи тринадцатого года, как вдруг передо мной упали ключи. Нахмурилась и остановилась, заозиралась, совершенно не понимая, откуда это прилетело, пока не догадалась поднять голову. На четвертом этаже общего балкона стоял парень, ухмыляясь и смотря на меня с приподнятыми бровями. Я даже по началу опешила, но быстро опомнилась и вытащила наушник, и он, видимо уже что-то мне сказавший, издал еле различимый смешок.

— Аллилуйя.

— Что? — тупо переспросила я, а он, затаившись, мотнул головой.

— Говорю, ключи не поднимешь? Спускаться лень. Третий этаж.

— А... Конечно.

«Тупее разговора не придумаешь. Bravo, Амелия, молодец!» — открывая дверь в подъезд.

Почему-то покраснела. Вообще смущение не моя история, обычно по крайней мере. Я всегда критически оценивала себя, поэтому мне было известно, что внешность у меня достаточно привлекательная, другое дело я сама так не считала. Наверно относилась к этому немного иначе. Всю жизнь живя бок о бок с кем-то вроде моей сестры, красоту начинаешь воспринимать иначе. Вот она была очень красивой с ее высоким ростом, стройными ногами и тонкой талией. Она была сильно похожа на маму в юности, есть даже снимки, где их и отличить то можно с трудом. Меня от нее отличить можно было очень легко.

«Да что ты так завелась то?! Это просто ключи и какой-то парень на балконе, к чему весь этот психоанализ и самокопание?!»

Действительно. Причин на такую бурную совершенно точно не было, но почему тогда у меня появилось это странное чувство, будто эта встреча изменит всю мою жизнь? Откуда оно пришло? Я и сама не знала, но уходить оно не собиралось точно. Волнение разливалось по венам быстрее, чем я могла как-то логически его остановить, приведя кучу доводов, а сердце билось все быстрее и быстрее, пока на секунду не остановилось — створки лифта открылись.

Ни-ко-го.

Я заволновалась еще сильнее, сделав робкий шаг и осмотревшись — точно никого. По правде говоря, я думала, что он подойдет, но, судя по всему, парень так и остался стоять на лестничной клетке.

«Серьезно?!» — резонный вопрос, но походу дела ответ на него я должна получить сама.

И получила, когда толкнула вторую дверь, ведущую на черную лестницу, где и нашла его. Точнее его спину. Незнакомец так и стоял, курил, он даже не обернулся, хотя, очевидно, слышал, что уже не один. Это меня прямо возмутило, и я, прищурившись, наклонила голову на бок, но даже не смотря на все мое негодование, рассматривать мне его никто не запрещал...

Мощная фигура в кожаной куртке, темные волосы, убранные в хвост, темные джинсы и темные кеды. Я даже успела рассмотреть, что у него были татуировки на предплечьях — какие-то узоры, — и проколото ухо сразу в нескольких местах. А еще ростом он был метра два точно! Мне почему-то сразу стало понятно, что он невероятно красив. Это что-то вроде чуйки на мудаков, которые действительно красивы и слишком хорошо осведомлены об этом факте, а значит проблем от них будет очень много.

«Ну и?!» — закатила глаза и еле сдержалась, чтобы не фыркнуть, — «Он это что, специально?!»

Незнакомец молчал. Я не очень понимала, чего он добивался, и это злило меня все сильнее и сильнее, поэтому театрально откашлявшись я с еле скрываемым сарказмом протянула:

— Это вроде ваше?

В этот момент я даже не могла предположить насколько глубоко встряну, стоит ему повернуться ко мне лицом, а мне увидеть эти ярко-серые, необычайные, при этом невероятно глубокие и умные, страстные глаза. Эти пухлые, чувственные губы. Твердые, манящие черты лица с легкой щетиной на щеках. От него веяло опасностью, а меня будто ударило током. И это было лишь первое потрясение, пока он не открыл рот, и я не услышала этот низкий, чарующий, бархатный голос, от которого мое сердце буквально запищало от восторга.

— Я не такой старый, чтобы звать меня на «вы», малышка.

Если честно, я не поняла, что он сказал. Как это возможно, чтобы внешность человека и его голос приводили другого в какое-то странное состояние кататонии?! Мне, право дело, разве что открытого рта и слюны на подбородке не хватало для полноты картины, а он же ловил кайф. Это читалось прямо в его таких странных глазах — они ухмылялись.

— Все в порядке? — нагло спросил, а сам смаковал этот момент, чего даже не скрывал.

Однако, меня вопрос привел немного в чувства. Часто заморгав, я постаралась взять себя в руки, кивнула и притворно почесала глаз, чтобы хоть как-то скрыть свои вспыхнувшие щеки.

Это. Полный. Провал.

Но, как оказалось, я еще не понимала, когда действительно наступит полный провал...

— Я...ээ...ааа...

Вообще. Ничего. Не. Выдавить.

Этот миг был настолько неловким, что если бы мне предложили выбрать, оказаться голой перед толпой или вот так стоять и, как рыба на суше, открывать и закрывать рот, я бы серьезно задумалась. Отвесив себе пару сотен ментальных пощечин, я изо всех сил старалась

вспомнить, как же принято разговаривать в приличном обществе, пока он чувствовал себя все лучше и лучше. Облокотившись на бетонную стенку балкона, улыбался, как Чеширский кот и, саркастично приподняв брови, продолжал курить, выпуская из легких белый дым, и ждал.

«Пиздец!»

— Простите, — пробормотала я, когда сообразила наконец просто-опустить-глаза и не смотреть на него, — Я...эм...ваши ключи.

Да. Мне помогло взять себя в руки единственно верное: не смотреть ему в глаза. Почему-то это оказалось непосильной ношей, хотя я действительно никогда не отличалась застенчивостью или робостью. Так могло, конечно, показаться из-за того, что я предпочитала молча наблюдать со стороны за тем, что происходит вокруг, но это было далеко не так. Меня очень сложно застать врасплох, или было? Потому что после следующего вопроса я начала сомневаться и в этом.

— А ты не знала, что ходить к незнакомым дяденькам нельзя?

Я нахмурилась и снова посмотрела на него, наблюдая за тем, как парень играет с серебряной зажигалкой, лениво открывая и закрывая ее большим пальцем. Говорить, конечно, до сих пор было сложновато, но может интерес взял вверх? Или просто меня подотпустило после первой встречи? Не знаю, но спросить без заминок все же удалось.

— Что вы имеете ввиду?

— Например, что я мог бы быть сексуальным маньяком, — вкрадчиво прошептал он, качнувшись в мою сторону, от чего я невольно отступила к двери, — Заманил тебя в тихое место считай конфеткой, а ты и пришла. Родители не учили тебя не брать ничего у незнакомцев?

— Я хотела помочь...

На секунду в его глазах что-то мелькнуло, но я не успела уловить что, а дальше вдруг собрала все мужество в кулак и гордо вскинула подбородок. Стараясь скрыть волнение и, чего таить, страх, твердым голосом парировала, изо всех сил желая поверить в то, что голос у меня действительно был твердым.

— У нас приличный дом.

Его это рассмешило — моя попытка провалена, а намерения раскрыты. Незнакомец заставил прижаться лопатками к холодной стене, когда сделал на меня шаг, и упер большую руку рядом с моей головой, от близости которой внутри меня, кажется, случился пожар. Словно огромная скала, он навис, так что я на секунду почувствовала себя маленьким кроликом, угодившим в ловушку огромного питона. Состроив бровки-домиком, как говорила мама, и чего за собой я обычно не замечала, мне нечего было ему противопоставить. Я так и стояла, испугано жавшись в стену, но не в силах сдвинуться от тяжелой плиты его взгляда. Он словно меня гипнотизировал.

— Милый, маленький котенок... Был.

— В смысле «был»?

Он усмехнулся и в миг, как будто ничего и не было, оторвался от стены и повернулся снова спиной, занимая тоже самое место, что и в начале этой странной встречи. На мой вопрос он отвечать не спешил, а я почему-то не уходила, вместо того наблюдая за тем, как он достает пачку сигарет и снова закуривает. Наконец, выпустив столб дым, я услышала еще один смешок и ленивый, тихий и спокойный голос.

— Был приличный дом, больше нет. Теперь здесь живу я.

Еще секунду простояв также, а словно миллион лет, я таки сорвалась с места, быстро уходя обратно, и мне бы хотелось не услышать то, что он добавил, но я услышала.

— Меня, кстати, Алекс зовут.

17; Май

Только потом я узнала, что он издевался. Алекс знал, кто я, сложно не заметить огромную фотку в гостиной прямо над телевизором. Когда я это поняла, было жутко обидно, но уже поздно. Я уже зависла.

Тяжело выдохнув, стараюсь побыстрее нащупать бюстгальтер, прикрывая грудь рукой. До сих пор не могу привыкнуть, что он смотрит, а он смотрит. Снова чувствую его взгляд, как всегда его чувствую уже столько времени... Алекс лежит на спине и курит, выпуская дым в потолок, иногда превращая его в маленькие колечки. Если честно, они всегда напоминают мне ошейники-удавки. Иногда они выходят жирными и уверенными, а иногда, повинувшись внезапному ветру расползаются, теряя привычное очертание. И пусть. Это все равно петли — немного рассеянные границы и легкая потеря формы не изменит этого факта.

Все, что связано с ним теперь ассоциируется у меня с ошейником.

Давит, лишая способности вдохнуть полной грудью. Алекс давит. И этот его взгляд... ощупывающий, с ленцой и толикой превосходства, теперь жжет до костей. Раньше такого не было. В начале мне нравился этот взгляд, нравилась его доминация. Он всегда смущал меня, наблюдая за тем, как я одеваюсь или подолгу медля, когда я только легла на эту самую кровать. Алекс обожает это делать. Дергать за ниточки моих и без того натянутых, как канаты нервов — его любимое хобби.

— Ты сегодня молчаливая, мой маленький котенок.

А ты слишком нежный.

Мне хотелось сказать это, сдобрив ядовитым сарказмом, но я сдержалась. Ни к чему. Это ни к чему не приведет, я сделаю только хуже и больнее для себя. Он ловко заманит меня в свои сети, а потом шлепнет по рукам, как будто я действительно котенок, которого наказывают газеткой. Мерзкое ощущение.

Не хочу развивать разговор, но действовать нужно аккуратно. Если он снова начнет тянуть меня в свою трясику, я просто не смогу сопротивляться. Фу. Аж от самой себя тошно, но сейчас не об этом. Признание проблемы — это половина ее решения, так что пожалею себя попозже. Сейчас мне нужно свалить без больших потерь для своего самолюбия.

— Просто устала, — дернула плечами, застегивая застёжку, а потом коротко улыбнулась, — И все.

— Ну еще бы... у тебя сегодня выпускной. Поздравляю.

— Спасибо.

— Не за что. Кстати, красивый был танец...

Вот вам пожалуйста. Что?!

Я резко поворачиваюсь к нему, тут же сталкиваясь с его прямым и явно забавляющимся взглядом. Из прикрытия у меня только футболка, которую я неловко прижимаю к телу, чтобы не теряться еще больше. У меня уверенности в себе ноль, особенно против него, нельзя давать ему в руки еще и это оружие. У него итак имеется вот эта самая, дьявольская улыбочка, растягивающая пухлые, красивые губы. Легкая щетина, как плюс к его победе.

Понятно. Это очередной подкол, ничего личного. От обиды сложно сдерживать себя, но я стараюсь не показать, как он точно угодил в цель, отворачиваюсь и как можно спокойнее и размереннее продолжаю одеваться. А еще надо что-то сказать... точно!

— О да, очень смешно.

— Кто сказал, что я шутил?

— Ты не мог потратить пары часов и сходить со мной в зоопарк, но потратил на меня целый вечер? Ха!

Наконец с приведением себя в божеский вид покончено, и я собираюсь встать, чтобы покинуть эту чертову комнату побыстрее, вот только мои планы сыпаться, как карточный домик. Алекс гораздо проворнее меня — он резко подается вперед и хватается за запястье, а я только и могу что проводить параллели между ним и ядовитой коброй. Так быстро, стремительно это произошло, что я даже не успела ничего сообразить, пока пальцы не сомкнулись на коже подобно капкану.

В ловушке.

Пусть она и не давит так сильно, не причиняет боль, но жжет сильнее раскаленной сковородки. Конечно, вполне возможно я и утрирую, но почему-то душа моя точно так не считает. Физическую боль я не испытываю, никогда с ним не испытывала такой боли, а вот моральную частенько. Я даже не припомню так наспех сколько раз он ударил меня, не прикасаясь и пальцем — словом. Сейчас, например, я точно знаю, что стою на грани получить еще одно увечье.

Алекс злиться. Крупные брови упали на глаза, ноздри чуть раздуты, пухлые губы сжаты в одну тонкую линию, а мышцы на желваках ходят ходуном. Боже, мне так страшно, что он снова скажет мне что-то обидное, снова ранит меня, и я тушуюсь. Опуская глаза, сжимаю кулак и молюсь, чтобы он отпустил меня, а я смогла зализать вновь открытые раны.

Просто. Отпусти. Меня. Наконец...

— Ты опять?! — звучит обманчиво спокойный, тихий, низковатый голос, от которого снова просыпаются мурашки.

Реакция моего тела пугает. Ему достаточно сказать всего одно слово — как надо сказать, только так, как он умеет, — и я уже плыву, как чертова сука во время течки. Как же это злит! А злость придает сил бороться... Мне удастся освободиться, выкрутив руку, и плевать на возможные, оставленные следы после. Я готова стать одним, ходячим синяком, лишь бы не чувствовать его треклятые пальцы, взгляд, запах... Мечтаю быть дальше. Забавно, каких-то пару месяцев назад я мечтала стать ближе, а теперь делаю все, чтобы отгородиться. От себя в первую очередь, и своей больной страсти. Делаю шаг назад, смотрю зло, шурюсь. Алекс следит за мной волком, полу-лежа. Голый. Порочный. Его член не прячет даже одеяло, и когда мой взгляд падает на него, я замечаю, что он снова готов заставить меня орать до хрипоты.

О нет-нет-нет! Нет!

Одергиваю футболку, быстро перевожу внимание на его красивое лицо и, вздернув носик, цежу сквозь зубы.

— Мы потрахались — я оделась и ухожу. Твои рамки не нарушены, или я что-то путаю?

— Не начинай, Амелия.

— Я ничего не начинаю, Алекс. Не надо вешать мне на уши, что ты тратил на мое выступление свое время. Тебе на меня абсолютно насрать, я не настолько наивна.

Смерив его злым взглядом, я развернулась в сторону двери. В темноте было плохо видно — у него в комнате всегда было темно, только свет розового неона от надписи «глубоко», чего все равно было мало. По началу я часто билась о мебель, но уже давно выучила тропинку. Шаг, шаг, чуть влево, потом сразу еще влево. Теперь я не билась ничем, разве что

своим и без того раздолбанным сердцем.

Это все пиздец как больно, скажу прямо. Он причинял мне боль каждый раз, каждую нашу встречу. Я много раз резалась о его безразличие, и сейчас это не стало исключением. Мне бы хотелось, чтобы он меня остановил, встряхнул, забрал к себе, но...этого никогда не случится — мне это известно. Алекс ни с кем не спит, он только трахает, и мне страшно представить скольких он ебет параллельно мне. Единственное на что мне хватило сил — это настоять на презервативах, потому что он хотел, чтобы я ела таблетки. Его блядство хоть тут сыграло мне на руку — я хотела уколоть его им, ткнуть носом, намекнуть, что мне обидно, но он лишь пожал плечами. У меня даже этого не вышло...

— Тебе когда-нибудь говорили, что ты очень красивый? — тихо спрашиваю непонятно зачем, замерев у двери, но Алекс не собирался отвечать.

Может он и вовсе не слышал вопроса? Проигнорировал? Или просто уставился в телефон, как часто делал, чтобы намекнуть мне, что наше «рандеву» подошло к финалу? Не знаю. Я не решаюсь обернуться и посмотреть, только слегка хмурюсь с мольбой: только не зарыдай.

И спасибо, но у меня получается не зарыдать.

Наверно коплю на завтра.

Глава 3. Словно в прошлом ожило чьих-то бережных рук тепло. Амелия

17; Июнь

Как узор на окне снова прошлое рядом... Кто-то пел песню мне в зимний вечер когда-то...

Тихо напевая старую, грустную мелодию, я снова стою на кухне, но теперь не погруженной во тьму, а напротив залитой светом. Еще вчера когда переступила порог этой квартиры со своими немногочисленными пожитками, я подготовила это платье. Нежно-желтое, атласное, юбка в форме колокольчика, чуть ниже колена, с открытыми плечами. Оно напоминало мне платье Бель из «Красавица и чудовище», поэтому то я его и купила — сантименты одним словом.

Розы кололи пальцы. Наверно можно было бы заказать сорт, где не было шипов, такие вроде как существовали, но я просто хотела побыстрее закончить с этим, поэтому мы имеем то, что имеем. Огромные бутоны были прекрасны, жаль только, что меня тошнило от одного их вида. Я ненавидела розы и все, что с ними было связано весь год. Триста шестьдесят четыре дня, кроме одного. Кроме сегодня. В этот день можно было позволить себе не скрывать, что на самом деле поднималось в душе при одном взгляде на них. И можно было не притворяться, что шипы в них — самое страшное. Нет, отнюдь нет. Самое страшное в розах — это воспоминания.

— А ты чего так рано встала?

Неожиданный вопрос и присутствие Кристины, которое я не сразу ощутила, заставляют вздрогнуть. Вся компания из трех жильцов стоит на пороге кухни и пялится на меня так, будто видят впервые. Это бесит, но лишь из-за нервов, в целом реакцию понять несложно. Восемь утра. Я в платье. Передо мной огромный букет белых роз, корешки которых я и подрезаю. Такое не каждый день увидишь.

— Все... нормально, Мили?

Пару раз моргнув, я киваю и снова отворачиваюсь, ускоряя свое занятие до максимума. Не ожидала я, что они так рано подорвутся, совсем забыла, что Арай и Алекс летом подвязались отстроить дом какому-то их знакомому, а сейчас то и дело ездят с утра пораньше по магазинам. Выбирают все для внутренней отделки, а Крис, как их дизайнер, им помогает. Пусть эта девушка и училась на экономиста, но дизайн — ее истинное призвание.

— Почему ты так одета? — пройдя в комнату, Крис опускается на подоконник, но не сводит с меня обеспокоенного взгляда, от чего внутри все ворочается и противиться.

Потому что *ей* бы понравилось!

— Просто так.

— Просто так? Ты в бальном платье.

— Оно не бальное, — кривлюсь, — Просто платье. Или в Москве нынче дресс-код?!

— В Москве «нынче» не говорят «нынче», — усмехается Арай, почесывая волосатое пузо с четырьмя кубиками, и от созерцания этого я слегка улыбаюсь, мотнув головой.

— Лучше бы дресс-код был в этой квартире. Например футболка. Неплохо было бы ее одеть.

— Ну рядом с такой леди скорее всего.

— А что за цветы? — Крис снова переводит внимание на себя, с интересом поглядывая на бутоны.

— Да вроде розы, не узнаешь?! Араю стоит дарить тебе их по чаще в таком случае.

— Остроумно. Откуда они?

— Из магазина.

Я стою на грани, чтобы не послать всех на хер, чего совсем не хочу. Тем более Кристину — я действительно ее люблю, и быть с ней грубой мне не нравится. Поэтому необходимо взять себя в руки, пусть это и дико сложно. Глубокий вдох, потом выдох, снова вдох. Раз-два-три-четыре-пять... Не полегчало ни капли. Злость ворочается внутри, как клубок змей, перерастая в ярость. В кухне, кроме света, нет ничего хорошего. Висит премерзкая пауза, липкая такая, стыдливая. Настороженные взгляды оставляют следы на моей коже, которые не смыть — они жгут, как уголек сигареты покрывало, если случайно уронить ее в постель. Мне мягко говоря некомфортно, и единственно правильное, что я решаю — это сказать...

— Простите, я не очень готова сейчас разговаривать. Меня ждет такси, а вам удачи в магазине. До вечера.

Безжалостно сгребая розы в охапку разом, рывком, да так быстро, чтобы не услышать и попытки задать мне хотя бы еще один вопрос, который точно сорвет все замки моего самоконтроля...

Мы живем фактически напротив метро «Славянский бульвар» в высоченном доме-точке на последнем этаже. Мне, можно сказать, фортануло — до моего места назначения долго ехать не приходилось, и уже через полчаса я стою в точке Б.

«Новодевичье кладбище» — гласит вывеска на каменных, красных воротах.

«Места захоронения» — рядом огромная, черная табличка.

Место 34 — единственное место, где логичней всего вспомнить.

Со стороны я точно выгляжу, как блаженная. Медленно отбивая тонкими шпильками своих лодочек по залитой солнцем аллее, я аккуратно несу цветы, придерживая их снизу. Честно? Я всегда завидовала тем, кто может просто взять и прийти на могилу к близкому человеку. У меня такой возможности не было и никогда не будет — могилы моей сестры не существует даже в Новосибирске, потому что ее так и не смогли найти. Моя конечная точка — могила Булгакова.

Ну вот. Сказала это в слух — сразу внутри все сжалось, а слезы брызнули из глаз. Теперь бы не свалиться с этих дебильных шпилек...

9; Апрель

— ...Ты самая красивая на свете!

Маленькая девочка с открытым ртом уставилась на высокую, красивую девушку в свадебном платье. Ее волосы цвета пшеницы были откинуты назад, а янтарные глаза светились, как тысяча самых ярких звезд. Пусть ее свадебное платье и было совсем простеньким — чуть расклешенная юбка, тонкие бретельки и небольшой шлейф, — но ей и не нужно ничего помпезного. Ее глаза были лучшим украшением.

Роза была самой счастливой. Она разглядывала себя в зеркало и представляла, как ее любимый человек будет на нее смотреть. Как ему понравится. Она все делала ради него —

так сильно любила, что казалось, ее сердце разорвется от этих чувств. Они были сродни урагану. Иногда ей становилось страшно — так сильно нельзя любить! Нельзя! — но страх проходил, когда она вспоминала его. Он всегда был уверен, никогда не давал ей поводов для ревности, любил ее каждую секунду. Роза это знала. Чувствовала. Женское сердце не обманешь! А сейчас бояться и вовсе было нереально.

Ее любимая, маленькая сестренка всегда могла ее развеселить. Роза посмотрела на малышку, — а она была именно малышкой даже для девяти лет! — и звонко рассмеялась. Опустившись перед ней на корточки, девушка нежно провела по пухлой щечке и мотнула головой.

— Спорю на что угодно, что когда ты будешь на моем месте, ты превзойдешь меня, моя маленькая Бель.

Она всегда называла ее так. Амелия без книжки не Амелия. Мили читала постоянно, зарывалась в выдуманные миры с головой, а потом восторженно пересказывала все то, что узнала. Они с Ирис часто смеялись над этой очаровательной чертой, которая до странности смешивалась с озорством. О да, Амелия никогда не была ангелом. Временами Роза завидовала ее храбрости, находчивости и остроте ума — пусть она и малышка, но могла уделать любого парня! Странная, противоречивая смесь... Роза никогда не считала себя смелой. Она всегда была податливой, покорной, спокойной — по-настоящему спокойной. Ничего в этом удивительного не было: Ирис всегда говорила, что Амелия похожа на своего отца гораздо сильнее, чем кто-либо еще. Даже, возможно, он сам не был так на себя похож, как она.

— Возможно так и будет, — важно ответила девочка, выдернув Розу из этих мыслей, — Но я уж точно не рожу ребенка до брака! Это моветон!

А еще она была ревнива. Экая собственница. Конечно по-доброму, но Амелия жутко ревновала, что все внимание любимой сестры теперь принадлежало новорожденной Камилле. Она любила племянницу, разумеется, но при этом старалась обратить на себя внимание изо всех сил. Выдумывала разное... Роза тихо прыснула, когда вспомнила их вчерашний, семейный ужин, когда Амелия намеренно отодвинула люльку с ребенком поближе к отцу, а сама села поближе к Розе. Ирис только закатила глаза — бессмысленно мешать, лучше делать вид, что ничего не случилось, как бы очевидно не было. Амелия не умела притворяться.

— В этом нет ничего страшного, Мили, а...

— Это неправильно! Могла бы и подождать, а не отдавать свой цветок! — резко перебила ее девочка, на что Роза аж рот открыла, а та еще и припечатала, — Медовый месяц на что?!

— Амелия! — стараясь не засмеяться, девушка попыталась хотя бы казаться строгой, но сестренка лишь дернула плечами и мотнула головой.

— А что?! Я знаю, что такое секс, я не ребенок!

Тут то смех сдержать было просто невозможно. Новый взрыв звонкого, чистого хохота разнесся по помещению, отражаясь от зеркал и возвращаясь обратно. Амелия любила смотреть, как сестра смеется. Она была действительно красива, глаз не оторвать, а когда смеялась — чистый ангел. Роза и правда была ангелом. Добрая, мягкая и теплая — всегда поддерживала, никогда не ругалась. На некоторые порывы племянницы Ирис часто закатывала глаза и говорила: ты точно не для этого мира, Роза...

Да. Так и было. Слишком уж она была... чистой. Кажется она даже злиться не умела... и

сейчас не злилась. С пониманием отнеслась к выпадку младшей, лишь нежно погладила по-детски пухлую щечку и мотнула головой.

— Амелия, я очень надеюсь, что у тебя все будет правильно и... Хотя нет. Я надеюсь, что когда ты вырастишь и окажешься на моем месте, то будешь любить также сильно, как я. Тогда ты поймешь, что ждать не всегда просто, а тем более не всегда имеет смысл. Иногда очень здорово просто отдаться чувствам, чтобы потом не жалеть о зря потраченном времени. Лучше ощутить это хотя бы раз, чем навсегда лишиться такого опыта из-за предрассудков. Плевать на правильно — правильно не заставит твое сердце биться чаще и не сделает тебя счастливой, а ребенок и вовсе не может быть чем-то «неправильным». Это великий дар.

Амелия смотрела на сестру еще пару мгновений, но потом весь запал пропал, и она стыдливо потупила взгляд, ковыряя резинку на розовых носочках. Ей вдруг стало неприятно от мысли, что она могла обидеть Розу, ведь на самом деле она так не считала. Малышка была счастлива за сестру, и она хотела, чтобы та это знала.

— На самом деле я очень рада, что ты выходишь замуж. Мама говорит, что спокойна за тебя. Я тоже. Вы так сильно любите друг друга... как в сказке. А я люблю Камиллу.

— Я знаю, моя маленькая Бель, но приятно, что ты это сказала, — нежно убрав прядь почти серебристых волос, Роза притянула девочку к себе и крепко обняла, продолжая гладить по спине, — Чего ты на самом деле боишься?

— Что потеряю тебя, — тихо вторила ей Амелия, шмыгнув носом, — Лиля уехала, а теперь и ты уедешь...

Улыбка Розы померкла при упоминании сестры-близняшки. Они сильно поссорились и уже прошел год, а она так и не объявилась. Лилия тоже ревновала, злилась, делала глупости — она всегда была достаточно эгоистичной, чтобы на них решиться, — но Роза в свою очередь всегда относилась с пониманием на любые закидоны. Даже сейчас она понимала, почему Лилия так бесится: они давно договорились поехать в Москву вместе, а из-за ее отношений с будущим мужем все рухнуло. Лилия по ней скучала, ей это было известно, сложно находиться так далеко друг от друга, вот только в этот раз Лилия перешла все границы.

Она пыталась соблазнить ее будущего мужа. Как-то вечером Роза пришла домой и застала пренеприятную картину: сестра сидела верхом на ее еще парне. Тогда она думала, что умрет на месте и с того вечера они не разговаривали. Подумать только, из-за этой глупости они чуть не расстались с любимым! И не было бы ни Камиллы, ни свадьбы, ни счастья... Да, пусть она понимала сестру, но в этот раз не собиралась идти на поводу. Она должна наконец признать, что была неправа, пытаюсь уловками разрушить ее семью! Ее счастье! Она должна сама прийти и повиниться! Пусть этого придется долго ждать, но будет только так...

А сейчас и вовсе не время думать о ней!

Роза слегка мотнула головой, после отстранилась от сестренки, бережно вытерла щечку и улыбнулась.

— Амелия, я никогда тебя не оставлю и всегда буду рядом с тобой. Я люблю тебя безумно, ты мой маленький чертенок — никто этого не отнимет.

— Обещаешь, что не бросишь?

— Обещаю.

17; Июнь

Мне всегда нравился Стивен Кинг, и в одном из своих знаменитых романов он писал:

«Обещания дают, чтобы нарушать, чтобы разрушать, разбивать вдребезги, на мелкие кусочки, дробить». Вот и это обещание было разбито вдребезги. Роза не сдержала его, и свадьбы никакой не было — она не дождалась ее каких-то две недели. Последний раз, когда я видела ее — первый день лета, а точнее ночь на второе июня. Потом только во снах в этом самом платье: простом, но особенном. Интересно, как бы все могло сложиться, если бы не тот злополучный день в конце мая? Никто не знает, но я знала: она стала бы самой счастливой женой и мамой, спорю на что угодно, не одного ребенка.

Черт.

Сердце в груди ноет от дикой боли, и я прикладываю к нему руку, чтобы хоть как-то успокоить, часто дыша и всхлипывая. Земля еще холодная, коленки затекли, но я продолжаю упорно сидеть, потому что вдруг становится дико страшно даже пошевелиться, чтобы не развалиться на части.

— Я так по тебе скучаю... — еле слышно шепчу в пустоту, судорожно вытирая дорожки слез с щек.

Лиля не была такой, как Роза. Это не означало, что она плохая — Лиля не плохой человек, отнюдь. Она эгоистична, себялюбива, но вместе с тем она добрая. Сейчас этого почти незаметно, она сильно изменилась с тех пор, как приехала в Москву и связалась с Петром Геннадьевичем Александровским. Но, чтоб мне сдохнуть, даже ему не удалось до конца убить ее в ней. Иногда я вижу эти отблески прошлого в ее красивых, янтарных глазах. Может это самовнушение, конечно, глаза то у нее мамины, но мне хочется верить, что нет. И пусть ее снова здесь не было, я точно знаю, что она тоже рыдает сейчас, где бы не была.

Они рассорились за год до трагедии, и я не знаю почему. Никогда ее об этом не спрашивала, было страшно — Лиля могла нехило так садануть, если тема оказалась бы слишком личной. Если Роза фильтровала базар, да в принципе не умела грубить, Лиля в этом была профи. После моего выступления я это в который раз проверила на себе — теперь рассорились в пух и прах мы.

Она сказала, что в том, что случилось — моя вина. Знала, куда бить. Я зацепила ее танцем, она меня словами: так мы и жили. Как кошка с собакой. Но плевать, я все равно знаю, что она меня любит. После того, что случилось с Розой, Лиля стала параноиком в квадрате, а после того, как я приехала в Москву и вовсе вбила себе в голову, что должна меня оберегать от всего — поэтому она не вписывает меня в свою жизнь, как бы странно не звучало.

Она боится, что ее мир ранит меня.

Как-то она напилась и выдала мне эту дичь. Мол когда-то она делала вещи, которыми не может гордиться, и теперь она боится, что последствия ее действий отразятся на мне. Глупость такая...будто я не могу за себя постоять, но ей не объяснишь. Плевать и на это, я в ее мир не особо стремлюсь, но сейчас не отказалась бы от ее присутствия.

Все равно не стану звонить. Она должна сама прийти и извиниться, ей вечно все сходит с рук!

Помотав головой, я тихо посмеиваюсь, мысленно обращаясь к Розе:

«Она и меня доводит...Лиля в этом мастер. Ты была права...»

И вдруг меня поражает мысль, которая уже много месяцев ускользает, как вода сквозь пальцы. словно это моя пропавшая сестра преподносит ответ на блюдечке, который и без того был под носом...Почему я так спешила с Алексом с самого начала? Да потому что мне было страшно чего-то не успеть. Как Роза не успела...

— Не думал, что ты такая фанатка Булгакова.

Я резко оборачиваюсь, нахмурившись. Вот этого точно никак нельзя было предугадать. Алекс стоит у дерева, прижавшись к нему плечом, сложил руки на груди в своей неизменной кожаной косухе и щурится.

Что?! Какого?!

Если честно, то я теряю дар речи в туже секунду, как мозг срачивает воедино то, что я вижу и знаю. Это удастся сделать не сразу, поначалу кажется, будто он и вовсе мне мерещится, может я вообще грохнулась в обморок, пока перла сюда? Я даже незаметно щиплю себя за руку, чтобы окончательно все сложить, тут же кривлюсь от легкой боли — нет, мне это не кажется. Он стоит, он смотрит, а теперь еще и ухмыляется, явно заметив мои глупости от навалившегося смятения.

— Серьезно?

— Что ты здесь делаешь?!

— Стою или не узнаешь? Похоже тебе почаще нужно это делать, а не валяться в грязи на коленях.

Отбивает моей же фразой! Передразнивает! Какой козел! Я суплюсь, как ребенок, ведь он был прав, а мне это всегда не нравилось. Еще больше мне не нравилось, когда он говорил так уверенно с долей насмешки, выставляя меня просто конченной идиоткой. Вот прямо как сейчас.

Алекс издает тихий смешок, слегка закатывает глаза и отрывается от своего места, чтобы медленно, уверенно подойти ко мне. Пару мгновений изучает сверху вниз, снова придавливая своим чертовым превосходством, а потом наконец протягивает руку, но так, будто оказывает неопisanную честь.

— Вставай, чокнутая фанатка.

— Я в состоянии встать сама! Что ты здесь делаешь?! Или это совпадение?!

— Нет, не совпадение. Я за тобой следил.

— Совсем больной?!

— Нет, только наполовину. Пойдем, я отвезу тебя домой.

— Я не домой!

— Тогда я отвезу тебя туда, куда ты там собралась. Пойдем. Не люблю кладбища. Они навевают скуку.

Глава 4. Запрещено разговаривать с незнакомцами.

Амелия

17; Июнь

Мы медленно идем по Патриаршим прудам. Вместе. Вообще я мало на что сейчас могу обращать внимание, пребывая в своих мыслях и своем мире, но на задворках сознания все равно откладывается, что на Алекса оборачивается каждая мимо проходящая дама от шестнадцати до пятидесяти пяти. В этом нет ничего удивительного, конечно, не устану повторять, что он слишком видный мужчина. Ему двадцать четыре — рассвет сил, полон энергии, — он неприлично высок, широкоплеч и вообще красавчик. Накаченное тело, руки в татуировках, сквозь которые пробиваются плотные жгуты вен. Прямо секс-символ всех времен и народов, твою мать, а рядом я... Пусть сегодня меня это и не особо колышет, а все равно где-то внутри мерзко свербит мысль, что все они, женщины от мало до велика, только и думают: что такая, как она, делает рядом с таким, как он?! И они правы в каком-то смысле. Я не похожа на Верочку, Лилю или телок из модных клубов, которые пасутся там, как газели на водопое. Меня это немного бесит даже сейчас, дискомфорт нарастает, и это чувство разрыва между нами во всех смыслах сродни чувству свободного падения. Все тело то и дело обдают мерзкие мурашки, от которых я периодически ежусь, как неврастеничка.

Конечно я пришла к определенным выводам еще на кладбище, но это было далеко не все. Роза говорила, что лучше ощутить раз, чем навсегда лишиться этого опыта, и я согласна. Я не жалею, что отдала ему свою девственность, не жалею, что спала с ним, не жалею ни о чем. И никогда не жалела. Пусть и недолго, пусть призрачно, но я была счастлива...

17; Февраль

Я застала его за книгой. В спортивках он развалился на том же кресле, где когда-то всегда сидела и я, пока комната никем не была занята, а служила чем-то вроде кладовки. Мне она очень нравилась из-за балкона, и я обычно двигала это самое кресло прямо к двери, читала и наблюдала за Кутузовским под тихую музыку, как в своем личном убежище.

Здесь вроде ничего и не изменилось — двухдверный шкаф-купе стоял на своем месте справа от двери, кресло рядом с балконной дверью, у стены небольшой комод с четырьмя ящиками, сверху простенький телек — а одновременно изменилось все.

Во-первых, теперь здесь царил его запах. Комната им пропиталась до основания, и через сто лет не выветришь. Во-вторых, окна были плотно закрыты черными, рулонными шторами, лишь дверь на балкон стала единственным «светлым» пятном, и то лишь потому что была настежь. В-третьих, свет в комнате не включался в принципе. Вместо основной люстры, по потолку и плинтусу шла неоновая лента в розовых тонах. В-четвертых на полу лежал мохнатый ковер прямо перед... пятым пунктом.

Кровать. Я не видела, как приезжали их с Араем вещи, тогда я была в Питере, а когда впервые здесь оказалась, даже растерялась. Она была большой, двухспальной с черным, атласным, постельным бельем и железной конструкцией для балдахина. Он, кстати, тоже был. Черная тюль, если точнее. А прямо над изголовьем в цвет ленте неоновая надпись «глубже». Так порочно и одновременно волнующе. Вроде испытываешь стыд, но гораздо сильнее интерес и какое-то дикое, неумное любопытство... Волнение, страх, но при этом решительность и смелость. Я перешагнула через порог, Алекс же слегка улыбнулся, прикрыв

толстый том и отложив его на спинку кресла.

— Что такое, котенок?

— Какой у тебя любимый цвет?

Словил шок. Я смогла его удивить, точно знала. Алекс пару раз хлопнул глазами, а потом рассмеялся — ласково так, тепло, — разгоняя страх, прибавляя смелости.

— Прости?

— Цвет. Какой твой любимый цвет?

— К чему ты...

— Да просто ответь, вопрос не сложный!

— Черный.

— Говорят черный — это отсутствие цвета, а белый — все сразу. С тобой действительно просто не бывает?

Приподнял брови. Алекс продолжал "не понимать" к чему все это и что я затеяла, но мне было не до объяснений. Я хотела знать, задать хотя бы какие-то общие вопросы, хоть что-то подчеркнуть не из своих наблюдений, а, так сказать, обстоятельно и по факту.

— Тебя не устроил ответ? Хорошо. Черный и синий.

— Какой цвет тебе нравится меньше всего?

— Желтый и салатный.

— Кем ты хотел быть, когда вырастешь?

— Серьезно? — тихо цыкнула, Алекс же решил не сопротивляться.

Наконец-то! Возможно ему просто было интересно, чем все кончится? Плевать. Главное, что я получила ответ, после того, как он откинулся на спинку кресла, устроившись поудобней.

— Окей. Архитектор.

— Какой твой любимый фильм?

— Это мимо.

— Не любишь кино?

— Скорее люблю его слишком сильно.

— Книга?

— Туда же.

— Напиток?

— Виски.

— Блюдо?

— Макароны с сыром.

Я тихо прыснула, остановившись напротив него под изучающим, спокойным взглядом, который при этом искрился какой-то игрой, ранее мне незнакомой. Это правда, раньше я никогда не была так близка с мужчиной, да и раньше я никогда не собиралась стать еще ближе...

— У тебя есть братья или сестры?

Стоило вопросу слететь с губ, а его смысл дошел до обладателя этого пространства, что-то произошло. Я так до конца и не поняла, но почувствовала, будто подошла к невидимой черте и теперь мне надо быть предельно осторожной, даже не смотря на то, что ответ я все таки получила.

— Да.

Словно вызов бросил, лишь убеждая меня в моих догадках: тема семьи для него

слишком болезненная, личная, и лучше ее не касаться. На первых парах точно. Надо спросить что-то глупое, чтобы разрядить обстановку. Точно!

— Кто сильнее: акула или медведь?

Сработало. Алекс засмеялся, сгустившийся воздух разрядился, как по щелчку пальцев, а я встала между широко раскрытых коленей. До него было рукой подать, остался последний шаг, и когда он снова посмотрел на меня, я тихо спросила, указав на татуировку, которая привлекла мое внимание еще тогда, когда я впервые увидела его без куртки.

— Что означает эта татуировка?

Змея на левой руке, что обвивала ее черным хвостом. Длинная, доходившая до локтя. С текстом на каком-то из восточных языков мелким шрифтом вдоль всей ее спины. Та, что уходила на ладонь с внутренней стороны, чья голова разместилась на его костяшках. Та, что по моему скромному мнению имела за собой сто процентную, сложную историю. Алекс сразу понял, опустил глаза на нее, а потом вдруг сильно сжал кулак и, ухмыльнувшись, снова посмотрел на меня. Серьезно. Зло. Ему не понравилось касаться этой темы, ему не понравилось даже предположить, что он мог бы посветить меня в ее значение. Ему не понравилось, что я полезла туда, куда меня не приглашали — за ту самую грань. Это я тоже ощутила буквально всем существом, даже до того, как получила подтверждение не в виде информации, а в виде ответного вопроса низким, холодным тоном.

— К чему все это?

Ему надоело играть, а может не задай я такой вопрос, этого бы и не случилось, кто знает? Может быть у меня будет возможность узнать об этом потом, а сейчас не время разводить демагогию. Я пришла с четкой целью, прекрасно осознавая, что окажусь здесь не сегодня, так завтра. Лучше уж на моих условиях...

— Хочу узнать что-то фактическое о том, с кем собираюсь сейчас переспать.

Стараясь выглядеть спокойной, я взялась за пояс своего платья и, дабы не растерять всю и без того по крупицам собранную решимость, развязала его. Взгляд Алекса не сразу скользнул вниз, пару секунд мне пришлось выдержать зрительный контакт, словно проверяющий меня и мое решение на прочность. Эти секунды длились бесконечно, если честно, и я выдохнула с облегчением, когда он опустил его ниже в вырез распахнутого платья.

Спасибо!

А дальше мне оставалось наблюдать за реакцией... Конечно, я знала, что ему нравилась. После того первого поцелуя, каждый раз, когда я приезжала домой, это случилось снова и снова. Даже сегодня я пролежала больше часа на этой самой постели. Но видеть и знать — разные вещи, а видеть, как его кадык дернулся — было лучше, чем самый крутой подарок. Ему нравилось, что он видит. *Я ему нравилась.*

Оставив платье лежать на полу, я сделала последний шаг и аккуратно забралась на колени, неловко обняв за шею. Что делать дальше, я совершенно точно не знала, а он будто и не собирался предпринимать каких-то действий — руки намертво приклеились к подлокотникам, взгляд блуждал где-то «не здесь», а сам он и вовсе застыл, точно статуя.

«Не понимаю... Я что-то делаю не так?!»

— Ты понимаешь, что делаешь, Амелия? — прозвучал хриплый вопрос, будто взятый прямым из моей головы.

«Он мысли читает?! НЕТ, НЕ ПОНИМАЮ!»

— А не очевидно?

Я честно попыталась держать себя в руках, даже усмехнулась, давая нелепый ответ, за что тут же поплатилась. Алекс резко поднял требовательный взгляд, серьезно и без толики улыбки пояснил:

— Если вздумала играть, не стоит продолжать.

— С чего ты взял, что я играю?

— Только час назад ты сказала, что не готова. Что изменилось?

— А потом ты сказал, что это все равно случится.

Алекс тихо усмехнулся и наконец расслабился, кладя руку мне на бедро, где сразу же стал вырисовывать медленные круги, чем вгонял мне в нервную дрожь. Делалось это специально, я почему-то ни на секунду не сомневалась, уже успела кое что о нем узнать, не относящееся к интервью ранее. Ему нравилось заставляя меня смущаться, но мне сейчас просто необходимо было дойти до конца, а для этого необходимо было отбросить все эти глупости в сторону. Для них еще будет вагон времени...

— Ты был прав. Это неизбежно.

— Звучит просто класс.

— Я хочу тебя, — выпалила, покраснев, но вздернув подбородок, — Меня к тебе тянет. Даже если бы не пришла сегодня, я все равно окажусь здесь рано или поздно, смысл тянуть? Пытать себя? Ради чего?

— Ты же понимаешь, что я не хороший мальчик, да?

— Очевидно.

— Вот именно, — прошептал он, вонзая ногти мне в кожу и вызывая этим ускорение пульса, — Я не отказываюсь от того, что хочу. Никогда. И в джентльмена играть не собираюсь, не в моих это правилах притворяться тем, кем я не являюсь.

Горячая ладонь с запахом сигарет легла мне на нижнюю челюсть так, чтобы зафиксировать все мое внимание. Контролировать его. Я и не противилась, покорно смотрела в глаза, лишь тихо выдохнула, когда большим пальцем Алекс слегка коснулся моей нижней губы...

— Я очень тебя хочу, малышка, так что не стану отказываться, как в красивых фильмах. Сегодня было лишь одно исключение. Ты сказала, что не готова — я отступил, но теперь ты сама пришла ко мне, разделась и залезла на колени. Еще раз спрашиваю, ты все прекрасно понимаешь?

Уверена ли я? Знаю ли я, на что иду? Хорошо ли я понимаю, что будет, если я продолжу? Хотя кого я обманываю? Я уже все решила. Робко подавшись вперед, я еще миг смотрела в его бездонные глаза, а потом также легко поцеловала, обозначая свое окончательное решение.

— Это значит да, полагаю? — тихо спросил, прищурился и дальше как-то холодно отчеканил, — Хочу обозначить до того, как мы зайдем дальше. Это ничего не меняет — я все еще ни с кем не встречаюсь, Амелия. Да, я хочу тебя, но свою свободу хочу больше. Единственные отношения, которые нас будут связывать — горизонтальные. Никакой ревности и истерик, никаких свиданий, ничего личного и большего — только секс. Поэтому я спрошу тебя в последний раз — ты хорошо подумала? Осознаешь все, что сейчас делаешь?

Тон такой странный, стальной и холодный, даже отстраненный. Мне стало как-то не по себе, и я поежилась, но кивнула, а это не устроило уже его.

— Нет, милая, словами. Кивки и прочий бред оставляешь за порогом — со мной говори только словами. Да или нет?

— Да, — не узнала свой такой тихий и покорный голос.

Я. САМА. НЕ. УЗНАЛА. СВОЙ. ЖЕ. ГОЛОС! Клянусь, я такой никогда не была! Пус все в этом городе и думают иначе, но на самом деле они меня совсем не знают, разве что Лиля. Вот если бы она сейчас это слышала, точно пошла бы на какое-нибудь дурацкое ток шоу с претензией на похищение людей пришельцами. Это было так странно...

— Уверена? Это последний шанс дать заднюю, потому что я больше не остановлюсь.

— Я остаюсь.

— Тогда докажи.

Разве я уже не доказала? Вопрос так и сгорел на губах — объяснение было даровано почти моментально.

— Раздвесься для меня.

Сердце колотилось, а мне потребовалось пара мгновений, чтобы понять, что это не сон. Нет, это точно был не он — горячие руки на моих бедрах, ровное дыхание, его напряженный пресс, запах сигарет, полутьма, его парфюм и пронизательный, властный взгляд. Волновалась дико, конечно, но я действительно этого хотела, и хотела больше всего на свете...

Заведя руки за спину, я не отрывалась от его глаз, как от спасательного круга, дотронулась до застежки. Наверно, я приложила силу, по-другому то никак, но мне показалась, что всего одного касания хватило, чтобы выполнить его просьбу. Без давления, бретельки начали сползать с плеч сами, мне оставалось лишь немного подтолкнуть их и себя окончательно. А вот дальше случился небольшой конфуз... Дело в том, что со мной такого действительно никогда не было, и, если секундой назад я была уверена в себе и своих силах, сейчас же начала сильно сомневаться, что мне хватит духу исполнить задуманное — развести руки в стороны.

— А теперь убери руки за спину. Я хочу видеть тебя.

Внутри все напряглось. Боже-е-е...

И как это сделать?! Я будто забыла все на свете или просто не управляла своим телом, а может все вместе и сразу, но по факту словно словила очередной приступ, превратившись в статую. Покраснела еще сильнее, нахмурилась, а сделать все равно ничего не могла, и чувствовала себя из-за этого полным недоразумением... Ко всему прочему добавилось стойкое, мерзкое ощущение, что сейчас он психанет, скинет меня с колен и велит убраться, подрасти на пару лет.

Меня пугала его реакция, и волновало что он подумает. Так оно и есть: он взрослый мужчина, с явным, большим опытом. К тому же как-то раз я видела девчонку, которая приехала с ним. Ее звали Верочка, и выглядела она так, будто только-только сошла с трапа самолета из Парижа. Нет, в этот момент я себя с ней не сравнивала, скорее свою нелепость и ее уверенность — у меня она, конечно же была будь здоров, но не в этой области. Сейчас я чувствовала себя такой...беззащитной, что хоть вешайся, и меня это бесило, черт возьми! Я так не хотела, так что, собрав всю волю в кулак, коротко на него посмотрела.

Мне нужно было знать его реакцию — это было первостепенное, что меня тревожило, и...Я не увидела злости. Алекс улыбался так тепло, так...нежно? Клянусь, я его еще таким не видела. Да, мы были знакомы не так много, но только сейчас он был таким, обычно совершенно другой человек. Он молча ждал, не давил, что меня безумно подкупало, и улыбался...

— Прости, это...это глупо и...Прости. Это не значит, что я передумала, я просто...

— Ты ни перед кем не раздевалась?

— Я же сказала, что девственница и...твою мать, ты ржешь надо мной!

И правда ржал. Прикрыв рукой губы, пытался сдержаться, но я все-все видела. Обидно то конечно было, но именно этот секретный смех спас всю миссию — он полностью разрядил обстановку, а я расслабилась. Всего секундой ранее, клянусь, мне казалось, что от напряжение мне вот-вот сломает кости, а теперь все это, как схлынуло, и я смогла дышать.

Со стуком врезавшись Алексу в ключицу, чем вызвала новый, уже не таящийся виток смеха, прорычала лишь одно:

— Я в аду...

А в ответ вдруг получила неожиданное:

— Тогда я в раю.

Он парировал очень тихо, но я услышала и резко посмотрела на него, чтобы оценить, издевается или нет? Нет. Не издевался. Глаза были чистые, не кипели и не обдавали холодом, наоборот. Чем-то другим, мягким и теплым — они тоже улыбались.

— Ты невероятно красивая...

Раньше я тоже такое слышала и не раз, но только он сказал это так, чтобы меня прошибло изнутри. Алекс нежно отодвинул волосы и спрятал их за ухо, а потом переложил руку мне на подбородок и притянул к себе. Его губы были сладкими, с привкусом табака и острого виски, и от них я теряла связь с реальностью, которая у меня еще осталась. Лишь на секунду я вернулась на землю, когда он рывком поднял меня на руки, но снова углубилась в этот омут и даже не заметила, как оказалась на кровати.

Мне уже было наплевать на все — стыд, как смыло, — и теперь я жадно пожирала глазами это идеальное тело, пока его хозяин медленно раздевался. Плавно стянул свою футболку, откинув ее в сторону, потом взялся за ширинку. Спокойно, методично, но при этом не отрывая от меня взгляда и буквально приклеивая им к месту. Он был таким сексуальным...точно, как я себе представляла — греческий бог в татуировках. Кубики пресса, сильные плечи, ноги, но без перебора в массе. Меня всегда пугали эти странные «горы мышц» с вечным синдромом «широкой спины». Алекс тоже был широким, но вместо всего этого кошмара, у него был красивый, четкий рельеф с шестью кубиками пресса на животе. На теле у него, кстати, было достаточно волос, и я никогда бы не могла поверить, в то, что меня это привлечет, а в нем привлекало. Черные, но мягкие на груди, переходили и на живот, уводя дорожку в джинсы. Кажется, что мне в нем действительно нравится все и понравилось бы что угодно...

«Идеальный...»

И его эта завораживающая уверенность в себе...Он стоял передо мной полностью голым, а ему хоть бы хны! Я повторяю, что тоже прекрасно знала свои плюсы и минусы и не страдала заниженной самооценкой, но он?! Этого человека совершенно ничто не могло смутить, включая мой взгляд, направленный именно «туда».

«Твою...мать!» — все, что мне пришло в голову, потому что выглядел он теперь не «как будто», а точно Бог.

Что же можно сделать в такой ситуации? Конечно заржать. Да! Именно это и произошло, и как бы я не пыталась закрыть руками рот, предательский смех пробивался и через плотно сжатые пальцы...

Полный. Провал.

— Боже, прости...Просто...он смотрит, как будто на меня... и вообще...понятно откуда

все это...

Его даже это не тронуло. Алекс лишь хрипло усмехнулся и приподнял бровь.

— Что «это», котенок?

— Твое самомнение.

— Это комплимент?

— Может быть, — еле слышно ответила, теряя остатки уверенности и бесстрашия.

А теряла я их, потому что видела, как его глаза темнеют, а взгляд становится все тяжелее и тяжелее... В эту ночь я стала его отражением.

Каждое касание мое тело зеркалило реакцией, отвечало. Алекс учил меня чувствовать себя, и это лучшее определение, какое я могла бы подобрать, потому что мне никогда и в голову не пришло бы, что я могу быть такой чувственной, такой отзывчивой. Его губы сводили с ума, я теряла счет времени, таяла, тянулась, шла за ним, куда бы он не вел — и все это было прекрасно, а гореть под давлением его тела лучше всего остального в триста сотен раз. Такое уже было, конечно, мы уже находились в подобном положении и, думаю, именно поэтому он точно знал куда нужно надавить, чтобы я превратилась в такую ручную. Но как и сегодня вечером, когда я уже занимала эту позицию, настал тот момент, который все портил — когда дело дошло до дела.

— Расслабься, — хрипло, отрывисто прошептал мне на ухо, прикусив мочку, — Будешь напрягаться, будет больно.

— С такой балдой, как у тебя, мне вряд ли будет «не больно»!

Я правда от себя такого не ожидала — прошипела, как кошка, не успев прикусить язык. Думаю, что и его тоже удивил мой подобный выпад, потому что Алекс застыл — я тоже, — пока не прыснул.

— Твою мать, хватит ржать надо мной! — уже злобно прорычала, попытавшись отпихнуть от себя его широкую грудь, но тут же оказалась в капкане.

За запястья он перехватил мои руки и откинул за голову, только после этого посмотрел в глаза: снова не злился, может только чуть-чуть.

— Не дергайся, — предупредил, но улыбался, а после приблизился и провел кончиком языка по нижней губе, — Я снова приму это, как комплимент.

— Да пожалуйста...

Без саркастической вставки своих пяти копеек, я бы не была собой, но Алекс этого не оценил, за что я тут же поплатилась легкой болью от укуса в плечо.

— Молчи, котенок, ни слова.

— Это очень больно? — все-таки выпалила и с надеждой посмотрела на него, но ответа так и не получила.

Лишь за миг до конца своего детства я заметила, как в его глазах пронеслось что-то ранее мне незнакомое, а потом все мое тело обдало ужасной волной боли и слава богу, что он не шевелился. Было то больно. Очень. Немой вскрик застыл на губах, а сама я широко распахнула глаза, вцепившись ногтями ему в спину. Кажется детство кончилось и теперь я — женщина.

— Лучше сразу.

Все было совсем не так, как я себе представляла. Не было никакой феерии чувств, оргазма, да даже банального удовольствия. Единственное, что я чувствовала — это боль, съездившись и сжав кулачки, пока сама не отрывала взгляда от зеркального потолка — чтобы я уж точно знала и уже ни в чем не сомневалась. Черные простыни, а по середине мы, точнее

он — меня на них почти не было видно, лишь маленькие белые кулачки, как лапки злосчастливого котенка.

Было лишь три вещи, которые мне нравились. Первое — это вид. Его спина и мышцы на ней перекачивались просто восхитительно, завораживающе, а моя маленькая ручка на ней, что казалась какой-нибудь Швецией на фоне огромной Евразии, пришлась так кстати. Словно из моих «горячих» снов.

Второе — это его реакция на все, что происходило здесь и сейчас. Алекс плотно сжавший кулаки, слегка закатил глаза, а потом выдохнул какой-то полу-смешок, полу-рык, полу-стон, прошептал.

— Ты охуенно узкая.

Кажется это был комплимент.

И третье — его стоны между влажными поцелуями. Если они по началу и отсутствовали, то с каждым толчком, что словно разрушал стену льда, за которую Алекс их от меня прятал, они все же вырывались.

Когда все кончилось, спасибо всем богам быстро, Алекс перекатился с меня, и я увидела себя в отражении. Наконец я увидела себя — новую себя, взрослую, ту, что только что ступила на новую ступеньку своей жизни. Из девочки я превратилась в женщину за каких-то десять минут. Мне казалось, что все изменилось — волосы стали немного другого оттенка, щеки меньше, а грудь больше. Тело перестало бесить слегка розоватой кожей, которую Кристина называла «фарфоровой», закатывая глаза с притворной завистью, а я про себя «свинячьей» не иначе. Но самое главное глаза — даже с такого расстояния, в темноте, я видела, как они сияли, и не жалела. Ни боль, тянущая внизу живота, ни липкое ощущение крови на внутренней части бедер, ни отсутствие мифического «оргазма» — ничего не заставило бы меня передумать.

— Все нормально? — тихо начал, глядя на меня через отражение, и я также тихо спросила.

— Зачем тебе зеркальный потолок?

— Глупый вопрос.

— Ну да... — натянув одеяло выше к подбородку, я дала себе еще пару мгновений, а потом села и выдохнула, — Все нормально. Пожалуйста, отвернись.

— Ты же не серьезно...

Засмеялся. Наверно это действительно было забавно, учитывая все, что между нами было, но он все же перекатился на спину и закрыл глаза руками, потирая их основаниями ладоней. Тем временем я, закутавшись в гладкое одеяло, слезла на пол. Все еще было больно, а липкая кровь на внутренней части бедер, ужасно неприятно стянула кожу, от чего по телу пробежали мерзкие мурашки.

— Боль — это нормально.

Посмотрела на него и цыкнула — Алекс, как коршун наблюдал, еще привстал, оперевшись на руку, а еще светил своим...достоинством, которое даже в спокойном состоянии, было просто огромным. Вспыхнула, как спичка, отвернувшись и притворно почесав щеку, чтобы хоть как-то скрыть неловкость, на что в ответ получила очередной смешок.

— Что такое, котенок? Моя «балда» тебя смущает?

— А ты можешь...заткнуться?! — прошипела, поведя плечами в поисках трусиков, — И я же просила не смотреть!

— Ты зарылась в одеяло, как в палатку, успокойся.

— Я спокойна! Дай мне просто одеться, хватит следить коршуном. Ты меня смущаешь!

— Поздновато смущаться, — саркастично заметил, но плюхнулся на кровать, расставив руки и уставившись в потолок, — Не огрызайся, котенок, когда ты пытаешься кусаться — выглядишь нелепо.

Шумно выдохнула, а дальше, одевая трусики, не удержала равновесие и грохнулась на пол. Конечно же. Комнату разрезал громкий, с душой такой, ржач, который даже я поддержала, со стуком уперев голову в каркас кровати.

— Пожалуйста, прекрати уже ржать надо мной...

— Прекрати выкидывать фокусы, — мягко ответил, а когда я подняла глаза, встретилась с его чистыми в купе с такой же улыбкой, — Ты забавная.

— Я не подумала о том, как буду отсюда выбираться...

— Дать футболку?

— Если можно.

— Ты отдала мне свою девственность, думаю, что футболкой поделиться я смогу.

Высунула средний палец, но он уже встал на ноги, спокойно направляясь в сторону шкафа. Странно, но на спине у него не было особо много татуировок: на ребрах правой стороны надпись и огромная надпись от лопатки до лопатки: Lucifer reborn as a God.

— Считаешь себя Дьяволом? — спросила, не отрывая взгляда, на что Алекс усмехнулся и повернулся ко мне лицом, бросив черную футболку.

— Тебя слишком сильно волнуют мои татуировки, милая.

— Они красивые...

От тихого комплимента, приподнял бровь, легко улыбаясь, правда я тут же отвела взор, утягивая футболку в свои владения. Но он не прекращал...нет! Ему просто доставляло издеваться: придавил плечом шкаф, сложил руки на груди, его член призывно болтался, а яркие Луны выковыривали дыры в моем существе. Черт-черт-черт...надо разрядить обстановку!

Кряхтя и борясь в ворохе одеяла, я пыталась спрятаться за кроватью, при этом натянуть футболку, и хоть как-то отвлечь его от своей персоны, например интересным разговором...

— Я тоже хотела.

— Чего ты хотела?

— Тату. Да...блин! Ау... — запуталась с лифчиком и тот щелкнул меня по тыльной стороне ладони, прижигая нежную кожу, на что Алекс хохотнул и без злости выругался.

— Да вылезай ты, твою мать! Я все уже видел!

— Так вот. Я тоже хотела сделать, но было дико больно, поэтому теперь у меня есть небольшая линия на шее сзади...Фух!

Справились. Наконец в полной готовности, поднялась на ноги, правда не успела ничего сделать, потому что разговор, задумывающийся, как отвлекающий маневр, вдруг нашел отклик...

— И чем же это должно было стать?

— Да...эээ...неважно. Ну...эм...круто потрахались, да?

Сначала он не понял. Пару раз хлопнул глазами, уставившись как на идиотку, но потом заржал. Громко, откинув голову назад, чем я и воспользовалась, проскользнув к двери. Напоследок лишь тихо прошептал:

— Спасибо тебе...

В ту ночь я оставила за закрытой дверью не только свое детство, но и свои к нему чувства. Алекс четко дал понять, что отношения между нами невозможны, поэтому стал для меня чем-то вроде метеора. Он промчался в моей жизни, как вспышка, которая оставила за собой только теплоту и прекрасные воспоминания. На этом все. Ни сожалений, ни слез, ни грусти — все это было под запретом. Я получила максимум из того, что он мог для меня сделать и поклялась, что этого больше не произойдет.

17; Июнь

— Что за странный ритуал?

Вопрос выдергивает меня из воспоминаний «ни-туда-ни-сюда». Я не могу отнести их к плохим или хорошим, странно застряв ровно по середине. С одной стороны, так открылась моя дверь во взрослую жизнь, а с другой открылась она со скрипом и так себе. Поморгав пару раз, я бросаю короткий взгляд в сторону своей зазнобы, но вместо ответа спрашиваю сама то, что интересует меня с того самого момента, как я увидела его сегодня утром у себя за спиной. А я, признаться, совсем не привыкла фильтровать и тормозить — игры изначально не были моей историей, и, как показала практика, стать ей так и не смогли.

— Зачем ты поехал за мной?

— Я уже ответил.

Я резко торможу, потому что, твою мать, не согласна. Нифига не ответил, лишь породил новую волну вопросов. И вот мы стоим. Напротив. Мимо идут люди, кто куда. Сейчас мне уж точно плевать, что на него смотрят! Меня слишком глубоко утягивает злость — она контролирует процесс, не дает вдохнуть и стусеваться, накрывает с головой. Как и его. Мы оба злимся, я читаю это по его физиономии, уже научилась на ура распознавать все эмоции, даже те, что он пытается скрыть. Наверно, когда говорят, что женщин познают в постели, забывают, что и мужчин тоже. Вряд ли Алекс такое ожидал — он все старался держать меня на расстоянии вытянутой руки, а я, сучка такая, как-то исхитрилась научиться понимать его настроение по тому, как он двигался. Интересно, это его бесит сейчас больше всего? Или что я в принципе умею говорить и снова задаю ему «неудобные» вопросы? Хотя, мне абсолютно не волнует ответ — я уже приняла все решение и поставила все точки, так что отступать и лебезить больше не буду. Хватит, дудки.

— Я тебе не верю.

— Во что конкретно, котенок? В то, что я следил за тобой? Это очевидно, по-моему, если ты не веришь в экстрасенсов. Или... ах ну да. Мне же на тебя насрать?

Алекс пытается держаться спокойно и отстраненно, лениво усмехается, а глаза горят. Да, его точно бесит, что я все понимаю и не отступаю. Если честно, то в этот момент я получаю свою дозу какого-то большого удовлетворения. Мне нравится выводить его и бесить, нравится перечить и смотреть, как у него подгорает из-за вдруг потерянного контроля. То, что он уже не король ситуации очевидно, как что за днем всегда следует ночь и наоборот. Думаю, что он тоже это понимает, и, скорее всего, больше всего его злит именно это.

Ему не нравится, когда он не владеет ситуацией на все сто процентов. Извини, мой милый, но в жизни не все случается так, как нравится, но меня забавляет спектакль, в котором он продолжает исполнять свою роль. А еще больше меня забавляет, как он теряет дар речи в тот момент, когда я парирую коротким:

— А нет?

Я успею подметить каждую эмоцию от удивления до новой волны злости. Мы оба

молчим: я разглядываю его, он старается натянуть на себя маску с ледяным спокойствием, вот только не получается. То ли ниточки сломались, то ли маска жмет, то ли моя дерзость так сильно выбила из колеи, не знаю точно, но думаю, что все сразу. Все дело ведь действительно в контроле: Алекс привык к определенным реакциям, диалогам и поведению, он все спрогнозировал, но тут врываются я со своим мнением и все рушится. Я буквально слышу, как гремят осколки его хладнокровия и мысленно улыбаюсь. Ничего не могу с собой поделать, кайфую от его состояния, в которое мне наконец удалось его загнать, и я не собираюсь выпускать из рук такой козырь. Он долго издевался надо мной и теперь настала моя очередь.

— Молчишь, потому что так и есть. Все же дело в контроле, да? Ты его теряешь и начинаешь нервничать.

— Психологический? Милая, не нуждаюсь. Особенно от малолетки вроде тебя.

Кусает, чтобы я отступила. Алекс думает, что ударив меня, оградит себя от всего и сразу. Он всегда так делает, чтобы отпугнуть: хамит, оскорбляет, снисходительно посмеивается — все, лишь бы подчеркнуть, как я глупа на самом деле и как умен он. Вот только если в первый раз слышать такое было больно, то в тысячный уже как-то не катит. Кажется я приобрела суперспособность, которая помогает мне защищаться от его острых иголок — больше они не ранят так глубоко, а это уже много. Если вначале любой кривой взгляд или слово ввергали меня в истерику и самокопание, сейчас же, когда я наконец осознала зачем это надо, раны стали поверхностными. Как будто легкий порез пальца, а не стрела в сердце. Наверно поэтому я так спокойна, не притворно, а по настоящему.

— И все же это так.

— С чего ты взяла?

— О, да брось. Я же не могу и руку положить, куда хочу, когда...

— Это называется БДСМ.

— Это называется мания контроля.

— Аккуратней, Амелия, — угрожающе произносит, делая шаг на меня, — Ты вряд ли до конца осознаешь, куда лезешь.

Вот тут ты ошибаешься, дорогой, я в полной мере осознаю, куда я лезу и зачем. Это ты еще ничего не понимаешь, а объяснять у меня нет ни желания, ни настроения, ни времени. Лишь хмыкнув на очередную, пустую угрозу, которую я точно также уже давно научилась внутренне тушить и игнорировать, пропускаю мимо ушей и тон, и слова, поворачиваю голову в сторону легендарной таблички. «Запрещено разговаривать с незнакомцами».

Боже, и как я забыла об этом золотом правиле тогда на балконе нашего дома?

Наверно, вряд ли что-то бы изменилось, познакомься я с ним в других обстоятельствах. Мне бы хотелось верить в себя настолько, чтобы представлять, как я проигнорировала его красоту и харизму, прошла мимо, вздернув носик, словно он — пусто место. Хотя в глубине души и понимаю — это вряд ли. В тот первый раз меня так сильно прошибло, и я точно знаю, что прошибло бы в любом случае. Как говорится, от перемены мест слагаемых сумма не меняется, но иногда приятно думать о себе лучше, чем есть на самом деле.

Покручивая в руках последнюю белую розу, аккуратно нажимаю пальцем на шип и молча разглядываю скамейку из знаменитого романа. Мне важно быть здесь сейчас именно по той причине, по которой я собиралась изначально, а Алекс и наши «отношения» лишь приятный бонус. Точнее та правда, которая наконец дошла до моего явно нездорового мозга, но и это сейчас не имеет значения. Здесь говорить с незнакомцами запрещено, это чревато

разлитым маслом и отрубленной головой, а она мне еще ой как нужна. Пусть порой и неадекватная, но умеющая критически мыслить, а еще хранящая в себе столько теплых воспоминаний *о ней*... Бережно укладываю розу для Розы, как дань памяти, как способ сказать: я тебя никогда не забуду, родная. Я все еще здесь, я все еще тебя люблю, и я все еще скучаю.

Безумно скучаю каждый день...

Быстро утираю слезу и хмурюсь. Она очень мечтала побывать здесь — вечная, ярая поклонница Булгакова — но так и не успела. Мне хочется верить, что когда ее не стало, хотя бы через эту розу и мою боль, ее дух все-таки это сделал. Глупо, наверно, но я верю, что люди никогда не покидают нас навсегда — они живут с нами, в нас и через нас. Видят нашими глазами, бывают там, где бываем мы, потому что следуют по пятам, как тени, как защитники. Это особая легенда моей семьи, нам ее рассказывала мама перед сном, так что пусть это и предрассудки, сказки и выдумка, а все равно такие родные... От них пахнет булочками с корицей и сладким, мятным чаем. От них пахнет домом... когда все еще было хорошо.

— Так что за странный ритуал?

Снова выдергивает из тяжелых мыслей, но на этот раз я даже благодарна. Не очень хочется рыдать посреди столицы, особенно когда так солнечно и многолюдно. Рыдать я предпочитаю исключительно за закрытыми дверьми и в подушку, чтобы никто не видел и не слышал.

Но с другой стороны эти странные поползновения... Мне не очень нравится, что он лезет мне в душу — такого наш договор не включал в себя уж точно. Вот только какая-то часть меня радуется, готова даже в пляс пуститься, и все потому что *ОН* соизволил поинтересоваться хоть чем-то, что касается меня. А потом снова накрывает волна ярости, но уже на себя за то, что я все еще рада этим крохам внимания... так глупо. Меня бесит моя глупость, бесит, что меня мотает из стороны в сторону, бесит, что несмотря ни на что, я все еще на что-то надеюсь. Это как сраные качели, которые я всегда ненавидела — взлет, а за ними падение в бездну. Мне никогда не нравилось это чувство свободного падения, а с ним оно преследует меня. Такое ощущение, что Алекс как-то вызывает его, словно одним своим присутствием толкает в глубокий овраг, где и дна то не видно. И только он решает спасти меня или оставить лететь и неминуемо разбиться.

Мне не нравится зависеть, а я завишу. Плотно присела на иглу его эмоций, и сама не заметила как, но стала невольной пленницей его настроения. Снова посещает мысль, что пора бы разорвать порочный круг и вырваться на волю из плена своих чувств и его рук, но это я оставляю на потом. Сейчас я просто хочу закончить этот глупый разговор...

— Человек, которого я очень любила, мечтал побывать здесь.

Не поворачиваюсь, потому что не хочу видеть его лицо и эти странные, глубокие глаза-магниты. Наверно мне немного страшно увидеть в них «ничего», тема слишком глубоко внутри меня, чтобы стерпеть такое отношение.

Алекс стоит за моей спиной, я чувствую жар его тела, и это, наверно, лучшая иллюзия. Словно за мной стена, за которую я могу спрятаться, которая не даст меня в обиду, вот только это лишь иллюзия. Ежусь от такой глупости, физически ощущая дикий дискомфорт, а потом вовсе разбиваюсь, когда звучит его голос. Тихий, без насмешки, необычайный, потому что без сарказма и издевок. Будто впервые настоящий...

— Я уже догадался, что это не ты бешенная фанатка Булгакова.

— Откуда ты знаешь? Может у меня под подушкой его сборник?

— У тебя нет ни одной его книги, хотя их у тебя в достатке.

Щелчок зажигалки и дымовой столб. Его сигареты пахнут не так, как обычные, а миндалем и карамелью, и губы после них всегда сладкие. Я прикрываю глаза, потому что знаю, что сейчас — моя последняя возможность все это запомнить. Каждую мелочь. А он, словно читая мои мысли, позволяет даже больше. Приближается и шепчет почти на ухо, кладя руку по-хозяйски на талию. Словно я — его, и не просто развлечение на пару часов, а его женщина.

— Ты ненавидишь Булгакова, не так ли?

— Ненавижу.

Отвечаю в тон, как по команде. Скорее всего дело привычки, говорят же, что она вырабатывается за двадцать один день, а я сплю с ним гораздо дольше. Он и без того умел надавить куда надо, сейчас и подавно, получив все нужные инструменты, включая мое сердце.

Рука плавно переходит на живот. Алекс притягивает к себе так, чтобы я уперлась лопатками в его грудь, после обнимает, а меня колбасит от прилива возбуждения и стай мурашек, носящихся сверху вниз. Прикусываю губу, чтобы не выдать себя, когда его рука скользит по ключицам, а губы прижимаются к виску. Он медленно вырисовывает круги на коже, тяжело дышит, пока сигарета тлеет и уносит аромат в небо, и лишь через пару мгновений хрипло спрашивает.

— И почему? Где тот человек, который так мечтал побывать здесь?

Он слишком умен. А я слишком податлива.

Вообще, обычно нет, но он, как мой личный Криптонит. Делает из меня ту, кем я не являлась никогда и, наверно, после него уже не буду. Что-то мне подсказывает — это разовая акция, и плевать, что мне еще и восемнадцати нет. Дважды пережить такие эмоции, как здесь и сейчас, просто невозможно. Такое бывает только раз в жизни...

— Котенок... — с улыбкой шепчет, задевая губами щеку, ведя ими дальше к уху, провоцируя дать то, что он хочет.

И я даю.

— Не знаю. В последний раз я видела его, когда мне было десять.

— Кем был этот человек?

А вот это уже слишком. Меня моментально выдергивает из состояния вакуума, где есть только я и его низковатый, хриплый шепот. Я порываюсь вперед, скидывая его руку, а потом поворачиваюсь лицом, твердо ставя точку.

— Ты забыл? Не лезь мне в душу, мы так не договаривались.

Все рухнуло. Приятное чувство томления, счастья от близости настолько желанного человека, тяга... А осталась только пустота. От нее (или от него?) мне вдруг безумно захотелось сбежать. Куда глаза глядят, лишь бы не видеть и не слышать, подальше, лишь бы не чувствовать. Все, что угодно, лишь бы никогда не быть настолько от него зависимой...

Делаю шаг в сторону аллеи, мне на самом деле необходимо покинуть это место, но мне не дают. Алекс берет за локоть, так что я оказываюсь в очередном расставленном капкане, поворачивает на себя, словно куклу, смотрит зло, прямо, пронизательно. Знаю, что он читает в моих глаза все, что я сейчас испытываю, и, кажется, на секунду я улавливаю ту эмоцию, которую до сих пор никогда не видела: беспокойство. Он беспокоится за меня? Нет, это глупость. Кажется это все стресс.

— Амелия...

Произносит мое имя глубоко, устойчиво, так, что я на секунду теряюсь. Нет, серьезно, мне что не показалось? Я удивлена, и это мягко сказано, потому что он на самом деле волнуется, кажется даже в кои то веки старается подобрать верные слова, а потом...просто рушит этот момент очередной бессмыслицей.

— ...Поверь мне, мое безразличие куда лучше моей любви.

И что это должно означать?! Я не спрашиваю в слух, но мой взгляд достаточно красноречив, чтобы понять и без слов. Вот только мне никто ничего объяснять не собирался, Алекс снова стал прежним, как по щелчку пальцев. Холодная маска плотно прилегает к лицу, на губах все та же знакомая усмешка, а глаза пустые. Он словно смотрит сквозь меня, словно больше не видит или не хочет видеть, вместо того отпускает сам, делает шаг назад и, указав головой в сторону, где припаркована его машина, небрежно спрашивает.

— Теперь можем ехать домой?

16; Ноябрь

В этом году у меня совсем не было настроения на праздник — такой дикий депрессняк накатил...Никогда не думала, что стану одной из девчонок, которые будут лежать на кровати, смотреть в окно и томно вздыхать из-за парня. До этого момента меня это вообще не волновало, иногда мне даже казалось, что со мной что-то не так: мужчины меня раздражали, а все, что с ними связано не нравилось и напрягало. Я редко ходила в клубы отчасти из-за этого — не хотела привлекать к себе лишнего внимания. Мне это было ни к чему.

А теперь...

Теперь все иначе. Теперь я, твою мать, мечтаю привлечь это самое внимание. Теперь я жалею, что не умею заигрывать, что не училась у подружек, которые занимались подобным чуть ли не с пеленок. Я даже стала ловить себя на мысли, что надо было лучше слушать Лилю, когда она давала мне наставления. Клянусь, если бы в универах обучали на тему отношений (и я сейчас говорю не про психологию), она была бы деканом. Факультет соблазнения, кафедра манипуляций, уловок и кокетства. Думаю, что в этой области ей удалось бы отжать себе не одну ученую степень, а сразу все, в отличии от меня...Каждый раз, когда я оказывалась наедине с Алексом, столбенела. Он у меня что-то спрашивал, шутил, улыбался, а я, как конченная идиотка, краснела до самых кончиков пальцев, мычала что-то нечленораздельное и пялилась в пол. Мне самой хотелось себя придушить за повышенный процент убожества на один квадратный миллиметр моего существа, а главное, что пересилить этот порог смущения стало сродни доказательству теории струн — совершенно нереально.

«Наверно думает, что я умственно-отсталая малолетка...»

В носу защипало. От обиды, от горечи за свое незавидное положение невидимки. Я ей и была. На выходных, когда приезжала домой, хлебнула всего этого сполна, когда увидела на его коленях какую-то шатенку. Верочка — потом я узнала, что ее так зовут, когда они заметили меня и оторвались от страстного лобызания. Жаль я не провалилась сквозь землю...Лучше бы так и случилось, тогда бы я не рассмотрела эту дамочку так хорошо и не запомнила каждую черту ее морды! А она была красивой...Вот какое слово пришло в голову, стоило о ней подумать. Высокая, красивая, молодая женщина с длинными волосами по поясицу, пухлыми губами, чуть вздернутым носиком и огромными, карими глазами. Верочка точно сошла с обложки модного глянца, точно модель! Прямо как Лиля...

Я в который раз прокляла свои гены, а точнее сраные доминанты моего папаши. Лиля вот была похожа на маму — такая же высокая, стройная, идеальная. Мама когда-то даже в конкурсе красоты участвовала, чтобы оплатить учебу, и выиграла. У меня же от нее были только волосы — светло-русые пепельные, почти серебристые и идеально прямые. Лиле волосы достались от ее отца — светлые, медовые и кучерявые. Сейчас правда от них мало что осталось: она выпрямила их и перекрасила в платину. Сказала, что так модно. М-да... она бы точно заткнула эту Верочку за пояс. А мне куда? Ноги коротенькие, щеки, как у хомяка, еще и эти странные глаза. Нет бы были янтарными и обычными, так фига с два. И они достались мне от отца, от матери лишь это самое, янтарное пятно, и теперь все вечно пялились, так и норовя как-нибудь прокомментировать!

Боже...

Тяжело вздохнув, я перевернулась на спину и уставилась в потолок. Через пару часов у меня день рождения — семнадцать лет. Вообще мы с Лилей договорились отметить его на выходных, она специально ради этого прилетает из Мадрида. Сегодня она мне уже несколько раз позвонила, поздравила. Кристина тоже — с ней мы договорились на воскресенье, мне даже дали еще один выходной на понедельник в Академии за хорошую успеваемость. Так что мне грех жаловаться, а и идти все равно никуда особо не хотелось.

— Ты чего валяешься, как амеба?! — раздался звонкий голос Адель, от которого я так шарахнулась, что чуть не упала с кровати.

Она стояла прямо напротив, уперев руки в бока и во всю хмурясь. Я, если честно, даже не поняла сначала в чем дело, а главное — почему она так вырядилась?! Нарядная. Красивая. В коротком, но вполне закрытом платье — Адель старалась не провоцировать Рому на ревность. Однажды он сильно подрался в одном из клубов, защищая ее честь, и ей это не сильно понравилось. Во-первых отец, во-вторых она боялась драк.

— А-У блин! — защелкав пальцами, подруга дернула головой, — Да где ты летаешь?! Нам выходить через сорок минут, а ты совсем не готова!

— Да о чем речь вообще?!

— В смысле?! Ты сказала, что в выходные не сможешь отпраздновать, поэтому мы договорились слинять из Академии в четверг! Сегодня четверг и крутая вечеринка в масках!

Что?! Я нахмурилась, совершенно не понимая о чем она говорит. Ни с чем подобным я не соглашалась — это просто нереально. С чего она вообще решила, что я пойду?! И когда мы об этом могли говорить?! Не помню...

Адель словно прочитала мои мысли и, усмехнувшись, сложила руки на груди и приподняла бровь.

— Поня-ятно... Ты не слушала, а просто кивала? Снова твой сексуальный сосед завладел всеми мыслями?!

Черт-черт-черт! И кто меня за язык тянул?! Зачем я ей рассказала вообще?! Надеюсь, что они никогда не встретятся — я со стыда сгорю, если она что-нибудь выкинет, а он все поймет. А он поймет...

— Прекрати...

— Ага. И что теперь?! Ты обещала! Завтра пятница и не будет никаких важных занятий — идеальный шанс! Или что?! Придумываешь очередную глупую отговорку?!

Если честно, то очень этого хотелось, но потом я вдруг поняла: это же мой шанс! Кивнув самой себе, я резко встала и мотнула головой.

— Не в этот раз!

Клуб, в который ходила Адель, находился в самом центре столицы. До ужаса дорогой, элитный и закрытый. Там тусила золотая молодежь, высшее общество, а это означало полную, безукоризненную приватность и гарантию сохранения личной жизни в тайне, но вместе с тем это означало, что просто так с улицы туда сложно попасть, и дело обстояло не в нашем возрасте. Адель хорошо знала младшего брата хозяина клуба Арчила — на Рублевке они жили буквально через дом, — но даже несмотря на «тесную», соседскую дружбу нам

никто не собирался делать поблажек.

Точнее мне. М-да. Сюда закрыта дорога во всех моих шмотках от НМ. Даже самый простой наряд обывателей стоил, как половина моего шкафа, поэтому Адель выдала мне платье, и я снова захотела сбежать. Оно было таким коротким: просто кусок атласной, черной ткани на тонюсеньких ляпочках, скрещивающихся на спине. Я ненавидела такие откровенные платья, никогда не носила их и не планировала начинать, а все равно оказалась именно в нем. Сама не поняла, как так вышло то? Подначивания? Взятие на слабо? Подколы? Единственная вещь моего «лука», которая не пугала: шпильки любой высоты для балерины просто пшик, а у меня сегодня были просто огромные шпильки. Попробуйте протанцевать несколько часов на пуантах, вам любая обувь начнет казаться манной небесной.

В общем в таком наряде я и стояла, собственно, на третьем этаже, где расположились VIP-кабинки. Они представляли из себя зоны с диваном в форме «П» и огромного стола с шестом в центре, который светился в темноте синим, фиолетовым или красным неоном. Это был последний этаж клуба, который считался самым что ни на есть почетным, поэтому кабинок здесь было всего три, и стоили они соответственно. Кажется один только депозит вставал в кругленькую сумму с семью нулями, если не больше, и это никого не смущало. Здесь никого в принципе не смущала стоимость одного коктейля, от которого у «простого смертного» волосы встали бы дыбом.

Обычно, когда дело доходило до денег, я всегда смущалась — у меня их не было, очевидно, по крайней мере на данный момент, и Адель всегда платила сама. Но в этот вечер все обстояло гораздо хуже, и смущаться мне предстояло еще сильнее. У Адель было трое старших братьев. Миша — его я видела в одном из журналов о ресторанах. Очень успешный, кстати, первым привез в Москву Мишленовскую звезду, а это было еще тем достижением! Максим — второй брат по старшинству, но не по важности. Его я не видела ни разу, лишь когда-то очень давно, когда приезжала с Адель и Настей в их дом на Рублевке, там была фотография всей семьи, где они были детьми на их первом, совместном Новом году. И последний, который был младше Максима всего на полгода-года и по совместительству единственный родной брат Адель — Алексей. Вот в нем то и было все дело...

Наверно странно, что в прессе не было ни одной фотографии Максима или Алексея, и я как-то даже спросила подругу почему так? Все оказалось весьма прозаично. Петр Геннадьевич прятал своих детей с маниакальной страстью: не дай бог хоть один кадр, одно неверное слово! Могла же пострадать репутация, а это, на секундочку, недопустимо и вообще каралось смертью. Да и не то чтобы я особо искала... Мне то какое дело? Единственное, что я о них всех знала — они учатся где-то в Англии. Адель как то обмолвилась, что Макс похож на их отца больше остальных, вот только не любил это слышать, а признавать так вовсе наотрез отказывался. Еще он был язвой, как их бешенная, сестрица Марина, которую я тоже видела всего один раз и больше не горела желанием от слова «совсем». Ей постоянно было словно необходимо как-то меня поддеть, и если Макс был еще хуже, то даже странно, как дожил до двадцати пяти, а не получил где-нибудь по темечку. Но, вроде как Алексей был не таким и плохим. Адель рассказывала, что он добрый и мягкий, в меру саркастичный, скорее с чувством юмора, а еще он очень любил свою младшую сестричку и маму. Мы с Адель давно негласно определили «острые темы» и обходили их за километр, так что этого уже и не замечали, с ее братом все было не так. Встретившись с ним впервые в этом шумном клубе, я буквально кожей ощутила этот дикий

напряг, хотя все, что о нем говорила Адель и оказалось правдой. Наполовину так точно...

Красивый, статный блондин с широкими плечами и выправкой под грифом Мистер-я-уверен-в-себе-на-сто-процентов. У него было хорошее чувство юмора, сарказм тоже присутствовал, а еще он был очень образованным и интересным собеседником, вот только я совершенно не хотела поддерживать разговор, а хотела побыстрее сбежать. В этом и была главная засада, которую мне моя подруга сообщила только в тот момент, когда мы уже поднимались по лестнице на этот чертов этаж — весь сегодняшний праздник оплачивал именно он. И я ему не нравилась.

Адель всегда говорила, что Леша очень похож на Настю, но это, сюрприз-сюрприз, было не совсем так. Да, он действительно был на нее похож, но не смотря на свой статус, она так и не стала «ледяной стервой», как многие жены их общества. Алексей же напротив пусть и имел хорошие манеры, но вот его глаза... Холодные, голубые и колющие. Такой взгляд я уже видела, и он принадлежал не Насте, а их отцу. Его отношение ко мне тоже было далеким от отношения их матери — это чувствовалось интуитивно. Он прощупывал меня, разглядывал, не стесняясь, а на дне небесных глаз читалось презрение. Я его не винила, скорее понимала и в каком-то смысле даже поддерживала. Окажись я в такой ситуации, где мне пришлось бы сидеть за одним столом с сестрой любовницы их отца, которую он даже не трудился прятать, я бы тоже реагировала неоднозначно, пусть я и имела к этой истории лишь косвенное отношение. Алексею скорее приходилось меня терпеть ради любимой сестры и матери, и он искренне пытался скрыть все то, что чувствовал к моей персоне, вот только ему не удалось меня провести.

«Господи, я в аду...» — подумалось мне, пока я медленно водила трубочкой по краю стакана с одним единственным коктейлем, который я заказала.

Большого я себе позволить не могла, даже если бы хотела. Как только я разобралась с тем, что вижу и чувствую, четко решила оплатить свою часть заказа сама, как бы глупо это не звучало...

Я очень-очень хотела уйти, и с каждой секундой мое желание только росло, особенно, когда волей случая я осталась наедине с Алексеем. Это произошло глупо и само-собой, когда Рома, который и прийти то толком не успел, а уже поссорился с Адель, психанул и свалил — она за ним. Сейчас, например, они стояли у тонкой оградки и о чем-то живо дискутировали, махая руками, а я за этим наблюдала...

— Они поссорились, — вдруг раздался голос Алексея, от неожиданности я вздрогнула и обернулась, вдруг осознав, что все это время, кажется, он наблюдал за мной.

Твою. Мать.

Слегка поджав губы, я кивнула и хотела было снова отвернуться, но Алексей опередил мой порыв, добавив.

— Это, скорее, по моей вине... — протянул тем временем парень с хитрой ухмылкой, — Прости, что портим всем этим настроение.

— Все нормально, ничего не испорчено.

— То есть ты всегда такая молчаливая? Даже в день рождение?

Твою. Мать. В квадрате.

«Что ему от меня нужно?!»

Я слегка прищурилась, но снова кивнула, даже улыбку выдавила, наблюдая за мужчиной по правую от меня руку. Он не выглядел напряженным, напротив, сидел вальяжно и спокойно, держа на колене граненый стакан с виски. Алексей будто специально не моргал,

а наблюдал-наблюдал-наблюдал, пряча в уголке губ смазанную усмешку. Адель могла говорить мне все, что угодно, но я видела это его «особое отношение», и мои подозрения только крепились. Я действительно ему не нравилась, пусть он и пытался это скрыть за хорошими манерами, но, как говорится, обманщика не обманешь — это читалось жирным шрифтом, хотя и писалось между строк.

— И сколько тебе стукнуло?

— Семнадцать.

— Очаровательно...

— Наверно.

Да, я не хотела поддерживать разговор, лицемерие и подобные «игры» — не моя сильная сторона. Я все прекрасно понимала, поэтому находилась в состоянии обороны, защищая спину, в которую думала, он с удовольствием воткнул бы нож. Пусть это возможно и паранойя, но я рассудила, что лучше держать дистанцию в километр минимум, чем потом расхлебывать кашу, об которую я могу и ложку сломать.

— Знаешь, у тебя сейчас лучший период в жизни, — не унимался Алексей, очаровательно улыбаясь, — Можно совершать любые ошибки и глупости. Действовать по зову сердца и никакой ответственности.

— Тебе виднее.

— И то верно. Как говорится, лучше сделать и жалеть, чем жалеть, что не сделал. Зато в старости будет что вспомнить.

— А вот и мы!

Я чуть не завизжала от внезапно прилетевшего вскрика радостной подруги, погрязшая в диком напряжении из-за присутствия ее брата! Это взбесило, но когда я повернула голову, увиденное взбесило меня куда сильнее...

— Сюрприз!

Охренеть. Какой. Сюрприз.

У меня, наверно, вся кровь отлила, как по щелчку пальцев, а потом резко вернулась назад, вдарив по венам с такой силой, что голова закружилась. Во-первых передо мной стояла улыбающаяся от уха до уха Кристина. На ней было красивое, глубоко-зеленое платье через одно плечо и аккуратные лодочки, делающие из нее настоящую принцессу. Рядом улыбался ее не менее красивый Арай в белой рубашке и бабочке в одной цветовой гамме со своей девушкой, а я... Я не могла вдохнуть, потому что позади них стоял Алекс.

Черт. Возьми! Я бы узнала его из тысячи, клянусь, в любой маске, в любой одежде, с любого расстояния. Он не был ребенком из богатой семьи, одевался в обычную одежду, которой в принципе было немного, судя по тому, что я видела, по крайней мере. Тачка его... красивая, вся начищенная и отполированная, но старая. БМВ пятой серии, примерно года девяти-десяти. Черная, наглухо тонированная, агрессивная и опасная — точное отражение своего хозяина, но она не стоила миллионы миллионов. Ко всему прочему его работа: он подрабатывал в ресторанчике быстрого питания, насколько мне было известно. Жаль, что я не знала большего, мне так и не хватило смелости заговорить с ним напрямую, оставалось довольствоваться лишь короткими обрывками информации, случайно услышанной на выходных за ужином.

Но он все равно был центром моей вселенной. Посреди этого богатого интерьера с кучей более удачных экземпляров, как говорили девочки в Академии, когда хвастались между собой, кого им удалось захомутать. Если бы он обратил на меня внимание, хотя бы

взглядом коснулся, мне было бы плевать, что у него нет ничего: ни квартиры, ни дорогой машины, перспективной работы или внушительного счета в банке. Мне было бы плевать на все, я бы стала самой счастливой на свете. Алекс действительно тянул меня, интересовал и пусть я перед ним терялась и не могла связать двух слов, точно знала, что он стоит того. В нем чувствовался ум с первой нашей встречи не такой, как у Леши, а даже острее, не смотря на все его крутое образование.

«С днем рождения, котенок...» — мягко прошептал, наклонившись и оставив короткий, но горячий поцелуй у меня на щеке.

«Спасибо», — еле слышно прошептала, покрывшись мурашками и жадно разглядывая его лицо. Впервые так близко, и плевать, что каких-то несколько секунд — оно того стоило.

И пока я краснела, знакомство продолжалось...

— Алекс.

— Алексей.

Забавное созвучие имен. Алекс давно жил во Франции, так что ни о каком обычном «Саше» и речи не шло. В нем вообще не было ничего обычного. Ни стеснения, ни неудобства, одна огромная, двухметровая куча уверенности.

И не смотря на то, что знакомство состоялось и прошло неплохо, когда все заняли свои места, я ощутила еще большее напряжение, чем за секунду до этого. Ситуацию, благо, спас Арай — весельчак и просто кладезь странных историй, — а мне на ухо вдруг неожиданно прошептали...

— Теперь я, кажется, все понимаю...

«Черт, у них это что семейное?!» — вздрогнув, я зло уставилась на подругу, что насмешило Адель, вот только развитие никакого получить так и не получило из-за Ромы. Ну или почти из-за него.

Неожиданно он прыснул коктейлем, окатив этим фонтаном и свою девушку, которую даже несмотря на ссору обнимал, и меня, которая сидела на достаточном расстоянии, возможно и еще кого-то, кто ж его знает. Мне было не до того, чтобы рассматривать каждого, кто сидел с нами за одним столом. Расставив руки в стороны, я задержала дыхание и уже хотела было что-то ну как минимум сказать, но тоже не успела. И нет, не потому что мой друг задыхался от кашля, а потому что вдруг передо мной опустился красивый бокал на тонкой ножке для Мартини, но без Мартини. Вместо коктейля в бокале лежал безупречный, рубиновый крест, так сильно напоминающий крест Кэтрин из «Жестоких игр» — одного из моих самых любимых фильмов...

И я уже знала, что будет дальше...

— С днем рождения, принцесса.

От этого голоса у меня побежали мурашки, а его руки, которые я узнала бы и с закрытыми глазами, даже не смотря на новые татуировки на них, уперлись в столешницу так, чтобы их владелец сохранил равновесие, нависая надо мной сверху. Я чувствовала его дыхание на своих волосах, но поднять глаза не могла: смотрела перед собой исподлобья, зло, даже яростно, еле еле сохраняя остатки самоконтроля, который он снес одним своим присутствием.

«Козлина...и как я не догадалась, что он притащит свою задницу сюда именно сегодня?» — я бы думала именно так, если бы могла составлять предложения в этот момент.

А я не могла. Только часто дышать, изо всех сил пытаюсь удержать себя в рамках

дозволенного.

— Ну что же ты? Даже не поздороваешься?

«Господи, какой же бесявый у него голос!» — снова подумала бы, но вместо того слегка прикрыла глаза и так же слегка повела головой в сторону, в ответ получив такой же пакостный смешок.

— Или ты не рада меня видеть? Очень жаль, я вот очень. Круто смотришься в этом платье и этом месте.

Он наконец оторвался от меня, прекращая обдавать парфюмом, который я же ему и подарила — пряный, вишневый и сладкий, — потом издал еще один свой фирменный смешок и пошел дальше по коридору, будто победил! Руки сцепил за спиной, походка вальяжная, и мне хватило всего пары секунд, чтобы понять: этого я допустить не могу ни за что!

— И это все, что ты способен был придумать? — выдавила, еще обналичивая свои флешбеки, но лишь пару секунд...

Дальше я расслабилась, откинувшись на спинку дивана, а знакомая до дыр фигура замерла, не успев отойти на расстояние, на котором он бы меня не слышал. Я прекрасно осознавала, что он делает и зачем, каждое его слово — намек, который был понятен только нам, и каждый этот намек направлен лишь на то, чтобы ужалить меня побольней. Он здесь только за этим — сделать мне больно.

— Жалкое зрелище.

— А говорила, что никогда больше со мной не заговоришь... — протянул привычным, насмешливым тоном, заставив закатить глаза, — Кажется и не такое жалкое, да?

— Поверь, все твои попытки провалены с треском. Ты зашел с выигрышной позиции, застал меня врасплох — браво, но это все?! Даже как-то печально проигрывать с таким раскладом.

— Проигрывать значит?

— Хочешь убедиться в этом? — я слегка кивнула и хмыкнула, подавшись к столу, откуда плавно стянула тонкую, платиновую цепочку, где чередовались характерные бусинки из того же металла, — Может повернешься и посмотришь, как я выгляжу в твоем подарке? А то как-то нетактично выходит...

Молчал. Я знала, что теперь его черёд психовать, даже видела, как он хотел повести головой, как я всегда делала, когда злилась, но вовремя сдержался — это улыбнуло. Поднявшись на ноги, я подняла брови и, уперевшись рукой в стол, другой гладила выступающие камни на кресте, продолжая додавливать.

— Тебе же и платье понравилось, и место, и мне ты рад...

— О, я просто в восторге.

— Еще бы, я же просто чудо, а с этим крестом и вовсе будет полный набор.

— Оставлю это зрелище для богатеньких деток...

— Как так? Или правду о тебе говорят, что ты — всего лишь маленькая, трусливая сучка?

БАМ! Конечно ход очевидный, но зная куда бить, даже очевидные ходы прокатывают. Он резко повернулся, блеснув глазами в темноте — родными и такими любимыми. Я поэтому то и злилась на него так сильно, потому что также сильно любила. Это наша привычка — бить наотмашь, чтобы побольнее было. Год назад он ударил меня так, что я прорыдала минимум неделю и действительно поклялась больше с ним не разговаривать, чем

ударил его в ответ. Сегодня история должна была повториться, иначе просто быть не могло. Медленно выпрямившись, я показательно расцепила застежку цепочки за чем Элай пристально следил, а потом закрыла ее уже на своей шее, улыбнулась и пожала плечами.

— Каков вердикт? Деньги потрачены зря?

Элай продолжал прожигать во мне дыры и кипеть, я видела даже с расстояния, как часто сжималась мышца на челюсти, и ждала взрыва. Чем же кончится наша новая стычка? Кто останется в дамках?

— Очень театрально, малышка, — наконец заговорил он, и, раз уж я его явно провоцировала, Элай не стал стоять в стороне.

Спокойно подойдя ко мне, остановился и улыбнулся, жадно разглядывая мое лицо. Я видела это и знала одно — он по мне очень скучал, я же скучала. В эту секунду я его ненавидела и это было взаимно, но тем не менее факт оставался фактом, и ничто его изменить не могло. Нашу связь просто невозможно было разорвать...

— Ты похожа на девушку, кому очевидно подойдет такой крест.

— Еще что-нибудь скажешь? Мне все еще недостаточно больно.

— Думаешь это моя цель? Сделать тебе больно?

— Уверена на сто процентов. Я же сделала — твоя очередь. Давай, а то пока слабовато.

— Хочешь посильнее? — ухмыльнулся, а потом вдруг посмотрел на Кристину и кивнул, — Ты, видимо, Кристина?

Подруга опешила и нахмурилась, но раньше, чем успела что-то сказать, я выступила вперед и прошипела.

— Не впутывай...

— Приятно познакомится, я — Элай, — проигнорировал меня с холенной улыбочкой, — Говорят, что ты предложила Амелии пожить у тебя? Что ж. Если ты однажды проснешься, и ее не будет, не вини себя. Это в ее характере — сбегать и...

— Да заткнись! — дернув Элая за руку, вернула себе внимание, о чем сразу же пожалела.

— Мало? Ты похожа на свою сестру.

— Трахни себя в очко.

— Нет, спасибо, обойдусь. И ты с этим не спеши, говорят, что это больновато. Хотя... если планируешь пойти по ее стопам и облюбовать член какого-нибудь престарелого ублюдка, лучше начинай тренироваться уже сейчас.

Звонкая пощечина наотмашь прозвучала настолько громко, что кажется заглушила даже басы из огромных колонок, а его это только насмешило. Элай засмеялся, прижав руку к лицу, пока я аж задыхалась от злости, даже ярости. В глазах то и дело темнело, и мне хотелось его придушить, да настолько, что я и не заметила, как у меня за спиной Рома поднялся на ноги. Это заметил Элай, который тут же вскрыл и свои истинные чувства, вторящие тем, что горели в моем сердце. Он резко посмотрел на моего друга и процедил.

— Даже не вздумай, друг. Помнишь, чем кончилось в прошлый раз?

— Ты же понимаешь, что я тебя не боюсь, Элай?

— Тогда ты прямое подтверждение общественного мнения о том, что все футболист — дегенераты конченные.

— И кто из нас двоих дегенерат?

На реплику Ромы, взгляд Элая потяжелел, и я снова знала, что будет дальше, поэтому раньше, чем он это исполнил, выступила вперед, преграждая путь к другу. Прямо наперекор.

Элая это только повеселило, и он, продолжая пускать молнии одними глазами в Рому, холодно улыбнулся.

— Защищаешь свою подружку? Очень трогательно.

— Будь ты нормальным... — не унимался Рома за моей спиной, — Пришел бы и извинился, как минимум.

— Ты будешь учить меня общаться с моей...

— Ой, простите, что кто-то посмел давать тебе советы! — повысила голос, отчасти чтобы привлечь внимание, а отчасти чтобы прекратить их стычку.

В прошлый раз Рома действительно получил по полной, ведь он был гораздо слабее Элая, даже не смотря на всю их разницу в комплекции и не в пользу последнего. Элай был ниже ростом, уже в плечах, но это полностью окупала его неумность и бескомпромиссность, особенно если кто-то лезет в его личное пространство и задевает его интересы. Мне это все было абсолютно ни к чему — разнимать драку не входило в планы этого дня, поэтому самым логичным выходом стал перевод внимания на свою персону и никак иначе.

— Ты сам выгнал меня, а теперь приперся сюда *сегодня* и тыкаешь в это носом, будто это был мой выбор?!

— То есть это был не твой выбор?! И разве ты сама не напрашивалась?! Ты же меня провоцировала, прямо как пару минут назад!

— Ты не воспринимаешь меня всерьез! — заорала, не выдержав и шагнув к нему ближе, — Не тебе решать, что правильно, а что нет! Это моя жизнь, и я имею право строить ее как и где хочу!

Он только рассмеялся, а у меня как схлынуло. Я вдруг перестала видеть смысл во всех этих разборках, как по щелчку осознав, что мы никогда не придем к консенсусу. Он всегда будет таким же твердолобым, как сейчас, и он никогда не будет готов видеть во мне самостоятельную личность, а не свою тень...

Это было обидно. Сложив руки на груди, я отступила и тихо, уже спокойно протянула, всматриваясь в его глаза. Теперь у меня не было цели его уколоть, у меня была цель в последний раз попробовать побороться за наши отношения... В последний раз, клянусь!

— Как забавно получается... Ты делаешь все, что хочешь и имеешь на это право. Я делаю тоже самое и становлюсь врагом. Не очень то честно, не находишь?

— Какой ты враг?! — устало выдохнул Элай, потеряв глаза указательным и большим пальцем, — Что ты несешь, королева драмы?

— Я хочу, чтобы ты ушел. Сейчас же.

Он резко оторвал руку от своего лица, посмотрел на меня и усмехнулся, наклонив голову на бок.

— Это что приказ?

— Ты меня не слышишь.

— Ты меня тоже.

— Это полемика, которая мне больше неинтересна. Мы закончили. Но прежде, чем ты уйдешь, я хочу получить свою машину.

Элай словил ступор, я приподняла одну бровь — и это была некая борьба взглядов. Он словно спрашивал: ты серьезно? А я отвечала: еще как, милый, еще как.

— Я подарил тебе крест, и он стоит, как машина. Или тебе не нравится? Тогда может я его заберу...

Он потянулся к кресту у меня на шее, но я тут же шлепнула его по руке и саркастично прищурилась, пару раз мотнув головой с улыбкой от уха до уха.

— О нет, дорогуша, это же подарок. А то проигрыш. Головой надо было думать, когда садишься за доску с кем-то вроде меня. Я никогда не проигрываю, ты же помнишь?

Припечатала. Вот прямо видела, как это отразилось на дне его глаз и уже мерзко улыбнулась, слегка наклонив голову вниз. Элай же пару секунд смотрел на меня, пока не прыснул — а что ему оставалось? Он знал, что проиграл, и я собиралась насладиться каждым моментом своего триумфа.

— Видишь? — плавно усаживаясь на свое место, я слегка пожала плечами, — Кажется я куда круче *своей* сестры, ведь мне ни к чему касаться чьих-то отвисших- яиц, чтобы получить, что я хочу.

— Я никогда не говорил, что тебе необходимо касаться чьих-то яиц.

— Тогда у меня, кажется, галлюцинации?

— У тебя, кажется, способность все утрировать и перевернуть так, чтобы свести в ту версию, которая тебе удобна.

— Ну да, мне очень удобно думать, что *ты* считаешь меня дешевкой.

— Будем честны. Я и Лильку не считаю дешевкой, судя по ее прайсу, а тебя точно.

— Серьезно будем обсуждать ценообразование?

— Ты сама меня спровоцировала именно на эти слова. И разберемся на берегу: я не ненавижу ее, чтобы ты там себе не думала.

— Ты ненавидишь ту, кем она стала. Мне это известно. Теперь это касается и меня?

Элай слегка прищурился, молчал, поджал губы, словно боролся с собой — а он боролся! Я знала, что ему очень хотелось выплюнуть порцию яда, но, наверно, он и сам чувствовал, что этот момент — переломный. А может он действительно так сильно скучал, что наконец решил отбросить весь свой сарказм?

— Я тебя не ненавижу, Амелия, и тебе это известно.

— Потому что я пока такой не стала?

— Ты никогда такой не станешь, а даже если и станешь, я скорее всего закину на плечо и увезу из этой клоаки, хоть оббрыкайся, но ненавидеть? Этого никогда не произойдет.

Поджав губы, чтобы не улыбнуться, я смотрела ему в глаза теперь без единой злой мысли — он делал тоже. Это было, конечно, немного странно, но так мило, что мне откровенно хотелось пищать — это же все значило одно: наши отношения еще «могут быть», не смотря ни на что. Но уступать так быстро? Ну нет...

Вытянув губы, чтобы окончательно распрощаться с улыбочкой, я приосанилась и еще выше задрала подбородок, чтобы он не рассчитывал на такое быстрое прощение, и снова заговорила.

— Хотела бы посмотреть, как у тебя это получится.

— Твой Рома не выдержал со мной на ринге и одного раунда, а ты и вовсе боевой хомячок. Думаешь не справлюсь?

— *Мой* Рома занимается футболом, а не борьбой.

— *Твой* Рома просто мудака.

«Мой» Рома подал голос, громко цыкнув.

— И я тебя люблю, солнышко.

Элай в ответ лишь выставил средний палец, смотря мне в глаза с усмешкой, а я и вовсе проигнорировала их глупое соперничество, сложа руки на груди.

— Я умная и находчивая, а еще очень быстрая. Сначала поймай, а потом строй планы по похищению...

Элай тихо прыснул и помотал головой, а потом взглянул на меня так тепло и открыто, кивнул и прошептал.

— Я улетаю и долго буду вне зоны доступа.

— В курсе.

— Узнавала обо мне?

— Хан любит трепаться, не льсти себе, — притворно отмахнулась, на что получила очередной, но мягкий, смешок.

— Разумеется. Перед отъездом я хотел тебя увидеть. Мне жаль, что год назад все так получилось...

— Мне тоже, — вторя ему, тихо кивнула, а он наклонился и прижался губами к моему виску, прошептав.

— Я по тебе пиздец, как скучал. Каждый день. И буду скучать дальше. Не выкидывай этот крест.

Тут все как-то само собой срослось, будто в голове лампочка зажглась, и я отстранилась, нахмурившись и снова заглянув в его родные глаза.

— Так ты для этого все это исполнил?! Чтобы я не выкинула твой подарок?

— Ты самая дикая, сложная и своенравная женщина из всех, кого я когда-либо знал, а их было немало...

— Фу, — скривилась, но теперь он проигнорировал мой выпад, просто пожав плечами.

— Если бы я отправил тебе его простой доставкой, ты бы это точно сделала. Единственный вариант, который мне оставался — разозлить. Ты же вечно все делаешь назло.

— Зачем? — проигнорировала усмешку, нахмурившись сильнее, и в ответ получила уже грустную улыбку в купе с глазами, полными тревоги.

— Меня не будет на этом континенте, если что-то случится, зато у тебя всегда будет план «Б». Не мог уехать и оставить самое дорогое, что у меня есть, без прикрытого тыла.

— Элай...

— Я люблю тебя, Амелия. Прости, что не замечал, как ты повзрослела. Надеюсь, что когда я вернусь, мы сможем все наладить, потому что весь этот год мне без тебя было совсем херово.

— Я тебя тоже люблю и всегда буду. Удачи.

Элай слегка кивнул, мягко улыбнулся уголками губ и оторвался от меня, лишая такого желанного тепла и присутствия. Больше всего на свете мне не хватало именно его — весь этот год казался адом, а теперь, снова обретя его, я вынуждена была потерять... И это было больно... наблюдать, как он уходит и знать, что я не увижу его в ближайшее время, не услышу его голос, не смогу хотя бы в теории позвонить... И разве я могла так просто его отпустить?

— Пстой! А как же моя машина?!

Элай замер, а я вцепилась в стол до белых костяшек. Возможно это и было глупо, но я хотела поговорить с ним хотя бы еще пару минут, и услышать еще раз его смех... что и произошло. Элай засмеялся, как делал это только со мной — без издевки, а чисто и звонко, — после обернулся.

— У меня самолет через час. Извини.

— Прикажи переоформить ее одному из своих дебилов, которые носят твой подол!

— Нужно личное присутствие, Амелия. Вернусь и займусь этим вопросом.

Он снова направился к ступенькам, и это уже была самая настоящая наглость и провокация. Я расширила глаза, оскорблено выдохнула, а после заорала ему в спину.

— Это я здесь папочка, и я устанавливаю правила!

— Папочке придется поехать на трамвае.

— Если не можешь отдать тачку — плати!

— Все мои бабки висят у тебя на шеи. Я на нуле.

— Не мои проблемы! Долг платежом красен! Бери кредит!

— Ты серьезно? Что еще мне сделать?

— Да что хочешь! Мне надо заплатить за квартиру на год вперед и оставить немного на жизнь...

— Ты собралась продать мою эксклюзивную тачку, чтобы оплатить квартиру?! — оскорблен выдохнул Элай, в ответ на что я прыснула и пожала плечами.

— На что я планирую потратить свои деньги — только мое дело, а ты будешь думать в следующий раз с кем играешь и что ставишь на кон. У тебя есть неделя.

— Амелия...

— Ничего не желаю слышать! Неделя. Документы и ключи или наличка. И так как ты так хорошо почесал мне за ушком, я позволю тебе оплатить свой проигрыш частями.

— О, ты великодушна...

— Вот именно, — гордо вздернула носик и улыбнулась, — Не исполнишь свои обязательства — я в миг ослаблю тебя, как маленькую, трусливую сучку, которая не держит свое слово. Приятного полета.

Элай долго смотрел на меня, я в ответ на него, и мы снова вели немую борьбу, пока в стороне Рома не прыснул и не сбил весь настрой. Элай резко перевел на него взгляд, потом прищурился, а потом выставил средний палец и снова развернулся, чтобы уйти. На этот раз я его не останавливала, хотя знала — он точно улыбался, и я улыбалась, наблюдая за его спиной, пока она не растворилась в полутьме лестницы.

Наверно я бы еще долго смотрела в дверной проем, да и смотрела долго, пока Крис не нарушила повисшую тишину театральным кашлем.

— Я очень извиняюсь, но...

— Хочу писать, — неожиданно выдала я, а потом перевела взгляд на тихо ржущего Рому, — Проводи меня.

Ему ничего не оставалось, кроме как встать за мной, а остальным недоумевать — мне же хотелось сбежать подальше. Эта встреча стала лучшим, что со мной было за год, но вместе с тем она слишком сильно подкосила мою выдержку. Ко всему прочему появление Элая ставила много вопросов на обсуждение, а это совершенно не входило в мои планы — давать ответы, которые я не хотела давать...

— М-да... — протянул Рома, когда мы спускались по лестнице, а я вдруг остановилась и серьезно посмотрела другу прямо в глаза.

— Хочу попросить.

— Ну попроси.

— Не говори никому, кто Элай такой. Я не хочу, чтобы они знали, а Адель будет спрашивать сто процентов.

Рома приподнял одну бровь, я же истерично искала причину, почему я не хочу

раскрывать карты, причина то должна быть разумной и логичной, а у меня ее не было. Рома и сам, не смотря на то, что был сыном моей крестной, многого не знал — мама не просвещала тетю Алису на сто процентов, и из всего, что происходило в ее жизни, она знала дай бог двадцать. Эту привычку я переняла с лихвой: про мою жизнь никогда и никто не знал всего, кроме моей семьи. Только им можно было доверять...

— Хорошо.

Как гром среди ясного неба. Если честно, то я рассчитывала, что мне придется долго уговаривать его, но он просто согласился, даже не выясняя причин, а потом слегка закатил глаза и усмехнулся.

— Знаешь, твой брат просто фантастический мудака...

Глава 6. Миг, когда земля остановилась. Амелия

17; Ноябрь

Вечеринка продолжалась.

Мне всегда очень нравилась квартира Адель, которую ей подарили на ее шестнадцатилетие. Удивляться такому подарку не приходилось — ее отец был самым настоящим миллиардером, отстроил половину современной Москвы, если не половину России, — оставалось лишь признать, что вкус у него был. Сто квадратов чистой свободы: огромная кухня, что стала еще просторней из-за совмещения с гостиной, и две комнаты, одна из которых была лишь чуть-чуть меньше другой, но все равно имела свою ванную комнату. Дизайн квартиры тоже поражал, и нет, слава богу не золотом. Это был шикарный, османский стиль, где лепнина на потолках и стенах объединялась с современными решениями. Конечно, сразу была видна рука профессионала — Насти. У нее был талант обустраивать любое помещение, даже самое ужасное, судя по ее ДТЮ, который до ее прихода выглядел максимально плачевно, а сейчас лучше самых дорогих, частных школ. Но самое лучшее в этой квартире, на мой скромный взгляд, была даже не ее площадь, продуманный интерьер или ее расположение внутри охраняемого, элитного дома — нет! Самое лучшее здесь все равно были и всегда будут окна. Из хорошего дерева, они доходили до пола, а начинались у потолка, и дарили такое потрясающее ощущение полета на самом высоком этаже, что закачаешься. Поэтому это и было моим любимым местом — гостевая комната, откуда вид выходил на Новоарбатский мост. Мне вообще с детства очень нравились мосты, они представлялись мне прочными ниточками, связывающими все вокруг, а мне так сильно и так многое хотелось связать...

Рома, кстати, не сдал меня. Не знаю, что он сказал остальным, но когда я вышла из туалета в клубе, мне не задали ни одного вопроса, вместо того выдвинув предложение перебраться сюда. Я была за. От шума я быстро устала, да и после встречи с Элаем, мне хотелось заползти в свою ракушку и никого не видеть, так что предложение оказаться у своих любимых окон, встретила с почти восторгом. Сбежала? Совершенно точно. В гостиной продолжался громкий разговор, смех, а я слиняла сюда под предлогом «разговора по телефону» — мне все еще слишком некомфортно было в обществе Алексея, который то и дело поглядывал в мою сторону. И пусть я сняла то ужасное платье, теперь на мне была одежда, которая не заставляла себя чувствовать еще более неуверенной, чем я есть — мое любимое, серое платье-футболка со спадающим с плеча краем, — все равно под его взглядом я именно так себя и ощущала. Мне неумолимо казалось, он вот-вот да и ляпнет что-то обидное, так что ни о каком покое и речи не было, а здесь... Тишина комнаты, темнота и прекрасный вид делали свое дело, спасали.

— Хэй, можно? — раздался голос Ромы, который аккуратно просочился в мое убежище, вызвав улыбку.

Я действительно была рада видеть его, он мне не мешал. Главное, держаться подальше от Алексея и Алекса — только их общество напрягало. Первого в плохом смысле, в ожидании подставы, а второго тоже в плохом, но лишь по моей вине. Из-за моего смущения.

— Хотел проверить как ты.

— Все нормально, — слабо кивнула, наблюдая за тем, как по набережной мчатся машины, пока Рома занимал место на небольшом диванчике рядом со мной.

Этот диванчик, кстати, Адель поставила специально для меня — раньше то я только на полу и сидела. Это было очень мило и внимательно, я помню когда его увидела впервые, так долго улыбалась, что у меня щеки устали. А еще помню, как мы с Адель проболтали на этом самом месте до самого утра, становясь еще ближе друг другу...

— Спасибо, что выполнил мою просьбу.

— Брось, ничего сложного.

— Что сказал?

— Что это твой старый друг, — со смешком поделился Рома, а потом вдруг серьезно посмотрел на меня и нахмурился, — Я хотел поговорить с тобой.

Заход странный. Я нахмурилась и резко перевела взгляд на Рому, который в свою очередь не смотрел на меня, а изучал свои руки, стянув пальцы в замок. Это было еще более странно...

— Что-то случилось?

Помотал головой отрицательно, потом положительно, а потом пожал плечами, мол «не знаю».

«Все страньше и страньше...» — подумала про себя, а сама слегка сжала его ладонь и прошептала.

— Ром, что происходит?

— Ты умная, — вдруг выпалил и наконец посмотрел на меня с какой-то маниакальной решимостью, — Мне нужен совет.

— Та-а-ак...

— Что допустимо делать ради любимого человека, а что уже переходит все границы?

Вот этого я точно не ожидала, пару раз хлопнув глазами. Рому потянуло на философию? Видимо всему виной вискарь, который он пил, обновив стакан дважды, пока я еще сидела за столом в гостиной, а сколько было после моего ухода — представить страшно... Чтобы стало понятно — обычно он не пил вообще. Боялся. Его отец сильно злоупотреблял до тех пор, пока однажды его не убили на одной из посиделок на чьей-то хате. Ему было семь. Будучи ребенком, он уже решил для себя все: никакого алкоголя, только спорт и любые, доступные ему достижения. Это решение помогло ему многого добиться. Рома учился на бесплатном в не очень престижном, но устоявшемся университете на менеджменте, правда его главным призванием был именно спорт. Он профессиональный футболист и играл — та-та-дам! — за Локомотив. Круто, как по мне, и достойно уважения: место в команде заслужил сам, с помощью упорных тренировок и своего таланта. Связей в этой отрасли ни у его мамы, ни у моей не было. Я им очень гордилась. Всегда. Но сейчас еще и волновалась, потому что он основательно решил подойти к вопросу и на шутку спустить просто не позволит — видно по глазам, не позволит...

— Только не вздумай отмахиваться. Мне правда нужен совет: на что можно пойти ради любви?

— К чему ты задаешь такие вопросы?

— К тому, что неуверен, что делаю правильный выбор... с Адель.

Тут мне захотелось заржать от всей глупости сложившейся ситуации. Нет, он что серьезно?! После всего, что было?! После того, как они в начале их отношений прятались с рвением шпионов от старшего Александровского?! После того, как в один момент ему это надоело, и он — на секундочку! — взял и пришел к нему в офис, чтобы заявить о своих намерениях?! После полученного благословения таким трудным путем?! После всех

притирок?! Мелких ссор и недомолвок?! Ревности?! Да не может быть!

— Не глупи, Ром, ты же любишь ее.

— Я не об этом тебя спросил. Это очевидно: я люблю ее больше жизни, но...

— Но что?

— Мне кажется, что я захожу за черту.

Я замолчала в ожидании объяснений, вот только их не последовало. Рома подался вперед, оперев руки в раскрытые ладони, и начал потирать глаза.

«Оставил меня в недоумении, ляпнул непонятно что, и заткнулся! Красота!»

— Ты может объяснишь?! — я даже не пыталась скрыть своего негодования после почти минуты ожидания, но тот лишь усмехнулся.

— Слишком долго объяснять.

— А мы спешим?

— Нет, но я не знаю, как это сделать...

— Может ты прекратишь напускать туману для начала?!

— Просто ответь! — взорвался он, резко повернувшись на меня, — На что можно пойти ради любимого человека?! На что ты сама пошла бы?!

Тишина снова завладела этой комнатой, пока мы смотрели друг на друга. Он — с каким-то отчаянием, страхом и болью, смешанными в коктейль со злостью, а я... Мне почему-то показалось, что это все моя вина. Будто он злится именно на меня, но за что? За то что не дала ему совета?

— Рома... — тихо, успокаивающе начала я, — Ты понимаешь, что я не могу дать тебе совет, не зная всех вводных?

— Ты знаешь наши отношения от А до Я. Тебе все еще недостаточно вводных?!

На этом моменте он уже орал, и это не на шутку меня напугало. Казалось, что он отчаянно искал выход, и только я могла ему его дать — и пусть это будет ЧСВ, я решила хотя бы попробовать...

— Не знаю, что такое любовь — я тебе в этом вопросе не советчик, разве что... Я видела ее однажды. И ты видел. Помнишь?

Рома кивнул. Помнил. Разумеется он помнил — тот, кто хотя бы раз видел Костю и Розу вместе, не мог бы забыть это ощущение. Между ними словно воздух искрился, а сердце волей неволей наполнялось до краев теплотой.

— Женщины мечтают, чтобы мужчина за нее боролся.

— Я только и делаю, что борюсь, тебе ли не знать.

— Знаю, и это вызывает уважение. Понимаю, что ее семья — это сложно и...временами дико странно, но это не имеет никакого значения. Ты устал. Не знаю, что между вами произошло, но сейчас тебе кажется, что проще было бы и вовсе все закончить, а так ли это? Представь только на секунду, что рядом с ней будет кто-то другой, и скажи мне: ты действительно готов пойти на это?

Рома нахмурился и опустил глаза в пол, словно ища там ответ на мой вопрос — я дала ему время. Иногда это просто необходимо, отойти в сторону, представить себе другое развитие событий, особенно, когда тебе так вымотали нервы. Адель всегда была хорошей девчонкой, доброй, но вместе с тем она — капризный ребенок, который привык, чтобы было так, как она хотела и точка. Она не знала, что такое компромисс, зато хорошо знала, что значит «топнуть ножкой», и топала. Она любила топтать, а Рома любил ее...Нет, и она его любила, это бесспорно, но я всегда считала, что Адель нужно время понять и привыкнуть к

тому, что она не может быть вечным центром вселенной — так просто не работает.

— Я не готов.

В этом была вся суть: Рома не был готов закончить эти отношения, и мне это тоже было известно. Возможно им не было суждено остаться вместе навсегда, но сейчас они были вместе — и этим в пору наслаждаться, пока была такая возможность.

— Тогда пытайся все наладить, пока можешь и пока это актуально. Если ты уйдешь сейчас, будешь до конца своих дней жалеть, что так просто сдался.

— Просто сдался? Это даже не смешно. Я заебался, если честно. Она требует от меня слишком много...

— Подарить ей чулки с определенной строчкой?

Шутка века. Как-то раз Адель устроила Роме выволочку за то, что тот подарил ей не те чулки, хотя они и были очень достойными. Нет! Ей подавай определенные, французские, которые у нас продавались только в ЦУМе, до которого Рома просто не успел доехать из-за поздней тренировки. Обычно это смешило, мы любили иногда подтрунивать над запросами юной принцессы, но сейчас он только грустно усмехнулся и мотнул головой.

— Если бы все дело было в чулках...

— И что же случилось?

Но ответа получить мне было не суждено — в дверь коротко постучали, а когда она открылась, на пороге стоял он. Властитель всех моих фантазий...

— Не хотел мешать, но там твоя девушка рыдает белугой... — начал Алекс, указав большим пальцем себе за спину, — Требует тебя. Подойдешь?

Рома мгновение смотрел на Алекса, словно соображая, что ему только что сказали, а потом перевел внимание на мою персону, и так жалобно состроил бровки...

— Да беги уже, не тупи.

— Спасибо и...прости меня.

В ответ я лишь слабо мотнула головой с вполне уверенной улыбкой, мол, ничего страшного. Так он и ушел, а я осталась одна. Или нет?

— Думал, что ты говоришь по телефону...

Клянусь, у меня чуть сердце не остановилось, ведь я действительно была уверена, что осталась одна, слыша, как прикрывается дверь. Нет. Алекс обошел диван и сел рядом, положила ногу на колено и откинувшись на спинку дивана. Теперь был в пол-оборота, чтобы смотреть на меня — испытующе так, нагло, — пока я краснела, как обычно.

— Эм...я говорила...

— Правда? — со смешком спросил, а меня это вдруг взбесило.

Не только он, а скорее я сама. Мое поведение. Мое смущение. Моя глупость. Я ведь не была такой! И становится не хотела точно! А может все дело было в том, что я пила уже третий бокал вина? Да плевать, главное, что я смогла повернуться на него, гордо встретить взгляд и спокойно ответить, а не блеять овцой.

— А есть сомнения?

— Охо-хо... — протянул он, разглядывая бокал в моих руках, чем явно намекал на сомнительную смелость, — Вообще-то да, есть.

Я уже набрала воздуха в рот, чтобы высказать все, что думаю, но вдруг произошло следующее. Алекс перебил меня, выставив пятерню, от чего я словила шок, после усмехнулся и слегка приподнял бровь.

— Стоп. Договоримся на берегу: ты перестаешь истерить сейчас, в особенности на

повышенных тонах — я этого не люблю. Обидно будет. Сильно. А я не хочу тебя обижать, котенок, поэтому предлагаю следующее: ты делаешь пару успокоительный вдохов-выдохов, а потом мы продолжаем.

И это предложение не требовало согласия, он просто поставил меня перед фактом, отвернулся лицом к окну и немного съехал вниз так, что теперь находился в положении «полулежа». Ждал. Спокойно, терпеливо, молча. Я же, очевидно, продолжала кипеть, открывая и закрывая рот, но совсем недолго. На самом деле моя реакция стала и для меня сюрпризом, при том неприятным — я не хотела с ним ссориться, а хотела наоборот стать ближе, и тогда что я творила?!

«Как глупо...» — стало так стыдно, что я потупила взгляд, поежилась и прошептала.

— Прости.

— Ничего, от алкашки бывает и не такое. Красивый крест.

«Это сейчас к чему вообще?!» — зыркнула в его сторону, но на лице Алекса увидела лишь хитрую полу-улыбку и взгляд с ленцой из под полуопущенных ресниц, который снова потушил весь мой настрой...

— Не хочу об этом говорить.

— Забавно, что в твоём возрасте случаются расставания, о которых ты не хочешь говорить.

Мой бедный мозг долго догонял смысл сказанной фразы, и мыслительный процесс был таким сильным, что я даже застыла, сидя с бокалом, поднесенным к губам. Уставилась перед собой, как дура, и соображала...пока не сообразила, а от разгадки прыснула.

— Так вот, что он сказал...Элай — мой бывший?

— А это не так?

Меня аж передернуло и в купе со смехом, выглядело это, спору на что угодно, странно. Поэтому сделав глоток, который дарил мне храбрость, я как-то сама собой расслабилась и отрицательно мотнула головой.

— И кто же он?

— Я правда не хочу об этом говорить... — тихо ответила, покручивая в руках свой крест за кончик и хмурия брови, — Это сложно.

— Думаешь мне не хватит ума понять?

— Когда я вырасту, сто пудово побываю на каблуке Италии.

— Санта-Мария-ди-Леука. Там находится каблук Италии, чтоб ты знала точно, куда брать билеты.

— Спасибо, я это запомню...

— Запомни, котенок. Как я понимаю — это отвлекающий маневр, хорошо. Понял. Ты не хочешь говорить об этом, расскажешь тогда, как вы познакомились с Адель?

— Мы вместе учимся в Балетной Академии, — с улыбкой ответила, на что он закивал и нагло протянул.

— Ах да. Ты же маленькая балерина...

— К сожалению.

— К сожалению?

— Скажем так...у меня не было выбора. Либо балет, либо смерть.

— Депрессивно... — в ответ я лишь дернула плечами, а он добавил, — Но вы близки.

— Она моя близкая подруга, и я очень тепло и с уважением отношусь к ее маме. Настя — добрая и хорошая женщина, мне она очень нравится.

— Но не к ее брату?

— Что? — притворно усмехнулась и нахмурилась, — С чего ты взял?

— Это очень заметно, Амелия. Извини, но если мечтала стать актрисой — смени ориентиры.

Тут то я выдохнула устало, даже глаза закатила и привстала, делая еще один глоток из бокала, который поставила на столик напротив. Моя реакция его повеселила, и он подался следом, забрал его у меня и пожал плечами.

— Кажется, я мастер неудобных вопросов?

— Не то чтобы...

— То есть на это ты мне ответишь?

— Да не о чем говорить, — отмахнулась, переведя взгляд на набережную, — Просто мне некомфортно с Алексеем.

— Что так? Он не выглядит, как кто-то, с кем будет некомфортно.

Это прозвучало, как намек, и мне он не сильно понравился. Встретившись с ним взглядом, я в этом только убедилась — Алекс намекал на состояние Алексея прямо, даже не таясь, словно бросал вызов. Который я приняла.

— Моя сестра трахается с их отцом, и все об этом в курсе.

Не знаю ожидал он такого или нет, но брови его все равно взлетели вверх. Я же лишь внешне оставалась холодной и спокойной, внутри меня опять разъедало — не хотела, чтобы он знал до последнего. Этим нельзя было гордиться, скорее наоборот, я стыдилась такого "вкусного" факта своей биографии и старалась отгородиться, но лучше я все скажу прямо, чем он потом услышит от кого-то другого.

— Он меня ненавидит.

— Вряд ли это так, котенок.

— Я это вижу, Алекс. Он притворяется, но у него не до конца получается спрятать свои истинные чувства.

— Амелия, я понимаю, что ты слишком молода и в тебе говорит юношеский максимализм...

— Тебе самому то сколько?!

— Двадцать четыре, — обрубил Алекс, строго взглянув на меня, — Поэтому я знаю о чем говорю, и поэтому я уверен: ты придумываешь то, чего нет.

— Он очень любит свою маму.

— Как и все.

— Тогда скажи мне, если бы существовал человек, который причиняет боль тому, кого ты очень любишь, как ты будешь к этому «кому-то» относиться?!

— Ну вроде не ты трахаешься с их отцом.

— К сожалению, это так не работает.

— А как же это работает?

— Ты ненавидишь все, что связано с этим человеком и не можешь контролировать размах. Да, я по сути не при чем, но связана с Лилей и...

— Так вот в чем дело?

О. Черт...НЕТ-НЕТ-НЕТ!

Я расширила глаза и резко обернулась к двери, где молилась всем бога не увидеть того, кого, конечно же, увидела. Алексей стоял, сложа руки на груди, оперевшись на дверной косяк, и слушал — сколько он слышал, я без понятия, но судя по выражению лица

достаточно. Хотя и не очень понятно было, какие чувства теперь им владели, зато знала, что владеет мной: желание исчезнуть. Я даже не дышала, уставившись на его внушительную фигуру, прижав ладошки к щекам и замерев, точно кролик, который случайно выбежал прямо к хищнику под нос.

— Ты очаровательна... — наконец выдал Алексей и засмеялся, а пока я вновь соображала, что мне только что сказали, уже обошел диван с моей стороны.

Так я оказалась, словно между двух огней, и это было...странно. Чисто интуитивно я придвинулась ближе к Алексу, который не сдержал смехка, и которого за это я непременно «убила» бы взглядом, если бы могла оторвать его от пополнения в «диванном» обсуждении. Алексей же чувствовал себя просто замечательно. Он расслабленно развалился на диванчике, расставив ноги, как всегда делают мужчины. Галстук пропал, а верхние пуговицы рубашки были расстегнуты, открывая вид на красивую ямку между ключиц. А еще ему очень нравилось меня мучить...испытывать. Он наблюдал за моей реакцией и улыбался, но теперь, как мне показалось по крайней мере, без того пренебрежения, которое было ранее...

— Я все пытался понять, почему ты так ведешь себя. Вроде я тебе ничего не сделал...

— Я не...

— А вон оно что, — с усмешкой перебил меня, посмотрел в потолок и выдохнул, — Я уже и забыл, что женщины способны придумать себе, особенно в этом возрасте.

Откашлялась. Подобралась и выдала. Его то я не смущалась, как Алекса...

— Разве это не так?

Алексей вновь опустил на меня взгляд, лениво так, плавно, а потом лишь слегка мотнул головой, на что я прищурилась.

— Здесь нет Адель, и я ничего ей не скажу, но мне не нравится, когда меня пытаются наебать.

— Ух ты. А говорят, что ты ангел...С каких пор ангелы так разговаривают?

— С каких пор наследник многомиллионного состояния слухи собирает, как базарная бабка?

За моей спиной раздался смешок Алекса, за что он получил от меня тычок локтем, ведь повернуться на него я просто не могла — вела бой с Алексеем. Теперь он прищурился, взгляд его потяжелел, а я, приоткрыв рот, тихо, победно пропела.

— Вот и оно...твой истинные чувства.

— Ты мне хамишь.

— Кажется меня поймали?

— И даже этого не отрицаешь, красота, — протянул со смешком, а потом вдруг наклонил голову на бок, — И чего тогда ты ждешь?

— Правды.

— Хочешь правды? Твоя сестра — кусок вонючего, высокомерного говна. Я очень жду того момента, когда она наконец захлебнется в сперме, которую глотает тоннами.

Я поежилась и опустила глаза — мою решимость, как сдуло. Обычно я слышала это от кого-то со стороны, много раз мне доводилось ловить насмешки, касательно моей нерадивой родственницы, но ни разу так — от пострадавшей стороны.

— Ты сама хотела правды.

Алексей буквально отчеканил холодно и даже зло, дал секунду это осознать, после неожиданно подался на меня, взял за подбородок и поднял голову так, чтобы я смотрела ему в глаза. Мне такое панибратство обычно не нравилось, но в этой ситуации я почувствовала

себя нашкодившим ребенком, так что теперь смиренно принимала наказание, глядя на него снизу вверх.

— Адель говорит, что вы никогда не обсуждаете ее, а мама говорит, что ты на нее совсем не похожа.

— Не мне судить.

— Правильно. Не тебе. Но ты много знаешь о нашей семье, и должна понимать, что с нашим отцом ты в принципе взрослеешь очень быстро.

Не поняла к чему он это говорил, поэтому нахмурилась, на что Алексей тихо усмехнулся и пояснил.

— Ответь, Амелия, сколько мне лет?

— Около двадцати с хвостиком? Я не знаю точно.

— Мне двадцать пять. А теперь скажи, ты действительно считаешь, что я не в состоянии разделить тебя и твою сестру? И ты действительно считаешь, что я буду перекладывать все то дерьмо, что она творит, на твои плечи? На девчонку, которой и восемнадцати еще не стукнуло?

— Я знаю, как сильно ты любишь свою маму...

— Я это уже слышал.

— Тогда ты слышал, что я говорила дальше — такое очень сложно контролировать. Будь я на твоем месте, я бы себя ненавидела.

— Не думаю. Ты просто слишком юна.

— Ваша Марина другого мнения, — выпалила я, а в ответ получила громкий смех и свободу.

Алексей наконец расслабился, отпустил меня, да и атмосфера немного разрядилась, и он, откинувшись на подлокотник так, чтобы быть к нам лицом, посмотрел мне за спину и пояснил.

— Это наша с Адель старшая сестра.

— Сколько вас вообще? — с ответным смешком парировал Алекс, на что Алексей лишь отмахнулся.

— Много. Что касается Марины... скажем так, она со всеми так общается. Что с тобой случится, когда ты познакомишься с Максом? Он еще хуже...

— А с чего бы мне с ним знакомиться?! — цыкнула я, допив вино, — Меня это не касается.

— Ты волей-неволей вошла в нашу семью, и рано или поздно это случится. Поэтому дам тебе совет: не смотри ему в глаза.

— А что? Он превратит меня в камень?

— Очень постарается, как минимум. Ну и? Мы разобрались?

Пару секунд я смотрела на свой бокал, взвешивая все, что услышала и почувствовала, а потом вдруг посмотрела на Алексея и тихо, серьезно сказала то, что хотела бы сказать и Адель, и Насте, если бы когда-нибудь об этом говорили бы...

— Я не поддерживаю то, что она делает.

Похоже, что я застала его врасплох. Может теперь и он взвешивал то, что услышал, а может ждал продолжения, потому что чувствовал, что я не закончила? Не знаю, но я действительно не закончила...

— Мне эта ситуация совсем не нравится. Я очень уважаю вашу маму, она этого не заслужила, но проблема в том, что я не могу повлиять на Лилию. Это нереально, и мне жаль.

Она не будет меня слушать...

— Ох, милая, очаровательная Амелия... Ты действительно молода и много не понимаешь, если думаешь, что Лилиана еще хоть что-то решает.

Нахмурилась. Это прозвучало, как скрытая угроза, да и, наверно, так и было. Очевидно, что дело было в его отце, и мне не нужны были объяснения, я сама это понимала. Наверно, Алексей точно также знал, что эта фраза не нуждается в сноске, поэтому достал откуда-то из-за подлокотника бутылку с вином и обезоруживающее улыбнулся.

— Ну раз мы разобрались, закроем тему с помощью этого прекрасного напитка. Кажется так делали даже в Библии?

Мы с Алексом одновременно издали свои смешки, а Алексей, ловко расправляясь с бутылкой, бархатно добавил:

— Кстати... Говорят, что французское вино — самое лучше, но знаете что? Это полный бред. Испанское, по моему скромному мнению, гораздо вкуснее. Сейчас и определим, не против?

Мы не были против. Вся эта странно начавшаяся беседа, переросла еще в более странную посиделку «на троих». Алекс рассказывал о Франции, какие-то забавные, школьные истории, по типу той, где они с друзьями прилепили целую кастрюлю котлет к потолку. Алексей делился похожими историями об Англии. А самое главное, что не было никакого напряжения — я почти чувствовала себя свободно, хотя не исключаю, что всему виной именно вино. Испанское и очень вкусное...

— ...Всегда хотела побывать в Англии, — выдохнула я, после очередного приступа смеха, — Обожаю Гарри Поттера. Ваш закрытый универ случайно не Хогвартс?

— Ооо... Совершенно точно нет.

Оба парня взорвались смехом, который я опять поддержала, но в какой-то момент Алексей неожиданно взял меня за руку и дернул бровями.

— Давай я тебе погадаю на Англию. Судьба тебе там побывать или нет?

Это предложение поставило меня в тупик. Я пару раз хлопнула глазами, потом дернула головой, а потом прыснула, думаю, что это очередная шутка, но нет. Алексей был серьезен, разве что улыбался, как обычно, обворожительно и обезоруживающе.

— Я не шутил. Сядь к нему спиной, а ко мне лицом, чтобы было удобней. Важен контакт...

Естественно я не выполнила, подвисла, и тогда Алекс сам сделал это — развернул к себе спиной, откинув на свою твердую грудь, а потом горячо прошептал на ухо.

— Не висни, котенок. Разве ты не хочешь узнать о своем светлом будущем от наследника многомиллионного состояния? Такое не каждый день предлагают...

Боже. Мой.

От одного его голоса я вспыхнула с головы до пят, а от горячего дыхания на моей коже, покрылась мурашками. Странная реакция тела на этом не кончилась. Оно ощущало его жар и вспыхивало ответно пульсацией и напряжением внутри. Это было так странно... Внизу живота стянуло, дыхание участилось и пульс долбил с такой скоростью, что, кажется, у меня вот вот случился бы инфаркт. Я прикрыла глаза, чтобы хотя бы чуть-чуть взять себя в руки, и

так этого хотела, что даже не заметила, как моя рука оказалась у Алексея. Это случилось лишь в тот момент, когда он аккуратно надавил мне на вены, а я вдруг почувствовала себя не в своей тарелке. И мне было из-за чего переживать. То, что начиналось, как веселая посиделка, сейчас перешло какие-то рамки, которых я не видела, но которые отлично ощущала. Может быть и нет? Может быть я сама себе это придумала, но в момент мне стало казаться, что все это — жесткий борщ.

«Ау, очнись!»

Я. Одна. В комнате и темноте. Рядом двое мужчин. Они меня трогают.

Это стало максимально отрезвляющим фактором, и я резко вскочила, чуть не рухнув на пол из-за выпитого ранее, и все равно через миг оказалась у окна, прижавшись к нему спиной. Алекс и Алексей даже не поняли, что произошло, замерли в одной, комичной позе: подняли одну бровь, уставились на меня, разве что рты не открыли, и на том спасибо.

— Все...нормально? — аккуратно спросил Алексей, когда как Алекс заинтересованно разглядывал меня с головы до пят.

— Да...эм...все классно, но...ээ...Я думаю, что мне пора спать. Что-то мне твое испанское вино сильно в голову дало. Я хочу спать.

— Ну-у... Значит ложись спать, Амелия, я поеду. У меня нет такой роскоши, как свобода, а я хочу заехать к маме. От меня к ней ближе...

— Передавай ей привет.

— Конечно, — галантно кивнул и взял свой пиджак, как раз в тот момент, когда Алекс спросил:

— А тебе куда?

— Надо подбросить?

— Если не в падлу.

— Не проблема, у меня водитель.

— Отлично, тогда подождешь меня? Я на секунду задержусь.

— О, как скажешь, — хитро улыбнулся Алексей, от чего я снова покраснела, ну а потом добавил уже для меня, и, как мне по крайней мере показалось, вполне искренне, — Я был рад с тобой познакомиться, Амелия. Ты действительно не похожа на свою сестру, если тебе это важно. С днем рождения, еще увидимся.

— Спасибо.

Так мы и остались наедине. Если честно, то я не совсем поняла, чего Алекс от меня хотел, но не буду скрывать, что не ждала объяснений с замиранием сердца. Еще как ждала, и еще как оно у меня замерло ровно до того момента, пока он не усмехнулся и не встал на ноги, подняв свои красивые глаза от изучения пола. Теперь оно забилося птичкой, которую закрыли в клетке.

Я почти не дышала, пока он шел до меня, клянусь. Краснела все сильнее, неловко мяла пальцы, но не дышала...

— Я хотел... эм...

«Он что тоже нервничает?!» — выдохнула про себя, наблюдая за тем, как Алекс доставал из внутреннего кармана куртки небольшой, черный мешочек.

— Не знал, что тебе подарить... — откашлялся Алекс, протягивая мне кулек, а потом издал смешок и дернул головой, — Глупость, но хочу, чтобы ты запомнила меня.

«Будто я смогу тебя забыть, придурок...»

Руки слегка потряхивало, пока я развязывала тонкие ниточки бархатной упаковки, а

когда это наконец произошло, и я высыпала содержимое на ладонь, тихо прыснула.

Кулон. В. Виде. Кота.

Боже!

— Я не оригинален.

— Почему ты называешь меня котенком? Забываешь мое имя?

Алекс опять засмеялся, но на этот раз низко и бархатно, и этот тембр словно стал особым сигналом моим мурашкам устроить мне очередной блиц-марафон.

«Кажется сегодня я заработаю какую-нибудь проблему с сосудами, ведь в его обществе оставаться спокойной и хладнокровной было просто нереально... Господи... как же мне он нравился...»

— Ты маленькая и пугливая, — тихо протянул парень, не отводя больше своих ярких глаз с моего «маленького и пугливого» существа, — Лишнее движение — наутек. Поэтому котенок.

— Ты не мог этого знать тогда на лестнице.

— Уверена?

Разгадал. Конечно же он понял, что смутил, понял, что я волнуюсь, но я что-то сильно сомневаюсь, что он догадался насколько сильно. Насколько, черт возьми, невыносимо сильно я стараюсь держать себя в руках рядом с ним, чтобы не растечься у ног пугливой лужицей. Но он и это, кажется, точно знал... судя по его улыбке точно.

— Конечно, он будет нелепо смотреться рядом с таким крестом, но надеюсь, тебя это не сильно смутит.

Вот вроде и признал поражение, а как будто и нет. Алекс говорил так небрежно, будто это и вовсе ничего не значило для него, хотя и подразумевалось иначе. Наверно он должен был изобразить смущение, но какое там смущение с таким то эго? И как изображать что-то похожее, если я всем своим видом показываю, как сильно расположена именно к нему? У него нет конкурентов в моих глазах, и это очевидно. Даже в разговоре «на троих» я выделяла его, а не Алексея — само как-то получалось, и он это знал. А я вдруг захотела, чтобы он знал не только это...

— Элай — не мой бывший, я вообще ни с кем не встречалась никогда. Он мой старший брат.

Он оценивающе разглядывал мое лицо, словно что-то искал, может быть ложь? Он как будто мне не верил, а, скептически приподняв брови, только это подтвердил.

— Я слышал, как он говорил о твоей сестре. Очевидно, что она и его сестра, но...

— Лиля трахается с мужиком за бабки, это бесит и оскорбляет Элая, поэтому он больше не считает ее частью семьи.

— Мило.

— Он — сложный человек.

— Это я уже понял. Поэтому ты не сказала, что он — твой брат? Даже Кристина не знает, что у тебя есть брат.

— Крис стала бы задавать вопросы, а я не знаю, как на них ответить. Ты видел, как он общается со мной? А как Алексей общается с Адель? Это слишком сложно объяснить.

— И вы поссорились год назад, потому что...? — повернувшись лицом в набережной, я дернула плечами, но когда Алекс встал рядом, закатила глаза и все-таки объяснила.

— Я приехала домой, а когда собиралась уезжать — он устроил сцену. Элай хотел, чтобы я осталась с ним. Ему не нравится Москва, мягко говоря, и он считает, что мне здесь

не место. Говорит, что в этом городе нет ни души, ни понятия чести и верности, ничего, что стоило бы моего времени.

— И тебе это кажется... неверным?

— Не в том дело, — устало выдохнула я, наконец оставив крест и переведя взгляд на Алекса, — Просто это нечестно! Он старше меня всего на пять лет, а мнит себя мудрым старцем, который во всем разбирается лучше! Мне, например, тоже не нравятся многие его решения, но он все равно делает так, как хочет, а я...

— Становишься врагом.

— Да. Он должен наконец начать со мной считаться — я личность, а не его маленькая принцесса!

Алекс тихо прыснул, мне же в этот момент оставалось разве что ножкой топнуть, и именно из-за этого я сама усмехнулась и помотала головой.

— А еще ему очень не нравится, что Лиля находится так близко ко мне. Он боится, что я стану такой же.

— А ты станешь?

— Похоже, что я умею разводить кого-то на деньги? — с сарказмом спросила я в ответ, а получив смешок, мотнула головой и снова перевела взгляд на набережную, — Он знает, что этого не будет, но все равно психует. И ревнует. Он очень ревнивый, еще мурак и вечная заноза в заднице...

— Но ты его любишь...

— Он — самое родное, что у меня есть.

— Необычные отношения... А что с тачкой? Просто любопытно.

— Да ничего особенного, он просто ее проиграл.

— И во что?

— В шахматы.

— Ты играешь в шахматы?

— Еще как. Я прирожденный стратег. Он это отлично знает — его проблемы. И если ты будешь держать язык за зубами, я буду тебе признательна.

— Почему вообще рассказала? Ты явно этого не хотела делать.

— Наверно... — прошептала я, боязливо покосившись на Алекса, но не выдержав его пытливого взгляда, потупила свой в пол, — Мне просто захотелось.

Как до этого Алексей, теперь пальцы Алекса заняли место на моем подбородке, но если от таких телодвижений первого все мое естество пришло в буйный протест, сейчас оно млело и волновалось. Дыхание замерло. Я физически не могла сделать вдох от дикого волнения, пока сердце шумело в ушах с неконтролируемой скоростью — еще секунда и разорвет. Но случилось обратное — оно просто остановилось, словно упало в пятки, а весь мой мир сжался до размеров этого мужчины. Его глаз. И его губ, вкус которых в следующий миг я наконец узнала. И это было прекрасно.

Никогда не думала, что поцелуи могут быть настолько... потрясающе-вызывающе-страстно-восхитительные. Алекс резко развернул меня спиной к окну, а потом прижал своим телом, словно действительно боялся спугнуть меня. Зря. Я не собиралась бежать, напротив, с готовностью ответила. Пошла за ним — это было не сложно. Одна его рука лежала у меня на щеке, другая сжимала мягкую ткань платья на талии. Губы двигались медленно, плавно, размеренно. Сначала нижняя, потом верхняя, а потом его язык принял свою роль. Гладил. Играл. Изучал. А я задыхалась. Все мои попытки быть целой рухнули,

потому что я растеклась — буквально, блин! — повиснув в его руках безвольной куклой. Ноги просто не держали.

«Черт...» — пронеслось в голове, а от ощущения его твердого тела и вовсе снесло крышу.

Низ живота тяжелел с каждым его движением, а сама я превращалась в один сплошной, оголенный нерв. Мне бы хотелось, чтобы это никогда не кончалось — так много чувств, так много новых ощущений. Тактильных. Физических. Ранее мне незнакомых. И все с ним — с мужчиной моей мечты, который отстранился и сам теряя вдохи в прерывистых хрипах, прошептал мне на ухо.

— Так и знал, что ты сладкая...

Это и был тот самый миг, когда мой мир сошел со своей орбиты. Когда земля остановилась.

Глава 7. Как все пошло по спирали. Амелия

17; Начало марта

Я думала, что закрыла гештальт тогда в его комнате, когда мое детство подошло к своему логическому завершению — все и точка, как я и планировала. Алекс не писал мне всю неделю, словно подтверждая, что решение мое — правильное, и он обеими руками за. Иногда мне даже казалось, что я и вовсе все себе придумала, может мне все это приснилось? Но нет. Не придумала и не приснилось — мое тело помнило тепло и силу его рук, а на шее даже через неделю оставались стойкие засосы, и когда я их касалась — улыбалась. Возможно это казалось глупым: у меня был первый раз, который стал последним, а я улыбалась... Нет смысла скрывать, что этот факт заставлял меня испытывать разные чувства, начиная от обиды, заканчивая злостью, но не на него, а скорее на себя. Алекс меня не обманывал, он честно обозначил свою позицию без утайки и ужимок, а я согласилась сама. Это правда: я согласилась сама, сама этого хотела и сама приняла все его условия, но от этого легче не становилось... Я злилась на себя, потому что не смотря на все вышеперечисленное, мне то хотелось еще, и хотелось большего...

Приходилось стараться не поддаваться волнам, которые накатывали особенно сильно ночью, когда я оставалась наедине с собой за плотным пологом своей кровати у окна. В конце концов, единственное, чем я себя утешала — я действительно не жалела. В списке моего эмоционального диапазона эта графа отсутствовала и на том спасибо, да и как можно жалеть? Та ночь отпечаталась в памяти, как одна из лучших моих ночей, а та возможность его коснуться — по-настоящему коснуться, — стала той, которую просто невозможно упустить. Наверно я больше сокрушалась бы в противном случае...

Так, в конце концов меня подотпустило. Я взвесила все «за» и «против», собралась и откинула в сторону глупости и сантименты, обретенные благодаря веяниям поп-культуры. В конце то концов, только в сказках и ярких, молодежных сериалах, все складывается сладко-приторно-нежно, а в жизни бывает и вот так, как было у меня — нелепо. Зато я уверена, что мой первый раз случился с человеком, которого я хотела так, что у меня сводило руки, а не по-пьяни в съемном доме, как у многих моих одноклассниц с кем-то, кто не вызывал и одной трети моего желания. С такими мыслями я и пришла домой вечером в пятницу — сильная, гордая, ничего не ожидающая и прячущая глубоко в сердце жуткое, парализующее волнение от встречи. Спасибо, но можно было свободно выдохнуть: Алекса дома не было. Конечно я не спрашивала, где он, только мельком уловила из разговора Арая и Крис за ужином, что он уехал по делам, и честно? Я даже обрадовалась — вполне возможно, что он не вернется на этих выходных, а это означало одно: я получаю отсрочку.

Расслабилась. Спокойно легла спать, утром встала, убралась в комнате, разложила кое какие вещи, которые привезла с собой, так как уже начала обустривать свою комнату. Теперь это делать было даже приятней — наконец мерзкий салатный цвет, в который Лиля покрасила стены еще когда жила здесь, был сметен под корень. Его заменил мой любимый, точнее один из его производных. Все таки красить стены в темно-фиолетовый я не стала, подумала, что это уже борщ, а вот спокойный лиловый сюда подошел отлично. Естественно я добавила парочку акцентов, как учила Настя, сделав одну стену в глубоком и насыщенном, родном. Там же стояла моя небольшая кровать-полуторка прямо рядом под окном со здоровенным подоконником, куда я любила забираться и смотреть на Кутузовский проспект.

В общем весь день у меня проходил в обычных радостях по благоустройству, а вечером было много веселья, пока мы втроем готовили ужин. Арай это делал просто прекрасно, мне нравилось наблюдать за тем, как быстро и профессионально он орудует ножом, венчиком и другой кухонной утварью, а главное, как вкусно у него все получается. Ему это льстило, он весь сиял, получая щедрые комплименты, а потом ловко увлек нас в гостиную, где мы решили посмотреть фильм. И где разразился мой личный, маленький ад, блин...

Начиналось все неплохо, я бы даже сказала на той же веселой волне, но фильм не успел продвинуться и на полчаса, а парочка уже чуть ли не раздевалась, при том лежа на мне. Они так увлеклись, что вообще забыли о том, что были не одни в комнате, так самозабвенно целовались, что и не заметили, как начали съезжать, уперевшись в единственную преграду — мою скромную персону.

Просто потрясающе!

Нет. На самом деле ничего подобного! Я слышала каждое движение их губ, смешки, частое дыхание и полу-стоны, от которых кривилась и ежилась, пытаюсь хоть как-то подать знак о своем существовании. Все мимо! И наконец я не выдержала...

— Да снимите номер!

Парочка засмеялась, а я вспыхнула и театрально прикрыла глаза, заметив, где именно была рука Арая.

«Ад. Я просто в аду! Ужас то какой!!!»

В этот момент мне совершенно точно именно так и казалось, но жизнь забавная штука — она любит подбрасывать сюрпризы...

— А малая-то права...

Как гром среди ясного неба прозвучал именно тот голос, от которого у меня все нутро стянуло, и который, по странным стечениям обстоятельств, я бы не хотела слышать никогда и хотела бы слышать всегда. Вот так и понимай...

— О, явился!

Арай сел, потянув за собой Крис, а я не решалась поднять глаза, хотя боковым зрением и срисовала, что Алекс стоял вальяжно, нагло и расслабленно, придавливая плечом дверной косяк.

«Боже...Я же закрыла гештальт!» — жалобно пропищала я про себя, вспыхнув от волны, которой окатила меня его персона, когда я ощутила его твердый взгляд.

Это было странно, но стоило ему на меня посмотреть — я точно знала, что он на меня смотрит. Точнее даже не я, а мое тело, которое сразу же выдавало себя с потрохами — сердце участило ритм, мурашки, жар, который расходился по венам и концентрировался внизу живота.

«М-да. Походу дела ничего я не закрыла, а наоборот открыла ящик Пандоры...»

— ...Да и мне кажется, что Амелия достаточно умная и взрослая, чтобы знать, что такое секс...

«О. Мой. Бог. ЧТО ОН ТОЛЬКО ЧТО СКАЗАЛ?!»

Я издала еле слышный писк, не удержав внутри все понимание абсурдности ситуации, а Алекс рассмеялся. Так, что мне захотелось провалиться на месте...

— О, я не сомневаюсь в ее познаниях... — сладко-бархатно протянул он, чем заставил наконец оторваться от подсчитывания количества маленьких квадратиков на ковре.

Я хотела его убить. Оружием и руками, конечно, вряд ли, но взглядом точно, а ему хоть бы хны! Алекс нагло отбил мой настрой улыбкой и перевел внимание на своего брата, пожав

плечами.

— Но вы, походу, решили показать на практике? Считаете ее вуайеристкой? Или хотите развести маленького ангелочка на тройничок? Надеюсь, вы помните, что она — несовершеннолетняя?

Крис громко цыкнула и осуждающе уставилась на Алекса, но Арай не поддался на провокацию, а решил вступить в колкую перепалку с улыбкой довольного кота.

— Она достигла возраста согласия, и ты что ревнуешь?

— Возможно... — тихо парировал Алекс, уставившись на меня так, что я покраснела еще больше.

Хотя казалось бы куда больше, блин?! И этот взгляд был таким...непозволительным! Таким очевидным! Что мне захотелось убить его, и, возможно, уже не только по средствам невербального общения. Спасибо трепачу-Араю, который прервал это безобразие смешком...

— Посмотри на себя, Алекс, ты весь в каком-то говне. Извини, но Амелия слишком для тебя хороша.

— Кто бы спорил...

Твою мать! Хотелось исчезнуть, и хорошо, что мы смотрели ужастик, благодаря чему света в комнате не было, иначе все бы видели, как я в очередной раз покрылась пятнами, а от каждой вставленной шпильки словно становилась меньше...Моим спасением стала Крис, которая заметила мое состояние и не дала взорваться, вмешавшись раньше.

— Прекратите немедленно! Вы ее смущаете, хватит!

Арай заткнулся на половине искрометной шутки, бросил на меня взгляд, а потом тихо рассмеялся, подергав меня за коленку.

— Ну брось, малая, мы просто прикалываемся.

Это мне не понравилось. Вообще я не очень любила, когда меня трогают, поэтому оскалилась и скинула его руку, прошипев себе под нос.

— Очень остроумно, не трогай меня.

Насупилась и уставилась в окно — мое поведение их всех само собой повеселило, куда ж без этого, а еще куда же без моего фатального везения? Алекс то не собирался никуда уходить, напротив — он решил присоединиться.

«Только в душ сгоняю...» — передразнивала его про себя, закипая с каждой секундой, проведенной в этой темной гостиной в одиночестве, пока «парочка» ушла на перекур, — «И где же моя стойкость и выдержка?!»

Хотелось ответить рифмой. Как бы комично не было.

Алекс уселся рядом со мной под предлогом «не допустить разврата с несовершеннолетней» — ха-ха, как смешно, да?! — и от него так круто пахло яблоками. В детстве у нас был целый яблоневый сад, и я всегда их обожала, особенно те, что росли под моим окном — зеленые, кисленькие, но при этом сладкие. От него пахло именно ими, а в купе с остатками его парфюма на домашней футболке, аромат просто кружил голову.

И он же правда ее кружил. Мне пришлось глаза закрыть, чтобы хоть как-то, хоть в своем воображении отгородиться от этого запаха и от него в принципе. Наши руки то и дело

касались друг друга, и даже от этого мимолетного «случайно» у меня бешено колотилось сердце, а внутри прямо пульсировало. Я как будто оказалась в аду на раскаленной сковородке перед дьяволом, который не собирался давать поблажек, напротив. Стоило мне отодвинуться как бы невзначай, он приближался тоже как бы и не было ничего. Фильм теперь представлял из себя несвязанную серию картинок с диалогами, как будто из под толщи воды — я вообще не могла сосредоточиться. Все рябило, мне хотелось сбежать подальше, и также я понимала, что быть здесь гораздо безопасней, чем одной в своей комнате. Я не очень понимала какую игру ведет Алекс, но точно знала, что он ее ведет, так что продолжала сидеть стойко и гордо, сжав себя руками, пока мой план не рухнул...

— Вы куда это?! — выпалила, когда Крис поднялась с места, и та глупо заулыбалась, но я не дала ничего сказать, нервно добавив, — Мы смотрим фильм!

От моей настойчивости парочка замерла, теперь улыбались недоумевающе, Арай даже приподнял свою фигуристую бровь, но потом указал подбородком на Алекса и пожал плечами.

— Не парься, он с тобой посмотрит.

Я чуть снова не запищала, коротко бросив взгляд на виновника всего этого смятения в моей душе, а он то был не то что доволен — это не то определение. Он улыбался, как тот самый Чеширский кот — ему все вкатывало, а я понимала: сейчас они уйдут и мне хана!

— Или ты его боишься, маленькая? Не стоит. Не обращай внимания, если будет огрызаться. Он мудака в целом безобиден. К тому же, если его *хорошо почесать за ушком*, будет точно ручной...

Арай часто подкалывал меня после моего дня рождения, используя мои же фразочки против, и сейчас не стало исключением. Я устало цыкнула, пока он светился золотой, начищенной монетой, и выставила средний палец:

— Это уже даже не остроумно, а просто нелепо.

— Извини, но мне это никогда не надоест. Удачи и спокойной ночи, ребяташки, не шалить! С несовершеннолетними нельзя, Алекс...

Алекс повторил все мои действия со взглядом и пальцем, вызывая новую волну смеха, но, слава богу, не новую волну колких диалогов — они просто ушли. А я осталась. С ним. Наедине. В темноте. Снова в темноте! И это не предвещало ничего хорошего...

Хотя по началу мне даже показалось, что возможно я себя накрутила. Мы сидели молча, смотрели фильм, никаких подколов, никаких разговоров — ничего, разве только... Я хоть и продолжала жаться, чтобы быть от него на максимальном расстоянии, но он все равно был слишком близко. Развалился по середине дивана, широко расставил ноги, руки свои уложил на бедра, и я чувствовала тепло, исходящее от него, а его запах буквально оплел меня в кокон, не давая сделать и вдоха! Невыносимо! Злобно покосилась на огромные, по сравнению с моими точно, коленки, снова уставилась в экран. Алекс — ноль реакции, хотя любой дурак бы понял, что можно и подвинуться как бы — нет! Зачем?! Снова покосилась, но уже подольше акцентировала внимание на пустующей части дивана, на что в ответ получила усмешку. Конечно видел, конечно понимал — издевался. Тянул. А мне никогда не нравилось, когда со мной играют.

— Да твою мать! Подвинься! — прошипела, злобно сверкнув глазами, — Места же куча!

— Мне итак неплохо, котенок, — нагло парировал, с притворным интересам поглощая кадры месилова с экрана, — Кстати, тебе уже можно смотреть такие фильмы?

— Ах, я забыла спросить разрешения у хозяина? — грубо отрезала, насупившись, точно

ребенок, на что в ответ получила бархатный смех.

Да твою мать!

Мурашки сами по себе пошли по телу, и я аж глаза закатила от досады. Столько дней уговоров прошли словно мимо, никакого эффекта! И на что я вообще рассчитывала?! Я все также на него велась, как идиотка, а все мои «я не такая, я жду трамвая» актуальны были ровно до того момента, пока его не было рядом.

Рядом...Теперь даже ближе, и когда успел?! Придвинулся незаметно, чтобы касаться своей ляшкой. Я в аду!

Резко вскочив, поправила свое домашнее платье с золотыми звездочками, посмотрела на него и, гордо задрав нос, выдала:

— Забыла, что уже его видела. Спокойной ночи.

«Ха-ха. Серьезно думала, что будет так просто?!»

Если честно да, но по факту оказалось, что нет. Алекс не позволил мне просто уйти. Неожиданно подавшись вперед, схватил за руку и дернул на себя, чтобы уже через мгновение я оказалась у него на коленях.

— Ты обалдел?! — взвилась, отойдя от такого маневра, и уперлась в широкие плечи, — Пусти!

— Тише, мой дикий котенок, спокойно...

— Я тебе не игрушка!

Не уступила, продолжала бороться с ветряными мельницами, отпихивая наглого мужика. Ему это не сильно понравилось, поэтому мои руки быстро оказались в капкане из одной его пятерни и зажатые за спиной.

Щелк! Ло-ву-шка.

Хлопала глазами и смотрела на него, не понимая, что происходит. Что он творит?! Алекс же ухмылялся и взгляд его снова был нечитабельный, как бы мне хотелось залезть в его голову и понять о чем он думает...Бывали моменты, когда я вроде понимала о чем, но бывали такие, как сейчас — словно он отгораживался за толстую стену льда. Эмоции, мысли, чувства — все спрятано под замок, и все, что остается — это надеяться получить «живой» ответ.

— Что ты творишь? — прошептала, слегка дернув руками.

«Живого» ответа не последовало. Все, что я получила — это отрицательный взмах головой, мол, не дергайся.

Тишина. Та самая, как тогда. Алекс смотрел мне в глаза и молчал, откинувшись на спинку дивана, лишь держал руки так, чтобы не вырвалась. Или не держал вовсе? Я почти не чувствовала давления, но стоило мне попытаться освободиться, запястье слегка сдавливало. Это было похоже на короткий поводок: Алекс давал *мнимую* свободу, а когда я хотела ей воспользоваться, он пресекал, словно говоря этим одно — будет так, как я хочу и точка. Но самое мерзкое в другом: мне это нравилось. Я моментально прогибалась под плитой его энергии и взгляда, не могла сопротивляться, да и не хотела, если честно. Или хотела? Я сама не понимала. Странные качели, на которые я приземлилась, вертели меня из стороны в сторону, потому что не было ничего однозначного. Ни наши отношения, ни его поведение, ни он, ни я. Все было, как каша...

— Отпусти меня, — прошептала я, Алекс в ответ снова только приподнял брови.

Меня это начало бесить. Мало того, что не могла контролировать свое тело, так еще и не получала ответов!

— Мне так не нравится.

— Как «так», котенок? — хрипло ответил, не отпуская ни на секунду из плена своих глаз.

— Ты заставляешь меня.

— Это не так.

— Я хочу уйти, а ты не даешь. Это разве не так?

— Если хочешь идти — иди... — со смешком пропел, чем заслужил уже мой скучающий взгляд.

— Очень остроумно.

— Амелия, я никогда и ничего не делаю против воли, запомни это. Ты — не единорог.

— И что это должно означать, прости?!

— Что их не существует, как и исключений.

Это было обидно. Нет, я и не мнила себя особенной, не претендовала на это звание, хотя зачем врать? Для него и хотела бы быть этим самым единорогом. Так что мое поражение было очевидно. Я отвела взгляд, разглядывая крупные хлопья, наверно, последнего снега в этом году, а тем временем его пальцы легли на бедро, где стали вырисовывать незамысловатые, геометрические фигуры. Возможно тот факт, что юбка задралась, а поза стала недвусмысленной, пошлой, я и пришла в себя, снова уставившись на него. Что он себе такое позволяет?!

— Что ты делаешь?

— Касаюсь тебя, — усмехнулся, положив ладонь на бедро полностью и ведя ей выше, — Котенок, будь хоть немного непредсказуемой.

«Да сколько можно меня оскорблять?!»

Зло фыркнув, я дернула ногой, чтобы скинуть это его «касание», и у меня вышло. Только вот постскриптум: он сам так захотел, я точно это знала. Развалился пуще прежнего, усмехнулся и поднял брови, протянув.

— Какая экспрессия. Я не пытался тебя обидеть.

— Мы договорились, — хрипло отозвалась, поведя плечами, — Забыл?

— Помню и помню просто превосходно. А ты помнишь?

— Эм...да?!

— Тогда к чему глупые вопросы? Я хочу тебя.

Глупая. Пищащая. Принцесса. В. Здании.

У меня внутри буквально все перевернулось от этих слов, а от восторга я готова была хлопать в ладоши и прыгать до потолка.

«Что он только что сказал?! Пусть повторит! Пусть повторит громче и миллион триллионов раз!»

Но в реальности я попыталась хотя бы на йоту сохранить лицо, откашлявшись и приподняв бровь.

— Я же несовершеннолетняя, забыл?

— Достигшая возраста согласия. Помню, котенок.

— Мы договорились, — уже серьезно продолжила, слегка прищурившись, — Ты сказал, что не хочешь отношений и...

— А я тебе предлагаю под венец? — снова смешок, который смутил, и я отвела глаза, мотнув головой.

— Нет, но...

— Амелия, мы только начали, неужели ты думала, что тот недо-секс был последним?

— Я... — как рыба на суше, не знала что ответить, сидя на нем с открытым ртом.

ТАКАЯ НАГЛОСТЬ!

Но как же он был хорош в этом образе плохого мальчика, и как же меня к нему тянуло. Настолько, что прикосновения огненных пальцев к талии, заставило дернуться, как от мощного разряда тока, а его изрядно повеселило.

— Кого ты обманываешь?

— Был один раз, этого достаточно и... — попыталась отстраниться, но Алекс засмеялся только сильнее, напротив приблизившись.

— Достаточно? Раз тебе было достаточно, то почему ты все еще на мне?

— Ты меня держишь!

— Да что ты?

С ужасом сообразила, что руки уже давно не были захвачены так вероломно, а безвольно лежали на широких плечах. Закусила губу, как я этого не поняла? Алекс же стал еще ближе, его лицо было почти что на одном уровне с моим, а сердце так билось, будто сейчас разорвется. Он ставил меня в тупик. Точно: я кролик, а он хищник.

Такой красивый...

Прямой нос, пухлые губы, большие, глубокие глаза...

Какой же он красивый...

Жадно разглядывала каждую черту его лица и не могла остановиться. Как под гипнозом.

— Действительно хочешь отказаться от удовольствия раньше, чем узнаешь, что это такое?

Искунитель плавно поднимал платье, окончательно оголяя бедра, затем живот и грудь, приближался. Как в замедленной съемке я видела, как его губы коснулись кожи, а в мозгу произошло словно короткое замыкание — еще один разряд. Внизу живота моментально стянуло и запульсировало с новой силой. Чтобы не застонать, мне пришлось прикусить губу сильнее, но оттолкнуть его? Я никогда бы на это не решилась, молча позволила ему пойти дальше. Оттянуть край мягкого топа, оголить грудь. Точно не со мной все это было — твердый сосок оказался захвачен в плен его языка, а голова забилась ватой.

Ну все. Это фиаско, братан...

Я просто не могла сказать «нет». И мне вдруг подумалось, зачем ему это все? Вчерашняя девственница, явно не его типаж, судя по Верочке, стеснительная, замороченная... Может это все гон? Может быть я ему действительно нравлюсь? Может быть у нас все таки есть шанс? Может быть единороги все таки существуют?...

Секунду промедления, секунда на борьбу взглядов, характеров, принципов, а потом я шагнула навстречу, впившись в манящие, желанные губы. Так вдруг стало легко. Поддавшись его чарам, я будто скинула ярмо с шеи весом во всю планету. Кого я пытаюсь обмануть? Я влюбленна в него по уши, с первого взгляда, пусть никогда и не верила в эти розовые сопли, не верила, что можно полюбить кого-то, лишь увидев, но сейчас? Чувствуя его сладость — горький шоколад, дым и пряный парфюм с перчинкой, — меня, как осенило. Я действительно влюблена. Когда увидела его, внутри все перевернулось, а когда узнала... пусть и так поверхностно, пусть так мало, пусть только номинально, но что это меняло? Я должна была хотя бы попытаться изменить его правила. Ну не было у меня никогда слова «стоп», если я чего-то хотела. А его я хотела.

Узнать, раскрыть его тайны, прочувствовать его душу... Как мотылек, летела на огонь с единственным желанием узнать, а правда ли он жжется? И пусть. Плевать. У нас может быть шанс.

— У тебя ничего не болит?

— Нет.

— Отлично. Хочу показать тебе то, от чего ты почти отказалась... Встань и сними эту дерьмовую тряпку.

Опешив отстранилась от него, потом испуганно взглянула на дверь, снова на него и мотнула головой.

— Там Арай и...

— Поверь, котенок, — хмыкнул, проведя тыльной стороной ладони по щеке, — Им не до нас. Вставай.

Голос твердый, как и прежде, снова немного холодный, но если в первый раз я реагировала остро, сейчас больше привыкла. А еще мне было интересно... глупо отрицать. Желание узнать что-то новое, узнать, о чем все так много говорят, снова почувствовать его так близко — все это перекрыло любой страх и неуверенность. Я встала между его раскрытых ног и стянула платье через голову, неловко сжав руки внизу живота, но он перехватил ладонь почти сразу же. Мотнул слегка головой, тихо прошептал.

— Не прячься от меня, я хочу тебя видеть.

Это было так интимно... Щеки горели, тело лихорадило, а я не могла контролировать то, как развела руки в стороны. Стало дико не по себе от его пристального, жгучего взгляда, но я терпела... хотя кого я пытаюсь обмануть? Мне нравилось, как он смотрит на меня. Как хочет меня... ни кого-то другого, а меня.

Резко серые глаза оторвались от изучения каждого миллиметра моей кожи, теперь сканируя душу. Алекс слегка ухмыльнулся, как бы невзначай, также тихо, как прежде, заговорил, потянув за руку на себя.

— Встань на колени.

Сначала я не поняла, чего он от меня хочет. Словила некий ступор, смотрела на него, догоняла, а он терпеливо ждал. Я знала, что могу отказаться, это был не приказ, скорее наставление, урок. Но я же всегда была отличницей...

Медленно опустила на колени, не отводя глаз от острых Лун.

Смотря на него снизу вверх, нервно теребила пальцы и молчала. Что делать дальше я не понимала, хотя, конечно, чисто технически знала, но что делать?! Такой сумбур в голове... Благо он это понял, улыбнулся уже мягче, потянул мою руку на себя и положил себе на ширинку.

— Расстегни.

Снова послушалась. Пересев поудобней, медленно расстегнула кнопку на черных джинсах, а за ней и молнию. Странно было, немного страшно, но больше любопытно. Его член встретил меня, как старую знакомую — ха, ха! Еле удалось сдержать улыбку и смех, — твердая эрекция спружинила, стоило мне освободить ее от боксеров. Несмело взяла его в руку, слегка сжала бархатную кожу, на что Алекс отозвался еле слышным, но тяжелым выдохом. Посмотрела на него, вопросительно немного, но в глазах его уже был густой, темный порок. Они словно почернели в момент, зрачок расширился, а может это все игра воображения, хотя Алекс словно отключился.

Сжав волосы у корней, он потянул меня на себя, и я снова поддалась. Нет, это не было

давление, я все делала по собственной воли, из-за любопытства и нестерпимого желания доставить ему удовольствие. Возможно меня немного зацепило то, как он назвал наш «недосекс», и теперь я хотела доказать ему, что тоже чего-то стою, как и те, к кому он привык.

Хватка стала жестче. Сердце колотило в груди, как птичка в клетке, а возбуждение росло все больше и больше с каждым качком головы. Противно не было совсем, разве что непривычно, немного неудобно и все еще страшно, но не противно. К тому же он так стонал... Я догадывалась, что Алекс меня щадил, двигал мою голову плавно, не на всю величину, не торопился, давал привыкнуть. Сто процентов обычно он предпочитает что-то более жесткое, а снова думает обо мне... и как подтверждение, Алекс вдруг перехватил мою руку, на этот раз как-то нежно, ласково и хрипло прошептал.

— Иди ко мне, не бойся... Тебе будет хорошо, обещаю...

Я решила попытаться. Он говорил одно, но делал другое, и мне показалось, что я возможно действительно единорог/исключение. Плюс ко всему очередное влияние поп-культуры: я как раз смотрела сериал «Клиника», и Боб Келсо выдал очередную мудрость именно после всего, что между нами произошло на диване в гостиной:

«Позволь открыть тебе суровую правду жизни: жить вообще страшно. Привыкай. Чудес не бывает. Всё зависит только от тебя. В этой жизни всё стоящее даётся очень нелегко.»

Я восприняла это, как знак, но с чего начать понятия не имела, поэтому... следующим утром обратилась на кафедру соблазнений, к декану и великому знатоку, мастеру и вообще хорошему человеку — своей сестре.

Мое любимое место в Москве — это мост Богдана Хмельницкого. Там на набережной был один закуток, скрытый от глаз за небольшим зданием. Скамейка, дерево и вид на этот самый мост, при этом с минимальной проходимостью людей — секретный и личный. Мой. Когда я приехала в Москву, мне было одиноко, а это было единственное место, где было спокойно. Там мне всегда казалось, что у такой чужой и холодной Москвы все-таки возможно есть душа. Туда я и поехала, чтобы поговорить с Лилей о том, кто так глубоко проник под кожу...

— Я знаю, что ты скажешь... — затараторила я, услышав заветное «алло», — Мы в ссоре и бла-бла-бла, обещали друг друга ненавидеть, и я бы не позвонила, серьезно, потому что все еще злюсь, но мне... мне нужна твоя помощь, Лиль.

— Что произошло?! — тут же испуганно выпалила сестра, — С тобой все в порядке?!

— Да, да! Все нормально!

— Ты же сказала, что что-то случилось! Ты мне врешь?! Тебя кто-то обидел?!

— Нет! Дай мне сказать, а не психуй, господи ты боже мой!

— Точно? — тихо переспросила, на что я невольно улыбнулась, прикрыв глаза.

Волновалась...выпендривалась, а все равно волновалась...

— Точно. Могу начать?

Самое сложное — это начать. Сбито, краснея, тупя взгляд, но кое как мне удалось выдать почти целую, логичную историю, а когда я закончила, смогла молча выслушать ее почти минутный смех. Плевать, я вполне осознавала на что иду, главное для меня сейчас —

получить совет, и я его получила...

— Просто дай ему, что он хочет, — протянула она, лежа в купальнике под палящем солнцем.

Красивая...Черт, какая же Лиля была красивая. Приподняв солнечные очки от именитого бренда, ее ярко-янтарные глаза сияли, как звезды, в обрамлении пышных ресниц. Плевать, что они были не ее, а наращенные, это не выглядело плохо или дешево, а напротив. Хотя кому я вру? На ней ничего не выглядело дешево. Даже подкаченные губы, которые у массы девушек смотрелись вульгарно, на ней смотрелись так, будто она с ними родилась. Ровный тон кожи, золотистый купальник, что выгодно подчеркивал высокую, упругую грудь, гораздо больше моей и данная ей от природы, украшала внушительная подвеска с бриллиантом (в чем я была уверена на все сто процентов, зная ее любовь к дорогим подаркам) и парочка золотых цепочек разного диаметра. А волосы...она давно красилась в платиновую блондинку, но и это выглядело так естественно, что даже раздражало. Мне кажется, что я со своим светло русым-пепельным не выглядела также естественно, хотя в жизни волос не красила. Моя двоюродная сестра была живым воплощением зависти — модельная внешность, высокий рост, длинные ноги. Не дура, хитрая и умная... «прошаренная».

— Ты же, как понимаю, хочешь большего, чем просто секс? — с улыбкой спросила очевидное, перевернувшись на живот, а я, смутившись, опустила глаза на то, как нервно теребила края простенького платица.

— Да...

Признание было тихое, но правдивое. Это была правда, я хотела быть с ним, потому что влюбилась. Если бы это было не так, я бы в жизни Лиле не позвонила. А она предлагала... как-то увидела меня у Академии с другом Ромы, когда забирала на шоппинг и в ресторан, все донимала, а потом бросила с хитрой, загадочной улыбкой: если тебе понадобится помощь, ты знаешь, где меня найти.

Как чувствовала, что понадобится. Ее хлебом не корми — дай поделиться опытом, блин.

— У меня был такой однажды. Все вокруг трепались, что он не встречается ни с кем. Слово «верность» в его лексиконе отсутствовало напрочь, но... — блаженно вздохнув, она улыбнулась шире, — Я смогла это изменить. Даже не так: я стала единственной, кто это изменил. Ни до меня, ни после, так и не появилась другая девушка — он все также полигамит, только теперь с более грустным взглядом.

Вот он ее звездный час. Я прямо через экран видела, как она светиться от самодовольства, рассказывая о своих победах, будто я и без этого не знала, что любой мужик, который ее видел, не мог не посмотреть ей в след, а если она решала кого-то захомутать...пиши пропало. В ней было что-то такое, что окручивало мужчин, делало их ее рабами на бессрочный период или проще сказать навсегда.

— И как же? — помотав головой, чтобы снова не начать сравнивать себя и ее, выпалила я, на что сестра снова звонко засмеялась.

— Надо просто дать ему то, что он хочет. Поверь, он ловит кайф от того факта, что за ним носятся наперегонки — это тешит его самолюбие, а если ты покажешь, что тебе в принципе то и плевать, его зацепит. Это наша цель — зацепить.

— Хор...хорошо. Поняла. Зацепить.

— Именно, родная моя. Никаких истерик, будь легкой, улыбайся побольше и не грузи

разговорами об отношениях и чувствах. Вообще об отношениях не говори ни при каких раскладах, пусть думает, что тебе они не нужны.

— Но...

— Знаю, что нужны, Лия, дай договорить, — строго остановила меня сестра, и я слабо кивнула, — Это двойная игра. Ты одновременно ведешь партию с ним, и ведешь свою.

— Эм...

Я не поняла. Ну вот вообще не поняла, уставившись на сестру, как дура, а та в свою очередь так небрежно выдохнула, опустила свои очки и посмотрела мне в глаза, будто вела разговор с маленьким, неразумным ребенком. Я себя такой и ощутила в тот момент, взбесило страх! Но что мне оставалось? Только злиться молча, кусая губу, ведь я прекрасно понимала одно: Лиля знает о чем говорит. Мне бы и в голову не пришло, ну или я бы доходила путем проб и ошибок так долго, что в конце все мои выводы были бы совершенно бессмысленными. Ей хватило минуты, и картина сложилась полностью...

«Так что терпи, Амелия, терпи...»

— Тебе надо делать вид, что ты все принимаешь и поддерживаешь, но вместе с тем тебе необходимо стать неизбежной.

«Да она издевается?!» — взвилась я про себя, и, видимо, на этот раз на моем лице все отпечаталось, потому что Лиля звонко засмеялась и закивала.

— Хорошо-хорошо, поняла. попроще. Тебе надо тянуть эту игру, параллельно с тем потихоньку переносить ваше общение и за границу спальни. Подумай, что ему может быть интересно — может кино или выставка, — а потом ненароком туда позови. Просто так, типа тебе скучно одной, например. Не хочет, чтобы ты оставалась на ночь? Будь хитрее. Сделай вид, что заснула, не станет же он тебя будить, чтобы выгнать, правильно? Правильно. Пиши ему хотя бы раз в день, но без вопросов типа: как дела, что делаешь, что поел и сколько раз был в туалете...

— Прости?!

Меня проигнорировали. Лиля слишком вошла в кураж, развалившись на помосте, где загорала, и мечтательно смотрела в небо, раздавая свою мудрость тоннами — успевай собирать.

— ...Вместо этой банальщины, которая, скажу по секрету, дико бесит, скидывай что-нибудь смешное. Например, картинку или видос. Когда будешь в его спальни — оставь что-то из своих вещей. Маленькое. Например резинку для волос или трусики...

— О боже, я в аду...

Снова проигнорировали. Нет, ну она разогналась прямо на максимум...

— ...Притяни его сексом. Знаю, что тебе будет сложно — опыта то у тебя нет, но и это решаемо.

— Мне с кем-нибудь переспать, чтобы его набраться? — саркастично вставила свои пять копеек, и, о чудо! на этот раз была услышала.

Лиля повернула голову ко мне и усмехнулась, пожав плечами.

— Если хочешь, переспи, только умоляю, не снимай никого в барах. С мужиками никогда не угадаешь, а второсортный секс тебе не поможет. Можешь попросить своего Рому!

— Он вообще-то встречается с Адель! И...

— Ах ну да, маленькая принцесса-Адель... Ну тогда поспрашивай у своих подружек-балеринок. Они у тебя те еще потаскушки, подскажут пару вариантов...

— Да заткнись! — наконец взорвалась я, злобно раздув ноздри, — Это был

риторический вопрос! Я не собираюсь ни с кем спать!

— Только с ним? — весело парировала Лиля, снова вгоняя меня в краску, — Я знаю, что не собиралась. Тогда смотри порнуху и мотай на ус, сестренка. Еще я тебе скину крутые курсы минета...

Кажется со мной случилось то, что бывает после плохого секса в баре — фиаско. К такому меня жизнь не готовила, и слушая все, что она мне говорила, я медленно моргала. Шок-контент, не иначе как! И в целом...все это мне претило: вранье, изворотливость, уловки — это была ее стихия, не моя. В какой-то момент у меня и вырвалось тихая правда:

— Лиль, даже не знаю, смогу ли я... Это выглядит так, будто я его заставляю быть с собой...

— О боже, Лия...Что ты за ребенок. Кому какая разница, как это выглядит?

— Ты не поняла, я к тому, что...Разве можно построить отношения на вранье?

Мой простой вопрос заставил ее рассмеяться. Громко, как всегда звонко, и как всегда чертовски элегантно. Раздражало, что она такая совершенная, и я сморщилась, поведя плечами, но снова молча ждала. Не знаю чего, ответ на этот вопрос я уже знала...

— Ты такая милая. Если хочешь быть с ним, хочешь быть счастливой, тогда прекрати думать о том, как это выглядит со стороны. Мужики, как дети, запомни это, и если выбрала себе такого сложного, то будь готова постараться, малышка. Иногда для своего блага можно и соврать, да и разве это вранье? Так...маленькие, женские хитрости.

— Маленькие. Женские. Хитрости.

— Точно, моя хорошая, это именно так и называется. Ну...и кто же он?

О. Боже. Резко расширила глаза и открыла рот, не зная, что ей на это ответить, пока Лиля прямо вот наслаждалась моим оцепенением. Улыбалась, отогнула очки, привстала на локте и смотрела-смотрела-смотрела...Черт! А я ничего не могла сказать, только открывала и закрывала рот.

— Лия, со связью вроде все нормально, так что? Кто же этот загадочный «он»?

«СКАЖИ ЧТО-НИБУДЬ! НЕ МОЛЧИ!»

— Он...ээ...он работает в небольшой кафешке рядом с Академией.

— Работает в...кафешке? Старше тебя?

— Ну...да.

— Намного?

— Это что допрос?! Ты сама встречаешься со старпером!

— Амелия! — прорычала Лиля, после заозиралась, а после придвинулась ближе и зашипела, — Не называй его так, сколько раз тебе повторять, что он слушает мой телефон!

— Тогда хватит меня допрашивать!

— Я волнуюсь!

— Не стоит, он меня не заставляет ничего делать — я сама. Да, старше, но не намного, ему двадцать два. Точка!

Куда там точка. Это была лишь запятая, и примерно так выглядит покупка дешевых билетов без СМС и регистрации на самый странный аттракцион из всех возможных — «Чашки». А мои «Чашки» обещали быть очень...многообещающими.

Глава 8. «Чашки». Амелия

17; Март

Лиля вселила в меня подобие уверенности, и я даже на секундочку поверила, что действительно смогу его расположить в нужную мне сторону. Четкого плана у меня не было, я все еще не понимала как начать, и как это вообще работает. Я была прирожденным стратегом во всем, но не в любовных делах — как слепой котенок я тыркалась две недели, не решаясь сделать ход, потому что тупо не знала с какого конца подойти.

Дурость. И эта дурость приводила меня в ярость. Я могла провернуть вещи, на которые не были способны даже взрослые, выдавшие жизнь люди, но как завязать отношения с человеком, в которого была влюблена, понятия не имела. Что за бред, да? Ругала себя, корила, и все равно мимо, а главное, что я совершенно не знала почему так, ну почему?! Ответов не было, а их поиски заводили меня только глубже в дебри, и в один все это кончилось очевидным: я психанула и совершила свою первую ошибку. Эмоции вообще всегда залог проигрыша, мне это было хорошо известно. Отключать голову нужно уметь, когда садишься за шахматную доску, и пусть это было в моих силах в теории и на практике, в этой области, однако, мои навыки не удалось применить. Я просто не смогла отключить сердце, которое так громко билось, что заглушало разум — и сразу же получила по рукам.

Это произошло, как раз через две недели, после нашего с Лилей разговора. Обычно мы с Алексом проводили вместе время, пока Крис и Арай уезжали куда-нибудь в кино или типо того, ведь очевидно, что сохранять секретность по-другому было нереально, но в эти выходные наша парочка запланировала более грандиозные планы. Они уехали за город в тот самый дом, который должны были отстроить парни для своего друга. Это означало, что вся ночь была в нашем распоряжении... Ну или я так думала, ведь стоило мне тогда переступить порог комнаты Алекса, он сразу же обозначил новые границы.

Как чувствовал.

— Только предупреждаю сразу, — холодно и до неприятного спокойно заговорил, подойдя ко мне вплотную, — Я ни с кем не сплю. Никогда. Не заставляй меня выдумывать причины, чтобы ты ушла. Я притворяться ради тебя не стану, в результате будет очень обидно. Поняла?

«Твою. Мать. Он что читает мысли?! И он действительно думает, что вот это вот слышать было не обидно?»

Алекс ошибался, если и думал так. Меня вдруг охватили неприятные ощущения, не только обида, а какое-то... унижение что ли? Словно я просто шлюха, которая пришла его обслужить. Поэтому я молчала, вглядываясь в его глаза, в надежде найти там что-то, что скажет мне: котенок, расслабься, это шутка. Но не нашла. Вместо этого он иронично поднял брови и слегка погладил по щеке, продолжая подчеркивать всю серьезность своих «правил».

— Амелия, мы договорились? Ты же не хочешь, чтобы тебе было обидно?

— Нет...

— Чудно. Тогда я могу рассчитывать, что ты все поняла? Или закончим сразу? Если тебя что-то не устраивает, ты знаешь, где дверь.

Но я не хотела заканчивать. Игнорируя все, что орало внутри, мотнула головой и приблизилась, чтобы поцеловать. И какова же была сила моего притяжения, если, имея достаточно гордый нрав, я не только стерпела все, но и виду не подавала, что меня это

зацепило?! А это было очень унижительно — выходить из его комнаты и слышать, как за спиной закрывается дверь. Мне разве что налички не хватало в трусиках...

17; Апрель

Гордость снова подала знак, когда он ушел в душ, не сказав ни слова. Это было своего рода прощанием после секса — я уйду, чтобы тебе было не так мерзко, а когда вернусь, тебя здесь быть уже не должно. Вообще забавно получалось, я должна была приложить *УСИЛИЯ*, чтобы остаться в его постели — это было больше, чем странно, больше, чем унижительно, больше, чем мерзко. Это было *ненормально*, чего я, разумеется, ведомая своими чувствами, старалась не замечать. Но и пробовать снова не решилась бы ни за что в жизни — мне хватило унижений. Я до сих пор слышала звук закрывающейся двери у себя за спиной, от которого мне так и не удалось отмыться.

«Нет уж, дудки, больше я такой подвиг совершить не готова...»

Меня эта ситуация продолжала грызть маленьким червячком — из песни слов не выкинешь, но я оправдывала свой провал просто: я зашла не с той стороны. Надо было действовать тоньше, а не вываливать на него с ходу такие серьезные предъявы, ведь спать с кем-то рядом — это достаточно...интимно. Нужно доверять человеку на сто процентов, чтобы все получилось, и это, очевидно, меня не касалось. Дело тут даже не во мне конкретно: будь на моем месте любая другая девушка, ее постигла бы та же участь. Мне давно стало казаться, что в его биографии есть темные пятна, а теперь я была на сто процентов уверена, что они связаны именно с женщиной. Такие строгие правила, такие конкретные границы не чертят, если не хотят защититься...

Так я себе говорила, чтобы вновь получилось оправдать свое больное желание быть рядом. Да и было это достаточно просто: я видела, как его пробивало, каждый раз, когда он меня касался, видела, как он на меня смотрит. У меня было стойкое ощущение, что я ему действительно нравилась, пусть он это и прятал, я все равно чувствовала нутром — мне уже удалось его зацепить. Тогда что там было в лекции профессора? Оставить свою маленькую вещь? Как хорошо совпало, что у меня с собой была резинка...

Я заозиралась, прикидывая место, куда бы можно было ее пихнуть. Прикроватных тумб не было, кресло не подходило — это глупо, комод под телевизором тоже шел мимо — еще подумает, что я рылась в его вещах. Нет, нет, нет! И что тогда оставалось?

«Ну конечно! Просто оставляю ее под подушкой, будто случайно слетела!» — радуясь своему гению, я ловко стянула фиолетовую резинку и пихнула ее под подушку у окна.

Как раз во время, потому что буквально сразу же открылась дверь. Я чуть снова не пролетела...

— О. Ты еще здесь?

Аж в жар бросило. Откашлялась, чтобы не заподозрил чего, чтобы не начал спрашивать, и мотнула головой.

— Да я что-то...эм...задумалась.

— М. Ну понятно, — усмехнулся Алекс, подходя к шкафу, из которого достал футболку.

«Может сам предложит остаться? Ну пожалуйста...»

Но он не предложил. Я выждала достаточно, чтобы молчание не дошло до черты «уже неприлично», встала и быстро натянула остатки своей одежды и встала.

— Прости, я торможу. Немного устала.

Он снова ничего не ответил, только слегка улыбнулся своим мыслям, и мне показалось, что он прекрасно знал о моих планах, словно они были написаны на лбу. Хотя так скорее

всего и было — говорю же, актриса из меня никакая. И пока продолжались мои метания, Алекс подошел к постели и прыгнул на нее, включая телек. Он не собирался меня останавливать, всем своим видом подчеркивая это, как и то, что я здесь — элемент лишней.

«Ну конечно, моя функция же выполнена...» — прошепела про себя, борясь с дикой, накотившей неловкостью.

Мне снова захотелось сбежать, а потом появилось и другое чувство, которого до этого еще не было — мне захотелось никогда его больше не видеть. Но лишь на мгновение, пока он не улыбнулся...

— Ну что такое, котенок? Что-то случилось, о чем ты боишься мне рассказать?

Это прозвучало мягко, без насмешки или издевки — он действительно интересовался.

«Конечно случилось. Ты.» — подумала, а сама не могла оторвать взгляда от его красивого лица.

Таким он мне всегда нравился больше — мягкий, нежный, домашний. Алекс очень редко бывал таким, обычно он прятал эту свою сторону за тяжелой маской сарказма и льда, но бывали моменты, как сейчас... Думаю, что их вызывала я своими глупостями. Думаю, он просто умилялся и забывал держать себя в руках...

«Но это же означало, что он мне доверял? Раз мог расслабиться настолько сильно...»

— Нет, — тихо ответила, добавив теплоту в улыбку, — Все прекрасно. Я пойду.

— Спокойной ночи.

— И тебе.

И вроде бы все заканчивалось на хорошей ноте, но... Всегда ведь есть такое жирное «но», способное перечеркнуть любые плюсы и оставить на душе нестираемый осадок. Такое «но» выпало и мне, стоило коснуться ручки его двери — в спину прилетел вопрос, но не тот, который я так хотела бы услышать.

— Это твое?

Сердце забило так глухо и быстро, что у меня в глазах на секунду потемнело, словно меня словили на чем-то противозаконном. Я ведь уже знала, о чем он говорил, так что когда медленно повернулась и наткнулась глазами на свою резинку, для меня это не было сюрпризом. Именно поэтому, наверно, мне и не было так уж сложно изобразить веселье в следующем «па».

— А тут бывает кто-то еще?

Алекс не дал ответа, но его взгляд стал им, сам того не желая. Или желая? Может быть он этого и добивался? Пригвоздить меня к месту, уколоть и ранить, чтобы я больше никогда не исполняла ничего такого...

— Забери.

— Я не специально... — зачем-то попыталась оправдаться, но тут же была холодно пресечена.

— Мне все равно. Я не люблю чужих вещей в своем пространстве, так что следи за ними лучше, Амелия.

Он редко называл меня по имени, а когда делал это, как сейчас, это означало одно: он зол. Холодный, режущий тон, не терпящий препирательств. Я могла бы, конечно, попробовать, но что-то внутри упиралось ногами и руками.

«Не делай этого, тебе будет очень больно!» — орало в голос, и я степенно смирялась. Мне действительно казалось, что если я хотя бы подумаю попытаться ему перечить, это кончится плохо не для него, а для меня: из нас двоих по итогу, больно будет именно мне.

И правильно казалось. Интуиция — вещь полезная, и ее надо чаще слушать...

17; Апрель

Совместный сон — отпал. Вещи — отпали. Лиля говорила писать ему? И я пыталась, но он меня всегда игнорировал, так что после третьего раза — это тоже отпало. Тем временем я все еще на что-то надеялась, не смотря на то, что он колот меня ни раз и ни два. Тут, конечно, надо отметить и то, что я сама была хороша. После всех моих проваленных партий, гордость окончательно взбунтовалась, и я уже не могла прикусывать во время язык — саркастичные замечания сыпались, как из рога изобилия, за что он отвечал мне тем же, если не жестче. Моя теория месячного срока давности оказалась верна: по итогу больно было именно мне. Каждое его оскорбление или пренебрежение, насмешка резала острейшим ножом, и пусть я пыталась кусать в ответ или сама кусала первой, на нем в сухом остатке не оставалось и следа. Но оставался еще один пункт, который я не выполнила, и это уже было чем-то вроде вопроса чести. Я должна была хотя бы попытаться, ведь сойти сейчас все равно, что сойти с марафона за шаг от выигрыша — глупо и слабо. Глупой и слабой я никогда не была, и теперь становиться не собиралась. Не смотря ни на что я все еще слишком сильно его хотела...

В тот вечер субботы в первых числах мая, на кухне мы были вдвоем. Арай и Крис снова уехали — вообще они стали часто уезжать на выходных в загородный дом, так что я их почти не видела. Неизменно парочка возвращалась в воскресенье вечером, мы пили чай, ужинали, и я уезжала в Академию. Против не была, отнюдь, Кристина вся светилась от счастья, а я была счастлива за нее, да и с Алексом мы могли не прятаться. По итогу, как то так вышло, что мы «не встречались, а только занимались сексом», но все равно проводили много времени вместе и вне постели. Да и разве возможно по-другому, если мы были в квартире одни? Нет. И сегодня не стало исключением...

Алекс хмурился и искал что-то в одной из своих папок с проектом по этому самому дому, пока я нарезала салат из овощей. Он был так сосредоточен, и это выглядело так забавно — хмурые брови, педантичность в деталях (каждый прочитанный лист ложился лицевой стороной вниз, а сверху уголок к уголку следующий).

«Нет, ну он просто прелесть...» — облизывая ложку, я невольно залюбовалась.

Алекс достаточно быстро это почувствовал, резко подняв на меня свои яркие глаза — зрелище что надо. У него появился такой взгляд, словно его застукали за чем-то неприличным, и я прыснула, закрыв рукой рот.

— Что смешного? — серьезно спросил, но я не стала вдаваться в объяснения, вместо того отбив своим вопросом.

— У тебя все нормально?

— Да, котенок, а не должно?

— Да нет, просто как-то непохоже. Если захочешь, можешь рассказать...

— Тебе правда интересно?

— А зачем кому-то притворяться на этот счет?

— Да так...незачем. Просто...ай, да неважно.

— Скажи...

Я сделала шаг к нему, и Алекс снова вернул мне свое внимание. Иногда он был очень-очень странным, подолгу разглядывая мое лицо, словно искал какие-то ответы или что-то другое — я так до конца и не поняла. Сейчас он проделывал тоже самое, а я покорно ждала — пусть я и не знала причин, я точно знала, что ему нужно время, чтобы что-то решить. Так

и было. Он сориентировался, кивнул своим мыслям, потушил сигарету и откинулся на спинку кресла.

— Ничего особо важного не случилось, просто мне нужно будет срочно уехать по делам, а завтра посуда и уборка на мне. Помнишь же о расписании Крис? Если проскочу, она меня убьет.

«Вот он твой шанс, Амелия, давай!»

— Эм...хочешь, я могу тебе помочь?

— Ты и поможешь, — Алекс хитро сверкнул глазами и притянул к себе за бедра, — Только не так, иначе, и гора-а-аздо более продуктивно, малыш.

— Алекс, я...

— Раздёнсья.

Я уже знала этот тон, не терпящий споров или отлагательств. Он озвучил — я должна тут же выполнить, так это работало. При этом Алекс по-прежнему не заставлял ничего делать, а я не смогла бы соврать, что мне не нравилось: его сила и характер, энергия, напор — все это заходило, как котик у сметанки и уже давно перекрыло его красоту.

Медленно стянув лямки платья, не отрывая своих глаз от его, я спустила платье до талии и поежилась от налетевшего ветра. Кожа покрылась мурашками, а бусинки груди и без того твердые, стали еще и чувствительнее в сто миллионов раз. Они хотели прикосновений, ждали их, собирая внутри еще большее напряжение. Но теперь настало время ждать мне. Алекс еще пару мгновений выдержал мой взгляд, только после чего опустил его на грудь, а как будто током ударило. Я даже вздрогнула, сжав коленки сильнее — он усмехнулся. Наверно ему дико льстило, что я была уже в таком нетерпении, хотя он еще и не коснулся меня толком.

— Руки на стол.

Паузы никакой не было, я сразу же опустила ладони на холодную поверхность, отвернувшись от него, за что тут же отхватила легкий укус в плечо, как наказание за самоуправство.

— Я не говорил тебе двигаться.

Горячий шепот в кожу вызвал еще один шоковый удар. Я облизала пересохшие губы и еле слышно выпалила, зажмурившись:

— Прости...

— Встань.

Поднялась, хоть ноги почти не держали. Мне пришлось вцепиться в край стола, чтобы не рухнуть, а потом снова сжать коленки, когда его горячие пальцы скользнули по позвоночнику. За ними губы. Аккуратный, почти нежный поцелуй под лопатку, сорвавший первый, но точно не последний на сегодня стон.

— Какая ты чувствительная, котенок...

Иногда меня бесило, что он так долго медлит. Ведь готов уже, а все равно продолжает терзать, как сейчас, например. Поцелуи напополам с укусами перешли на ягодицы, пальцами игрался с ниточками белых стринг. Я готова была в голос орать, чтобы он их просто стянул и трахнул меня наконец, но молчала, кусая губу. Такое точно не кончилось бы для меня чем-то хорошим. Однажды я попыталась так сделать, за что он терзал меня втрое дольше, почти доводя до оргазма, но обрывая его в последний момент. Алекс позволил мне кончить только тогда, когда сам этого захотел, возводя свой главный закон на уровень культа: все будет только так, как я сказал и никак иначе.

Нет. Это самая настоящая пытка, больше я так не хотела, поэтому молчала, пока наконец не услышала заветный звук расстегивающейся ширинки. К этому моменту тело прямо горело, а из губы шла кровь, но мне было плевать. Я так сильно хотела его, что внутри все стягивало толстыми канатами-цепями.

— Я бы помучил еще, но, сука, хочу тебя просто дико. Что ты со мной делаешь?!

Хруст упаковки от презерватива в купе с его хриплым шепотом давно стал моей любимой музыкой, от которой все также сводило и немного подрагивало. Я была готова взорваться уже тогда, когда Алекс положил мне руку между лопаток и чуть прогнул, подталкивая к столу. Холод гладкой поверхности здорово контрастировал с жаром наших тел, что лишь на секунду отвлекло, до того момента, как он не уперся в меня. Дальше все потеряло значение. Резкий толчок, секундная боль и потом одно только наслаждение. Мои руки плотно прилегли запястьями к указанному месту, а он просунул свою под грудь, терзая плотной хваткой правую. Сам наклонился, оставляя нежные поцелуи на шеи. Еще один контраст: боль и нежность, огонь и лед, небо и земля. Клянусь, с ним я всегда летала где-то между. Частое дыхание, стоны, фрикции, пара толчков — шлепок, ускорение, за ним томящее замедление... Я уткнулась лбом в кулак, задыхалась, чувств и ощущений было так много, от них я задыхалась, терялась, пока не взорвалась первым, мощным оргазмом.

Меня трясло, дыхание окончательно сбилось, и силы кончались, словно я была выдохшейся батарейкой, но я хотела еще. И еще, и еще... Будь моя воля, я бы не вылезала из его постели... Словно прочитав эти мысли, Алекс быстро намотал волосы на кулак и поднял за них так, что мне пришлось вытянуться на полу-пальчиках. Остаток удовольствия еще разбивал тело мелкими судорогами, а его губы у уха только добавляли амплитуды. Они меня только подстегивали...

— Нет, малыш, у меня на тебя большие планы, так что не вздумай выдохаться. Слишком рано...

Слишком рано, кажется по его мнению, было и после третьего оргазма. Сегодня он, как с цепи сорвался, так что где-то через час лежа на неизменно черных, атласных простынях, я не могла пошевелить даже пальцем ноги. Алекс медленно выдыхал дым в потолок, вырисовывая круги на моем плече, и о чем-то думал. Он редко так залипал при мне, а когда это случалось, я боялась вдруг неожиданно «задышать слишком громко», лишь бы не спугнуть... Мне казалось, что это какая-то особая ступень нашей близости, на которой мы твердо стоим обеими ногами. Наверно именно поэтому, ведомая моментом или этой тупой уверенностью, я прошептала.

— Мне правда несложно.

— О чем ты, котенок?

— Помочь тебе.

Алекс лениво перевел на меня взгляд, а я закусила губу, уперевшись носом ему в грудь. Как-то стало неловко, даже немного страшно получить что-то обидное в ответ, поэтому я быстро попыталась объяснить.

— Ты сказал, что у тебя дела и все такое. Я могу помочь с уборкой, мне не сложно и...

— Ох, милая, брось. Я справлюсь.

И вот он снова настал этот мерзкий момент. В голове вдруг проскользнула мысль, что стоит мне его коснуться вне занятий сексом, как ему непременно нужно отдалиться от меня на расстояние. Наверно в этом был смысл, раз Алекс сразу же высвободился и сел на край постели, но хоть уходить не спешил, и то спасибо.

«Кажется, он и в правду устал...»

Мне безумно захотелось к нему прикоснуться, чтобы он знал, что не один, а почему-то именно это ощущение и складывалось. Вообще, проведя с Алексом столько времени наедине, я стала лучше его понимать, и мне казалось, что ему очень одиноко. Он полностью отгородился от всего мира за толстой стеной ледяного сарказма, а внутри нее, там, где было его сердце, теперь образовалась мясорубка.

«Что же с тобой случилось...?» — то и дело задавала я себе вопрос, но в слух спросить не решилась ни разу.

Знала, что если задам его, то в ответ получу не просто усмешку, а жесткое и резкое «пресечь». Не хотелось быть малодушной, поэтому я признавала, что этого боялась, как огня. Знала, что такая его резкость и грубость сильно саданет по мне, сделает больно, а мне этого совершенно не хотелось. И тогда мне в голову пришла совершенно другая идея...

— Может заключим сделку?

«Заинтересовать. Взять на слабо, если понадобится. Сделать вид, что в этом нет ничего личного, большего, чего он так боялся, а на самом деле подвести его к этому. Вот только что придумать?»

У меня была всего секунда на размышления, чтобы выдать свое предложение, пока Алекс поворачивался с легкой усмешкой и приподнятой бровью,

И естественно продумать его я не успела.

— Хочу в зоопарк.

В комнате повисла пауза. По серым глазам было видно, что он словил шок, да что там? Я сама охерела от того, что выдала. Хотелось залепить мощный, звонкий фейспалм.

«Зоопарк. Зоопарк, твою мать?! Ты ебанулась?!» — в голове звучал один отборный мат, а еще клятвенные обещания сжечь ту самую рекламу на остановке, с которой я ездила от Академии домой.

Реклама Московского зоопарка. Ебанная. Реклама. Московского. Зоопарка. Именно ее я видела каждый раз, когда сюда ехала. Именно она виновата в том, что я ляпнула, ведь именно она так не во время всплыла из воспоминаний.

— Прости...что? — наконец подал он голос, откашлявшись, чтобы спрятать смех, но я тут же расправила плечи, прижав к груди одеяло до боли.

«Раз уж сказала, держи мину! Не смей показывать, что ты случайно, а то еще план разгадает. НЕ. СМЕЙ!»

— А что? Люблю животных, к тому же давно там не была. Ты мне зоопарк, я тебе уборку. Сделка.

— Хочешь в зоопарк, значит? — усмехнулся он, но в ответ я лишь уверенно кивнула и протянула ладошку.

— Именно. Договор?

Медлил. Думал. Опустил взгляд на руку, потом снова поднял на лицо, и, словно посмеявшись над своими мыслями, кивнул.

— А что бы нет? Договор.

Уборки было достаточно. Я убила почти весь день, чтобы привести квартиру в божеский вид, и закончила буквально за двадцать минут до того момента, как приехали Крис и Арай. Мы поужинали, они похвалили труды Алекс (ха-ха!), а потом я засобиравалась в Академию. На самом деле ехать куда-то было дико в падлу, я так устала, что сложно было пошевелить конечностями.

«Завтра на тренировке я просто умру...» — сокрушалась, а при этом улыбалась, забывая в телефоне короткое сообщение:

«В субботу в одиннадцать у главных ворот.»

Двенадцать. Суббота. Главные ворота. И нет, он не опоздал. Алекс сидел на железном заборчике и курил, наблюдая за семьями, заходящими в парк.

«Неужели я наконец-то победила?» — сама не верила своему счастью, подходя к нему ближе, но вот же он...и он здесь.

— Любишь детей?

Ух ты. Мне удалось его напугать — всегда степенный, спокойный и уверенный в себе Алекс вздрогнул и резко перевел на меня свои яркие глаза, и лишь спустя мгновение смог так вернуть маску обратно на лицо, ухмыльнувшись.

— Ненавижу.

— Серьезно?

— А какой в них смысл? — поднявшись, он откинул сигарету, попав точно в урну, после чего запихнул руки в карманы и слегка пожал плечами, — Как по мне никакого.

— Все так говорят, пока своих не заведут.

— О, нет, спасибо, — хмыкнул он, бросив взгляд на вход, — Я предпочту аборт.

Было как-то не по себе, а фраза смутила. Я поежилась в своем простеньком синем пальто и тоже отвернулась, притворяясь, что мне вдруг стало очень интересно, что там говорит клоун у магазина, но была поймана на лжи. Как очень-очень плохая актриса.

— Что такое, котенок? Не устроил ответ?

— Да нет, — неопределённо протянула я, но потом снова посмотрела на него и слегка улыбнулась, — Просто не очень приятно слышать такое, особенно если учесть, что ты со мной спишь.

— Во-первых, это ты со мной спишь, — сделал шаг на меня, изогнув бровь, как заправский мачо, — А во-вторых, тебе не о чем переживать. Ты сказала в резинка — я четко следую. Но даже если бы ты и согласилась на таблетки...

Многозначительная пауза. Алекс хитро смотрел мне в глаза, улыбался котом, но получил не тот ответ, на который было направленно все его обаяние.

— Нет.

— Принимается, — спокойно пожал плечами и безразлично продолжил, — В общем в любом случае, я очень ответственно отношусь к защите. Мне не нужны сюрпризы.

Алекс слегка коснулся пуговицы на пальто, а потом, следя за этим взглядом, усмехнулся своим мыслям и добавил.

— Может ты и передумаешь...Поверь, секс в резинках — это...

— Пожалуйста, прекрати, — прошептала я, одернув пальто с горящими щеками, — Здесь люди, и все пялятся.

— Никто не пялится, малыш, мы же ничего такого не делаем, — хрипло ответил он, наклонившись так, чтобы прошептать уже на ухо, — Ты точно хочешь в зоопарк? Здесь можно найти укромный дворик и...

— Нет, хватит! — отступив от него на шаг, я выдохнула и развела руки в стороны под

веселый смех наглого соседа, — Я хочу туда и точка.

— Как скажешь.

Будто ничего и не было, он распрямился и расправил плечи, а потом достал билет и протянул его мне.

— Что это?

— Билет, дурочка.

— Ты уже купил?

— А чего ждать? Ты опоздала.

— На десять минут. Пробки вообще-то.

— Знаю, поэтому поеду, чтобы не встать на пару часов. Удачного похода.

Все мое нутро обрушилось в один миг. Я даже не нашлась, что ответить, а тупо смотрела на него чуть дольше допустимого, получив спокойный вопрос, заданный с приподнятыми бровями.

— Все нормально?

Надо было натянуть улыбку и кивнуть, придумать что-то, но я тупо не смогла. В голове вообще ничего не осталось, наверно в силу возраста, а может наивности, а может потому что я действительно протестовала против всех этих уловок и прочего дерьма, поэтому пусть тихо, но сказала правду.

— Я думала, что ты пойдешь со мной.

Алекс еще миг смотрел на меня, а потом наклонил голову на бок. От меня не укрылось, как он повел плечами, что руки у него были надежно спрятаны в карманы, а по лицу пробежала странная рябь — ему было дико некомфортно находиться здесь. Со мной. Он этого не хотел, а я его заставила, вынудила, и боже — в этот момент я себя прямо ненавидела.

— Амелия, мы кажется договорились. Никаких свиданий и ничего, кроме секса.

— Это не свидание... Я просто...

— Мне неважно, — холодно перебил он, и лучше бы я так и изучала ровный тротуар, чем посмотрела в его глаза.

Сейчас то, что могло дико обжигать — серый, глубокий омут, — тоже обжигал, но не огнем, а холодом. От него веяло им, как от глыбы льда, и это было просто ужасно. Наверно я никогда так сильно не хотела исчезнуть, как в этот момент. Возможно, конечно, прежние ситуации просто стерлись из памяти, как часто бывает со временем, но я знала, что этот миг перед входом в зоопарк я запомню навсегда. Очень сложно забыть буквально физически ощущаемое чувство, когда ты навязываешься человеку, в которого влюблена.

— Договор был такой, и я не собираюсь его нарушать. *Ради тебя точно.*

Акцент. Он намеренно выделил голосом последнюю часть своего потрясающего высказывание, от чего у меня от сердца волнами отошла боль и обида. То есть ради меня он не собирается нарушать свои «правила»?

— А ради кого собираешься? — вырвалось раньше, чем я успела обдумать свой вопрос, и я тут же об этом пожалела.

Еще одно правило — никакой ревности и истерик. Он этого не любил. И сейчас Алексу точно не вкатывало участвовать в «любовной» разборке.

Брови упали на глаза, которые тут же сверкнули арктическим холодом, твердостью и... жестокостью? Точно. Это была именно она. До меня дошло не сразу, хотя я и сжалась в ожидании «ответочки с вишенкой».

— Тебя не должно это ебать, потому что никогда «это» не будет касаться тупой, малолетней сучки. Удачного похода.

Было больно — вот так вот стоять посреди площади и смотреть в его широкую спину. Унизительно, обидно и больно. Жаль, что в тот момент я еще не представляла, что значит по-настоящему больно.

Мы не общались четыре дня. Обычно он писал мне что-нибудь дурацкое почти каждый день хотя бы раз, и да, теперь мы общались. Это было даже забавно, ведь я так старательно искала возможности его заинтересовать, а оказалось нужно было всего лишь потерпеть, чтобы это стало нормой. Сейчас в эфире стояла оглушающая тишина. Я тоже не решалась начать разговор, хотя много раз пыталась. Открывала окошко с нашей перепиской, даже набирала что-то глупое, но отправить так и не решилась. Мне было очень страшно услышать что-то вроде: «между нами все кончено, не пиши больше». А потом вдруг стало плевать. Я просто пересилила себя, ведь жить в таком подвешенном состоянии невероятно сложно, скажу я вам.

Вы:

Привет. Может поговорим?

Алекс не отвечал долго. Реально долго. Уроки шли один за другим, я гипнотизировала телефон, но так ничего и не получила. Сердце бешено билось где-то в горле каждый раз, когда мне падала какая-то рекламная смс-ка, и я разочаровывалась аж до слез, когда не видела заветного номера. Только ближе к ночи, когда уже и не надеялась прочитать его имя, оно появилось.

Алекс □:

О чем, котенок?

Как будто ничего и не было.

Вы:

Я завтра приеду.

Алекс □:

Я знаю.

Вы:

Прости за то, что тогда было. Я не хотела.

Алекс □:

Как сходила?

Я чувствовала себя так глупо, извиняясь за то, в чем виновата не была, но так не хотела терять его, что извинялась. А он так холодно отвечал... слезы сами собой покатались по щекам, я быстро утерла их рукавом плюшевой пижамы и быстро забила по экрану, стараясь не поддаваться на щемящее чувство в груди.

Вы:

Неплохо. Ты все еще злишься?

Алекс □:

Завтра поговорим, я спать.

Интуиция орала, что завтра я узнаю, как сильно на самом деле его выбесила той сценой, и не ошиблась. Если честно, то я была готова, наверно, ко всему, а оказалось, что не готова в принципе. Он сумел таки меня переиграть и не просто ударил по рукам... он меня растоптал. Тем вечером в пятницу мое сердце было безжалостно разбито...

Домой я ехала, как на иголках. По пути сто раз успела проклясть эту сраную рекламу

Зоопарка. Снова. А потом погрузилась в музыку, наблюдая за машинами в пробке. На самом деле эта пятничная поездка в набитом автобусе выкачала из меня все силы на переживания и злость, я даже забыла о том, что мне предстоит. Быстрым шагом, почти бегом, я добежала до дома, чтобы не промокнуть окончательно под внезапно начавшимся ливнем, зашла в лифт, где встретила соседку с нижнего этажа. Мы друг друга не особо любили: она была одинокой старушкой, которая сутками сидела у подъезда на скамейке и обсуждала нашу квартиру, где по ее мнению Кристина организовала притон. На ее пристальный взгляд я старалась не отвечать и с облегчением выдохнула, когда ее персону наконец покинула тесное помещение. Она всегда так жестко душилась чем-то приторно-сладким, и теперь мне скорее всего придется замочить свои вещи в уксусе, чтобы отделаться от этого аромата. Вот о чем я думала, когда заходила домой. Не вынимая наушники, сняла куртку, помыла руки, потом направилась на кухню, чтобы посмотреть наличие этого самого уксуса, а за дверью меня ждал самый настоящий адский котел.

Личный.

Мой.

Сначала я даже не поняла, что сейчас происходит прямо перед моим носом. Просто. Тупо. Застыла. Мозг отказывался работать, сращивать то, что видят глаза со здравым смыслом.

На столе лежала Верочка. Ее длинные, черные волосы доставали чуть ли не до пола, сиськи с острыми, темными сосками пружинили от каждого жесткого толчка, а между ее длиннющих ног стоял *он*.

Толчок-толчок-толчок. А я смотрю-смотрю-смотрю. Чувствовала, как кровь отливает от сердца, руки немели, а дыхание спирало.

Пиз-дец.

— О, Алекс, у нас, кажется зрители...

С придыханием. Нагло так. Задиристо. Верочка протянула и прижала его длиннющей шпалой за задницу ближе, а точнее *глубже*, зато я смогла отлипнуть. Резко шагнула назад и хлопнула дверью, вот только поздновато как-то. Эта картина отпечаталась где-то на подкорке огнем и теперь долбила по внутренностям острым кинжалом.

Вот это было по-настоящему больно. Я даже вдохнуть не могла, да что там, пошевелиться, пока они продолжали. Стоя за этой тоненькой дверью, я слышала каждый его последующий толчок на месте, где он делал это со мной всего неделю назад. Благо слушала недолго — мне не хватило духа остаться в этой квартире, из которой по итогу я вылетела, как пробка из бутылки. Меня тошнило, я не могла дышать, а слезы лились рекой, и уже не было дела ни до какого дождя.

Мне хотелось сдохнуть.

17; Июнь

Я хорошо помню те выходные, которые я провела в слезах, и также хорошо помню, как всю последующую неделю каждый встречный/поперечный задавал мне вопросы. «Амелия, почему ты такая грустная?»; «Амелия, а что случилось?»; «Амелия, ты что плакала?». Я никому ничего не сказала. Я взяла тайм-аут. За весь май я была дома всего один раз — тот самый раз, — пропустила все майские праздники, все выходные под предлогом «мне нужно готовиться к выпускному». На самом деле, мне нужно было время, чтобы принять решение, а сейчас мне нужно время его озвучить.

Конечно, я уже давно все решила. Глупо было даже начинать бороться за что-то, что

этих усилий просто не стоит. Я много раз задавалась вопросом, зачем вообще продолжала, когда все было настолько очевидно? Он мне не пара. Вот так просто.

Он — Мне — Не — Пара.

Конечно я скучала, я даже сейчас скучаю. Вчерашняя ночь оголила все то, что я пыталась спрятать: я все еще в него влюблена, но я больше ничего не хочу. Мне хватило с головой: моменты, которые я могла бы назвать «теплыми» разбились о застывшую картину стонущей Верочки с ним между ее ног. Я последний раз допустила слабость, просто потому что хотела попрощаться и запомнить его полностью, и теперь я готова сделать последний рывок. Ради, твою мать, меня!

Старая, черная БМВ Алекса перестает рычать, останавливаясь у подъезда, а ее хозяин тянет руку к моему колену, но я отодвигаюсь. Рука замирает так и не найдя цели, и из меня вырывается рвущее:

— Между нами все кончено.

Я выговариваю слова так быстро, что сама не до конца верю в то, что сказала это, но... Боже, свершилось! Как лавина сошла, как груз отрезало, и мне стало так легко... Я даже расслабиться теперь могу: плечи опускаются, руки раскрываются и спокойно ложатся на голые колени. Мне правда все это претит: игры, заискивания, всякие манипуляции — все должно быть не так. Наверно, к сожалению, я просто для этого не создана и нет во мне этих нужных «маленьких, женских хитростей», ну не моя это история. Мне всегда казалось, что отношения должны рождаться сами собой. Их заводят люди, которых так тянет друг к другу, что они хотят проводить каждую свободную минуту рядом. Нас тоже тянуло, бесспорно сильно тянуло: стоило нам оказаться рядом, как воздух начинал искриться, но... это все лишь физика. За этот месяц я поняла одно: он никогда не пустит меня *глубже*, я так навсегда и останусь в роли «одной из» его пластиковых стаканчиков, которые он выбрасывает так просто... Использовал-выкинул-завел новый. А я так не могу. И не хочу учиться.

Я не такая, и это самое «осознание себя» придает моему голосу стали, когда я повторяю уже четко и уверенно:

— Между нами все кончено, с меня хватит.

— Амелия... — устало протягивает Алекс, откинувшись на сидение, но я перебиваю.

Не хочу больше ничего слышать.

— Не надо. Я знаю, что ты скажешь: между нами нечему кончаться, потому что между нами ничего и не было, но...

— Давай без драмы. Я сразу тебя предупредил. Несколько раз.

— Я помню и ничего не предъявляю, но как-то ты сказал, что если меня что-то не устраивает — я знаю где дверь. Ты был прав. Я это действительно знаю.

— О, как мы заговорили. То есть я больше не очень красивый?

Алекс злится. Он больше не скрывает этого, сверлит меня взглядом, и на одну секунду мне кажется, что возможно я погорячилась. Я даже хочу дать заднюю, но потом перед глазами мелькают все, что нас связывало, и я отказываюсь от этой затеи. Нет смысла сохранять то, чего никогда и не было...

— Ты самый красивый мужчина, которого я когда-либо видела.

Такого откровения он не ожидал. Злость моментально сменяется удивлением, брови снова падают на глаза, но теперь с другим посылом. Он будто думал прямо сейчас правильно ли услышал то, что я сказала, а я жду. Терпеливо и недолго, Алекс слишком хорошо владеет своими эмоциями, чтобы мне удалось надолго выбить почву из под его ног.

— И в чем тогда проблема?

— В том, что ты мне больше не нравишься.

Не вижу смысла что-то обсуждать, а просто открываю дверь и выхожу. Мне хочется быть дальше, хочется сбежать и никогда не видеть его, а больше всего мне хочется стереть эту поездку в «Чашках» длиной в полгода...Все еще тошнит. Окунувшись в прошлое, меня все еще тошнит от этой вечной карусели, и мне остается только одно: надеяться, что эффект продлится недолго.

17; Июнь

Ужин проходит, как обычно, за исключением меня. Я не слушала о чем они говорят, полностью погрузившись в свои мысли. Подумать то мне было о чем, включая Алекса, но не ставя его во главу стола. Сегодня у меня были дела поважнее, чем сокрушаться над своими разбитыми иллюзиями, и наконец я замечаю, что на кухне стоит неприятная атмосфера. Все дело во мне, это тоже вполне очевидно, так как три пары глаз прикованы именно к моей персоне. Они сверлят, ждут, изучают, и мне это не нравится. Я делаю вид, что здесь есть только Крис, концентрируюсь на ней, потому что лишь она не выводит меня из себя, а наоборот тушит. Тем более ее вид заставляет меня перенаправить свое волнение в ее сторону: она вся на иголках, нервничает, вон ногти кусает, вместо того, чтобы есть свою порцию ароматной курицы и пюре. Тоже смотрит, ждет, может она что-то спросила? Я ничего не слышала и сейчас не знаю, что сказать, поэтому молчу. Недолго, каких-то пару мгновений ей хватает понять, что я снова все прохлопала, летая в облаках, поэтому Крис сама нарушает странную тишину, указав подбородком на мой телефон.

— У тебя телефон звонит.

Какая глупость. Как глубоко я погрузилась в свои переживания, если не слышу вибрации айфона, который лежит прямо перед моим носом? Опускаю глаза на экран, но уже через миг закатываю их и фыркаю, отпихнув мобильный подальше.

«Ли»

Наша фотка, когда она потащила меня мерить бальные платья для моего выпускного, так фальшива — на ней мы улыбаемся. Забавно получается, что на всех совместных фотках мы кажемся такими счастливыми, когда как в реальности все обстоит иначе. Нет, я ее, конечно, люблю и как Элай не спешу вычеркивать из списка приглашенных на семейные сборища, но...с ней всегда было и будет слишком неоднозначно. У Лили свое понимание любви, как бы это печально не звучало, и оно гласит следующее: я тебя, конечно, люблю, но это только пока ты не влияешь на мою жизнь. Даже взять мой выпускной: на ней неизменно откровенное красное, ее любимый фасон и крой, да и цвет. На мне лиловое без бретелек и с огромной юбкой — платье мечты моего детства. Мне не довелось его одеть, конечно, я же отказалась на отрез выходить и «светить» лицом, так что оно так и осталось в чехле в ее квартире, полагаю. И в этом вся Лили: «показаться» ей всегда важнее. Ради этого она может сделать все, что угодно, даже ранить тебя, своего близкого человека, если ты вдруг попытаешься ей помешать. Вот так и живем, а вызов продолжается. Настырная вибрация бьет по мозгам, бесит, но я упорно делаю вид, что ничего не происходит, подцепляя добрую порцию картошки на вилку. Говорить с Лилей не хочу и не собираюсь.

— Ты не ответишь? — тихо спрашивает Крис, я коротко смотрю на нее и не менее коротко отрезаю.

— Нет.

Наконец звонок обрывается. Я не могу заставить себя «держать лицо», вместо того свечусь, как самая яркая елочная игрушка, представляя, как сильно сейчас подгорает у моей любимой родственницы. Я ведь прекрасно знаю, зачем она звонит, и нет, не из-за Розы, не для того, чтобы узнать я. Ни в коем случае! Она звонит только ради себя, и это осознание бьет куда сильнее всех тех «красочных» слов, сказанных в последнюю нашу встречу.

Я утыкаюсь носом в тарелку, старательно делая вид, что на кухне одна, потому что меня снова таранят взгляды, намекая на желание их хозяев получить объяснения. А я не хочу их давать! Не хочу слышать вопросов, недоумевающих гляделок тоже мне не надо, я хочу, чтобы меня просто оставили в покое. Но покой нам только снится, да и я знаю, что сегодня в покое буду лишь в мечтах.

Телефон снова звонит, и на этот раз не мой — Лиля хорошо знает, что я не возьму трубку, и тогда в ход идет Кристина. Комнату разрезает приставучая, веселая песенка. Краем глаза я замечаю, как подруга обеспокоено зыркает в мою сторону, а после как-то воровато сносит ползунок вправо.

— Да? — бла-бла-бла.

Слышу лишь отдаленный голос сестры, как сквозь толстый слой ваты, и снова не могу сдержать ухмылку. Ну конечно, Лилия всегда получает то, что хочет. Как предсказуемо...

— Да, она дома, — бла-бла-бла, — Нет, сидит напротив, — бла-бла-бла, — Эм...не знаю, может в комнате? — бла-бла-бла, — Я не вру, зачем?... — бла-бла-бла, — Слушай... — бла-бла-бла, — Ну тебе виднее... — бла-бла-бла, — Хорошо, я попробую, конечно, но... — бла-бла-бла, — Хорошо!

Убирает телефон, смотрит своими огромными глазами косули, и шепчет уже мне.

— Мел, она хочет поговорить с тобой. Возьмешь трубку? Похоже, что это срочно.

Я показательно отодвигаю тарелку, откидываюсь на спинку своего любимого кресла и складываю руки на груди. Смотрю прямо, слегка ухмыляюсь, и, сука, злюсь-злюсь-злюсь. Ненавижу ее в этот момент. Не Кристину, конечно же, а свою эгоистичную сестру. Кристина — святая простота, мне даже становится на миг стыдно, что я втягиваю ее во все свое семейное дерьмо, но сдать назад не могу. И не хочу. Все, что я сейчас хочу — это наступить Лиле на хвост и разбить все ее самомнение. Громко. С блеском и фанфарами.

И я не боюсь.

Я вообще мало чего боюсь, разве что того, что мало чего боюсь. Страх — это суперсила, которой меня лишили много лет назад, и это плохо. Без него кажется будто ты неуязвим, ты начинаешь совершать ошибки, а в моем случае нельзя допустить даже крошечной. Должно быть точно так, как должно быть, или гори все синем пламенем.

Крис ловит небольшой ступор, продолжая смотреть мне в глаза, ждет, что я дрогну. Еще бы. Она меня не знает, на самом то деле. Никто в этом сраном городе меня не знает: они видят лишь то, что я позволяю им увидеть. Лишь ту картинку, которую создаю намеренно. Маленькая девочка-Амелия, сиротка, скромная и добрая, тихая. Та-та-та-та! Нет. Я не такая, и ее удивляет то, что она видит сейчас настоящую часть меня. Дикую и необузданную, гордую. Сучью.

— Эм...она...эээ...как бы сказать...не хочет? Или...Что? — пауза, Лилия снова что-то быстро говорит, вкурила и прекрасно понимает, что я сейчас делаю, но не отступает.

А то! Многое на кону!

— Ну...ты уверена? Мел...она...А. Ну смотри сама.

Телефон отправляется на стол, Крис кидает еще один взгляд, на этот раз словно извиняясь, а потом нажимает на громкую связь.

О, какая тонкая игра. Я силюсь не засмеяться, лениво покручивая в руках вилку, а потом слышу ее...

— Очень по-взрослому, Амелия. Кристина для тебя секретарь что ли?!

— А ты завидуешь, что она теперь мой секретарь, а не твой? — парирую со смешком, но

бросаю взгляд на Крис.

Ей, естественно, неприятно. Наверно. Но меня так кроет, что я лишь на миг вспоминаю о ее чувствах, потому что в следующий слышу звонкий, мерзкий смех Лили. Тоже злиться, пытается держать лицо, но я то слышу эти истеричные нотки, от них злость только крепнет. Слегка поворачиваю голову полу-кругом, как всегда делаю, когда мне становится сложно удерживать все то, что бушует в глубине души. Черт, будь она здесь, я бы точно не сдержалась, а вмазала ей прямо в нос. Но Лили умна, конечно же, ее так просто не достанешь...сучка умотала, предпочла разговору тет-а-тет телефонный. Хм...кстати об этом.

— Как Милан?

— Просто великолепно, спасибо, что поинтересовалась. Здесь тепло.

— На Патриарших тоже.

Тишина. Теперь Лили не пытается скрыть злость за смехом, а она точно горит. Знаю, никому ведь не нравится, когда тычут в свое же дерьмо. В ее случае куча то огромная и свежая, так что понять тоже можно. Знаю, что ударила в нужное место, но не испытываю ничего, кроме сказочного удовлетворения. Кажется, оно прописано у меня на лице, да я и не пытаюсь отрицать: я просто в экстазе. На этой же волне, совершенно спокойно и даже радостно, продолжаю разжигать ее сильнее...

— Зачем звонишь?

— Узнать как ты.

— О... — не сдерживаю смешка, приподнимаю брови, — А теперь ты еще врешь? Мне?

Ты серьезно?

— Я не вру.

— Попробую еще раз. Зачем. Ты. Звонишь. Настоятельно советую не врать. Правду.

Если ты, конечно, помнишь, что это такое.

Лили молчит. Тяжело дышит, но молчит. Она не ожидала такого поворота, не ожидала, что я решусь так говорить в присутствии посторонних людей. Но, твою мать, игры кончились, как и мое терпение. Чую, что Лилино терпение тоже на исходе. Высокие ставки не способствуют самоконтролю, и я уже знаю, даже раньше, чем это случилось, что она использует дальше.

— А ты сама то хорошо помнишь, что это такое, Амелия?

О, мой «любимый» сахарно-медовый тон. Сладкий до скрипа в зубах, который обволакивает тебя, как липкая патока. Она тоже делает специально, знает, как меня это бесит. Да и кого это не взбесит? Пусть я понимаю, что она притворяется спокойной, но это головой, а голова в данном случае отключается, как по щелчку. Она провоцирует — моя же задача не допустить, чтобы провокация достигла своей цели. Это как большая, генеральная репетиция перед основной партией. И я держу эту мысль поближе, цепляюсь за нее, чтобы не утратить силу духа, чтобы не взорваться раньше времени.

«Тренируйся, Амелия. Тренируйся. На сегодня это далеко не все...»

— При чем здесь я? — мило хлопаю глазами, а сама пальцы себе под столом выкручиваю.

Боль немного приводит в чувства.

— О, пф! Даже не пытайся строить из себя ангелочка — со мной этот спектакль не пройдет! Я отлично знаю, что ты из себя представляешь на самом деле!

Снова тишина. Теперь моя очередь молча скрипеть зубами. Теперь моя очередь гореть и терпеть прямые взгляды, как будто они не понимают, насколько хуже делают этим! Как

будто им не по двадцать с хером лет! Я лишь быстро стреляю глазами в Кристину, она меня волнует сейчас гораздо больше остальных, и мне не нравится, что я вижу. Хмуриться, пытается понять, осознать, но суть от нее ускользает. Сейчас она похожа на брошенного хозяевами щенка, а я словно предала ее. Липкое чувство, и я ежусь, а Лиля тем временем ухмыляется.

Сучка.

— Да-а...когда речь заходит о тебе, не так уже весело играть, не правда ли? Так вот, моя дорогая девочка, ты сейчас вырубаешь громкую связь, поднимаешь свою красивую попку и идешь в свою комнату. Без фокусов, Амелия, потому что я, твою мать, не шучу. Я все расскажу и...

Я опять резко смотрю на Кристину, пока Лиля продолжает вкручивать свой шантаж мне в уши. Злюсь, но вместе с тем мне дико-дико жаль, что сейчас я собираюсь вывалить на бедную девчонку весь спектр своего дерьма. Но у меня нет выбора, и я рублю, как на духу...

— Кристина, ты помнишь, как спрашивала о моем отце, а я сказала, что не знаю, кто он?

Крис тоже секунду медлит, видимо ей нужно время срастить из слов предложение, а еще вникнуть в его суть. Я терпеливо жду, позволяю ей все расставить по своим местам, не тороплю, и только после легкого, быстрого кивка, продолжаю.

— Это ложь. Моя мать спала только с одним мужчиной, так что я всегда знала, кто мой отец.

— Что? — еле слышно спрашивает, как на автомате, я же лишь коротко пожимаю плечами.

Мне необходимо держать лицо, показать своей сестренке, что мне плевать на внезапно раскрытые детали моего происхождения. Мне нужно обхитрить лису. Сложная задача, потому что на самом деле мне не плевать. Меня все также выносит. Именно из-за него я ненавижу свои глаза, именно из-за него меня так бесят комплименты им: они — прямое олицетворения той самой правды, которая так расстраивает. Я не похожа на маму, если только немного. Все, кто его знал, всегда говорил, что именно я — его отражение, даже Элай со своим сложным характером и фантастическими заскоками шел лесом. Но это все лишь мои проблемы и мои комплексы, травмы, и с ними я разберусь потом, за закрытой дверью. Не сейчас. Не здесь. Это не поможет добиться того, чего я хочу, а лишь зашвырнет на триста шагов назад. Я не могу позволить себе такой роскоши, как снова ползти миллиметрами вперед. Поэтому я беру себя в руки. Поэтому дальше я коротко отвечаю совершенно холодно и спокойно.

— Прости. Не очень люблю говорить о нем, к тому же смысла в этом нет. Он давно мертв. Сдох, как собака.

Реакция Кристины снова предсказуема, но, наверно, впервые мне стыдно за то, что я ее вызвала. Обычно плевать, обычно меня не трогает моя же жестокосердность, а сейчас все иначе. Кажется на дне ее красивых, зеленых глаз, я вижу страшное разочарование, от которого хочется скрыться. Поежится. Убежать. А вместо того я продолжаю...

— Вижу тебя мой ответ смутил, но извини, у меня нет другого. Моя мать не разбиралась в мужчинах — это ее единственный недостаток, а еще...

— Прекрати! — Лилиана прерывает мою исповедь визгом, от которого я немного щурюсь, а потом снова усмехаюсь, — Ты опять начинаешь вести себя, как мразь!

— Извини, но это моя суть. Как мои глаза, во мне лишь маленькая ложка меда в бочке

дегтя...

— Да харе!

— А что не так? Злишься, что не вышло прогнуть меня моим ДНК? Ну извини, я давнo признала тот факт, что я — его отражение. А теперь немедленно говори, что тебе от меня нужно, или, клянусь Богом, ты пожалеешь. Я ведь действительно его копия.

— Я...

— СЕЙЧАС ЖЕ!

Молчание и снова лишь частое дыхание. Сейчас я даже слышу, как шевелятся шестеренки в ее мозгу. Все пошло не по ее плану, и Лиля изо всех сил пытается придумать, как выкрутиться, как действовать дальше. Вот только я уже знаю ответ, и мне это все слишком надоело. Я плавно придвигаюсь обратно к столу, облокотившись на него, смотрю на экран и тихо усмехаюсь, а после тягуче продолжаю свою игру.

— Давай я сама угадаю, хорошо? Это касается твоего Мистера-Отвисшие-Яйца?

— Сколько раз я тебе говорила, чтобы ты не смела так его называть!

— А сколько раз я повторяла: мне насрать на твои приказы. До тебя еще действительно не дошло, что у тебя не осталось клеток для ходов? Он унижает мою семью — моя очередь. Все честно.

— О боже...и как же он это делает?!

— Каждый раз, когда сажает тебя и свою жену за один стол. Ты просто слишком посредственная, чтобы это понять. Говори, что тебе *на самом деле* нужно от меня, и не смей врать, что ты беспокоилась о моем состоянии.

— А ты думаешь, что мне плевать, да? — тихо, даже жалобно спрашивает, но я лишь прикрываю глаза.

«*Это игра. Игра. Игра. Не ведись!*»

И я не веду, вместо того выдавливая тихий смешок.

— Господи, я очень надеюсь, что ты не собираешься рыдать. Это так пошло...Если бы тебе не было плевать, ты была бы сегодня со мной.

— Я не могла! Я должна была улететь в Милан! Если ты помнишь, я еще и работаю и...

— Фу, меня сейчас стошнит.

— Вот видишь! Видишь! Все, что касается его — ты воспринимаешь в штыки! Ты должна относиться к нему с уважением!

Вот тут я не выдерживаю и смеюсь уже не показательно-театрально, а по настоящему.

«*Она это серьезно?!*»

Да. Серьезно. И я пробую на вкус сказанное, точно экзотическое лакомство...

— Я. Должна. Его. Уважать.

— Не ёрничай.

— А-га. Может расскажешь за что я должна его уважать, раз я *должна*? Ты действительно хочешь поговорить на эту тему? — тихо, уже не весело, а серьезно произношу, на что получаю «усталый», показательный выдох.

— А что я разве не права?

Нет, ты неправa, но я даже рада, что разговор идет так, как он идет — мне удастся удержать себя в рамках, при этом использовать каждый момент в своих целях. Все, что сейчас происходит — моя цель. Последний кирпичик в фундамент. Я все понимаю, я действую «с головой», но даже несмотря на это, знаю и то, что эмоции и злость — настоящие. Я не играю, когда укладываю этот самый кирпичик...

— Ты просто конченная идиотка, если думаешь, что он сделал что-то ради тебя. Разуй свои чертовы глаза! Он сделал минимум, тебе сказал, что это максимум. Но знаешь что самое смешное? Даже этот минимум он сделал ради себя, это ведь напрямую касалось его РЕПУТАЦИИ!

— Да ты больная!

— Я не собираюсь продолжать этот разговор, без того было слишком много трепа. Последний раз спрашиваю: что тебе нужно? Попытаешься перевести тему, до свидания. Хорошо же помнишь, как долго я могу играть в молчанку?

Снова беситься и рычит, но ей ничего не остается, как наконец озвучить причину, по которой она на самом деле звонит. И эта причина меня не удивляет...

— Он серьезно нацелен подарить тебе подарок.

Я снова смеюсь, потирая глаза и мотая головой. Боже, как это предсказуемо...

— ...И на этот раз ты его примешь.

А теперь становиться еще смешнее. Я спокойно опускаю руки на стол, наклоняю голову на бок и мило похлопывая глазками протягиваю.

— Да что ты? И кто это сказал?

— Я.

— Я — последняя буква алфавита и...

— Я не шучу, Амелия! Никаких игр! Ты просто его, твою мать, примешь!

Сейчас у меня будет маленький оргазм, даже и не подумаешь, что такое короткое слово может его подарить.

— Нет. Извини, но похоже ты действительно летаешь где-то в облаках и не видишь целой картины.

— Да что ты говоришь?! Может поделишься?

— С радостью. У тебя нет никаких рычагов давления, Лилиана. Мне почти восемнадцать, а это означает, что скоро я получу доступ к своему счету. Ты же помнишь, что у меня он есть? В отличии от тебя, моя мать меня любила.

Бам!

Клянусь, это было прекрасно, рушить так долго и тщательно выстроенную легенду. На этот раз никакая тишина меня не напрягала, а напротив радовала. Я смаковала этот миг нанесенного ущерба, и когда подняла глаза на Кристину, которая пялилась на меня с просто максимально недоумевающим взглядом, улыбнулась и тихо пропела.

— У-упс...кажется, вырвалось, да?

— ТЫ СУКА!

— Ну раз уж так вышло... — игнорю буйный выпад сестры, пожимая плечами, — Развею тайну окончательно. Мы не родные сестры, а двоюродные. Лиля это тщательно скрывает, потому что стесняется признаться, что она — дочь престарелой шлюхи, которая трахнула пол-Европы и...

— Я ТЕБЯ УБЬЮ!

— Это вряд ли можно сделать по телефону, а лично прийти тебе духа не хватило и никогда не хватит, — саркастично заметила я, — А, кстати, где сейчас Виолетта? Вроде год назад была в Испании, трудилась на благо медицины между ног у какого-то хирурга?

— ДА ЗАТКНИСЬ!

— ...Но она же, как пчелка, надолго на одном цветке не сидит и...

— Я СЕРЬЕЗНО! ЗАКРОЙ РОТ!

— Видишь как неприятно, когда против твоей воли раскрывают тайны, которые ты не хочешь раскрывать?

— Я что ли раскрыла твою тайну?! Ты сама начала говорить и...

— А я должна была позволить тебе себя шантажировать? Извини, дорогая, это сразу мимо. Да и потом... мне очень нравится чувствовать себя виноватой. Не хочу забывать...

— Я не должна была так говорить!

— От чего же? — усмехаюсь, слегка дернув плечами, — Ты была права. Это я виновата в том, что тогда случилось и чем все кончилось. Теперь тебе совершенно некуда ходить. Это шах и мат, любовь моя.

— Господи, да почему ты такая сука?! Бриллиантовое кольцо не дерьмо на лопате! Просто прими его, не усложняй!

— Я скорее позволю трахнуть себя стаду диких кабанов, чем приму что-то от этого властителя мира с отвисшими яйцами. Было бы гораздо проще, если бы тебе удалось самой убедить его оставить меня в покое...

— Думаешь, я не пыталась?!

— Думаю, что деньги на курсы глубокой глотки явно ушли в воздух. Ну ничего. Я, конечно, не умею так самозабвенно сосать, зато умею...

— Не смей!

— Столько лет в этой ублюдской Академии, и балет, от которого меня тошнит! Я достаточно жертвовала своими интересами, чтобы быть независимой от *него*, и больше не собираюсь платить за свою свободу! Хватит с меня! Так что твой мудака...

— ХВАТИТ ТАК О НЕМ ГОВОРИТЬ!

— И кто меня остановит?

Мне на секунду становится страшно, что я перегнула: Лиля давно так часто не дышала, а возраст чай не маленький. Вдруг и правда не выдержит сердечко...но это лишь на миг. Я прекрасно понимаю, что я делаю и зачем, поэтому сейчас считаю, что разговор себя исчерпал. Уже тянусь, чтобы отрубить звонок, но тут сестра делает последнюю попытку. Жалкую, конечно, но все же это доказывает, что в ней еще жива она. Всегда упорная, всегда прущая до конца...и от этого я улыбаюсь.

— Если ты не пообещаешь мне не выкидывать свои фокусы, я, клянусь, позвоню ему! Амелия, ты услышала?! Я позвоню ему!

— Вперед, если ты всерьез собралась угрожать мне «ИМ». Никто меня не остановит, услышала? Я хочу свободы!

— Дай мне время.

— Торг? А ты не сдаешься, да?

— Я серьезно.

— У тебя было достаточно времени. Теперь я сделаю все сама. И я получу, что я хочу. Так всегда было и будет в этот раз. Даже если мне придется воткнуть свой огромный, охотничий нож прямо ему в башку, я получу свое.

— Ты с ума сошла?! — снова визжит, как умалишенная, а у меня вызывает лишь умиление и смех, — Он может с легкостью разрушить твою жизнь...

— Я не боюсь ни его, ни кого либо другого. Это побочный эффект чувства вины.

— Да твою мать!!! Я не хотела говорить этого! Ты мне мстишь, хотя сама довела и спровоцировала!

— И чем я тебя на этот раз довела?!

— Своими выкрутасами! Сложно было выйти в зал, а потом съездить на ужин?! Ты бы переломилась?!

— Ты как бы должна быть благодарна.

— Да что ты?! Я разгребаю за тобой дерьмо и должна быть благодарна?! Да знала бы ты, на что мне пришлось пойти, чтобы тебя защитить!

— Меня не нужно защищать, я не нежный цветок! Я — НЕ ОНА!

Снова пауза. Я тяжело дышу, уставившись в телефон, Лиля тоже. Но я знаю, что это ненадолго, нет. Она собирается с мыслями, и я бы с радостью не позволила ей этого сделать, вот только понимаю одно: мне самой нужно время, чтобы не борщануть и не ляпнуть лишнего.

Только. Не. Сейчас.

— Ты так его ненавидишь, — наконец Лиля тихо продолжает, — Но давай взглянем фактам в лицо. Это он помог тебя перевести. Если бы не он, ты была бы в детдоме. Или еще хуже. Это же он решил нашу проблему, он защитил и тебя, и меня. Это он упрятал этого мудака, если бы не...

— А давай я скажу тебе, как я вижу все твои факты. Он защитил себя, потому что ты раздвигаешь перед ним ножки, и об этом знает вся Москва. Чтобы говорили о великом Петеньке, если бы он не сделал хотя бы что-то? Он стареет? Сдает? Ты действительно полагаешь, что он бы это допустил? Это банальная политика, срости наконец два и два, ты здесь дело десятое!

— Он хотя бы что-то сделал. А что сделала Ирис?!

— Не смей! — моментально завожусь, рычу, а потом уже тише, но куда как опаснее, предупреждаю, — Не смей говорить о моей маме в таком контексте.

— Я говорю по факту. Она открыла ящик Пандоры и не справилась с последствиями, а он справился. Думаешь, я бы не хотела большего?! Хотела бы, еще как хотела бы, но иногда нам нужно смириться с тем, что мы имеем! Синица в руках лучше журавля в небе!

— Когда ты начала довольствоваться синицей, Ли? Я тебя не узнаю.

— Когда повзрослела. Тебе тоже не помешает.

— О-о-о...Я давно не ребенок. Через пару часов годовщина грянет, выпей бокальчик игристого.

— Амелия, хватит, — устало выдыхает, а я представляю, как ко всему прочему она потирает глаза своими длинными, красивыми пальцами, — Ты злишься, и я понимаю почему...

— Нихера ты не понимаешь! Тебя там не было! Когда все случилось, ты была здесь и скакала на члене очередного обсоска из золотой молодежи, и тебе было на все насрать! Что ты можешь знать вообще?!

— Ты думаешь, что я не почувствовала?

— Я думаю, что все, что ты чувствовала — как НЕ ОТВИСШИЕ яйца бьются по твое заднице! Или уже отвисшие? А может ты и сама не помнишь?!

— Хватит разговаривать со мной так! Мне осточертело выслушивать твои шпильки по поводу того, с кем я сплю и по каким числам! Тебя это, твою мать, не касается! Занимайся своей постелью!

— Да насрать мне на твою «постель»! Разбираться во всех твоих половых связях — дело неблагодарное. И жизни не хватит...

— Я сказала — заткнись!

— Очень надеюсь, что ты несерьезно. Или что? Действительно ожидаешь, что я сяду, сложу ручки на колени, как хорошенькая девочка, и буду молчать по команде?

— Я бы этого ожидала, если бы ты была когда-нибудь хотя бы на грамм этой «хорошенькой» девочкой.

— О, теперь я должна извиняться за свои принципы?!

— Да за какие принципы?! — рычит, устало закатывая глаза, в чем я уверена.

Я же слегка шуюсь — ходить по тонкому льду бывает непросто. Мне нужно увести разговор в другое русло. Меньше воды — больше дела.

— Например не продавать часть себя.

Я знаю, что зацепила ее, и мне, наверно, даже немного жаль. Я правда люблю свою сестру, хоть и не понимаю многого из того, что она делает, как и не одобряю добрую часть ее решений. Плевать. Я все еще, наверно, вижу в ней ту девчонку, которая не боялась объезжать даже самого строптивого жеребца. Ту, что вообще ничего не боялась — смелую, находчивую, отважную и добрую. Да, когда-то она была именно такой...И мне дико жаль, что сейчас от нее так мало осталось...Вот еще одна из причин, почему я так сильно ненавижу Александровского. Это он с ней сделал — стер ее, снес до основания, чтобы потом отстроить то, что мы сейчас имеем.

— Заткнись...

Лиля шепчет тихо, и этот шепот проходит по сердцу раскаленным проводом. Все, что я говорила до этого — ее не трогало. Даже тогда, в первый раз, я точно знала, что она играет, а сейчас нет. Сейчас я ее действительно ранила, и мне больно в ответ. Но я убеждаю себя в том, что это — оправданные издержки по достижению моей цели. Где-то глубоко внутри я, конечно, понимаю, что это не так. Не все средства хороши, далеко не все...Правда эта часть меня слишком тихо шепчет, чтобы ее действительно можно было услышать.

И я продолжаю...

— А что такого?

— Закрой рот, я тебе серьезно сейчас говорю. Просто, блядь, заткнись.

— Правда глаза колит?!

— Аме...

— За сколько ты продала ее?

— Амелия.

— За квартиру?

— Заткнись.

— За машину?

— Закрой рот...

— За платиновую карту? Ты подсчитала все полученные дивиденды?!

Удар. Звон. Кажется я наконец вытащила сестру из кокона — и, наверно, я этого и добивалась с какой-то стороны...

— Как же ты меня заколебала! Бесконечно выслушивать твое дерьмо, бесконечно подтирать тебе задницу и нос! Сглаживать последствия от того, что ты творишь...Лучше бы я вообще тебя не забирала! — шипит точно змея, а я непроизвольно сжимаю кулаки.

Мне снова больно, пусть я уже слышала это не раз. Когда Лиля бесится, она многое говорит — не фильтрует базар, и это, кажется, семейное. Наверно мне пора бы отрастить броню в два пальца, привыкнуть, но каждый раз все равно бьет наотмашь, даже не смотря на то, что на этот раз я совершенно точно спровоцировала ее сама...Теперь расплачиваюсь:

Лиля то продолжает фонтанировать ядом.

— ...Лучше бы ты осталась в этом сраном Сибире! В детдоме или где-то еще — мне насрать!

— Жаль и меня не получается продать, да? Или это происходит прямо сейчас?

— Я НИКОГО НЕ ПРОДАВАЛА, ПОТОМУ ЧТО НЕКОГО ПРОДАВАТЬ! О МЕРТВА!

— Не смей так говорить!

— И кому еще правда глаза колит?! Ты до сих пор не можешь признать?! Ты же так часто повторяешь, что не ребенок! Так давай, прими уже наконец, что ее давно нет и она никогда не вернется!

Слышу слезы в голосе сестры и ежусь. Знаю, что перешла черту, знаю, что сейчас услышу, но все равно не готова к этому. Ей по-настоящему больно, и я это понимаю, но также я прекрасно знаю, что когда Лиля горит — она готова сжечь всех вместе с собой.

Именно это и происходит дальше: акт всеожжения во плоти.

— Ты разглагольствуешь о ней, «чтишь» ее «память»... — злобно рычит, всхлипывая, а у меня сами собой закрываются глаза, как защитный механизм.

«М-да. Кажется надо было готовиться лучше, а не забивать болт и думать, что за столько раз, я уже ко всему готова...»

— ...Но по факту — это ты виновата. Если бы ты сидела дома, ничего бы не случилось! А если твоя мамаша не совала нос, куда не следует...

— НЕ СМЕЙ ГОВОРИТЬ О НЕЙ!

— Пошла ты! Сама начала, теперь слушай ПРАВДУ! Ирис начала все это. Она полезла туда, куда ее не просили и решила потягаться с тем, кто гораздо сильнее ее! Теперь расплачиваюсь я! Знаешь о чем я жалею больше всего?! О том, что она умерла и легко отделалась, а мне досталась ты!

— Прекрати! — внезапный крик Крис возвращает меня на землю.

Если честно, то в порыве всех этих страстей, я и забыла, что не одна на кухне, и теперь мне еще и стыдно. Конечно, мало кому будет приятно, чтобы его лажали на глазах у толпы, пусть этот «кто-то» и творец всего происходящего. Да и слова, что прозвучали — ранят сильнее ножей... Я роняю слезу, но быстро вытираю ее и снова смотрю в телефон, откуда доносится тяжелое и быстрое дыхание. Знаю, что Лиля уже пожалела о том, что ляпнула, но из песни слов не выкинешь, как говорится. Мне хочется думать, что все это — эмоции, и я старательно отворачиваюсь от того, что возможно это и есть правда. Ну знаете, как говорят? Что у трезвого на уме, то у пьяного на языке. Думаю, что можно отнести эту фразу и к злости. Она же пьянит, мне ли не знать — я подшофе хожу не один год не просыхая, и сейчас очень хочу парировать, но...не успеваю. Видимо, кто-то сверху любит труд гораздо больше всего остального, а трудилась я много. Столько лет изображать из себя того, кем не являешься — очень выматывает, и за это мне все-таки перепадает награда — короткий, мелодичный звонок в дверь.

Мы все замираем, даже на том конце провода прекращается процесс по выкачиванию кислорода. Я медленно поворачиваюсь, глядя в коридор, и не могу перестать улыбаться — все, как по часам. Мой план идет, как по маслу.

— Извини, — через миг протягиваю с довольным видом сытой кошки, — Но у нас, кажется, гости.

— Не смей...

Лилин голос теряет весь цвет и вкус. Он больше похож на могильный шепот, нежели на что-то красивое и будоражащее, как обычно. Ха! Я прямо расцветаю, представляя, как она белеет, как кровь отливает у нее от лица, когда она понимает, что ее жизнь действительно на волоске от полного краха.

Боже, какая же я тварь...

— Надо пойти открыть...

Продолжаю давить и играть, в следующий миг закусываю губу, чтобы не заржать в голос, когда сестрица взрывается праведным матом.

— Лиль, нельзя так выражаться...

— Заткни свой рот, сука! — рычит, словно раненный зверь, — Не смей открывать эту сранную дверь, или ты пожалеешь! Я позвоню и тогда...

— Ты у него в ЧС.

— ВОТ И ПРОВЕРИМ!

— Бла-бла-бла...Он в Сибе, и пока он будет сюда ехать, все уже будет кончено. Элай недоступен.

— Ты...

— Сука. Я знаю. А тебе известно, что такое «Мат Легалья»?

— Что, твою мать?! Да насрать мне на твои шахматы, при чем здесь...

— Конечно тебе насрать, это же не касается тебя лично. Тебе интересна только Лилия, предсказуемо, но я, пожалуй, коротко введу в курс дела. Это матовая комбинация с жертвой ферзя в дебюте.

— Ну и?!

— Ты мой ферзь, Лилиана. Извини.

— Ах так?!

— Чему ты удивляешься? Мы же все-таки родственники, так что должны быть похожи хоть чем-то. Например жертвовать кем угодно во благо своих интересов.

— Я пытаюсь тебя защитить, идиотка!

— Нет. Ты пытаешься защитить себя — вот она правда. Значит и я буду защищать себя.

— Ты такой ребенок, Амелия! Вообще не соображаешь, что несешь и делаешь! Ты *понятия не имеешь*, куда лезешь!

— Это ты еще ничего не понимаешь, как и твой старый ублюдок. Ничего, он недолго будет пребывать в своих мечтах, где он контролирует каждый шаг всех вокруг. Очень скоро он поймет, кто я на самом деле, и что с тобой у нас равным счетом ничего общего.

— Отступи. Или я расскажу Насте "кто ты на самом деле".

Секунду я молчу, взвешивая все то, что собираюсь сказать, а потом улыбаюсь и хитро, тихо протягиваю.

— И кто тебе поверит, Лилиана? Забыла, что я — ангел, а ты — лживая тварь? Забавно вообще получается, да? Она же на полном серьезе верит, что ты что-то вроде Саурана...

— И она на полном серьезе верит, что ты что-то вроде святой невинности. Представляешь какое ее ждет разочарование? Или ты забыла, что Петя прослушивает мой телефон? Или ты думаешь, что он позволит своей неприкасаемой дочери общаться с кем-то вроде тебя?

Снова делаю паузу, но теперь лишь выжидая. Я совершенно точно знаю, что собираюсь сказать и как, через полминуты ставя в этом вопросе точку.

— Значит так тому и быть.

— Ты блефуешь!

— Нет, — спокойно отбиваю, пожав плечами, — Из песни то слов не выкинешь. А теперь я пойду, открою дверь. Пусть я дочь психопата-убийцы и похожа на него, как отражение, но воспитание то у меня мамино. Оно велит не заставлять таких важных гостей долго ждать — это моветон. Удачного шоппинга, сестричка, а я постараюсь наворотить столько дерьма, сколько не выдержит даже твоя бездонная глотка!

Очередной виток ультразвука я отбиваю ловко — просто нажимаю на отмену вызова: смысла в разговоре по кругу нет никакого. Зато есть в другом — продолжать идти вперед, и я резко поднимаюсь на ноги и, хлопнув за собой дверь, направляюсь навстречу гостям. Мне нужно получить свой подарок — получить наконец то, что я хотела с десяти лет.

Свою месть.

Перед тем, как открыть дверь, я секунду медлю. Даю себе время, чтобы взять в руки расплескавшиеся эмоции, а их просто тьма тьмуцая. Злость, переплетенная с яростью, перетекает в радость и предвкушение, даже счастье, которое идет за руку с волнением и страхом. Нет, я не боюсь делать то, что делаю, а скорее того, что что-то пойдет не так, как я запланировала. Это ведь люди — с ними всегда все может пойти не так, как ты планируешь.

Выдыхаю. Нет, не позволю сомнениям взять вверх! Быстро прокручиваю замок, распахиваю дверь и...застываю.

«Это что еще за хрень?!»

Глава 10. Приглашение. Амелия

17; Июнь

Пару раз моргнув, я приподнимаю бровь и приваливаюсь к дверному косяку плечом, разглядывая нашего гостя. Разумеется, это был не король собственной персоной — даже не обсуждался вариант, при котором его величество соизволило бы приехать к холопам в их лачуги. Меня скорее удивил набор, с которым он отправил своего слугу выполнять черную работу. Слугу, к слову, звали Димкой — его водитель. Молодой, худощавый и высокий парень с добрыми болотисто-зелеными глазами и ежиком светло-каштановых волос. Я его хорошо знала: он возил Адель, Настю, Лилу и даже меня, когда это было необходимо. Мне он всегда нравился, не был похож на безмолвную скалу, как личный телохранитель Властелина мира, более человечный и даже веселый. Вот как сейчас — стоит, втянул губы внутрь, типа серьезный, а у самого глаза сияют... Разве хоть одна бездушная машина на такое способна?!

— Ну привет, — издаю легкий смешок и киваю, — Что же привело тебя сюда? На этот раз.

— Очень смешно, — откашлявшись, Димка берет себя в руки и слегка приподнимает белый чехол в пол, обозначая его наличие, будто я и без того не вижу, — Давай только спокойно. На этот раз.

— Не понимаю о чем речь.

— Слушай, я — человек подневольный. Тебе все это не нравится?! Не поверишь, но мне тоже. Давай ты не будешь ничего швырять из окна? В прошлый раз я собрал все говно своими ботинками, пока лазил и доставал...

Тут я не выдерживаю и прыскаю. Получается громко и с расстановкой, как в глупой комедии — с фонтаном слюней и болью в губах. От души...

— Прости... — мотаю головой, прикрывая рот, а от его «спокойно-саркастичного взгляда мне становится только смешнее...

И я ржу уже в голос.

«Боже! Успокойся! Ты должна быть собранной!»

— Прости.

Выдох. Развожу руки, чтобы потом взять себя в них и не выбиваться.

— Я готова продолжать.

— А я готов закончить и побыстрее наконец. Вот. Это тебе.

Сует мне этот ужасный балахон с видом «серьезных щей», но потом и сам не удерживается. Посмеивается. Еще бы! Этот чехол больше меня раза в два не меньше!

— Господи! — Димка поднимает глаза к потолку и мотает головой, — У меня есть высшее образование, и чем я тут занимаюсь?!

— А действительно. Чем ты занимаешься? Что это?

Димка как-то резко прекращает веселье, косится на чехол, как будто там бомба, и только после этого смотрит мне в глаза, но уже серьезно.

— Он хочет поговорить с тобой и выяснить причины твоего поведения.

— «Потому что не хочу» — этого должно быть достаточно.

— Возможно в нормальном мире этого достаточно, но не для Петра Геннадьевича.

— И что для разговора в наши дни нужно пихать мне в руки мешок для трупов?! Или

ой! — радостно хлопаю в ладоши, — Это что для меня? По назначению?

— Это платье, гений.

— Спасибо, что пояснил. Заставляешь чувствовать себя неловко. У тебя же есть вышка — шутки должен понимать.

— Ты бы отшутилась дома, Амелия, а там...

— А туда я не поеду.

Сую ему обратно, но Димка ловко изворачивается, пряча руки за спину. Ко всему прочему, он еще и на шаг отступает, мотая головой, как дурацкий болванчик. Я застываю с балахоном, приподняв бровь, но потом выдаю еще один острый комментарий.

— Ты просишь меня не швырять ничего из окна, а потом провоцируешь. Нехорошо...

— Послушай, Мел, давай начистоту.

— Как интересно. Ну давай.

— Он не перестанет, ты же умная, должна понимать.

— Ты тоже не дурак и понимаешь, что я сама не устану швырять из окна...

— Амелия, это не шутки! — на этот раз перебивает как-то хлестко, даже громко, будто и сам нервничает.

А он и нервничает... Я вижу это в его глазах. Он словно умоляет меня ими отнестись серьезно ко всему, что сейчас происходит, и я слегка шурюсь.

— С чего вдруг такая забота?

— Ты мне нравишься, поэтому я хочу дать тебе совет: ты слишком молода и не особо понимаешь с кем ты связываешься.

«Вот тут ты ошибаешься...»

— Он всегда получает то, что он хочет и ненавидит, когда ему перечат. А еще он очень любит наказывать...

— Фу.

— Да я серьезно!

Димка шипит, а потом вдруг исполняет кульбит, который я уж точно не ожидала. Взяв меня за плечи, он буквально вносит меня в квартиру, закрывает за собой дверь, а когда поворачивается, глаза его одновременно излучают страх и решимость.

Что. Происходит.

— Ты играешь с огнём, — зашептал мужчина, слегка наклонившись ко мне, словно мы два заговорщика в доме, где у стен есть уши.

Я смотрю на него, как на дебила, и даже не пытаюсь этого скрыть. Да и, если честно, вряд ли бы у меня вышло — слишком все это глупо и странно одновременно.

— Что за драма, Дима? Или что? У меня в подъезде маячки?!

— С ним всегда лучше перебдеть.

— Какой. Сюр. Нет, серьезно. У тебя вышка не из циркового?

— Заткнись.

— Сегодня все говорят мне заткнуться... — бормочу под нос, но под серьезным взглядом тушусь, а потом изображаю ключик, закрывающий рот, и дергаю головой, мол, продолжай.

Димке и это не нравится, но на безрыбье и рак рыба, так что он продолжает, понизив голос.

— Ты показываешь свой характер и много базаришь — это мило, но до поры до времени, Амелия. Александровский не отличается большим терпением.

— Может ты хочешь чаю?

— Да не хочу я чай! Я хочу, чтобы ты заткнулась и послушала, что я тебе говорю! — орет, поднимая руки к небу, от чего я снова чуть не прыскаю, но вовремя закрываю рот.

Димка тяжело дышит. Кажется я почти довела его до инсульта, поэтому даю еще пару мгновений на успокоение сердечного ритма, а потом развожу руки и устало цыкаю.

— Ну хорошо, хорошо! Я затыкаюсь и слушаю, что ты мне говоришь.

— Меня бесит твой сарказм!

— Это частое замечание. Дальше.

— Ты не относишься серьезно!

— И это тоже. Дальше.

— Амелия!

— Димка! — передразниваю, прощупывая грани его страха, подталкиваю к выдачи каких-то более существенных сведений.

Нет, ну а вдруг? Димка ко мне прикипел, я это знаю, мы можно сказать друзья! И как же далеко он пойдет, чтобы меня остановить? Вот и проверим.

— Думаешь, что самая умная? — многозначительно продолжает, — Думаешь, что это прикольно швырять из окна бриллианты ценой в пару неплохих квартир?

— Я их не просила.

— Я не к тому, что ты что-то просила, твою мать! Ты переходишь черту. Сейчас его забавляет наблюдать за тем что и как ты делаешь, но это быстро пройдет, и его начнет бесить твоя строптивость. Не доводи до этого момента, ты не захочешь узнать, что будет тогда.

— Какие высокопарные речи...

— Что ты знаешь о Матвее?

«О-па. Вот он миг, когда секреты начинают просачиваться. Интересно...»

Я хмурюсь не притворно, потому что изо всех сил пытаюсь нащупать это имя, но оно проходит мимо. Я никогда его не слышала ни в доме Александровский, ни от кого-то из его семьи. Димка это явно знает, вон как лыбиться победно, аж бесит!

— Так я и думал.

— И кто этот загадочный Матвей?

— Его младший сын.

Бам! Меня, сказать по правде, немного ошарашивает эта новость, поэтому я тупо пялюсь на водителя и молчу.

«Стоп. Нет. Это какая-то херь, Адель бы по-любому что-то да сказала бы, она слишком болтлива!»

— Ты гонишь, — изрекаю со смешком, на что получаю спокойное, отрицательное покачивание головой.

— Нет.

— Судя по имени, он сын от Марии.

— Да.

— У них не было никакого Матвея! Младший — этот конченный Максимилиан!

— Смотри не ляпни это при Александровских. Если они услышат, и кто-то «очень добрый» решит с ним поделится — тебе не жить.

— И снова угрозы...

— Не моя вина, что ты вляпалась в эту семейку. Не по своему желанию, конечно, но тем

не менее. Макс еще хуже, чем его папаша. Он...

— Да мне плевать вообще, Дим! Я точно знаю, что он младший, а не...

— Сколько лет ты в их доме? Парочку?

— Типа того.

— А я больше десяти, и поверь мне, Максимилиан не младший, Матвей — да. Он твоего возраста, кстати...

— Гон! Адель бы сказала...

— Вот об этом я и говорю! Ты думаешь, что ты — самая умная, но это нихера не так.

Адель тоже не такая сказочная принцесса, как тебе кажется!

— Я прекрасно знаю, что она не срет радугой, но...

— Она бы ни за что не сказала, потому что не хочет повторить его участь.

Я резко дергаю головой назад. Звучит стремно, если честно, «повторить участь». У меня даже мурашки бегут и отнюдь не самые приятные, от чего я внутренне ежусь, но запрещаю себе внешне проявлять хоть какие-то эмоции.

— Что это значит?

— Я итак сказал много и теперь очень рискую. О нем запрещено говорить. Единственное, что могу добавить: Матвей был чем-то похож на тебя и по началу Александровскому это даже нравилось, но быстро надоело. Теперь его имя в доме и за его пределами — стерто.

— Был? — тихо переспрашиваю, не веря своим ушам.

Нет, я всегда знала, что Александровский — мудака в квадрате, но, блядь, «был»?! Это уже борщ. Димка, правда, не собирается расставлять точки над «i», игнорирует мой вопрос, продолжая катить свою телегу.

— Тебе лучше поехать на этот бал, а когда ты встретишься с ним — фильтруй свой базар.

— Что за бал такой?! — теперь притворно хмурюсь, сама то прекрасно знаю, что за мероприятие мне предстоит.

Слишком уж очевидно это было...

— Белый бал. Благотворительность и все такое.

— И на кой хер я ему там сдалась?!

— Без понятия. Может хочет показать свою силу, чтобы немного сбить с тебя спесь.

— Пусть с себя что-нибудь собьет, козел!

— Фильтровать базар можно начинать уже сейчас...

Димка слегка улыбается, а когда я выгибаю средний палец, и вовсе хохочет, закатывает глаза, но потом отдергивает свой пиджак и кивает.

— Начало в девять. У тебя есть три часа. Собирайся, я буду ждать тебя внизу.

— Я доеду сама.

— Амелия...

— *Я доеду сама*, — твердо акцентирую, а оторвавшись от изучения балахона взглядом, смотрю на него и киваю, — Я даже отмечу в голове галочку напротив «совет получен», но решать, как себя вести тоже буду сама.

— Ты точно идиотка...

— Дим, ты дал совет, я его услышала. Спасибо.

— Просто будь аккуратна. Тот факт, что твоя сестра...

— Полирует его яйца? — с улыбкой перебила, на что получила еще один смешок.

— Очень красочно, но именно так. Она не поможет тебе, если ты зайдешь слишком далеко. Поставь галочку напротив этого тоже.

— Обязательно.

Димка уже собирался выйти из квартиры, но я хватаю его за рукав пиджака, а когда он оборачивается, тихо спрашиваю то, что все еще не дает мне покоя.

— Он что убил своего сына?

Водитель медлит, а мне как-то уж совсем не по себе. Я сильно ненавидела своего отца, знала о нем многое и все не радужное, но даже он на такое не был способен.

«Может мой и не такой монстр, как мне кажется?» — мелькает в голове, но я не успеваю застрять в этой идеи, потому что Димка наконец отвечает.

— Матвей жив, но это ничего не значит. Александровский очень любит наказывать...

— А Лиля что-то знает о нем?

— Не задавай вопросов, на которые ты не захочешь получить ответы.

Отпускаю его, продолжая хмуриться, а через миг получаю такую не навязчивую просьбу в купе с улыбкой. Будто он спрашивает это ради того, чтобы заполнить пустоту, хотя на самом деле ему очень важен ответ.

— Надеюсь, что тебе хватит мозгов не расспрашивать Адель о нем? Мне головы не сносить, если это просочится в массы.

— Уже номер набираю, у меня тоже вышка в цирковом, — парирую, но потом мягко добавляю, — Я — могила, обещаю.

Димка ничего не отвечает, только слегка кивает, оставляя меня в холле с белым балахоном и жужжащей лампочкой. Пару мгновений я стою и туплю, уставившись в одну точку. Это его «был» буквально захватывает меня изнутри, захлестывает вопросами и теориями заговора настолько, что мне еле-еле удается отпихнуть их подальше.

«Не сейчас!»

Я обязательно придумаю, как бы выяснить о Матвее побольше, но не сейчас. Сначала мне надо разобраться внутри своей семьи, а уже потом браться за другое болото. Звучит логично, но тем не менее, когда я медленно захожу на кухню, чтобы дать Кристине хотя бы какие-то объяснения, которые она точно заслуживает, первое, что вырывается из меня — это вопрос:

— Лилия когда-нибудь говорила сколько детей у Александровского от его первой жены?

Ожидаемо ответом является тишина. Крис смотрит на меня, как на умалишенную, часто моргает, а я быстро поясняю, чтобы как-то скрыть неловкость.

— Я знаю, что у них были близнецы. Миша-повар и Марина-конченная сука. Еще есть их загадочно-ублюдочный Максимилиан...

— Ты серьезно?! — взрывается Крис, на что я только пожимаю плечами, — Это то, что ты хочешь выяснить именно сейчас?! Количество детей Александровского?!

— Технически я хочу выяснить, что говорила моя сестра...

— Это не смешно, Амелия!

Конечно глупо было надеяться на то, что мне удастся скрыться от вопросов: теперь это просто нереально. Крис, наверно, единственная, кто не пребывала в иллюзиях по поводу моего «краткого нрава». Она слышала наши с Лилей ссоры ни раз, даже не два — мимо ее ушек прошли десяток стычек, но такого еще отродясь не было. Обычно мы не выясняем наши отношения на таком глубоком уровне в присутствии посторонних, но Лилия могла сказать много лишнего — Крис была единственным сдерживающим фактором. По-другому, к

сожалению, было нельзя...

Я делаю короткий выдох, пару мгновений медлю, а потом опускаюсь на край своего кресла, прижав трупный мешок к груди. Он жжет мне пальцы, но я готова потерпеть — Крис заслуживает получить хоть какие-то ответы, и она действительно стоит того, чтобы их ей дать. К тому же, хочу я того или нет, Лиля не спустит мне с рук того, что я сегодня устроила, и ответит. Это только вопрос времени, когда многое начнет вылезать наружу.

— Мне жаль, что я втянула тебя во все это.

— Тебе жаль?!

— Поверь, это так, — смотрю ей в глаза серьезно и без единой смешинки, — Но так было нужно. Если бы мы говорили тет-а-тет, эта идиотка наговорила бы много лишнего — я не могла этого допустить. К сожалению, ты во всем этом была чем-то вроде громоотвода.

— И что это должно означать?!

— Что Мистер Отвисшие-Яйца действительно слушает ее телефон, и мне нужно было чтобы он услышал то, что я хотела.

И опять эта странная пауза, опять эти взгляды... Я по очереди обхожу троицу своим, потом усмехаюсь, вернувшись к Крис, и дергаю плечами.

— У-упс...

— И чего ты хотела этим добиться?! Чтобы он услышал, как ты его называешь...

— Он это слышал уже не раз, — спокойно отмахиваюсь, откинувшись на спинку кресла, — Суть несколько глубже.

— И насколько? — вдруг вмешивается Алекс, которого я одариваю надменным, скучающим взглядом, но игнорирую, вернув внимание на Крис.

Та непонимающе щурится. Действительно, с чего вдруг я игнорирую Алекса, которого до этого момента и не посмела бы игнорить?! Да потому что не его это собачье дело, и наше «расставание» здесь не при чем. Он не мой парень, чтобы совать свой нос за границы нашего договора.

— Ты не ответишь?! — наконец спрашивает она, и я с ухмылкой отрицательно мотаю головой.

— Ему — нет. Это не его собачье дело.

Со стороны надменного козла слышится фырк, но я снова игнорирую, будто его и нет здесь вовсе. Смотрю на подругу, та прикрывает глаза и тихо посмеивается, а потом сама переспрашивает тот же вопрос, что уже был озвучен.

— ...Мне нужно было кое что донести до его ушей, потому что мне от него кое что нужно. Но! Главное условие: он должен считать эту...кхм... "услугу" сугубо своим решением.

— В смысле?

— Долго объяснять.

— Мы никуда не торопимся, — усмехается Арай, а потом добавляет с сарказмом, — Или меня это тоже не касается?

— Вы может и не торопитесь, а я очень. У меня сегодня бал.

Обращаю их внимание на трупный мешок, который Кристина оглядывает так, будто внутри бомба. Я уже читаю по ее выражению лица, что она совсем не в восторге, волнуется, переживает, и я знаю, что она спросит дальше еще до того, как она это произносит.

— Что это?

— Платье, полагаю, но вообще приглашение. Ежегодный, благотворительный "Белый бал".

— Ты действительно собираешься туда пойти?

Крис спрашивает тихо, словно боится получить ответ, и да, она очень этого боится. Ей Александровский старший тоже не особо нравится, но она слишком тактична, чтобы говорить об этом так свободно, как я. Да и Лиля...она же просто мастер раздавать оплеухи, если ты лезешь «не в свое дело». Никто не хочет добровольно вставать под огонь, кроме, видимо, таких отчаянных идиотов вроде меня. Но и у меня есть шкурный интерес...

— Димка заходил.

— Димка?

— Это его водитель. Короче, ты не слышала из-за закрытой двери, но он сказал кое-что, и он прав.

— О чем ты?

— Этот мудака будет и дальше колупать меня. Надо просто раз и навсегда расставить точки над «і».

— И как ты собираешься это делать?

— Как умею. Прости меня.

— Амелия...

— Эта тема не обсуждается, — отрезаю я, поднимаясь на ноги, — Если тебя это успокоит, то у меня есть и всегда был план. Все, что происходило со мной все то время, что я здесь жила — вело меня именно к этой точке.

— О чем ты говоришь? — также тихо Крис делает еще один «шаг» ко мне, но я снова «отхожу назад», ограждаюсь, опуская глаза на этот сраный, трупный мешок.

— Ты действительно многого не знаешь, Крис, и я бы очень хотела, чтобы так было и дальше, но...Лилия просто не сможет проглотить и отомстит за все, что сегодня было. Она исполнит свою угрозу, а это значит, что скоро ты все сама узнаешь. Хочу я того или нет.

— Вот ты вроде что-то говоришь, а яснее не становится!

— Просто дай мне немного времени, ладно? Я о многом сейчас не готова говорить...

— Например о твоём отце? — усмехается Арай, за что я награждаю его таким тяжелым взглядом, что он не выдерживает и тупит свой в пол, правда с глупой улыбкой на лице — притворяется.

— Почему ты никогда не говорила о нем?

— Я не люблю эту тему, она не стоит потраченного времени. Он — мудака. На этом закончим.

— Я не хочу, чтобы ты туда шла... — тихо протестует подруга, и я нежно улыбаюсь и также тихо отвечаю.

— Поверь, я бы с радостью не пошла, но я не могу. Эта встреча в перспективе может дать мне то, чего я хочу больше всего на свете.

— И чего же?

Я снова молчу, разглядываю ее лицо, а губы так и горят сказать правду.

«Мести».

Я хочу, твою мать, мести! Больше всего на свете я хочу отомстить за то, что случилось с моей любимой Розой! Но вместо того я опять ухожу от разговора...

— Поговорим потом. И, Крис, если после того, что ты узнаешь, ты захочешь, чтобы я уехала из твоей квартиры — просто скажи и все.

— Что ты несешь?!

— Я даю тебе выбор, который должна была дать еще тем летом. Неправильно было

соглашаться жить здесь и держать тебя в неведении...

— Амелия...

— Пойду, — делаю шаг в сторону двери, чтобы закончить этот бессмысленный разговор, — Мне нужно подготовиться.

Платье то просто мрак.

Честно? Я с большой натяжкой могу назвать «это» платьем. Что-то вроде кусочка ткани на тонких лямках, белое и явно облегающее. Дорогое — да. Надену ли я его? Ни за что в жизни! Вместо этого я резво открываю ноутбук, чтобы узнать его стоимость, а потом охереть.

Твою мать.

Эта дичь стоит, как аренда хорошей квартиры при том не на один месяц! Какое расточительство средств, а в купе с туфлями вообще грабеж среди бела дня! Скриплю зубами. Борюсь с собой. С рациональной частью себя (под сноской). Одна то моя часть рвется наружу, стремится побыстрее взяться за ножницы, чтобы проделать то, что задумала. Но она, разумная она, шепчет передумать.

«Ну и чего ты добьешься? Просто отдай чехол, с тебя не убудет, зато сохранишь деньги!»

Черт, а ее не просто так называют «рациональной», но к сожалению, пусть я в основном и привыкла опираться на логику и продумывать каждый свой шаг, сейчас у меня не получается обуздать свою дикую половину.

Мне хватает минуты, чтобы расправиться с этой ужасной робой, а вот с туфлями приходится повозиться. Яростно калеча такую красоту, я почти рыдаю, потому что обувь всегда была моей слабостью, а парочка красивых босоножек (а они действительно до боли хороши) всегда пригодится в хозяйстве.

«Только не эти и не от него! Все!»

Выдыхаю и откидываюсь на мохнатом ковре. Лежу на спине, часто дышу, собирая слезы в кулак, а сама вспоминаю-вспоминаю-вспоминаю...

И теперь я там, где совсем не хочу находиться...

9;Июнь

Ужасно душно. Обычно в Новосибирске летом не бывает так душно, даже днем не бывает, а сейчас глубокая ночь, но духота давит со всех сторон. Невозможно вдохнуть. Маленькая девочка прижалась к дереву, изо всех сил стараясь сделать этот самый спасительный вдох и не выдать себя. Она плакала так много, что ее голова сейчас больше похожа на огромный, чугунный котелок. Такая же тяжелая и горячая...

— Мили, звездочка моя, послушай...

Ее теплый голос сейчас так не похож на тот, что девочка знала всю жизнь. В нем нет радости, красок, в нем не было самой жизни — он померк и состарился как будто на сто лет всего за одну ночь.

Самую страшную ночь, самую длинную и темную.

Девочка не могла открыть глаза, ей было очень страшно, и это понятно, особенно взрослой женщине очевидно. Она пыталась сделать так, чтобы ее маленькое солнышко ничего не видела и не запомнила, она сделала просто максимум для этого, а на себя наплевала. Уже было неважно. Она знала, что все уже неважно...

— Мили, прошу, послушай меня...

— Роза, мне так страшно...

— Знаю, малышка, но ты должна быть сильной.

Собаки. Лай собак, от которого малышка вздрогнула и, прижимаясь всем телом к своей любимой сестре, тихо захныкала. Роза крепко ее обняла одной рукой насколько позволили силы, а второй вцепилась в шершавую кору, чтобы не упасть. Огляделась. Нет. Никого не было рядом, пусть лай снова и прокатился громовым раскатом по кромке леса — они далеко. Есть время, пусть его и мало, но она должна была успеть сказать ей самое важное...

— Малышка, послушай... — Роза прижалась губами к грязным, спутанным волосам любимой сестры, — Все будет хорошо...

— Это не так...

— Послушай!

Мили замолчала, услышав в голосе сестры такие нехарактерные для нее стальные нотки. Прикусила язык, но прижалась сильнее к ее телу, ощущая щекой быстрое, четкое отбивание сердца.

— Я знаю, что тебе страшно, звездочка моя, запомни. Боятся — нормально. Страх — это суперсила. Страх сделает тебя быстрее и умнее, сильнее. Будь сильной, малышка, и тогда он не превратит тебя в жестокую и трусливую. Он сделает тебя еще сильнее...

Новый виток лая перебил Розу. Он был гораздо ближе, от него Амелия затряслась, прижалась до боли. Роза скривилась, но промолчала. Она не хотела пугать и без того напуганного ребенка...

— Роза...

— Тш-ш-ш...

Роза резко присела и положила руки на заплаканные щеки Амелии, которая, кажется, еще секунда и непременно впала бы в шок или истерику. Благодаря Розе этого не случилось, только благодаря ей! Амелия сосредоточила все внимание на янтарных глазах, нахмурилась, подобралась. Она приготовилась слушать...

— Звездочка моя, обещай мне, что будешь сильной, чтобы не случилось.

— Мне очень страшно, Роза...

— Я знаю, но ты что не слушала? Это хорошо, что тебе страшно. Как думаешь рождается храбрость? Ты должна...

— ...Быть сильной?

— Да, моя любимая девочка... Ты должна быть сильной, потому что иначе ты не выиграешь... — Роза не удержалась, всхлипнула, а слеза, что скатилась по грязной щеке оставила за собой тонкую бороздочку.

Амелия и через много лет будет помнить ту разницу между ее кожей и той грязью, в которой они провели последние часы... Она старательно будет помнить только эту бороздочку, потому что то, что за ней скрыто — не просто грязь. Это ад, как он есть...

— Ты должна пообещать мне кое что сделать. Когда я скажу, ты побежишь.

— Но...

— Амелия, слушай внимательно и не перебивай! Ты побежишь туда... — Роза указала за спину девочке, а когда та повернулась, чтобы посмотреть в просвет между деревьев, не удержалась и обняла ее, уткнувшись в тоненькое плечико, — Беги быстро, как можешь, умоляю...

— Роза...

— ...И чтобы не случилось — не оборачивайся.

17; Июнь

Я пару раз моргаю, чтобы вернуться в пусть и опостылевшую, но гораздо более радужную реальность. Четыре стены, потолок, окно. Ничего особенного, но мое настоящее, даже со всеми его проблемами и загонами, гораздо лучше того, что скрывается в моем прошлом.

Мне нравилось возвращаться в то время, когда все было тепло. Не душно, а именно тепло — вся наша семья вместе, в сборе. Мне пять, шесть, семь. Тогда еще ничего не рухнуло, тогда все еще было целым...как на фотке, которую со всех сил сжимаю в руках. На ней мне девять, мы в том свадебном салоне, улыбаемся вместе с мамой. Она попросила снять нас консультанта, и кадр получился только с пятого раза, потому что мы слишком громко смеялись из-за собаки, которая издевалась над своим хозяином прямо за окном. Я до сих пор помню детально, как выглядела эта собака, где у нее были пятна, сколько их было в пределах моей видимости. Я помню это так хорошо, потому что тот день стал последним светлым пятном в моей прошлой жизни — после него все рухнуло.

Звенит будильник — пора. Я нервничаю. Честно? Не ожидала, что буду волноваться перед этой встречей, но походу дела переоценила свои возможности. Александровский не вызывает у меня никаких теплых чувств, слава богу, однако глупо отрицать его силу. Он — достойный противник, поэтому обыграть его будет в разы приятней, а я уверена в своей победе. Знаю, что она фактически у меня в руках, главное только правильно расставить фигуры.

У зеркала я натягиваю на свое старенькое платье с цветочками серую кофту и ухмыляюсь вдвойне шире, представляя выражение лица этого сноба, когда он меня увидит. На Белом балу соберутся самые "вкусные сливки", а я приду, как оборванка! Ха-ха! Надеваю свои желтые, резиновые сапоги. Они отлично подчеркивают мой образ, собранный не у лучших стилистов столицы, а на коленке. Неряшливый хвост туда же — это все мой личный плевок в лицо самому богатому человеку Москвы. Я намерено подчеркиваю тот факт, что мне от него ничего не нужно и никогда не будет нужно — ему нечем крыть, как Лиле. Обрезки платья и босоножек у меня лежат в одном пакете, в другом наличка, которую прислал мне Элай в качестве «платы» — это я определенно беру с собой.

Все готово. Я тоже готова и выхожу, запихнув в карман свой шокер — так, на всякий случай. Естественно убивать или калечить миллиардера не входит в мои планы, но входя в клетку со львом, я предпочту иметь хоть какое-то оружие.

— Эм...неожиданно... — раздается голос Арая, и я оборачиваюсь, замечая все ту же троицу в гостиной.

Они идут провожать, видимо, и я издаю смешок, снимая свою тоненькую ветровку с вешалки.

— Спасибо?

— Ты не пойдешь.

Звучит, как гром среди ясного неба, и в первую секунду я даже замираю — не ожидала ничего подобного уж точно. Алекс любит раздавать приказы, но мне казалось, что только в постеле, а теперь нас и она не связывает. Тогда что это было вообще?! Оборачиваюсь, недоуменно приподняв брови.

— Прости?

— Ты оглохла или резко забыла значения таких простых слов?

— Ни то, ни другое, — тут же ошетиниваюсь, глядя в его глаза, — Просто пытаюсь понять...

— Тема закрыта. Ты не пойдешь.
Ага, как интересно...

Глава 11. Ярмарка Тщеславия. Амелия

17; Июнь

Я буквально киплю, когда сажусь в такси, нервно швырнув свои пакеты на затертое, серое сидение Кии Рио. Все мои попытки и весь мой настрой летит к черту, потому что сейчас я больше похожа на какую-то истеричку, у которой разве что глаз не дергается, чем на хладнокровную скалу, кем хотела бы быть. Эмоции, как я говорила, здорово мешают, и сейчас у меня есть примерно час, чтобы снова взять их под контроль, а я просто не могу! Ну вот никак не могу! Мысли возвращаются обратно в квартиру, где меня так вероломно лишили контроля...

Полчаса назад

— Тема закрыта. Ты не пойдешь.

Я смотрю на него, как на дебила, а внутри медленно, но верно просыпаются чувства настолько далекие от «теплых», что это расстояние может занять вся Китайская стена при желании. Меня бесит. Дико бесит эта вольность!

«Как он смеет?!»

Еще и при всех...

Крис странно хмурится, переводя взгляд с меня на Алекса и обратно, словно стараясь что-то понять, а вот Араю стараться нет нужды. Он уже все понял, вон как давит лыбу, пряча ее за ладонью, только глаза выдают. Они хитрые, блестят, как у кота при виде сметанки, смеются. Я прямо кожей чувствую, как еще секунда и он заржет в голос, поэтому краснею так густо, что, если рядом положить помидор, вряд ли нас можно было бы различить.

— Что ты себе позволяешь?! — шиплю, делая небольшой шаг в сторону этой наглой морды.

Алекс не отступает, а делает ответный шаг, сурово смотря мне в глаза. Он не тушует, ему плевать, что мы не одни, ему плевать, что сегодня мы вообще оборвали все свое «наедине». Нас больше ничего не связывает! А у него как будто случился приступ амнезии.

— Мне повторить в третий раз, или ты начнешь соображать быстрее?!

— Не смей разговаривать со мной так!

— Прекрати истерику, дура, и не смей орать на меня!

Как два быка мы стоим друг к другу впритык, сверлим взглядом, дышим часто, разве что огонь не выпускаем. Я его в этот момент прямо ненавижу, очень хочется вцепиться ему в рожу, но и он не уступает. Думаю, что Алекса одолевают похожие чувства, но самое до боли раздражающее — я не могу отделаться от мысли, как классно было бы сейчас оказаться в его постеле...

«Наверно, это был бы классный секс...» — «О чем ты думаешь?! Прекрати!»

Мотаю головой, чтобы отогнать наваждение и возбуждение, которое пришло следом аж до покалывающих пальцев, и отстраняюсь, сложа руки на груди.

— Я буду делать все, что посчитаю нужным. И, поверь мне, мой милый, я не считаю нужным спрашивать у тебя разрешения. Уяснил?!

— Уяснил, моя милая, но уясни и ты: можешь делать все, что считаешь нужным в своей комнате, потому что из квартиры ты не выйдешь.

— Что ты себе позволяешь?! — срываюсь на крик, тыкая ему в грудь, — Ты мне никто!

— Закрой рот, Амелия, — предостерегающе тихо говорит, пока у самого аж челюсть от

злости сводит, а глаза горят.

Кажется, я действительно хожу по тонкому льду...

— ...Я не твоя сестричка, и если у нее кишка тонка тебя уgomонить — у меня нет.

— Ты не имеешь никакого права...Кем себя возомнил?!

— А кем ты себя возомнила, а?! Хочешь подергать льва за усы?! Давай будем честными.

Не надо быть гением, чтобы понять — ничем хорошим это не кончится!

— Ты не знаешь меня...

— А что тут знать?! Он — миллиардер, а ты глупый, неразумный ребенок. Сиротка...

Правда, но эта правда из его уст да еще и таким тоном кидает на глаза красную пелену, как по щелчку пальцев. Я сама не до конца понимаю, что делаю, меня отрезвляет только боль в ладони, и только после этого приходит осознание: я зарядила ему пощечину.

Я. Пощечину.

Капец.

Алекс стоит передо мной, отогнув голову в сторону, часто дышит. Кажется, лед под моими ногами треснул, и мне вот-вот грозит искупаться в ледяной воде, а это очень страшно. Я тушуюсь, немного ежусь, но тут же бью себя по рукам: нет, не сметь сдавать позиции! Расправляю плечи и гордо вздергиваю носик, когда он медленно переводит на меня горящие глаза. Алекс просто в ярости! А на щеке отметина — моя первая. Это даже забавно, я почти улыбаюсь, еле удаётся сдержаться, и вместо какого-то продолжения, понимаю, что все это вообще не имеет никакого смысла. Разговор «ни о чем», какой-то глупый, непонятно откуда взявшийся героизм — все это маразм, не иначе как. Осматриваю его презрительно, потом закатываю глаза и щелкаю языком — ну не могу удержаться от хотя бы такой маленькой, невербальной шпильки. Хочу уколоть его перед тем, как развернуться и пойти своей дорогой, но...я, видимо, не до конца оценила всю степень опасности маразма. Стоит мне направить корпус в сторону двери, как руку тут же хватает знакомая до боли горячая пятерня, а дальше, не успеваю я это понять, как оказываюсь прижата к двери ванной. Алекс нависает сверху, как громовая туча, хватая меня за подбородок так, чтобы я смотрела ему в глаза, и повышает голос.

Он впервые на меня орет...

— Ты не поняла меня что ли?! Ты не выйдешь из этой квартиры!

— Убери от меня руки, чертов псих!

Я пытаюсь сбросить медвежье хватку, но не тут то было — это отнюдь не так просто, как когда он этого сам хотел. В этот момент я впервые понимаю, насколько он шел мне на уступки, насколько контролировал свою силу, насколько много мне позволял. Сейчас Алекс не настроен ни на один из вышеперечисленных пунктов — он злится и готов стоять на своем до конца. Я было надеюсь на помощь «извне», когда Арай делает к нам шаг, но Алекс тут же обрубаёт и его попытки, и мои надежды.

— Не лезь! — рывкает, бросая всего один взгляд, от которого его брат отступает.

Я краем глаза ловлю непонимающий взгляд Кристины, который смешивается и с негодованием, и с волнением, а вот Арай себе не изменяет. Ему несказанно весело, он снова еле сдерживает смех, обращая внимание на свою девушку, и коротко мотает головой, мол, все нормально, не волнуйся.

«И это все?! Ну класс! Кажется придется спасаться самой...»

— Убери от меня руки, Алекс, — тихо говорю, возвращая взгляд серых, сейчас огненных глаз, обратно к своей персоне, — В последний раз предупреждаю по-хорошему.

— Как интересно... — тихо, ядовито усмехается, — А как же будет по-плохому, дочка психопата-убийцы?

«А вот как!» — не даром я прихватила свой шокер.

Разряд не особо сильный — у меня аппарат из «золотой середины», чтобы не совсем жестко, но и не «вариант для клатча». Проще говоря, он не вырубит, не заставит биться в конвульсиях, но у того, кто захочет испытать на вас свою «физику» быстро отпадет желание продолжать. Так и получилось.

Алекс не успевает сообразить и выдать еще одну остроумную фразочку, я уже сжимаю в руках холодный корпус. Дальше стрекочущий звук, а еще через миг приходящая взрывается какофонией разных звуков. Первым был удар — Алекс отлетел от меня, как ошпаренный и врезался в дверной косяк гостиной. За этим последовал благой мат, шипение от боли и дикий ржач Арая, который согнулся в три погибели. Крис тоже смеялась, но в руки, закрыв ими свое лицо, а я кайфовала. О этот сладкий миг, когда я наконец за себя постояла! Такой потрясающий, лучший из всех, что были между нами...и я не могу, да и не хочу скрывать победной ухмылки, когда наклоняюсь так, чтобы поймать его взгляд.

Он все еще меня бесит. Я его убить готова, и мне нравится тот факт, что каких-то пару секунд и я окончательно утру ему нос!

— Еще хочешь?!

Алекс смотрит волком, но молчит, однако взглядом буквально сжигает меня до костей. Думаю, что в этот момент он безумно хочет не «еще раз», а свернуть мне шею, но я лишь усмехаюсь, делая «холостой» залп в воздух. Как бы показательно. Ему это не нравится еще больше, и Алекс шумно выдыхает, словно обещая мне скорую расплату, но получает до боли говорящий знак — мой средний палец прямо себе в лицо.

— Не смей меня больше трогать, мудака — первое. Второе — никогда не вставай между мной и тем, что я хочу, а то в следующий раз получишь заряд прямо в свой член. И третье — ты всего лишь трахал меня, пока я позволяла, а теперь и на этом крест. Или ты что думал, что я шутила?! Тогда подумай еще раз!

Голос срывается на крик, и я не могу это контролировать — он так меня вывел, как даже Элай никогда не мог со всеми его припадками. А эмоции — все еще зло. Я сама того не ведая, раскрыла все карты, и теперь, сообразив, медленно смотрю на парочку. Они, как один, застыли. Кристина расширила глаза и открыла рот, Арай же опять не отличается от своего обычного состояния: втянул губы внутрь, чтобы не заржать в голос, весь красный от натуга, вот-вот лопнет. Я тоже краснею, густо так, наверно даже пятнами пошла, как леопард, и это бесит меня еще больше. Алекс тем временем отошел от разряда, плавно разгибается с улыбочкой победителя, которая окончательно сносит весь самоконтроль — я его просто убить готова и теперь не метафорически. В следующую секунду, отключенная от разума напрочь, я с размаха и с душой заряжаю ему аккурат между ног.

Это вызывает сразу несколько происшествий. Во-первых, Арая снова прорывает. Он ржет так громко, что у меня в ушах звенит, и возникает желание и его огреть — не успеваю. Крис делает это за меня, правда эффекта никакого, и пока она пытается его успокоить, я обращаюсь к второму пункту. Во-вторых, это «падение великих»: Алекс весь съезжился на коленях по середине коридора. На секунду мне даже жаль его, я отгибаю уголки губ вниз, но быстро вспоминаю: ему не было жаль меня, когда он трахал Верочку на кухонном столе, зная, что я приеду и все это увижу. Я давно поняла, что это была спланированная акция, и теперь, когда я себе об этом напомнила, жалость, как рукой сняло. Вместо этого я

усмехаюсь, смотря на него *сверху* вниз, а когда он поднимает полные агонии и ярость глаза, пожимаю плечами.

— У-упс. Похоже, что дочь психопата-убийцы оправдала себя по полной, да? Это тебе за то, что посмел устроить сцену и спровоцировал меня открыть карты.

— Я тебя выебу, сука... — хрипло угрожает, на что я лишь фыркаю, поднимаю свои пакеты и киваю.

— Ты меня уже ебал, мой милый, и мне не понравилось, так что оставь свою кочерыжку Верочке. Счастливо оставаться.

Сейчас

Я улыбаюсь. Этот последний аккорд нашей стычки вызывает во мне теплое чувство эйфории и дает расслабиться: злости, как и не было, я спокойно наблюдаю за сменой городского пейзажа за окном, не о чем не переживая. Забавно, как получается, что одна маленькая победа способна так окрылить, снять напряжение и унять волнение, потому что у меня его больше нет — я четко знаю, что и как мне нужно сделать. На миг я задумываюсь о том, что возможно это лишь самовнушение и когда я попаду в помпезную залу, все опять повернется на сто восемьдесят градусов, но этого тоже не происходит.

Я не волнуюсь. Я просто иду вперед. Мимо элегантно декорированных столов, мимо толпы самых красивых чудовищ. Не надо обманываться, заглядываясь на глянцевые страницы модных изданий. Там все красиво, начищено до блеска и доведено до абсолюта, но на самом деле все они — самые страшные монстры. Если бы мне дали право выбрать, я бы проголосовала за бугимена под моей кроватью или в шкафу, чем за эти джунгли. На самом деле этот мир жесток. Я знаю это не понаслышке, как и то, что пройтись ночью по злчному району куда безопасней, чем сунуться сюда. Здесь тебя сожрут с потрохами и не заметят, просто пережуют и выплюнут. Сожаления, милосердие, сочувствие тут слова скорее мифические, о них разве что в книжках читали, но на практике высшее общество самая настоящая мясорубка, где нет и грамма чего-то настоящего. А руководит всем этим самый главный монстр: Петр Геннадьевич Александровский.

Вам может наивно показаться, что выше него кто-то есть — это не так. Александровский давно подмял под себя всех, начиная с бизнесменов, заканчивая политиками. С ним считаются даже высшая, политическая элита, потому что знают: он — самый опасный, кровожадный и жестокий монстр из всех этих оборотней. Я много о нем знаю. Столько, что хватило бы на пару пожизненных сроков, но их он, конечно же, не получит никогда. У него полностью развязаны руки, а его послужной список настолько длинный, что не хватило бы и жизни его озвучить: рэкет, шантаж, мошенничество в разных сферах и разном объеме, убийства... Да, у Петра Геннадьевича руки по локоть в крови. Мне доподлинно известно об одном инциденте: Светлана Морозова — его вторая жена, и его бывших шофер Андрей Усов. Он убил ее из ревности, застукав на горячем с этим самым шофером, которого уложил в могилу вместе с ней.

«Теперь они вечно будут там, где любили проводить время — в парке Лосиный остров. Вместе.»

Прямая цитата, кстати. Так он, видимо, решил напугать Лилю, чтобы отбить всякое желание ему изменять. Она мне рассказала об этом как-то раз когда перепила вина, а я у нее спросила, не хочется ли ей встречаться с кем-то из ее века рождения. Я, конечно, не склонна верить пьяным дурам, но Антоновна Светлана Морозова и Андрей Алексеевич Усов действительно пропали, а развод Александровский получил заочно. Вот так и получается,

что все это — правда, а сколько еще таких «правд» вылилось бы, копни глубже? Конкуренты, негодные партнеры, любовницы? Мне кажется этот список был бы еще длинней списка всех его преступлений. Не даром его бояться. Он — жестокий человек, это сразу видно по глазам. Они похожи на змеиные. Такие же холодные, расчётливые и пугающие. Но я его действительно не боюсь, смотрю прямо даже сейчас, вышагивая в гробовой тишине под прицелом взглядов сотни кровожадных чудовищ из высшего света.

Могу отдать должное, что Петр Геннадьевич Александровский хорошо сохранился. У него педантично уложены русые волосы с преобладающей сталью, которая только подчеркивается легкой сединой у висков. Гладко выбритый, волевой подбородок, одежда на его внушительной фигуре без намека на «животик» сшита точно под него! Такой человек никогда не пойдет даже в самый лучший бутик, чтобы купить себе "готовый" костюм на вечер, посвящённый себе любимому. Ни за что! Только лучший портной, лучшая ткань, лучшая фурнитура, а главное — самый лучший, эксклюзивный пошив. Александровский любит все эксклюзивное. Это даже смешно. Я нахожусь в месте, где «любовь к себе» идет впереди планеты всей, но при всем при этом разнообразии тщеславия, этот человек превзошел их всех. Даже в просторном зале лучшего ресторана его это уместается с трудом, а здесь по меньшей мере пятьсот квадратов. Пока я шла к его столу в центре залы, как к личному трону короля, успела уловить столько жирно выделенных букв «А», что если их вырезать и наклеить в буквари, хватило бы обучить половину России, если не всю. Петр Геннадьевич очень любит себя, он эгоистичен до мозга костей, себялюбив и горделив. И я его ненавижу.

— Добрый вечер, Амелия, — усмехается главный Нарцисс Москвы, осматривая меня с головы до ног плавным, липким взглядом, — Прекрасно выглядишь.

Мне стоит огромных усилий не поежиться, чтобы избавиться от ощущения его касаний на своем теле, и не изменится в лице. Я стойко выдерживаю все это дерьмо, даже усмехаюсь, а после кидаю прозрачный пакет с обрезками платья и босоножек прямо перед ним.

— Добрый, Петр Геннадьевич. Извините, ваш презент встретил на своем пути непреодолимые обстоятельства.

— Правда? И какие же?

— Меня.

Сажусь напротив, отгибаюсь на спинку стула, не сводя с него взгляда. Вопреки всем предостережением Лили и Димки, он не злится, напротив. Его это веселит, и Петр Геннадьевич раздражается громким смехом, от которого меня едва ли не передергивает. Я сильнее сжимаю в одном кармане наличку, а во втором рукоятку шокера, ухмыляюсь, подводя его ближе к сути.

— Вы хотели меня видеть, и я здесь. Может теперь объясните зачем?

— Может сначала выпьешь?

Петр Геннадьевич слегка поворачивает голову, и толпа, что до этого молча наблюдала за нашей мизансценой, как по щелчку пальцев оживает, а оркестр отстает всего на полсекунды. Так «Ярмарка тщеславия» снова оживает. Раньше, чем я успеваю вернуть пару комплиментов превосходной работе кукловода, к нам подходит официант. На его подносе бутылка и два фужера, которые он первыми опускает на белую скатерть. Я силюсь не закатить глаза от всех этих напомаженных «белых воротничков» и «манер английских лордов» даже у прислуги, как опускается и бутылка. Последний гвоздь в крышку моего гроба...

На самом стекле красивая роспись, и я безошибочно узнаю в ней хитросплетение розовых кустов, прекрасно понимая к чему эта отсылка. Месть, похоже, люблю не только я, но и Властитель мира, чьи яйца я так безбожно задела ни раз и не два. Что ж...похоже игра начинается?

— ...У этого вина потрясающий баланс между фруктовыми и цветочными нотами, раскрывающимися на сливочном фоне. А его аромат...

Я плавно поднимаю глаза на этого ублюдка, сжимая рукоять шокера так сильно, что пальцы болят. Его я хочу пырнуть куда сильнее Алекса, и уж точно ему бы я не оказала такой чести, как своему нерадивому любовнику. Я бы не промахивалась и не была намерено в место, где было бы не так больно, нет! Его бы я огрела прямо промеж глаз, а лучше в другую его башку пониже...И Петр Геннадьевич не собирается помогать мне держать себя в руках, зачем? Он предпочитает играть в нападении. Таких называют «Атакёрами» — шахматист, предпочитающий агрессивный вид игры.

— ...А его аромат...В верхних его нотах прекрасный цветок — *Роза*. Вместе с ней...

— Спасибо, я не пью!

Выпаливаю быстро, чтобы только отчасти прекратить эту игру одного актера. Нарциссы всегда должны получать, что хотят, как и атакёры, а чтобы суметь заставить их врасплох очень полезно давить именно в эти инстинкты. У меня нет никакой возможности выиграть у самого богатого человека в России, если я не буду использовать хитрость. Это называется «гамбит» — жертва материала для достижения своих целей. Сейчас моим материалом являются не пешки, а моя гордость, иными словами, я вынуждена проиграть, чтобы потом выиграть. Но и тут не все так просто. Петр Геннадьевич достаточно умен и обмануть его не так то просто. Играть нужно так качественно, как будто это роль всей моей жизни, и пусть игры по-прежнему не являются частью моей натуры, сейчас мне нужно немного погасить ее ради конечно цели.

И я гащу. Отвожу подозрения, усмехнувшись и показательно вздернув носик, ведь он знает, что я никогда не признаю поражение и не покажу своей слабости особенно перед ним.

— Мне нет восемнадцати.

Я не знаю, выгорит ли мое сомнительное актерство, когда насаживаю этот козырь на леску в качестве наживки, но, кажется, все идет как надо. Властитель мира заглывает ее полностью, причмокивая и ухмыляясь, принимает мою капитуляцию, как признание провинившегося ребенка. Нарочито спокойно, снисходительно, гордо.

— Это хорошо, что ты придержишься правильных ориентиров.

— Зачем я здесь, Петр Геннадьевич? Не для того же, чтобы поговорить о моих *ориентирах*?

— Зря ты так считаешь, Амелия. Как раз за этим я тебя и позвал.

Властитель мира придвигается к столу, упирая в него локти, складывает длинные пальцы в замок и утыкается носом в ладони. Поза мыслителя, не иначе как, а взгляд прощупывающий. Мне он не нравится, как и не нравится повисшая тишина, от которой сейчас я ежусь. Это действительно неприятно, заставляет нервничать, но и как определенный бонус тоже прокатывает — незачем скупиться на проявление страха. Ему это только польстит, и я вижу, как его зеленые глаза загораются чуть сильнее.

Я снова все делаю правильно.

— Вы пытаетесь их во мне разглядеть или это какая-то психологическая игра?! —

нервно усмехаюсь снаружи, победно внутри, особенно когда получаю в ответ тихий смех Властителя мира.

— Просто не могу поверить, что ты так выросла. Помню тебя той двенадцатилетней девчонкой, а сейчас ты почти женщина...

Меня передергивает не притворно. Не нравится мне куда он ведет, и я смотрю на него исподлобья, парируя почти сквозь зубы.

— Время не стоит на месте, Петр Геннадьевич. Мы не молодеем.

Твою мать. Ну не могла я удержаться от этой шпильки, которая приходится аккурат по самолюбию этого напыщенного индюка. Я снова вижу в его глаза эмоцию, теперь новую, и это ни что иное, как злость. Петр Геннадьевич слегка щурится, но он слишком хорош в социальных играх, чтобы дать маске полного спокойствия слететь слишком надолго — это происходит всего на полсекунды, а мне все равно хватает понять и дать себе по рука.

«Рано, Амелия, прекрати!»

— Ты права, *мы* не молодеем. И как человек с большим, жизненным опытом, позволю дать себе совет: не спеши рубить концы, когда-нибудь можно и пожалеть о скоропалительных решениях.

— Моя политика отличается от вашей.

— Да что ты?

— Я считаю, что надо жить так, чтобы никогда и ни о чем не жалеть, поэтому решения свои я принимаю осознанно, несмотря на мой *маленький* жизненный опыт. Если это все, я пойду...

— Не спеши.

Он обрывает меня на полу-действии, когда я привстаю с резного стула, а потом взглядом указывает обратно.

— Я хочу поговорить о том, как *мы* будем жить дальше.

— Как *мы* будем жить? — не сдерживая смеха, все же сажусь обратно и киваю, — А как *мы* должны жить?

— Оставь этот тон для кого-то, кто его оценит, — холодно обрывает меня, на что я снова издаю смешок и отворачиваюсь, кивая, — Ты должна...

— Я ничего вам не должна.

Резкий, сильный удар по столу, от которого я невольно вздрагиваю. Краем глаза также замечаю, как те, кто ближе к нам будто немного придвинулись в надежде расслышать детали беседы с кем-то вроде меня. Конечно, я же бросила вызов самому Властителю мира своим пренебрежительным, внешним видом, и это никого не могло оставить равнодушным. Не беда, мне до этого дела нет и на их помощь я не рассчитываю — это было нужно лишь для одной цели: показать Петру Геннадьевичу, что я не моя сестра и не моя мать.

Сейчас же я собираюсь это только подчеркнуть, медленно переведя взгляд обратно к великому и ужасному строительному магнату. Показываю всем своим видом, что не боюсь его, слегка наклонив голову на бок и также слегка улыбаясь. Наш молчаливый диалог, где мы продолжаем сражаться между строк, длиться достаточно долго, и я первая его обрываю, поведя головой.

— Теперь я, видимо, должна испуганно сжаться и просить о помиловании?

— Ты зарываешься, Амелия.

— А вы нет?! — придвигаюсь чуть ближе, гневно выплевывая слова, что так давно ждут свободы, — Какое вы имеете право присылать мне какие-то подарки?!

— Чтобы дарить подарки, мне не нужно ничье разрешение.

— Черта с два! Я дважды дала понять, что мне от вас ничего не нужно, а вам все мало.

Чего вы хотите этим добиться?!

— Чего хотел, того и добился. Ты здесь.

— Это не ваша заслуга, будь она ваша, я бы сидела в том дерьме, которое вы прислали.

— Не выражайся за...

— Я буду делать все, что посчитаю нужным, особенно если мои личные границы будут так вероломно нарушать. И черта с два я буду слушать того, кто эти границы нарушает, особенно в вопросах этикета и воспитания. Я вам не дочь!

— Я и не набиваюсь тебе в отцы, к тому же у тебя он есть.

— Вот именно. И мне хватило за глаза и уши — обойдусь без родительских нравоучений. Я *не хочу* иметь с вами ничего общего. Оставьте меня в покое, настоятельно рекомендую.

— Это угроза? — усмехается, на что я утвердительно киваю.

— Еще какая. Мне известно, что вы были знакомы с моими родителями — Хан много болтает, когда варит свою медовуху. От него я также знаю, что с моим отцом вы и вовсе были близкими друзьями. Так вот. Все, кто его знал, сразу отмечают, что я — его отражение.

— Как по мне, ты похожа на свою мать гораздо больше, чем тебе кажется.

— Вы заблуждаетесь, — холодно отсекаю, продолжая смотреть на него исподлобья, — Я — не моя мать. Она любила дипломатию, как своего ребенка, а я считаю, что дипломатия хороша до поры до времени. Особенно, если твой оппонент не понимает обычного, человеческого языка.

Мне кажется, что возможно я загнула и переборщила, но Петр Геннадьевич думает иначе. Его ни только не злит моя пламенная речь, но и забавляет настолько, что второй раз за эти короткие пятнадцать минут, я заставляю его откинуть голову назад и засмеяться. По-настоящему. Меня это бесит тоже по-настоящему. Я делаю полукруг головой, чтобы немного откинуть самоуправство черной ненависти и злости, насколько это возможно беру себя в руки, цежу сквозь зубы.

— Я хочу, чтобы от меня отстали.

— Ты вошла в мою семью, Амелия, и теперь это невозможно. Все, что ты будешь делать, будет влиять и на нас.

— Я не входила в вашу семью. Моя сестра — да, и это только ее дело.

— Ты верно подметила степень вашего родства. Она — твоя сестра.

— Никто не знает и не узнает степень нашего родства. Вы можете позволить себе позаботиться об этом, раз так лихо управляете целой толпой элиты. Я *не хочу* быть с вами в связке, поэтому предлагаю разойтись, как в море корабли.

— А как же твоя мечта?

— О чем речь? Конкретней.

— Ну, мне известно, что балет тебя не интересует, зато интересует кое-что другое. Я могу помочь...

— Я остановлю вас прямо сейчас, пока вы не оскорбили меня еще больше.

— Я тебя не оскорблял, пока этим занимаешься лишь ты.

— Предлагая свою «помощь», вы сомневаетесь во мне и моем таланте — это оскорбление. Я *могу* справиться сама и для этого ваша поддержка мне ни к чему. Надеюсь, что на этом все. Хорошего вечера.

Встаю резко, но задерживаюсь и, смотря ему в глаза, вынимаю пачку наливки из кармана, оставляя ее рядом с пустым, так и не наполненным фужером.

— За платье и босоножки.

— И это я тебя оскорбляю? — коротко усмехается, на что я лишь пожимаю плечами.

— Не люблю ходить в должниках. Еще раз повторяю: мне *от вас* ничего не нужно. Хорошего вечера.

Наконец я разворачиваюсь и делаю пару шагов к свободе, попутно подмечая, что на меня теперь никто и не смотрит. «Как бы» не смотрит. Забавная картина складывается: все они, чудовища разных мастей, вроде как и занимаются своими делами, а нет, нет, да посматривают на девочку в желтых сапогах. Сейчас, как никогда раньше, на ум приходила всего одна фраза:

«Ярмарка Тщеславия — место суетное, злонравное, сумасбродное, полное всяческих надувательств, фальши и притворства.»

И как же это похоже на правду, черт возьми. Уильям Теккерей, видимо, сам был частью, но своей Ярмарки Тщеславия...

— Я знаю, чего ты на самом деле хочешь!

Вдруг раздается долгожданное, и я замираю, не веря своим ушам. Я действительно не верю, что у меня, кажется, все получилось, поэтому медленно поворачиваюсь обратно к Властелину мира, чтобы задать тихий вопрос.

— И чего же я на самом деле хочу по вашему?

— Мести.

Боже! Звучит, как гром среди ясного неба, и у меня на секунду перед глазами играют черные пятна. От волнения, нервов и все еще наивного неверия в то, что это происходит на самом деле, а не в моей голове.

Но это происходит... Александровский видит мое шокированное состояние, и ему это льстит. Он вальяжно прижимается спиной к стулу, расслабляется и ухмыляется, но теперь мне по боку. Пусть раньше все его самодовольство было, как кость в горле, сейчас же это не главное. Главное в другом — у меня получилось! Как минимум привести его в ту точку, которая мне нужна, и сейчас начинается самая важная, решающая часть партии. Мы на финишной прямой.

— Я тебя не осуждаю, вполне равносильный обмен за все, что произошло тогда.

— Не смейте, — еле слышно выдыхаю, сжимая кулаки, — Вы понятия не имеете о чем говорите, так что не смейте даже пытаться...

— Мне все известно.

Очередной гром среди ясного неба. Я смотрю на него с надеждой понять, насколько его слова правдивы, и мне бы хотелось сказать, что я нахожу в его мимики ложь, но это не так. Он действительно *все* знает. И это бесит меня еще больше!

— Тогда в чем равносильность проступка и наказания?! — взрываюсь, повышая тон, быстро подхожу обратно и, уперевшись в стол рукой, цежу сквозь зубы, — То, что он сделал и то, как *ВЫ* его наказали — это равносильно?!

— У меня были связаны руки.

— Черта с два я в это поверю! — снова повышаю тон, не в состоянии сдержаться, — Я не моя сестра!

— Не ори! — отвечает тем же, также резко поднявшись.

Сейчас, кажется, вся его фигура закрывает будто весь мир — он просто огромный.

Плечи, рост, энергетика. Я его не боюсь, конечно, и все равно инстинкт самосохранения велит заткнуться, что я и делаю. Затыкаюсь, разумеется, но взгляд мой не становится кротким, он также пылает, даже когда его телефон вдруг начинает звонить. Властитель мира тоже не отступает — просто не глядя отбивает звонок, и пусть тише, но также властно указывает на стул.

— Сядь.

Выполняю. Не сказала бы, что осознанно, но выполнить приказ сейчас гораздо лучше, чем настаивать на своем. Петр Геннадьевич оценивает это улыбкой, короткой, но многозначительной, будто поймал меня на крючок, и сам опускается на свой трон. Пару мгновений медлит, потирая указательный о большой палец, а потом вдруг тянется к своему пиджаку, достает оттуда аккуратно сложенный листок и кладет его на стол. Еще медлит, пока я гипнотизирую взглядом большую, жилистую ладонь, и, словно выждав, а еще будто пересмотрев фильмы про шпионов, он двигает его ко мне указательным пальцем. Мне хочется смеяться, но я держусь, вместо того стягиваю бумажку и читаю ее содержимое.

— Это банковские реквизиты карты, куда его отец отправляет определенную сумму денег каждый месяц, — поднимаю взгляд и пару раз моргаю, на что Властелин мира лишь устало вздыхает, как будто от проступка глупого ребенка, — Адреса его местоположения я тебе дать не могу, сама понимаешь, но думаю, что вы сможете вычислить его и сами. Достаточно лишь узнать, откуда снимают деньги, а дальше дело техники.

Теперь он ждет благодарности. Я прямо вижу, как на его лице отпечатывается это томление. Ни в улыбке, нет, в глазах. На их дне плещется и радуется мальчик, который думает, что он управляет баллом, но, Властелин мира, у меня для вас неприятные новости — это далеко не так.

Я смеюсь, чем ставлю его в тупик. Смеюсь громко, с расстановкой, не спеша. Это именно тот самый момент, которого я так долго ждала — моя месть у меня в кармане, потому что не я у него на крючке, а он у меня. И это потрясающе...

— Вы же несерьезно... — наконец, вытирая слезы, говорю, а сама смотрю на его тронутое злобой лицо, от вида которого смеюсь еще больше.

— Что же тебя так веселит, позволь спросить?

— Конечно.

С готовностью придвигаюсь ближе, зажав бумажку между пальцев, подношу ее к огню свечи, который тут же хватается уничтожать бесполезную «помощь». Я за этим наблюдаю с молчаливым восторгом, проделывая с ним все то, что он проделывал со мной вначале. Заставляю нервничать и переживать.

— Эта писюлька — бесполезна.

— Амелия...

— Бесполезна, — настаиваю, бросая огонек в фужер, — Или вы считаете, что мы не проверили самое очевидное? В том городе и в его окрестностях нет ничего — это обманка. Кажется, ваш партнер не сильно доверяет вам, когда дело касается семьи. И только ли семьи?

— О чем ты?

— Ооо... что-то прошло мимо вашего носа, неправда ли? — смакую каждое мгновение, теперь я вальяжно откидываюсь на спинку стула, пока Властелина мира нещадно так кроет.

Больше он не притворяется самым могущественным, просто не может. Это его главная ахиллесова пята — удар по его силе, по его возможностям. Стоит один раз дунуть, и шелуха

летит во все стороны — красота. Зрелище бесподобное, и я радуюсь всей душой, даже не вздрагиваю, когда на бедный стол обрушивается очередной удар крупного кулака.

— Прекрати паясничать, и если есть что сказать — говори, а нет — закрой рот и будь благодарна...

— Если вы так вежливо просите, конечно скажу. Вы же трахаете мою сестру, а это считай почти родственники.

Он снова открывает рот ради очередного замечания, но я успеваю раньше.

— Вас по-крупному нагнули, и делают это уже не первый год. Мимо вашего носа проводят крупные откаты, откровенно вас обворовывают, а вы и не замечаете, пребывая в розовых замках мира, где все контролируете. Извините, но работая с крысами, всегда ждите ножа в спину.

— Доказательства.

— Были, сгорели вместе с нашим домом. Моя мама долго их собирала, но вам повезло — у меня отличная память. В ответ на вашу милостыню, брошу вам свою: начните проверку с аквапарка, который вы начали строить за год до того, как моя мама разбилась. Именно тогда в вашу кормушку не доложили в первый раз. Немного, конечно, но это лишь для затравки. Скажем так, проверить, так ли страшен черт, как его малюют.

— Твоя мама... — вдруг сказал он, резко подняв на меня взгляд, — Ты намекаешь, что он причастен к тому, что с ней случилось?

Я усмехаюсь не только вопросу, но и своему гению — так разыграть великого и ужасного Александровского может только по-настоящему гениальный стратег. В этот момент я даже рада тому, что так похожа на него — мой отец славился именно этим своим прирожденным талантом вести войну, как скрытую, так и открытую. Талант, который я унаследовала...

— Дядя Гриша был одержим машинами, — плавно поднимаюсь на ноги и слегка наклоняя голову на бок, — Он проверял их каждый месяц и точно заметил бы перебой с тормозами. Дальше думайте сами, а я пойду. Я никогда не любила ярмарки, а ярмарки тщеславия и того подавно.

«Уходя, светись не так ярко» — учила я себя еще в тот момент, когда обдумывала ходы до начала партии, но, к сожалению, сдержать улыбки было просто невозможно.

Потому что я получила, что я хотела, а результат лишь вопрос времени.

Глава 12. Привет, малыш. Амелия

17;Июнь

Когда-то давно Настя узнала о моей самой главной страсти. Это случилось в одни выходные, когда я уже попала в Академию. Крис уехала к своей семье на юбилей папы, Лиля, как обычно, улетела «работать» в Дубай вместе со своими Властелином мира, а я осталась одна. Как брошенный котенок, которому некуда было податься, мне ничего не оставалось, как слоняться по пустым комнатам особняка в центре Москвы. Конечно, как ребенку особо впечатлительному, мне было больно от того, что все вот так, но себя жалеть я никогда не любила и постаралась вытянуть пользу и из этого. А она была! Балетная академия подразумевает под собой наличие классов, где ученицы занимаются классикой, оттачивая мастерство. И какое занятие классикой без классической музыки? Правильно, это невозможно.

У нас было много классов — целых семь. Ничего удивительного нет и в том, что там было все, чего только может пожелать душа: станки из хорошего дерева, зеркала, отличный пол, персонал. У нас были лучшие учителя, в основном бывшие танцовщицы из Большого или даже из-за границы. Есть разные причины, почему балерина перестает танцевать: старость, как бы смешно не звучало, личные обстоятельства по типу детей, или, например, травма. Наши учителя были из разряда тех, кто не «вылетел» при отборе, а просто попал в определенные, жизненные обстоятельства, поэтому все они были, как на подбор, лучшими. Талантливыми. Но для меня даже не это было главным — инструменты всегда были во главе стола.

Музыка всегда была моей отдушиной. Она всегда была моим спасением, моим способом выразить себя на сто процентов, моей душой, а больше всего на свете я любила фортепиано. Помню, мама отвела меня в первый мой музыкальный класс, когда мне было всего пять. Это случилось после того, как она заметила мое восторженное выражение лица на одной выставке в Париже. Там было много скучного, и я вообще не особо зафиксировала все происходящее вокруг, до того момента, как не услышала его — рояль. Помню, как я не могла оторвать взгляда от быстрых рук мужчины, который за ним сидел. Помню, как он улыбался, когда я подошла, чтобы разглядеть все поближе. А еще я хорошо помню, как всю дорогу до отеля я, обычно достающая Элая, молча пыталась повторить движения на коленках. Мама сразу все поняла и по возвращению меня ждал подарок — красивое пианино с обещанием потом купить и рояль, а также пару пробных уроков в музыкалке.

Она думала, что мне наскучит. Пф! Наивная! К восьми годам я играла так хорошо, что могла бы дать фору опытным музыкантам, и мне не наскучило это и по сей день. Настя сразу разглядела мой талант — она заехала проверить меня, а застучала за игрой, и была очень потрясена. Тогда я рассказала ей, что моей мечтой никогда не являлась сцена Большого, я всегда хотела лишь одного: стать профессиональным музыкантом. Пианистом, если быть точнее. Конечно играть вне академии и вне уроков было сложновато: инструмент стоил бешеных денег, а на предложение купить мне синтезатор, я наотрез отказалась. Все же это были *его* деньги, а не ее — мне от него ничего не надо было тогда и тем более ничего не надо сейчас. Настя она поступила иначе. Александровский как раз подарил ей ДТЮ, и она дала мне связку ключей со словами: когда захочешь, приходи и играй. Как ребенку, пережившему слишком много, она понимала, что бывает мне нужно время наедине с собой

— так, я получила доступ к своему маленькому, личному раю. Настя как раз в тот год делала ремонт и купила великолепный, черный рояль. Он стал моим плотом в безумном море суеты вокруг, и я любила его больше всех остальных своих вещей. От всего бы могла отказаться, лишь бы иметь доступ именно к нему, потому что он был *моим*. Настроен под меня, обслуживался тоже для меня. В пятнадцать я узнала о том, что он и куплен был для меня — раз я не взяла синтезатор, то пусть хотя бы так. Это было трогательно, конечно не очень мне понравилось, но я договорилась с собой: я просто им пользовалась, я его не забирала, да и купила Настя его исключительно на свои деньги. Как раз тогда начала приносить прибыль ее первая гостиница, и с этим всем я могла смириться. Поэтому дальше я получила еще больше: если раньше этот рояль мешался в основном зале для выступлений, теперь его со спокойной душой переместили в зал поменьше. Тот что не использовали для каких-то выступлений, и он скорее служил кладовкой. Ряды старых скамеек-сидений, как в театрах постсоветского пространства, небольшая сцена, старые, красные партеры, в которых пыли больше, чем ткани.

Но это действительно был рай. Мой рай.

Сейчас мне как раз это и было нужно: немного спокойствия в своем раю. Пусть встреча с Властителем мира кончилась для меня скорее положительно, чувство триумфа длилось недолго. Когда я вышла, прихватив с собой на прощание ту самую бутылку шампанского, как-то разом все навалилось: осознание того, что мои проблемы только начинаются, било набатом. Домой я совершенно не хотела идти, там Кристина, там нужно отвечать на вопросы, а мне нужна была эта минутка покоя в все еще бушующем океане суеты.

Поэтому я уже час насилую свой рояль.

Играю то быстрые композиции, то медленные, но общее в них тоже есть: все они эмоциональные, с надрывом и огромным, чувственным багажом. Я по-другому не умею, всегда отдаюсь полностью. И всегда стоя. Не знаю почему, но не могу играть сидя — это было проблемой и в музыкалке. Мама говорила, что во мне слишком много эмоций, и я просто не могу усидеть на месте, когда отдаю их без остатка. Как например сейчас. От всех этих нагрузок я вся мокрая, волосы липнут к лицу, и вообще со стороны я выгляжу, как сумасшедшая, наверно. Босая, скамейка для игры упала — ее я толкнула ногой на психе, — моя кофта и ветровка валяются в проходе между рядами. Но мне на все плевать, главное сбросить хотя бы часть негатива, который пожирает меня изнутри.

— Потрясающе...

Голос раздался так неожиданно, когда я наконец подошла к концу знакомой до боли мелодии. Я испугалась, вздрогнула всем телом, а перед глазами забили темные круги — этого я не ожидала. Фигура стояла в проходе, на ней был темно-фиолетовый плащ, на голове объемный капюшон. Конспирация: уровень Бог. Но мне не нужно было видеть лицо, чтобы узнать того, кто прячется под маской «фиолетовое нечто». Громко цыкаю и снова опуская глаза на клавиши, поведя плечом — я так буйствовала, что оно у меня разнылось. Старая травма, а точнее «мой-тупой-брат-и-его-страх-перед-птицами». Фиолетовое нечто усмехается, тоже помнит эту потрясающую историю про рациональные страхи и дебилские, на что я уже закатываю глаза.

— Следишь за мной?

— Разумеется.

— Как на этот раз? У меня маячок в зубе? Или может быть мне его имплантировали под кожу, пока я спала?

— Все гораздо прозаичней, малыш... — протягивает до боли знакомый голос, и я медлю лишь миг, а дальше касаюсь пальцами креста и тихо смеюсь.

— Понятно. Элай себе не изменяет, идет у тебя на поводу.

— Ты себе тоже не изменяешь, Амелия. Делаешь то, что хочешь, не думая о последствиях!

— И это я не думаю о последствиях? — подхожу к краю сцены, куда усаживаюсь и наклоняю голову на бок, изучая фигуру пристально и цепко, — Тебе нельзя здесь находиться. Мама.

Наконец она снимает капюшон, открывая лицо пусть и слабому, но свету, а я так счастлива. Видеть ее сейчас — редкость, и мне так хочется обнять, рассказать обо всем, как раньше, но я знаю, что перед десертом всегда нужно съесть противный суп. Именно это сейчас и будет — мама здесь не просто так.

— Как я могла не прийти, если моя дочь откалывает такие номера? Мы договорились, а ты обещала.

— Неправда.

— Амелия, — строго начинает она, делая ко мне шаг, — Ты обещала, что будешь держаться от Александровского на расстоянии в километр!

— Как я могу держаться от него на расстоянии в километр, если Лиля ублажает этого ублюдка по первому щелчку пальцев?!

— При чем здесь она?! Мы говорим о тебе! Лилиана вольна делать все, что она хочет!

— А я значит нет?!

— А ты — нет! — взрывается, быстро преодолевая все оставшееся расстояние, берет мое лицо за подбородок и смотрит точно в глаза.

Она злится. Я заставила ее понервничать, и это понятно, что она бесится. Выхватывать за свое самоуправство, видимо, я начну уже сейчас...

— Ты хотела попробовать построить карьеру, я это поняла и отступила. Ты слишком талантлива, и держать тебя рядом, даже если мне этого очень хочется — эгоистично, но ты дала мне слово! Ты обещала, что не приблизишься к нему и на пушечный выстрел!

— Не надо врать! — не выдерживаю и выдергиваю голову из ее хватки, злобно смотря в глаза, — Я не обещала ничего такого! Ты говорила, а я молчала — это не означает, что я дала слово!

Мы сверлим друг друга взглядом, но я знаю, что она отступит. Мама всегда была мягкой, не смотря ни на что. Пусть снаружи она была, есть и будет стальной и негибаемой, но ее суть также была, есть и будет противоположной — мягкой. Так и выходит. Мама делает шаг назад, вздыхает и смотрит в потолок, как всегда делала, когда я выкидывала что-то «из ряда вон».

— Ну за что мне это наказание?

— Не обращай к *Нему* по пустякам, — со смешком, слегка пихнув ее ногой, парирую, а когда она снова возвращает свое внимание мне, добавляю, — У тебя уже есть один нормальный ребенок, куда еще то? Скучно же будет...

— Ты — заноза в заднице.

— Я знаю. Могу сказать, что больше так не буду, согласишься?

— Конечно нет. Ты же мой ребенок...

— Если ты сейчас сравнишь меня с отцом, я тебя пну, клянусь.

Еще миг и теперь мы уже смеемся, а еще один, и я оказываюсь в самом любимом месте,

который стоит выше даже моего рая — мамины объятия. От нее, как всегда, пахнет корицей и шоколадом, и я вдыхаю этот аромат, сильнее прижимаясь, чтобы запомнить. К сожалению таких моментов у нас не так много, чтобы разбрасываться ими — наверно понимая это, мама не хочет тратить слишком много времени на ссоры. Во-первых, это бесполезно. Я самостоятельная личность с семи лет и изменить этот факт не смогут никакие нравоучения. Во-вторых, мы так давно не виделись, что все отходит на второй план...

— Я так по тебе скучала, моя любимая малышка... — шепчет куда-то в макушку, а я только и могу, что кивать.

Слезы душат, подступают, и я просто не могу выдавить и слова. А мне так много хочется ей рассказать...

— У нас есть хотя бы час? — жалобно спрашиваю, в ответ получаю тихий, одновременно нежный и печальный смех.

— У нас есть время, малыш. Не знаю, что ты сделала, но он улетел в Новосибирск.

— Не хочу говорить о нем. Давай не будем тратить наше время на все это? Я правда не хочу. Ты все равно узнаешь. Лилиана же позвонила, да? Ты поэтому здесь?

— Лев уже в самолете, так что да. Жди гостей завтра.

— Просто класс, — фыркаю и отстраняюсь, быстро вытирая слезы, — Кристина будет в восторге.

— Ты уже знаешь, что ей скажешь?

— Да...правду.

Мама молчит, а я ковыряю пальцы, не поднимая глаз. Мне и о Крис не очень хочется говорить, но я все равно добавляю, бросив быстрый взгляд на мою любимую маму.

— Конечно только ту, что могу.

— Ты не обязана мне это говорить. Я в тебе уверена на сто процентов.

— Знаю...просто для успокоения.

Я слышу ее тихий цык, а потом мама занимает место рядом со мной, только вот ее ноги достают до пола и не из-за красивых туфель на высоченном каблуке. Как я уже говорила — от мамы мне достались лишь волосы, и я снова закатываю глаза, вспоминая все сходства ее и Лилианы — это бесит. По всем законам справедливости, я должна быть похожа на нее, но нет...Этим природа меня не наградила.

«Сволочь...»

Благо мама не замечает моих очередных загонов и хорошо. Ниточки ее плаща запутались, поэтому она слишком занята своим освобождением, а то началось бы...Она бы привела тысячу и один довод в пользу того, что я — лучше нее, а мне это не нравилось. Во-первых, это неправда. А во-вторых, это совершенно точно не правда.

— Боже, ну наконец-то! — шикает она, скидывая плащ на сцену, выдыхает и откидывается на руки назад.

Мне нравится наблюдать, как красиво пружинят ее волосы. Сейчас они до плеч, с объемной укладкой, но ей так даже лучше. Вообще ей все идет — она невероятно красивая. Самая красивая.

— Никогда не думала, что это возможно, но ты стала еще лучше играть. Хотела сразу приехать и убить тебя, но не смогла. Заслушалась, а потом как-то и забылось все...

— Сильно взбесилась?

— Охо-хо... — мама приоткрывает один глаз и смотрит на меня, — Сама как думаешь?

— Тебе все равно не стоило рисковать и приезжать, мам. Вдруг тебя кто-то заметит?

— Амелия, не учи ученого. Я знаю, что я делаю.

— И почему, когда я это говорю, ты психуешь, а мне нужно просто кивнуть и поверить?

— Потому что я — взрослая, а ты нет.

— Мне почти восемнадцать.

— Ты мой ребенок, малышка моя, — с улыбкой парирует, полностью сфокусировавшись на мне, — Ты всегда будешь для меня маленькой девочкой, даже когда станешь мамой.

— Иу.

— Парни — иу? — передразнивает меня, и я повторяю, но без особого энтузиазма, где тут же прокалываюсь.

Мама резко выпрямляется и смотрит на меня с хитрой улыбкой, от которой я краснею, как помидор, самолично вкладывая ей в руки оружие.

И она его использует!

— Ооо...неужели...Амелия влюбилась?

— Перестань, умоляю!

— Ну уж нет, мой маленький, скрытный солдатик! Я хочу знать все!

— Да нечего знать, мам...

— А ну не ври мне, юная леди!

— Между нами был только секс, — выпаливаю, как на духу, о чем сразу же желаю, потому что улыбка с ее лица спадает, а ее место занимает непонимание.

Мама хмурится, пристально смотрит мне в глаза, и я вздыхаю, переместив свое внимание на руки, которые опять ковыряю. Мне стыдно в этом признаваться, но я знаю — она все равно меня поймет, да и потом...это то, чего я на самом деле хочу. Рассказать кому-то, кому верю, все...

И я рассказываю. Конечно без подробностей, в общих чертах, а в конце сижу краснее красного цвета, молчу, неловко убирая то прядь волос, то теребя платье. Будто не знаю, куда себя деть...

— Та-ак...

— Только без комментариев, умоляю. Я знаю, что идиотка.

— Этого никто не говорил.

— А разве это нужно?

— Какой он? — вместо ответа на мой вопрос, она задает свой, и я, бросив на нее короткий взгляд, снова опускаю его на свои злосчастные руки и дергаю плечами.

— Он...красивый...

Мама молчит, но недолго. Издаёт смешок, чем зарабатывает мой уже злобный взгляд, что едва ли ее останавливает, а напротив дарит улыбку шире и хитрее.

— Хочешь, чтобы я поверила, что ты согласилась с кем-то спать на сомнительных условиях, только потому что он...красивый?!

— Я хотела большего, а он — нет.

— И все же.

— Он...красивый, мам. Понимаешь?

— Понимаю, доченька.

Знаю, что понимает. Она всегда понимала меня, и поэтому мне хочется рассказывать — я знаю, что мне не придется утомительно долго пояснять свои мысли, знаю, что я не встречу осуждения в ее лице. Мама может поругать меня, может не соглашаться, но она никогда не осудит.

И я продолжаю...тихо, не поднимая глаз, ковывая небольшое углубление в сцене. Я *хочу* рассказать ей о том, какой он...

— Он очень умный, интересный, веселый...Мне нравится его слушать и наблюдать за ним, потому что кажется, что он знает все на свете. Он так в себе уверен, и обычно меня это раздражает, но в нем нет. В нем это завораживает, потому что он не кичится, не распускает хвост, а просто...это просто есть и все, как его продолжение. Так естественно...И мне нравится его сила. Не физическая, а внутренняя. Мне кажется, что он сильнее всех, кого я когда либо знала, — пару мгновений я медлю, а потом снова смотрю на нее и тихо резюмирую, — Он *красивый*. По-настоящему *красивый* и дело не в его внешности, хотя и она идеальна. Больше всего мне нравится то, какой он внутри. Мне все в нем нравится, даже его минусы, а они есть и не один, даже не два. Например, меня бесит его скрытность. Бесит, что он вечно меня отталкивает, да и вообще...Их много, но с ними он все равно только лучше.

— Малыш... — также тихо отвечает мама, аккуратно убрав прядь волос за ухо, — Да ты действительно в него влюблена?

— Да, мам. Очень сильно, но уже неважно. Все кончено. Ничего больше не хочу. Да, я сама на все согласилась, но...Черт, я не хочу быть одной из его пластмассовых стаканчиков! Не могу. Лиля много чего насоветовала, я попыталась, и у меня не вышло — я тупо не могу притворяться. Это неправильно. Отношения не должны рождаться так, они должны быть честными и обоюдными, а выходит, что я его заставляю. К тому же, он не хочет меня...в этом смысле.

— Ты не можешь этого знать, Амелия. Может быть у него есть причины держать дистанцию?

— Я знаю, что они есть. Пусть я не так хорошо разбираюсь в отношениях, тем более в мужчинах, но это даже мне очевидно.

— Во-от. Значит...

— Это ничего не значит, мам! — невольно повышаю голос, отсекая ее предложения, — Как мне прикажешь разбираться в этом во всем, если он держит меня на расстоянии вытянутой руки?! Единственное место, где все хорошо — это постель. Мне этого недостаточно.

Мама отступает, видит, что говорить о чем-то бессмысленно, а я опускаю глаза, чтобы она не заметила, как сильно я стараюсь не заплакать. Снова руки. Снова платье. Снова что угодно, лишь бы отвлечься от того, что я добавляю сверху — абсолютную правду.

— Он сделал мне очень больно, а потом сделал вид, что ничего не было. Как будто так и надо! Как будто я это заслужила! А что я сделала? Просто хотела быть ближе к нему. Разве это причина разбивать мое сердце так жестоко и цинично?

— Ну тише, тише, малыш, не плачь...

Я снова оказываюсь в ее объятиях, а будто в машине времени. И вот мне снова семь, и я снова плачу в ее руках из-за того, что меня не принимают и обзывают «разноглазой».

«Ну класс...спасибо, память, ты просто мастерски умеешь подбросить дров в огонь!»

Теперь я рыдаю, всхлипываю, по-детски вытирая слезы кулаком. И не только из-за Алекса — он лишь вершина айсберга. Все гораздо глубже...все всегда гораздо глубже...

— Лиля сказала, что это все — моя вина, — выдыхаю, а сама чувствую, как мама замирает, и я поднимаю на нее взгляд, — В том, что случилось, я виновата.

— Амелия, что глупости! — серьезно, без улыбки и даже намека на смешинку, мама меня одергивает и хмурится, — Мы сто раз говорили об этом. Ты ни в чем не...

— Если бы я сидела дома... Если бы я тогда не заставила Розу пойти со мной в магазин — все было бы нормально.

— Это. Не. Так.

— Как же не так, если так? — жалобно пишу, вся сжимаясь, — Из-за меня она оказалась без защиты. Это мне приспичило купить этот дурацкий мяч в коллекцию! Это...

— Послушай теперь ты, — мама перебивает меня и снова заключает мое лицо в ладони, большими пальцами убирая слезы, которые все катились, не зная конца и края, — Ты была совсем маленькой, когда все это случилось. Роза напротив была взрослой. Она уже стала матерью, она все знала и отдавала себе отчет в том, что делает. Она должна была о тебе заботиться, это она поставила тебя под угрозу, а не наоборот.

— Но...

— Никаких «но», Амелия, так все и было.

— Я так по ней скучаю, мам... — еще тише признаюсь, и мама кивает, слабо улыбаясь.

— Знаю, малыш. Она тебя очень сильно любила, и, если бы могла, сказала бы все тоже самое, что и я. К тому же...

Она явно хочет сказать что-то еще, вот только я ее уже не слышу — в голове аж пульсирует, и я резко отстраняюсь, уставившись в одну точку.

— Амелия? — аккуратно зовет, потому что знает, где именно прокололась, и я это только подтверждаю, бесцветным голосом переспрашиваю.

— Что значит «любила»?

— Амелия...

— ЧТО ЗНАЧИТ «ЛЮБИЛА»?! — ору в голос, контроль на этом моменте покинул ча и не обещал вернуться.

Мама молчит. Ей прекрасно известно, как сильно меня бесит такая формулировка, и я это снова подтверждаю. Тяжело дышу, смотрю волком, сжимаю кулаки. Меня бесит, так дико бесит, когда о ней говорят в прошедшем времени! Но это не так! Она не мертва!

— Почему ты *опять* так говоришь?! Роза не мертва! Не смей говорить о ней, как о прошлом!

Вдруг выражение маминого лица становится до наносимого странным. Сочувственным, каким-то жалостливым, безнадежным.

«Это что реально жалость?!» — это бесит меня только больше, а то, что мама говорит дальше, только распаляет.

— Амелия, тебе пора принять тот факт, что она не вернется.

— Ты этого не знаешь! Или что?! Купила хрустальный шар на распродаже?!

— Дело не в шарах или знаниях, — отбивает мой ядовитый сарказм полным, совершенным спокойствием, лишь глаза выдают ее волнение, — Дело в понимании.

— И что же ты понимаешь?!

— Что прошло уже восемь лет. Сама посуди: если бы она была жива...

— Она жива! **Без** "если бы"!

— Тогда где она, малыш? Почему мы ее не нашли? Ни единого следа и...

— Плохо искали!

— Амелия...

— Она не умерла, понятно?! Она жива!

Одним прыжком я соскакиваю со своего места и почти бегу к выходу, по дороге подхватив свою ветровку и бутылку шампанского. Не помню, как оказываюсь на улице —

задыхаюсь от страха, боли и непонимания. Меня так бесит, что все вокруг перестали верить в нее, что аж тошнит!

«ОНА ЖИВА! РОЗА ЖИВА!»

Льет дождь. Он падает на лицо, мочит одежду, волосы липнут к телу, но мне наплевать на все, пусть бы дождь и вовсе был из лавы. Я просто хочу убежать подальше от...правды.

Роза никогда не вернется...

Глава 13. Как я хочу. Амелия

17; Июнь

Я не отдаю себе отчета в том, что делаю. У меня как будто какой-то припадок или агония, и я мечусь точно раненный зверь в клетке, где клетка — Москва. Вся моя одежда насквозь мокрая, но мне так душно, что трудно дышать. Зачем-то покупаю коньяк. «Бахчисарай» — это даже на слух не выглядит, как хорошая идея, а я все равно открываю крышку и пью сколько могу, пока не начинаю кашлять. Вкус просто отвратительный, но я хочу забыть все, что произошло в зале — мне почему-то дико страшно от того, как выглядела мама в те последние пять минут.

Я чувствую, что скоро все изменится, и эти перемены не принесут мне ничего хорошо — одно разочарование и боль. Возможно я уже знаю ответ, но...

«Нет-нет-нет!»

Вместо него я принимаю еще одно неверное решение, снова откручиваю крышку и выпиваю еще адской жидкости, которая сжигает меня изнутри. Я не сомневаюсь, что пожалею об этом, но сейчас мне так гораздо лучше, чем встречаться с глазу на глаз со своими страхами. Я выбираю бежать дальше.

С похмелья утро никогда не бывает приветливым. Пение птиц — раздражает, а солнце и вовсе приносит одну лишь адскую боль. Когда я открываю глаза, весь мой мир крутит так, будто я на самом деле просидела в «Чашках» полгода. Издаю тихий стон, горло саднит, хочется пить, и я вообще не понимаю, где нахожусь — все какое-то странное. Такое ощущение, что я одновременно знаю и не знаю это место. Шкаф. Тумба. Телевизор. Рулонные шторы на окнах, открытая балконная дверь...

«Стон»

Резко сажусь, но тут же морщусь от выстрела в левом полушарии. Мне требуется почти минута по внутренним ощущениям, чтобы боль отступила, а голова начала немного соображать. И сразу до нее доходит следующее — я полностью голая. Чтобы удостовериться, аккуратно отгибаю атласное, черное одеяло — все так и есть.

— Господи... — издаю тихий писк, конечно уже все прекрасно понимая.

Естественно я знаю это место, столько часов провести в этой комнате и не узнать было бы по меньшей мере глупо, но...

«СТОП!»

До меня внезапно доходит, что, как и много раз до этого, на постели я не одна. Мне снова требуется время, чтобы обернуться и укрепиться в подозрениях, а когда я все же решаюсь, моментально краснею до кончиков пальцев. Алекс действительно здесь. Спит. Я его никогда не видела спящим, и это так странно. Он голый по пояс, в серых спортивных, а на левой руке у него огромный, фиолетовый синяк — мой след от шокера. В миг становится стыдно, и я прикрываю глаза.

«Черт...»

Но даже стыд не может надолго меня сдержать, любопытство берет вверх. Я же

действительно никогда не видела его спящим, а так хотелось... Мне ведь этого реально хотелось: проснуться так однажды, а лучше много-много раз, точнее даже "каждый" раз, и я открываю глаза, отдаваясь в руки любопытства.

Он выглядит таким спокойным... Алекс и так несильно напоминает психа. По началу мне вообще казалось, что он всегда абсолютно спокоен и отстранен, но со временем он открылся с другой стороны. Нет, все равно я не назвала бы его нервным или дерганным, но если довести... Это будет взрыв, каких не видел этот мир. Даже сейчас его мерное, спокойное дыхание, расслабленная поза все равно выдают в нем опасность, ведь даже не смотря на то, что тело не напряжено, кубики все равно видны вполне отчетливо. Но это меня не шокируют, я отлично знаю как пристально он следит за своим физическим состоянием, а вот сама его поза... Одна рука закрывает лицо, вторая лежит на моей подушке, будто он меня...

«Обнимал?!»

Я вытаращиваю глаза так сильно, что мне снова простреливает голову, и из груди вырывается тихий скулёж.

«Ну капец... как я здесь вообще оказалась?!»

Вопрос то со звездочкой. Я вообще ничего не помню, а последнее яркое воспоминание в памяти, как я покупаю мерзкий «Бахчисарай».

— Проснулась, алкашка?

От хриплого голоса своей надменной зазнобы я вся деревенею, уставившись перед собой, а еще он странно действует не только на мое тело, но и на мозг, потому что, кажется, я кое что начинаю вспоминать...

Неизвестно во сколько...

Весь мир кружится. Я почти не чувствую рук, да и тело мое сейчас, кажется, легче воздуха. Вроде и иду, а вроде и лечу вовсе. У двери в подъезд роняю ключи. Мне так лень нагибаться, а когда я это все-таки делаю за неимением другого выхода, с первого раза поднять связку кажется вообще непосильной задачей. Кажется это новая версия невыполнимой миссии. Когда мне всё-таки удастся схватить колечко, я сталкиваюсь со второй частью этого блокбастера. Теперь главная цель — попасть в кружочек таблеткой. Не знаю сколько вожусь, но успеваю здорово задолбаться и снова думаю все бросить к чертям собачьим. Победная мелодия все таки звучит, хотя я и не поняла, как именно мне удалось этого добиться.

Вваливаюсь в подъезд, как мешок с картошкой. Хорошо, что у нас нет никакой бабушки-консьержки, потому что иначе слухи бы ходили просто сказочные — бабка с нижнего этажа была бы в восторге. Меня же тем временем впереди ждет третья часть моих незатейливых приключений: лестница. Она не очень высокая, ступенек пять, но в таком состоянии это все равно что бесконечность. Я снова преодолеваю свой путь, держась за поручень, и наконец подхожу к лифту.

Ну все. Миссий то было все три, вроде? На этом должен наступить долгожданный хэппи энд в моей теплой постельке, но как бы не так. Я наконец замечаю, что не одна.

— Потрясающая ловкость...

Перевожу взгляд со створок на говорящего и тут же громко цыкаю, закатив глаза. Алекс. Ну конечно же! Он подпер плечом стену, смотрит на меня с ухмылкой, и я не могу определить ничего больше. Ни настроения, ни его намерений — я, если честно, смутно вижу даже очертания его лица.

Разговора конструктивного не получится — понятно сразу. Благо меня спасает лифт, кто бы мог подумать? Створки открываются, я еще раз цыкаю, закатываю глаза и захожу внутрь. Он не отстаёт. Створки закрываются.

Мы едем молча. Меня еще больше шатает от внезапно накатившей волны опьянения, которая накрывает меня сильнее, чем в самом начале. Я понять не могу почему, но смутно вспоминаю, что дело может быть в смене температуры. Наверно правду говорят, что из тепла в холод и наоборот — не лучшая идея, но какая уж есть. Я прикрываю глаза, чтобы хоть немного спастись от своего состояния в надежде, что меня не будет так кружить, а на деле становится еще хуже. И еще в следующий миг, когда лифт вдруг резко тормозит.

Моя реакция очень замедлилась, и я успеваю только приложить усилия, чтобы посмотреть, что еще случилось, как оказываюсь в капкане. Алекс с силой вжимает меня в стену, а я чувствую легкий отголосок боли в затылке. Щурюсь и тихо мямлю что-то вроде: ай...

— Ну что, сучка? — слышу хриплый голос и чувствую дыхание на своей шее, — Как сходила в гости к миллиардеру?

— Очень неплохо.

Парирую, как мне кажется вполне себе четко, хотя где-то на подсознательном уровне понимаю, что на самом деле у меня дико заплетается язык. Кажется, мои ощущения не врут, потому что Алекс издает смешок, слегка кусает за мочку и шепчет.

— Котенок, да ты в говно? Неужели было настолько хорошо?

— Пусти...

— О нет, ты забыла о том, что я тебе сказал? Ты же не думала, что я шутил?

Горячая ладонь ложится на бедро, я чувствую не только ее, но и ногти, которыми он царапает кожу, ведя выше, и...тут же вспыхиваю. Алекс почти и не касался меня, а я так сильно его хочу, что внутри все переворачивается, пульсирует, бунтует...я издаю что-то вроде стоны, но больше это похоже на скулеж побитой собаки. Алекс отстраняется, берет мое лицо одной рукой, второй продолжая удерживать, заставляет посмотреть на себя. Кажется, он хмурится? Но я точно не могу сказать, у меня все расплывается.

— Что случилось, котенок?

— Все кружится...

— Что ты пила?

— Коньяк. И шампанское.

— В такой последовательности?

«Что?!» — хмурюсь, Алекс слегка трясет мое лицо, чтобы я сфокусировалась, что-то еще говорит, но я вдруг...тихо шепчу.

— Это моя вина...

— Что? — Алекс не понимает, теперь я точно вижу, что хмурится, но мне уже плевать.

Меня вдруг накрывает другая волна. Не головокружения, нет, и даже не тошнота. Мне очень больно, а еще очень страшно...

— Мне страшно...

— Тебе нечего бояться.

— Есть чего, ты не понимаешь...

— Объясни.

— Не могу...

— Можешь.

— Это моя вина...моя...Я во всем виновата...То, что случилось — это моя вина...и только моя. Лиля была права, — задыхаюсь, вываливая все, что во мне лежало годами, — Если бы не я, все было бы хорошо...Я виновата...дурацкий мяч, дерьмовая коллекция...Я хотела его купить, очень сильно хотела, а мамы не было дома. Роза была...

— Кто такая Роза?

— ...Она...ей пришлось...я не успокаивалась и ей пришлось...а если бы я сидела дома...Я во всем виновата. Лучше бы это была я...

Больше нет сил что-то говорить, а точнее закончился воздух. Меня трясет, слезы катятся так быстро, что я не успеваю их вытирать ледяными пальцами. Истерика забирает способность дышать, и все, что мне удастся, хрипеть. Алекс берет мое лицо в ладони почти бережно, а потом вдруг крепко обнимает, буквально вжимая в свою грудь.

— Успокойся, хорошо? Просто дыши. Ды-ши.

Я пытаюсь подчиниться по привычке, но все расплывается, а меня будто и вовсе утягивает в какую-то зияющую дыру...

Сейчас

Последнее, что я помню, как начинаю трепыхаться и рыдать прямо в голос, а потом пустота.

«Твою. Мать...»

Выругиваюсь смачнее следом, а потом вздрагиваю. Моей лопатки касаются горячие губы, а за реакцию получаю хриплый смех.

— И ты еще будешь спрашивать почему ты котенок?

— Скорее спрошу почему я голая?

— Я тебя раздел.

«Спасибо, кэн!»

— Зачем? — не отступаю, вызывая очередной смешок.

— Потому что не смог устоять?

— То есть ты воспользовался моим положением?

— А ты не помнишь? В следующий раз не мешай коньяк с шампанским, милая.

— Спасибо за совет, учту.

— Пользуйся.

Алекс проводит губами по коже, вызывая бурную стаю мурашек, а сам притягивает к себе ближе, лишая меня способности думать. Рядом с ним мне вообще всегда сложно думать, особенно когда я нахожусь в этой постели, а от него пахнет...им.

«Твою. Мать!!!»

— Мне надо в душ!

Ловко и быстро для своего бедственного положения я вскакиваю с кровати, утягивая за собой одеяло. Алекс никак не комментирует, но я знаю, даже не глядя на него, что он улыбается.

«Нет, не стану смотреть! Я слишком уязвима, потому что, кажется, еще пьяна...»

Четко обозначив себе свои позиции, я иду не оборачиваясь к двери, а когда открываю ее, аккуратно высовываю нос. Не знаю сколько времени, но, кажется, еще совсем рано, а в квартире стоит глухая тишина, и это не может не радовать. Объясняться с Кристиной и стоять под ухмылкой Арая, как под прожектором, мне сейчас ну вообще не упало, вот только...

— А где моя одежда? — шепчу, все таки бросив короткий взгляд на Алекса, который

так и лежит на кровати лицом там, где я только что сидела.

И черт. Ну вот как чувствовала, нельзя на него смотреть! Он такой милый — загляденье. Улыбается так тепло, изучает меня, но молчит, а когда я дергаю головой, нервничая и как бы намекая на «хочу-получить-ответ-сейчас-а-не-играть-в-глядделки», он смеется.

«Дебильный смех! Дебильный Алекс! Дебильный секс!!!»

— Ну?!

— Не нервничай так, котенок, весь дом перебудуешь своими криками.

— Ты ответишь на мой вопрос или будешь раздавать советы?!

— Она была мокрая.

— И это по-твоему ответ?!

— Другого у меня нет.

«Мудак!!!»

Я знаю, что он специально. Издевается надо мной, а может чего еще задумал?!

«К нему точно подходить не буду, слишком уж игривое у него настроение! Не к добру это!» — и тогда я осматриваюсь.

Сразу нахожу спасение в виде его футболки у телика, к которой подхожу, по-хозяйски беру и, отвернувшись, быстренько расправляю, ловя в спину очередной смешок.

— Это моя футболка.

— Моя честь стоит дороже.

— Твоя честь осталась при тебе. Сегодня ночью точно.

— Заткнись, а...

Бормочу под нос, заканчивая переодевания "на бис", скидываю одеяло и снова иду к двери на полу-пальчиках. В квартире все еще тихо, и это сродни манне небесной — все, кажется, налаживается. Да и я могу вдохнуть свободно, закрыв за собой дверь в территорию Х.

Душ мне действительно просто необходим. Волосы все какие-то сосульчатые, неприятные — так бывает если неудачно заснуть с невысушенной головой, и я вспоминаю, что вчера действительно круто так промокла.

«Дождь же шел, даже ливень, надеюсь, что не заболею...»

Делаю воду погорячее, упираясь в стену руками, встаю под безжалостные капли. Недавно мы поменяли обычную лейку на новомодный «тропический душ» — и это было просто сказочно прекрасное событие. Вообще это сделал Алекс. Он такое любит, а я такое видела только на картинках. Пока мама была «жива» мы часто ездили в Европу, да и с деньгами у нас проблем никогда не было, так как мой отец не бедный человек, да и сама мама имела неплохое состояние, но тогда таких леек отродясь не было. Нет, может они и были, но точно не занимали место в топе, а может просто их не было в тех гостиницах, где мы останавливались? Это уже вопрос риторический.

Провожу рукой по шее. Я дико напряжена не только из-за того, что устроила вчера, но и...

«Боже, о чем я думаю...»

Да о том самом.

Его губы оставили на мне много огненных следов, а сегодняшний утренний будто активизировал их все разом! Это вообще ненормально! Я как наркоманка, которая только-только завязала, а потом с дуру вляпалась в очередную компанию с уклоном, но сбежала в самый сладкий момент. Теперь жалею. Я ведь действительно жалею, что не осталась с ним, и до слез обидно...

Дверь открывается, и понимаю я это лишь по внезапному холодку по ногам, поэтому быстро стираю эти самые слезы и смотрю в сторону.

— Крис? Это ты?

— Почти.

Снова таращусь, но головная боль утекла вместе с вчерашним позором в слив, и теперь здесь только я. И он. Алекс издает смешок, а потом берет что-то с полки, буднично добавляя:

— Не волнуйся, котенок. Я уже много раз видел тебя голой. Кстати, ты знала, что в ванной есть защелка?

Конечно я это знала, козел! Просто однажды я застряла в этой самой ванне из-за этой самой защелки, и ее так никто и не починил, хотя здесь живут уже почти год двое здоровых мужиков. Похоже они об инструментах только в теории слышали...

— Или ты специально? — уже тише парирует сам себе, на что я показываю ему средний палец, но продолжаю молчать, а он улыбаться, — Тут так освещение расположено, что тень видно с обратной стороны, знаешь об этом?

— И?

— Аккуратней с жестикуляцией, котенок. Я еще не забыл три твоих вчерашний страйка.

— Тогда добавь еще один! — повторяю жест и уже громче возмущаюсь, — Какого хрена ты вообще приперся?! Выйди!

В ответ мне прилетело молчаливое «тоже самое». Конечно тени я не видела, зато видела очертания его лапищи, которую он прижал к хлопенькой шторке, а потом включил электрическую щетку, как бы говоря: разговор окончен.

Ну и хрен с ним!

Я закатываю глаза и выдавливаю гель на свою мочалку-медвежонка, а когда уже собираюсь смывать, он заканчивает и свои процедуры. Тут то я и радуюсь: наконец-то свалит, а я смогу спокойно...кхм, продолжить, но вместо этого слышу, как срабатывает защелка. Застываю. Обдумываю, а потом выпаливаю, как на духу:

— Ты закрыл дверь?!

— Именно так, котенок.

— Зачем?!

— Решил показать, как это делается.

— Очень смешно. Выйди наконец и...

Но я не успеваю договорить, так как шторка резко отъезжает, и это настолько неожиданно, что я взвизгиваю, неудачно отступаю, поскользываюсь и съезжаю по стенке. Вся эта мизансцена вызывает единственную, наверно, разумную реакцию — смех. Алекс ржет, откинув голову назад, а сам стоит полностью готовый к тому, о чем я мечтала еще каких-то пятнадцать минут назад.

«Твою. Мать!!!»

Мне не хватает духу возмутиться, вместо того, я тупо пялюсь на его член, хлопаю глазами, а он только рад! Весь из себя горделивый, облизанный моим же взглядом и с

самооценкой уровня Бог, Алекс переступает бортик ванной, а потом протягивает мне руку так, будто ничего такого не происходит. И это бесит! Я наконец прихожу в себя, смотрю на него волком, но в ответ получаю привычное закатывание глаз, после которого следует такое же привычное «будет так, как я хочу». Алекс берет меня под руку и тянет, чтобы я встала, а когда это происходит...делает кое что неожиданное. Он осматривает меня на предмет ушибов, за чем я наблюдаю чуть не с упавшей на дно ванны челюстью. Это действительно очень неожиданно — он будто за меня...волнуется?! Опять что ли глючит?!

Но вместо едкого комментария, из меня идет другой...ответный.

— Было очень больно? — указываю глазами на синяк, и он усмехается, упирает руку в стену, вынуждая и меня к ней припасть, и лишь после этого шепчет.

— Ты за меня волнуешься, котенок?

— Понятно. Не хочешь, не отвечай, мне то...

— Прилично, — перебивает, не отводя своих серых глаз от моих, — Но это не самое страшное, что со мной случилось.

Мы молчим, пока капли безжалостно бьют сверху. Забавно получается, что он невольно закрывает меня от них, принимая на себя весь удар, а я вижу в этом какой-то символизм... будто он делает это намерено. И это подкупает, черт возьми, но лишь на миг. Я одергиваю себя, складываю руки на груди и хмурюсь:

— Какого хрена ты творишь?

— То, что хочу.

Больше говорить он не собирается. Алекс по-хозяйски кладет руку мне на щеку и притягивает к себе, впиваясь горячим, страстным поцелуем. Так получается, что каждый раз, когда он меня целует — я чувствую тоже самое, что чувствовала в первый раз. Целая буря эмоций, которая распаляет меня быстрее, чем если облить что-то керосином, и я себя больше не контролирую. Меня как нарываёт гормональная волна, которая отделяет разум толстым стеклом, в которое сколько не бейся — не пробьешь.

Я хочу его.

Я так сильно его хочу, что меня изнутри разрывает. Я просто физически не могу оттолкнуть Алекса, который это прекрасно знает. Он прижимается ко мне всем телом, вдавливая в стену сильнее, а его эрекция настолько сильная, что, как бы смешно не звучало, точно оставит мне синяк. Но мне плевать. Я прикусываю его губу сильно, потому что злюсь, а он принимает это, подыгрывает, кусая в ответ. Мне не больно, это настолько приятно, что у меня подгибаются коленки, и я обязательно снова прочесала бы холодное дно задницей, если бы его сильные руки не подхватили бы вовремя.

Он всегда подхватывает. Я не боюсь упасть рядом с ним, а одновременно с этим боюсь. Это так странно, логике вообще не поддается — нам очевидно сложно общаться, но что касается секса, все настолько классно будто у нас один мозг на двоих. Иными словами в постеле я доверяю ему полностью, а в жизни не доверяю совсем. После Верочки мне сложно не ждать от него ножа в спину...

А воспоминания то имеют свойства отрезвлять. Я чувствую, как он упирается в меня, и так хочу ощутить его полностью, но все равно даю заднюю. Отстраняюсь, задыхаясь, смотрю пьяно в его пьяные и, сбиваясь с ритма нормальной речи, выдыхаю.

— Подожди...подожди, стой...

— Замолчи.

— Алекс, это неправильно, стой...

— Амелия, — твердо взяв меня за подбородок, он велит коротко, — Замолчи.

И я замолкаю.

А через миг все мое тело пронзает знакомая до боли наполненность, смешанная из щепотки боли и безграничного наслаждения.

Алекс буквально рычит мне в висок, будто сам соскучился именно по мне, и эта мысль сносит все грани разумного. Я впиваюсь ему в спину ногтями, издаю стон, выгибаю спину, чтобы быть ближе. Хочу чувствовать его глубже, и Алекс читает это желание, будто оно написано печатным шрифтом у меня на лбу. Целует меня. Боже, как он целует меня... Не сдерживаясь, страстно, сильно, всепоглощающе. Он двигает бедрами быстро, а потом вдруг медленно, и я рассыпаюсь на молекулы, как мой самый любимый, новогодний салют. Есть ведь много их видов, а мне всегда больше всех нравился тот, что летит кометой, взрывается и опадает тысячами прекрасных огоньков.

Каждый из этих огоньков — это я. Каждая комета — это я. Каждый взрыв — это я. В его руках все — это я.

— Сильнее... — выдыхаю еле слышное, но он меня слышит.

Алекс входит в меня сильнее, рычит, сжимая в своих объятиях, стонет, и мне так хорошо... Клянусь, каждое мгновение, что он во мне — правильное. Оно лучшее. Плевать, что будет потом, просто я знаю, что так хорошо мне не будет больше не с кем. Возможно это моя наивность говорит, моя неопытность, а все равно это стойкое чувство «только-с-ним» не покидает ни на секунду.

Такое бывает только раз в жизни.

Это страшно, но, кажется, Алекс — мое «раз в жизни».

— Ты сделал это без защиты...

Когда я наконец могу говорить, сидя на дне ванной сверху и утыкаясь в его плечо, я говорю. Алекс, откинувшийся на стену с закрытыми глазами, только улыбается. Я это кожей чувствую, хотя снова не вижу его лица, зато могу убедиться в том, как хорошо я его знаю. И я убеждаюсь. Нехотя отстраняясь, смотрю на эту наглую, довольную рожу и цыкаю, слегка щипая за руку.

— Издеваешься?!

— Я не кончал в тебя, успокойся.

— Но мог бы!

— Мог бы, но не кончил, — наконец он открывает глаза, кладет руки мне на бедра и двигает ближе к себе, — Не порти момент, котенок.

— Этого вообще не должно было повториться.

— И повторилось.

— В последний раз.

— А-га...

Я открываю рот, чтобы поставить его и это его «а-га» на место, но тут в дверь стучат. Рефлекторно я закрываюсь руками и испуганно оборачиваюсь, что веселит моего личного Чеширского кота. Об этом я быстро забываю, когда слышу Крис с той стороны двери:

— Амелия? Ты там?

— Да-а... — неловко протягиваю, краснея, Алекс же никак не может угомониться.

Он снова издает смешок, но на этот раз я зажимаю ему рот ладонью и добавляю.

— Ты что-то хотела?

— Эм...тут такое дело...К тебе пришли.

«Что?!»

— ...Мужчина.

«Опять что ли?!»

— Говорит, что вы...эм... знакомы, но...

— Рыбка моя!

О, этот громовой бас я узнаю из тысячи. Обреченно выдохнув, опускаю голову и также обреченно мотаю головой, а говорящий продолжает.

— Вылезай, это не поможет! Я купил кефир, буду делать антипохмельные оладья по семейному рецепту! Давай, мой маленький цветочек, не заставляй меня долго ждать! А то...

— Сейчас иду! — злобно рявкаю от раздражения ко всем этим «сопливостям», получаю смех и вновь закатываю глаза.

Но расслабляюсь. Шаги нашего «гостя» уводят его на кухню, и я могу убрать руку, коротко бросив взгляд на Алекса. Тот приподнял брови, ожидая объяснения, но я лишь коротко мотаю головой.

— Без комментариев.

— Что так, мой маленький цветочек?

Слегка пинаю его, но больше не смотрю, вместо того вылезая и заворачиваюсь в полотенце. Алекс собирается проделать тоже самое, и тут то я фокусируюсь на нем, уперев ладони в широкую грудь.

— Пожалуйста, только не сейчас.

— В смысле? — усмехается, но у самого глаза вспыхивают, и я, опасливо взглянув себе за спину, придвигаюсь ближе и шепчу.

— Пожалуйста, побудь тут. Выйдешь минут через двадцать после меня.

— С чего вдруг?

— Потому что я тебя прошу.

Алекс щурится, ему не нравится происходящее, и он дает это понять, складывая руки на груди и смотря на меня прямо и бескомпромиссно. Я понимаю без слов, он не станет делать так, как я прошу, из принципа, и тогда мне ничего не остается, как пояснить.

— Он воспитал меня, и если узнает о тебе и о том, что нас связывает...Я не хочу его разочаровывать, понимаешь?

— Очень приятно, милая, — цедит сквозь зубы, правда я не оцениваю жест.

Наклонив голову на бок, смотрю на него пару мгновений, после которых говорю чистую правду.

— Я не хочу, чтобы человек, который меня воспитал знал, что я — шлюха. Можно оставить эту жемчужину между нами?!

— По-твоему ты шлюха? Так ты это видишь?

— А как мне это видеть? Трахаюсь с тобой по щелчку пальцев, как дешевка. Оставим эту информацию для жителей этой квартиры! Хотя бы раз можно все будет не так "как хочешь ты"?!

Больше не вижу смысла говорить о чем-то и выхожу. Я его все равно не смогу заставить, мне остается лишь надеяться на что-то человеческое в нем самом.

Глава 14. Оладушки по-семейному рецепту. Амелия

17; Июнь

Выйти из комнаты я решаюсь далеко не сразу. Сначала я высушила волосы, потом немного замазала тоналкой мешки под глазами, чтобы не выглядеть совсем уж алкашиной, и...мне пришлось здорово повозиться со свежим засосом на шее, да и с несвежим тоже... Алекс большой любитель оставлять метки, будь он неладен...Сейчас же мне остается только гадать, как все было, и надеяться, что все было, как я просила, потому что когда я переступаю порог кухни — все уже в сборе.

Как и гость, собственной персоной.

Хан похож на огромного медведя. Крупный мужик с широкими плечами и огромными руками, и если такое сочетание в случае того же Александровского играло ему на руку, в случае Хана такого ждать не приходилось — это заставляло мечтать о дистанции так сильно, как не мечтаешь о подарке под елку, когда тебе семь. Его внешность вообще всегда была настолько отталкивающая, что пугала до чертиков даже матерых, сильных физически людей. Обычно одного его взгляда хватало, чтобы уgomонить любого, и сейчас он не потерял сноровки. Арай, Крис и даже Алекс напряжены до предела, смотрят ему в спину почти не мигая, но правда в том, что они, да и любой другой, кто реагирует на Хана вот так, его совсем не знают. Тут сразу вспоминается поговорка о том, как внешность бывает обманчива, ведь Хан — самый добрый человек, которого я когда-либо встречала.

Вообще, он часто шутил, что является человеком сразу трех стран: его отец — монгол, мама — корейка, а встретились они в Китае. Это была красивая история любви, которая прошла много препятствий на своем пути, а в результате подарила миру Хана. Говорят, что если ребенок рождается от истинной, большой любви, то он будет самым красивым и счастливым, так как Бог дарит им часть своей души. Я вообще не склонна верить в сентиментальные поверья, но очень сложно закрывать глаза, когда ты видишь живое тому доказательство. Насчет первого, конечно, это сразу нет, и это вполне очевидно. У него не было какого-то уродства, лицо типично монгольское: крупный овал, высокие скулы, маленькие, черные глаза и карикатурная борода. Почти ничего особенного, человек, как человек, если бы не одно огромное «но»: шрамы. Один находился у левого виска и имел вид полукруга. Второй и третий с той же стороны на скуле, похожие на два скрестившихся меча. А вот четвертый и самый страшный на правом глазу, пересекая кустистую бровь и доходя почти до линии челюсти. Были и еще, он вообще представлял собой одну сплошную рану, но этот являлся самым пугающим и отталкивающим. Для тех, кто не знал откуда он взялся... Как человек с большой, светлой душой, Хан никогда не мог пройти мимо того, кому нужна была помощь. Большую половину отметин на своем теле он получил как раз помогая кому-то, а не наоборот, и тот случай не стал исключением.

Хану было всего восемнадцать. Он мечтал служить в армии, тогда это было престижно и вообще для него являлось чем-то вроде «долга чести» — его отец тоже был военным, и пойти по его стопам для Хана означало «проявить уважение». Дело было летом, как раз после окончания школы и как раз после прохождения медкомиссии. Хан возвращался домой поздно, праздновал с друзьями успешное зачисление в военное училище, и услышал тихий тихий скулеж и какую-то возню у гаражей. Естественно пройти мимо он не смог, повернул туда, а там девушка и какой-то мужик неприятного вида. Все сразу стало очевидно по

порванному платью, так что Хан, недолго думая, ринулся на спасение дамы, попавшей в беду, а у мужика нож — им он и прошелся по его лицу. Хан чудом не ослеп, хотя глаз все равно немного пострадал, поэтому о карьере в высших, воинских чинах можно было забыть. Но знаете? Его это не сломило. Конечно, он очень сильно переживал, а через год окреп и все-таки пошел в армию. По обычному призыву, да, но он сделал это, а там познакомился с моим отцом. Хан всегда говорит, что этот случай считает переломным в своей жизни и переломным в хорошем смысле. Он не жалеет. Не только из-за моего отца, но и из-за девушки — она то стала в последствии его женой, у них даже есть ребенок. Девочка. Потом, конечно, семья распалась в основном из-за службы Хана, но они не расстались врагами, а напротив остались в теплых, дружеских отношениях. Такие же отношения у него с его дочерью Ксюшей.

«Не о чем жалеть!» — как то сказал он, — «У меня есть две семьи. Одна поменьше, другая побольше, а еще дом и работа. Я счастлив, Амелия...»

Когда он наконец оборачивается, отвлекаясь от плиты, и я счастлива тоже. Глядя на его лицо я не вижу шрамов или какого-то уродства, я вижу безграничную нежность, тепло и доброту, и не могу сдержаться. Меня срывает с места, а через миг я уже в его объятиях, как в коконе. От него пахнет пихтой и апельсинами, и я вдыхаю этот запах, утыкаясь в солнечное сплетение, куда кое как достаю из-за нашей огромной разницы в росте.

Я дома. Второй раз за сутки — я дома.

Хан любит пошутить. Он прекрасно знает, как люди реагируют на его внешность, и любит их подразнить, чем занимается прямо сейчас. На кухне царит атмосфера напряжения и безнадеги: трое из нас сбились в кучку и смотрят волком на Хана. Тот отвечает им тем же, а я молчу. Это достаточно забавное зрелище, если честно, они же реально видят в нем угрозу, не говорят ни слова, а словно ждут момента, когда этот странный завтрак обернется чем-то из ряда вон.

Наконец я решаю, что хватит, наверно, пугать моих друзей, а Хан получил все, что хотел, и выдыхаю.

— Пожалуйста, прекрати.

— О чем ты, мой маленький цветочек? — невинно хлопает глазами, на что тут же получает усталый взгляд.

— Ты знаешь о чем я, Хан. Прекрати их пугать.

Тут же раздается громкий фырк Алекса, который и к оладушкам то не притронулся, а за ним громкий, раскатистый смех Хана. Я не обращаю внимание ни на первого, ни на второго, поворачиваюсь на Крис и говорю:

— Тебе нечего бояться. Хан никому не причинит вреда.

Двигаю ей ближе тарелку с оладушками, гипнотизируя взглядом. Я пытаюсь ее убедить, и у меня выходит: Крис верит мне, слабо кивает и уже тянется к еде, но Арай перехватывает ее руку и, наверно, впервые серьезно парирует.

— Он не выглядит как человек, который «не причинит вреда». Кто это?

Мне не нравится пренебрежение, с которым он обращается с моим любимым человеком, и яне скрываю недовольство. Улыбка с моих губ пропадает, я слегка щурюсь,

вкручивая в парня подруги свой взгляд, но тот не уступает. Отвечает тем же, потому что не доверяет мне. Наверно только вчера все выглядело очень забавно, а сегодня, когда завеса тайны немного приподнялась, внезапно происходящее перестало веселить. Но я не собираюсь вестись и утешать, я им не мамочка, да и меня реально бесит это отношение. Как рогом уперлась и не сдвинуть, так всегда Хан и говорил о моем упрямстве и излишней горделивости.

Он и прерывает гляделки, слегка сжимая мою руку в своей.

О Амелия, и кому еще нужно прекратить? — еще миг и я все же перевожу внимание на него, но не смягчаюсь от его доброй улыбки, а напротив распляюсь сильнее.

«Никто не смеет обижать его!» — по-детски бастую внутри, — «Он этого не заслужил!»

А Хан будто читает мои мысли и слегка дергает головой в отрицании, мол, ты знаешь, что все всегда одинаково, я привык. И меня окончательно взрывает. Я резко смотрю на Арая и четко, холодно отрезаю.

— Он мой дядя.

Тот явно не готов к такой правде, дергает головой в непонимании, ну а Хан снова влезает, посмеиваясь.

— Ну я не совсем ее дядя. Амелия, мне не нужен защитник, — похлопав по руке еще раз, он убирает свою и снова принимается за оладья, бросив на меня хитрый взгляд, — Даже такой самоотверженный. Успокойся.

— Он ведет себя неуважительно, — парирую, не обращая внимания на Арая, — Не собираюсь успокаиваться при таком раскладе.

— Он ведет себя *обычно*.

Теперь я фыркаю и резко отодвигаюсь от стола, уставившись в окно. Это снова веселит моего «дядю», и тот поясняет уже для остальных.

— Я не ее дядя, а лучший друг ее отца. Не обращайте внимания на ее укусы, она всегда так реагирует, если видит несправедливость. Это у нее как раз от него.

— Да боже ты мой!

Мой всплеск не имеет ровным счетом никакого значения. Точнее как, он имеет конечно, но совершенно не то, что я бы хотела увидеть в результате — Хан опять смеется, а еще шепотом добавляет.

— Она не любит, когда их сравнивают.

Окатываю его злостью, но тот лишь улыбается, утыкаясь в тарелку с горой оладьей, втянув губы внутрь, а Алекс неожиданно влезает.

— Она сказала, что ты ее вырастил.

Я резко краснею. Не могу это контролировать, мне кажется, что каждая его реплика, каждый его взгляд — это тихое подтверждение нашей связи, которую кто угодно может и не заметит, а вот Хан... Он знает меня, как облупленную, и скрыть от него что-то не так то просто, но, кажется, у меня получается. Я украдкой поглядываю в его сторону и не вижу никаких изменений, разве что он дольше обычного разглядывает Алекса. На каких-то пару мгновений, которых мне хватает покраснеть еще больше, но слава богу за этим ничего больше не следует. Хан спокойно отвечает, даже не обратив на меня внимания.

— Так и есть, я отвечал за детей. Ирис очень много работала.

— За детей?

— Да, Кристина. За нее и за ее брата. Потом к этому списку добавилась Лилиана...

— Стоп. За кого?! За брата?!

«О. Боже!..»

Я издаю писк, наконец зарабатывая себе в копилку непонимающий взгляд Хана. Кристина хлопает глазами, и я чувствую, что и ее взгляд, и взгляд Арая я могу добавить туда же. Короче всех, за исключением Алекса конечно же, который в свою очередь тихо усмехается. Козел...

А мне нужно объясниться...

— Помнишь того парня, который приперся на мое день рождение?

— Ну...такое сложно забыть.

— Это мой старший брат.

— Чего?!

— Я думал, что это твой бывший.

Парочка выдает одновременные две реплики, и я теряюсь. Смотрю испуганно сначала на Крис, потом на Арая, и только Хан своим смешком отвлекает, перетягивая одеяло на себя. Слава богу.

— Он не мой бывший, а мой родной брат. Старше меня на пять лет, и у нас непростые отношения. Хан — моя Мери Поппинс.

Все это я выпаливаю, как на духу и глядя на «мою Мери Поппинс», а ты улыбается во всю. Фыркаю, складываю руки на груди и, пересекая все возможные, дальнейшие вопросы, перевожу тему.

— Я думала, что приедет Лев.

— Он и приехал. У него сейчас кое какие дела, а я хотел побыстрее увидеть тебя.

— Очень трогательно.

— Прекрати кипеть, Амелия, ты же сама все это устроила.

— Это Лиля занимается обзвоном и...

— Обзвоном она, может, и занимается, но причину *ты* создала, так что не злись без повода.

— Я ничего не делала.

— Тебе запрещено быть с Петей наедине, ты это знаешь, — обрубает меня, хитро зыряка, — Я всегда учил тебя нести ответственность за то, что ты делаешь. Неужели все мои уроки прошли в пустую?

Меня злит эта попытка «пожурить», потому что я, твою мать, не согласна! Во-первых, я действительно ничего такого не обещала, а во-вторых, у меня разве был выбор?! Фыркаю, складываю руки на груди и снова смотрю в окно, сквозь зубы парирую.

— Я несу ответственность и ни от чего не отказываюсь.

— Вот и славно. Ну что? — обращается к присутствующим, — Расскажите хоть немного о себе. Мне очень интересно с кем живет мой маленький цветочек. Сильно вас достает?

Я закатываю глаза, отгибаясь на спинку кресла — «*Понятно. Сейчас пойдут потрясающие рассказы из детства...*»

Вечер перестал быть томным, когда кухня взрывается очередным общим смехом. Всего одна история и Хан перестал быть для них «сомнительным» субъектом, и мне было известно

заранее, что так и будет. У него просто бешенная харизма и обаяние, к тому же каждый, кто поговорит с ним хотя бы немного, понимает — он действительно добрейший человек из всех.

И сейчас этот добрейший человек только и делает, что вгоняет меня в краску. Я сначала пыталась обороняться, выпускала колючки, но он так умело отбивал каждую мою шпильку, что мне и не остается ничего, кроме как смириться, иногда фыркать и продолжать закатывать глаза.

«Я в аду...» — то и дело думаю, когда в очередной раз он рассказывает обо мне то, что я так тщательно скрывала — мою неумную любовь к мести и коварству.

— Ох Элай от нее натерпелся, конечно... — мотает головой, — Она его приклеивала к чему-нибудь стабильно несколько раз в неделю.

— Типа к стулу? — спрашивает Арай, бросая на меня веселый взгляд, от которого хочется выставить средний палец.

— Да ко всему! Но начинала она именно со стульев. Потом в ход пошли предметы обихода...

— Он сам виноват, — мямлю, ковыряя край стола, в ответ получая энергичные кивки.

— Ну да, ну да. Он тебя спровоцировал. И когда...

«Ну нет, я этого больше не выдержу!»

Отбрасываю в сторону приличия, резко поднимаю взгляд на Хана и выпаливаю вопрос, как из огромной, корабельной пушки.

— Сколько детей у Александровского?

— А ты все никак не угомонишься, да? — усмехается Хан, на что я только хмурюсь.

— Ответ, вопрос несложный.

— Шесть. У Пети шестеро детей.

— В смысле шесть?! — восклицаю, вскинув и ударив руками о стол, — То есть у него с Марией действительно было четверо детей?! И как их зовут?!

— Миша с Мариночкой, Максимка и Матвей.

Я аж задыхаюсь!

«То есть как Матвей?! Он действительно существует?!»

Хан не понимает, что вызывало во мне такую бурную реакцию, непонимающе смотрит, недоумевающе улыбается и наконец спрашивает.

— Я прошел проверку?

— Матвей существует?!

— Естественно он существует. Что за глупый вопрос?

— О нем ничего неизвестно.

— О-о-о... — со смешком протягивает Хан, откинувшись на спинку кресла и кивая, — Не об одном парне Пети ничего неизвестно, ты не удивила меня. Возможно...

— Нет, ты не понял! О нем действительно ничего неизвестно. Об остальных все постоянно трепятся, но о нем...

Хан с каждым моим словом смурнеет все сильнее и сильнее, потом смотрит в окно, хмурит брови, а я вдруг тихо спрашиваю то, что меня очень волнует.

— Он мог убить своего сына?

— Ты с ума сошла?! — фыркает, а потом снисходительно поджимает губы, будто я неразумный ребенок, что меня, естественно бесит.

— Не смотри на меня так!

— Ты его ненавидишь, но не впадай совсем в маразм, Амелия. Петя любит своих детей. Особенно детей от Марии.

Вздыхает и снова отворачивается к окну, словно погружаясь в прошлое, а я ловлю момент.

— Какой она была?

— Кто? — пару раз моргает и смотрит снова на меня, а я пожимаю плечами.

— Мария. Какой она была?

— Зачем ты спрашиваешь?

— О боже, прекрати искать везде двойное дно! Я не антихрист! — обиженно возникаю, вызывая у Хана улыбку, — Мне просто интересно!

Пару мгновений он медлит, словно взвешивая все «за» и «против», но потом сдается. С его лица уходит все негативное, оставляя место лишь светлой печали...

— Мария была великолепна.

— Настя как-то обмолвилась, что многие считали ее холодной.

— А ты холодная?

— А я здесь при чем?

— Потому что вы похожи, Амелия, — вот тут я немного словила шок, нахмурившись, а Хан лишь слегка пожал плечами, — У нее была такая странная привычка — она любила строить вокруг себя стены. Лишь немногие, кому удалось добиться ее доверия, могли за нее заглянуть, чтобы найти внутри невероятно добрую, мягкую женщину, с большим сердцем и умением сочувствовать. Она всегда была готова помочь, а если не нужна помощь, то хотя бы поговорить. С ней было интересно, и она была невероятно красива, статна и изящна.

— Ты о ней говоришь с большой теплотой... — подмечаю очевидное, за что тут же отвечаю себе ментальный «фейспалм» за глупость, но Хан так не считает.

Он мягко улыбается и кивает, и из меня тут же рвется...

— Ты был в нее...влюблен?

— Нет конечно! — отчетливо фыркает и теперь смотрит на меня именно так, как я ожидала — как на дуру, — Мария была моим хорошим другом!

— Я просто...ээ...

— Балда. Если на секунду и забыть тот факт, что я тогда был женат сам, будь я в нее влюблен, кончил бы плохо. Петя ее обожал, и это было чревато.

— Хочешь сказать, что он ее любил? — теперь усмехаюсь я, но в ответ получаю серьезный кивок.

— Он ее не просто любил, он по ней с ума сходил.

— У них был договорной брак, и это мне известно.

— Понимаю к чему ты клонишь, но это ничего не меняет. Да, они поженились из-за их родителей, но в момент, когда он ее впервые увидел, все уже изменилось.

— Как это?

— А так это. Петя тоже поначалу был настроен скептически, но у нее был очень мощный отец со связями, вот он и посчитал, что ничего не теряет. Приехал ни на что особо не рассчитывая, а как только увидел ее, все перевернулось с ног на голову.

— Это называется «захотел».

— Правильно, мой маленький цветочек, и его никто не осудит. Она ведь действительно была очень красива, но вместе с тем у нее была красивая душа, интересные мысли и хорошее чувство юмора. Когда они женились — он ее уже любил.

— И изменял?

С лица Хана сошла улыбка, в который раз он взглянул в окно, будто тема ему совсем неприятна, но все равно кивнул.

— Изменял. Петя хотел много детей, но первые роды у Марии прошли с осложнениями. Такое иногда случается, особенно если рождаются близнецы, и особенно, если ты их не ждешь. У нее было диагностировано бесплодие.

— И тогда...

— ...У них начались проблемы. Петя постоянно психовал, а как отдушину использовал других женщин.

— Вместо того, чтобы поговорить?

— Да, — просто признается он, пожав плечами, — Так иногда случается.

— Хороша любовь.

— Я не говорю, что он был прав. Петя допустил много ошибок, из-за которых на Марию сыпалось много трудностей. Она этого всего не заслуживала, но это не значит, что он ее не любил. Я бы даже сказал, что она — единственная женщина, которую он по-настоящему любил.

— А Настя?

— Пф, — отмахивается, фыркая, — Она для него просто удобный вариант, Амелия, но он никогда не любил и не будет любить ее.

— Она просто очередная заложница...

Задумчиво протягиваю, ковыряя край стола, и вдруг издаю смешок. Хан выжидающе смотрит на меня, чувствую эту теплоту от его взгляда, и поднимаю свой.

— Говоришь любил?

— Совершенно точно.

— Тогда что это такое?

Мои ладони уже жжет белый прямоугольник, который я взяла из комнаты еще до того, как сегодня выйти на кухню. Стоит мне положить карточку на стол и придвинуть ее Хану, а ему ее открыть, он замирает. Это очень красноречиво выглядит, пусть тишина и не нарушается речью, мне достаточно и того, что я вижу.

Хан злится. Я полезла не туда, куда меня звали, и теперь все на поверхности. Не спрячешь, не задрапируешь, не скроешь — все отпечатано на карточке, которую он получил от меня. Там, улыбаясь тепло и искренне, снимок моей мамы и Александровского старшего в беседке нашего дома.

— Откуда это у тебя?

— Залезла к нему в дом и украла из его кабинета. И у меня тут возникло парочка вопросов.

Хан молчит, а я ухмыляюсь, пристально глядя ему в глаза. Мне очень важно не упустить ни одну эмоцию, потому что, то о чем я хочу спросить, бесконечно важно.

Мне нужна правда.

— Лиля — это же лишь ее замещение, да? Александровский так повернут, потому что она похожа на нее в юности, как две капли воды?

«Молчит, значит да...» — ухмыляюсь шире.

— А мне нельзя контактировать с ним, потому что я — ее дочь? Вы этого боялись? Что он меня... соблазнит?

От последнего слова аж передергивает, и его я вообще еле произношу. Мне неприятно

сама идея того факта, что я могла бы с ним спать — это мерзко. Но Хан снова молчит и из-за этого мне становится только гаже. Я прищуриваюсь и уже тихо, серьезно задаю последний вопрос.

— Это Александровский убил моего отца?

Снова тишина, которая меня бесит. Ноздри раздуваются, кулаки сжимаются, а дыхание сбивается — я реально начинаю выходить из себя, смотря на Хана исподлобья, но вдруг он отрицательно, коротко мотает головой.

— Нет, это был не он.

— Ты врешь.

— Нет, Амелия, не вру. Александровский никогда не мог соревноваться с твоим отцом на равных. Он всегда ему проигрывал, потому что твой отец всегда был на шаг впереди.

Это могло бы и быть правдой, на самом деле. О моем отце действительно ходили легенды, так что я вполне такое допускаю. Но как насчет остального? И Хан, будто читая мои мысли, подтверждает догадки.

— Лиля действительно является для Пети скорее закрытым гештальтом. Он ее не любит.

— Я знаю. Между мамой и этим чертом было что-то?

— Нет! — зло выкрикивает, зыряка глазами, — Ты с ума сошла, ребенок?!

— Вскрываются тайны, о которых я ни сном, ни духом! И что мне прикажешь думать?!

— Эта информация тебе никак не помогла бы. Зачем о ней говорить?

— Потому что это важно! Он был влюблен в мою маму, а...

— Я уже говорил тебе, что Петя искал отдушину!

— И как в список его отдушин попала моя мама?!

— Легко и просто, — отрезает он, но мне этого недостаточно.

Теперь я смотрю на него еще пристальней, даже немного придвинулась вперед, и через почти минуту гляделок Хан сдается. Вздыхает, смотрит в потолок, словно беззвучно молится, а потом кивает каким-то своим мыслям и снова переводит внимание на меня.

— Хорошо. Хочешь правду? Получай. Как я уже сказал, у Пети и Марии были проблемы, и рождение Макса ничего не изменило. С каждым годом им становилось все сложнее и сложнее быть вместе: Петя косячил, вытворяя все, что ему в башку взбредет, Мария отдалялась. В тот год, когда это началось, у твоих родителей как раз родился Элай, и Александровские приехали к ним в гости. Видимо у Петра что-то в голове сработало, он и раньше заглядывался на Ирис, а в этот раз все выходило за все рамки. Возможно его цепляло, что у них с Марией все идет по одному, известному месту, я не знаю, но в тот год он начал проявлять Ирис знаки внимания. Ей это не понравилось, и она все рассказала твоему отцу. После этого все контакты были прерваны — все.

— Почему мне кажется, что это далеко не все?

— Потому что тебе так, наверно, хочется, но простое объяснение чаще всего самое верное.

— Бритва Оккама? Спасибо за пояснение.

— Чего ты хочешь от меня?!

— Правды!

— Я уже сказал тебе правду!

— Если она была для него отдушиной, то почему он столько лет хранил ее фотку в своем ящике стола?!

— Ирис ему отказала, и у Петра случился заскок! Он вообще в плане отношений человек странный! Я свою жену отпустил, и я искренне рад за нее, потому что знаю, что не смог бы сделать ее счастливой. Петр отпускать не умеет, и отказы не принимает — это его главная проблема.

— Мария сумела свалить.

— Мария умерла!

Вот этого я никак не ожидала. Застываю, расширив глаза, но Хан быстро поясняет.

— Она умерла при родах Матвея, он ее не трогал, да и не смог бы. Он ее действительно любил.

— А мою маму он... трогал? — с надеждой шепчу, на что получаю смешок.

— Сама как думаешь?

— Рассчитываю на отрицательный ответ.

— Правильно делаешь. Твоя мама была верна до мозга костей и любила, как одержимая, твоего отца.

— А он? — как бы невзначай спрашиваю, — Он такая же мразь, как его дружок?

Хан медлит, но недолго. На его губах появляется говорящая улыбка, которую хочется запихнуть ему в задницу, а от следующего вопроса желание только крепнет.

— Кто-то захотел узнать что-то о своем отце?

— Не грех и поинтересоваться поведением психопата убийцы. Скажем так, в научных интересах.

— О, это прогресс? Раньше он был серийным убийцей.

Фыркаю, сложа руки на груди, и отворачиваюсь, а щеки предательски краснеют. Хорошо, что Хан не стал акцентировать на этом внимание, вместо чего тихо ответил на мой вопрос.

— Нет. Твой отец не был таким же, — я украдкой снова смотрю на свою «няню», а тот тепло улыбается, — Твой отец был очень добрым и справедливым человеком, а еще очень верным. Для него не существовало никого, кроме твоей мамы — она была его всем.

Мне от этого хочется плакать — не знаю почему, может сентиментальность какая-то внезапно проснулась, а может просто день такой? Но суть остается сутью, и что хоть как-то отогнать это состояние, я притворно-показательно цыкаю.

— С добрым ты загнул. Он — убийца.

— Он никогда не убивал тех, кто этого не заслуживал.

— Хороша причина. И кто дал ему право решать?

— Власть, — спокойно парирует, а потом вдруг придвигается и серьезно спрашивает, — Скажи мне, Амелия, ты разве не понимаешь этого чувства? И разве каждый достоин жить на этом свете?

Мне бы хотелось сказать, что да, достоин, и в любом случае это решать не нам, но я не смогла. Это было бы лицемерие, потому что мы оба знали: я так на самом деле не считала. Был один человек, которого я ненавидела и которому заслужено желала смерти, так что, наверно, есть во мне что-то от отца, нравится мне это или нет.

— Лев придет только к вечеру. И я хочу попросить тебя, ответить на все его вопросы. Ты прекрасно знаешь, как он реагирует на всю эту тему.

— Я и не собираюсь ничего скрывать, — огрызаюсь, в ответ получая еще одну теплую улыбку.

— Маленький ежик. А теперь беги переоденься, будем готовить манты.

Я секунду медлю, а потом вдруг смеюсь — Хан поддерживает, и это прекрасное завершение странного разговора. Он оставил после себя много вопросов, на которые я обещаю себе найти ответы, но не сейчас. Сейчас я собираюсь готовить манты.

— Амелия? — у порога кухню Хан тормозит меня, а когда я оборачиваюсь, волнительно приподнимается на ноги, — Скажи мне еще одно. Петр тебя...касался?

— Если бы попытался, — спокойно отвечаю, — Я бы выпустила ему всю свою обойму прямо в башку.

Хан словно выдохнул, и я слегка улыбаюсь, но тут же добавляю уже менее уверенно.

— Но он странно на меня смотрит. Так, как мне не нравится — липко.

— Зачем ты пошла на Бал?

— Помимо главной причины, я хотела расставить точки на «і».

— И какие же конкретно?

— Я хотела, чтобы он видел: я не моя мать и тем более не моя сестра.

Глава 15. Правда. Амелия

17; Июнь

Манты готовятся просто. Примерно стакан муки, одно яйцо и соль — это тесто. Его нужно завернуть в какой-нибудь мешочек и дать «отдохнуть» где-то минут сорок, и пока это происходит, заняться начинкой. Она может быть, конечно, любой, но Хан всегда предпочитал мясо. Говорит, что остальное — это так, пощекотать вкусовые рецепторы, поэтому и сейчас мы делаем из мяса.

Процесс несложный, но грязный, особенно для меня. Я нет-нет, да обсыплюсь мукой или пролью на себя что-нибудь, и каждый раз Хан на это посмеивается, мотая головой.

— Это у тебя от мамы. Та тоже вечно на кухне все на себя тянула...

Такое сравнение мне по душе, и я улыбаюсь, подглядывая за его действиями, как двоечник, который списывает домашку. Но успешно списывает! Мои манты лишь немного косоватые, раньше было гораздо хуже, и Хан это подмечает, подбадривающе кивая. Наверно этот процесс отвлекает меня достаточно, чтобы не нервничать. Психовать я начинаю ближе к вечеру, когда вторая волна мант уже погружена в импровизированную мантышницу, а первая уже "уничтожена". Убираю со стола молча, наблюдая за процессом, сама погружаюсь в свои мысли. С Костей у нас неплохие отношения, но встречаться с ним я не люблю. Каждый раз чувствую ужасную тяжесть, не знаю куда себя деть, что говорить, а главное *как* говорить. Даже не смотря на то, что я с Элаем поссорилась на свое шестнадцатое день рождения, к Косте я все равно ездила, и с ним я все равно общалась. Там же Камилла... Конечно это было странное общение. Пока мне было двенадцать, тринадцать и даже четырнадцать, все проходило более-менее нормально, но потом, когда я уже начала соображать, все становилось натянутой с каждым годом. Проще говоря, напряг между нами рос с темпами роста моего чувства вины, а сейчас и вовсе достиг своего апогея.

Мне кажется, что мое состояние передается всем. Всего полчаса назад кухня взрывалась смехом, а теперь все молчат, поглядывают украдкой на меня, и даже Хан это делает. Бесит. Меня как будто оценивают, а я как будто не прохожу это оценку и валю ее снова и снова раз за разом.

Дзинь!

Короткий звонок в дверь заставляет всех резко повернуть головы, и я бы оценила комичность ситуации, если бы мое сердце не подскочило, забившись где-то в горле. Хан, бросив на меня взгляд, встает с места и кивает.

— Я открою, ты же не против, Кристина? Похозяйничаю немного.

— Нет, нет, конечно, — искренне улыбается подруга, — Как вам будет удобно.

— Кристина, на «ты». Не нравится мне чувствовать себя стариком.

— Вы тут обсуждайте местоимения, а я открою сама, — влезаю и выхожу из-за стола, фыркнув, — Будто ты его не знаешь.

Знает, конечно, это была лишь попытка защитить меня, потому что мы оба понимаем — сейчас мне влетит. Я затронула тему, которую нельзя касаться даже мыслями, и теперь мне точно влетит. Костя не моя мама, все, что касается того, что случилось — табу. Наверно сегодня будет первый раз за все долгие восемь лет, когда мы будем говорить о Розе открыто... Это осознание бьет меня наотмашь, и я замираю у двери, сжав до боли ручку. Мне нужен этот маленький отрезок времени, чтобы набраться сил и смелости встретиться с ним

лицом к лицу, и когда я наконец решаюсь, распахнув дверь, пути назад уже нет.

Косят всегда был видным парнем, и это неудивительно. У него была очень привлекательная внешность: пухлые губы, четкие скулы, густые брови, но самое яркое — его глаза. Они настолько черные, что и зрачка не рассмотреть, а достались ему от отца — дяди Гриши. Он тоже, очевидно, не был моим родным дядей, а второй лучший друг моего отца, и я всю жизнь считала и его, и Костю своей семьей. Это не изменилось даже после Розы, хотя и ударило по всем нам очень сильно.

Вообще, не смотря на все его природные данные, он никогда не был «компанейским» или бабником, скорее волк-одиночка. У Кости был всего один хороший друг — мой брат, с которым они в огонь и в воду, а остальные по боку — он держался особняком. Роза была первой и единственной женщиной, которая смогла пробиться. После того, как она исчезла, Костя окончательно обнес себя и Камиллу толстой, ледяной стеной, за которую не пускал никого. Даже Элай по началу держал дистанцию, только потом все постепенно стало меняться, но в прежнее русло уже не вошло. А еще изменился его взгляд. Он и раньше был твердым и прямым, а сейчас будто потяжелел стократно. Это особенно ощущалось, когда он злился, как например сейчас. Стоит, смотрит на меня чуть ли не исподлобья, его лев на кадыке лишь подчеркивает всю серьезность ситуации и его намерений, от чего я сжимаюсь. Мне не по себе, хотя я его и не боюсь — это скорее психологическое: я представляю какого ему касаться темы Розы, а я взяла и безжалостно вытащила все это на свет, причиняя ему боль. Это меня больше всего парило. Я не хотела сделать ему больно.

— Ну привет, — тихо здороваюсь, пытаюсь казаться невозмутимой, но в ответ ничего не получаю.

Костя просто разворачивается на пятках и уходит молча, а я закатываю глаза. Я знала, что он не захочет обсуждать что-то настолько личное в присутствии посторонних, поэтому заранее напялила свои шлепки и теперь иду следом. У меня плохое предчувствие, сосет под ложечкой, как говорится, а моя интуиция меня редко обманывает — разговор закончится для меня очень и очень плохо...

Но я не думала, что настолько. Пятнадцать минут назад я и не представляла, как больно мне будет по итогу, и сейчас, влетая в квартиру, я не могу дышать. Слезы катятся, как будто из шланга, я задыхаюсь, как будто мне врезали в солнечное сплетение, и ничего не слышу. Нет, серьезно, я вообще ничего не слышу, кроме биения своего сердца, а оно колотиться, как бешеное. И каждый удар — удар ножом изнутри.

— Амелия, подожди! — пробивается сквозь плотный туман голос, который я не сразу идентифицирую.

Я сама не знаю, куда бегу. Если честно, то вокруг ничего не вижу, у меня как будто паническая атака, и лишь когда меня резко хватают за локоть и разворачивают, до меня доходит, что это орал Костя. Но его я вообще не готова видеть... Хватаю резко за пальцы и со всей силы их выкручиваю, сама отлетая в стену. Удар пришелся на левую часть моего тела, но я не чувствую боли, только стук, который отражается внутри моей головы. Дышать становится еще сложнее, пока я наблюдаю, как Костя согнулся, сжимая, видимо, ту руку, которой меня касался.

— Не...смей... — выталкиваю слова, ногтями вцепившись в стену, — Меня...трогать.

Он медленно поднимает на меня свои черные-черные дыры и сверлит-сверлит-сверлит. Злится, я это вижу, но еще отчетливей я вижу, что ему меня жаль, и за это я его прямо ненавижу.

— Я тебя ненавижу.

— Знаю.

— Ты...ты скрывал от меня... — закрываю глаза, собираясь с силами, а потом снова открываю и смотрю на Хана, который, как молчаливая статуя стоит у входа в гостиную.

Не смотрит на меня, в пол. Знает о чем речь — он с самого начала все знал, и вместо того, чтобы мне сказать, готовил манты!

— Вы все молчали...

— Амелия... — Хан почти шепчет, делает на меня шаг, но я, как испуганный, забитый котенок, дергаюсь в сторону, чтобы быть дальше.

Не хочу быть близко. Его я ненавижу тоже.

— Не подходи, — максимально четко выговариваю, вытираю слезы, — Ты такой же лжец, как все они.

— Я не хотел...

— Заткнись! — уже ору, громко всхлипываю, — Закрой рот! Я не желаю тебя больше слушать! У тебя был шанс говорить, но ты молчал, так что теперь закрой свой рот!

— Мы не хотели тебе говорить, потому что...твою мать! — рычит Костя, уперев руки в бока и уставившись в потолок.

Я молчу. Не знаю, что сказать. Наверно рациональной частью я понимаю почему они молчали, но...рациональная часть сейчас недоступна. Она сидит в шоке на скамейке запасных и даже не пытается поднять головы. Она — вне игры.

— Сколько раз я пытался с тобой поговорить?! И не только я! — взрывается Костя, делая на меня шаг, — Как ты всегда реагируешь?! Все в штыки и бежишь, как дура!

— Заткнись... — еле слышно выдыхаю, закрыв лицо руками, но он продолжает.

Кажется время моей добровольной слепоты действительно закончено и отнюдь не добровольно...Костя быстрым шагом подходит и резко разводит запястье так, чтобы я смотрела ему в глаза, и я смотрю. За столько лет я наконец смотрю на то, что так отчаянно пыталась не замечать, и это разбивает мое сердце, потому что на дне его глаз я вижу ужасную боль.

Все это правда...

— Думаешь, что мне легко, а?! Она была любовью всей моей жизни, черт возьми! Теперь ее нет, и я никогда ее больше не увижу, а у меня дома растет ее копия!

Его голос срывается хрипотцой, и он наконец меня отпускает. Отходит. Смотрит в пол невидящим взглядом, пока я задыхаюсь, ежусь, стараюсь даже сейчас отгородиться от действительности: Розы больше нет, и она никогда не вернется...

— Что мне говорить нашей дочери? — тихо спрашивает и хмурится, но не у меня, а как будто в пустоту, — Она скоро начнет спрашивать, как это случилось. И что мне ей говорить? Как умерла ее мать?

— Заткнись... — также тихо, хрипло выдыхаю, мотая головой, — Это неправда.

— Это правда. Розы давно нет, Амелия. Все кончено.

Отрицание — это плохо. Отрицание — это первая ступень принятия горя. Пусть, наверно, я давно это уже знала, но сейчас, столкнувшись лицом к лицу с этой правдой, я не готова ее принять. И не принимаю...

— Нет! Закрой свой рот и вали!

Костя ничего не отвечает, когда я взрываюсь, он просто смотрит, и такая зияющая печаль в этих его черных глазах, а потом все схлопывается, как по щелчку пальцев. Он

закрывается.

— Мы оба знаем, что ты давно знала это. Сейчас ты столкнулась с действительностью лицом к лицу, и я понимаю, как это херово в один момент лишиться всех надежд и иллюзий, но у меня нет времени ждать, пока ты прекратишь истерику.

— Костя... — влезает Хан, но тот его словно и не слышит, даже усом не ведет.

— У тебя есть сутки, чтобы прийти в себя. Знаю, что тебе нужно побольше времени, но это все, что у меня есть. Завтра я приду и хочу услышать, какого хера ты сделала, раз Александровский притащился в Сиб и роется в архивах. Я хочу знать *все*, Амелия, и завтра ты мне выложишь весь свой план, и не смей врать, что его не было — у тебя всегда есть план. Ты поняла?

Молчу, не хочу ему отвечать, но это и не требуется. Костя лишь слегка улыбается уголком губ и продолжает.

— Будем считать, что это да. Поговорим завтра. И да, попробуешь высунуть нос из квартиры, пожалеешь.

Я не успеваю ответить, потому что Костя резко, а потом смотрит на Хана и слегка мотает головой, указывая в сторону двери. Тот кивает, но бросает на меня взгляд, а я тут же отступаю вглубь коридора, громко всхлипывая. Ему обидно, но он принимает мой отказ идти на контакт, и собирается уйти, лишь напоследок бросает через плечо:

— Мы хотели тебе рассказать, но...

Я не хочу слушать продолжение после «но», разворачиваюсь и ухожу к себе, громко хлопнув дверью. Мне неинтересно слушать, меня вообще сейчас мало что волнует, и, кажется, это не очень хорошо. Я не просто злюсь, я в ярости. Той, что застилает глаза красной пеленой, которая толкает на необдуманные поступки, и которая заставляет тебя делать глупости. Я вообще сейчас не в состоянии думать, а все чего хочу — это свою месть на блюдечке.

Я знала одно: я пожалею, если останусь сейчас здесь, да и при любых других раскладах, не стала бы слушать приказы Кости — мне все равно, что он скажет. Единственные слова, которые звучат в моей голове:

«Ее нет.»

И я его ненавижу. Он так долго тянул не только с рассказом, но с какими-то действиями в принципе. Сегодня все действительно будет кончено.

Даю себе минуту на успокоение, прижавшись спиной к двери. Наверно, я действительно была готова, потому что пусть меня и взрывает изнутри, но меня не накрывает волной. Я держусь на плаву, даже в своей ярости не тону, и это хорошо. Это значит, что я могу действовать и приступать к последнему этапу своего плана.

Костя верно подметил, у меня всегда есть план, и сейчас он висит на моей настольной лампе у кровати. Я подхожу и трясущими руками снимаю тонкую цепочку с неприметным кулоном-флешкой, потом смотрю на свою ладонь. Ее реально трясет, будто у меня тремор, и я сжимаю кулак, выдыхаю, а потом разворачиваюсь к двери, по пути прихватив обычный, синий свитер крупной вязки — все таки на улице уже вечер.

«Значит голова работает...» — хотя бы немного и это радует.

— Куда ты?! — раздается мне в спину испуганный голос Крис, и я, не оборачиваясь выплевываю.

— Ухожу, не жди меня.

— Амелия, стой!

Крис догоняет меня быстро, я не успела и пары шагов от кухни сделать, как она поворачивает на себя и хмурится. Взволнована, я вижу это по глазам и выражению лица, но меня так кроет, что сейчас мне абсолютно по боку все ее чувства. Это чувство похоже на режим «пру, как танк», потому что сейчас я действительно не вижу ничего и никого на своем пути.

— Отпусти.

— Ты что не слышала, что он сказал?! Амелия, он не шутил!

— Кристина, отпусти меня.

— Нет! Я не понимаю, что происходит, но знаю точно, что я никуда тебя не отпущу! Посмотри в каком ты состоянии! Тебя трясет!

— Отпусти меня! — ору и резко вырываюсь, сжимаю кулаки и зубы.

Она сейчас похожа на побитого щенка, которого выбросили, а он все равно прет к хозяевам. И меня это бесит. Злит ее доброта и участие, сострадание — все бесит, и я шлю все к черту, цежу сквозь зубы.

— Хочешь знать все правду, а?! Я тебе покажу. Дай мне свой ноутбук.

— Что?

— ДАЙ СВОЙ НОУТ, ТВОЮ МАТЬ!

Кристина растеряна, но в кои то веки берет себя в руки и указывает в гостиную, куда мы и идем. Я не до конца понимаю, что я делаю и зачем, но потом обдумывая этот момент, я приду к выводу, что возможно мне очень хотелось рассказать кому-то, кому я доверяла и знать, что не будет никаких недомолвок. Тайн, сокрытия информации, притворство — я от этого дико устала. Моя мама? Она жива, а все уверены в обратном. Мой отец? Эта история вообще отдельная, и о ней мне нельзя говорить совершенно и бесповоротно. Моя семья? Это тоже под замком. По факту мне вообще ни о чем нельзя рассказывать — моя семья не обычная семья, и все, что с ней связано — тайна, покрытая мраком. Я их всех сейчас ненавижу, а больше всего ненавижу тот факт, что они ни во что меня не ставят, будто мне пять. Все они воспринимают меня, как ребенка, не понимают причин моего поведения, даже не пытаются! И, наверно, мне бы хотелось, чтобы кто-то понял.

Я вырываю компьютер у Кристины из рук, еле попадаю в гнездо для флешки от волнения и нервов, быстро убираю волосы и всхлипываю. Слез нет, как ни странно, а может я их просто не замечаю? Не уверена, но уверенно ввожу пароль, и вот она правда. Здесь. В папке на белом фоне всего одно видео, которое я не хочу открывать. Застыла над тачпадом, тяжело дышу, не могу решиться, но это лишь на миг. Это как с восковыми полосками — надо дергать быстро и сразу, и я дергаю нажатием всего одной клавиши.

— Садись.

Кристина мнетя напротив, ей явно не по себе и возможно даже страшно, но она пересиливает себя, подходит и садится, а через миг издает какой-то непонятный звук между вдохом и пискотом. Я понимаю почему — то, что происходит на экране мало кто может выдержать. На черно-белом фоне через камеру видеонаблюдения мы видим ужасно-помпезную комнату. Там на огромной кровати (как сейчас помню кроваво-красного цвета) лежит Роза, а сверху Артем Валерьевич Ревцов — человек, который разрушил мою жизнь. Я

стараюсь не смотреть, но каждый ее всхлип помню детально и предугадываю, сжимаясь всего секундой ранее. Все, что там происходит — ужасно, бесчеловечно и унижительно. Насилие — это всегда страшно, а такое насилие над женщиной тем более. Оно уничтожает, и я помню хорошо запах этого уничтожения: сигареты, жженный сахар и мохито. Он его пил в перерывах между...

— О господи! — жалобно вскрикивает, закрыв рот руками, а потом смотрит на меня и еле слышно спрашивает, — Это что Лиля?

Я тихо вздыхаю и отрицательно мотаю головой, после указываю на экран пальцем и глухо говорю.

— Это не Лиля, ее зовут...звали Роза. Они были близняшками.

— О господи...

Крис резко встает и отходит, крепко сжимая себя руками. Она не может смотреть, и я ее не виню, потому что сама не смогла ни раз, не смотря на то, что это видео держу при себе уже давно.

— Ты спрашивала, чего я хочу? Мести, Кристина. За все, что произошло в тот день.

— Амелия, мне очень жаль, что такое произошло с...ней, но...это...не повод...

— Не повод?! — зло выдыхаю, а потом повторяю, но уже со смешком, — Не повод, значит. Подойти и посмотри еще раз.

— Не хочу.

— Подойди, Кристина. Ты кое чего не заметила.

Кристина не решается, но я не даю, а жду. В таких вопросах понятное дело давить не вариант, тем более я знаю, что она сделает то, о чем я прошу. И она делает. Неуверенно шагает, опускается на прежнее место, смотрит в экран, не понимает, и тогда я поясняю.

— В правом, верхнем углу.

Снова тишина. Крис приближается к экрану и пытается рассмотреть что-то, но все равно ничего не понимает, переводит взгляд на меня. Жалобно так состроив бровки домиком, она открывает рот, но ничего не произносит, закрывает его. Она не знает, что она должна увидеть там, и я это понимаю — очень сложно представить себе то, что я собираюсь сейчас сказать.

— Это я.

Кристина резко отпрянывает от меня, расширив глаза до состояния пятирублевых монет. В них появляются слезы, и я быстро отвожу свой взгляд, ежусь, а потом вздыхаю, уставившись в правый, верхний угол, где видны мои цветастые туфельки.

— Мне было девять, когда нас похитили и привезли в этот дом. Я тогда коллекционировала дебильный мячики-попрыгунчики, и как раз должны были завести новые цвета. Мы с Розой были в квартире в городе, а до магазина всего пять минут идти. Мама предупреждала нас, что нам нельзя ходить в одиночку, но в тот момент так получилось, что мы остались одни. Я очень сильно канючила, доставала ее, и она решила, что ничего страшного не случится, если мы выйдем на десять минут. Мы успели купить мне мячик, но когда выходили из магазина нас уже ждала машина.

— При чем здесь Александровский? — вдруг спрашивает Крис, и я устало вздыхаю.

— Да в принципе ни при чем, он этого не делал. Единственное, что он сделал — это связался с отцом этого ублюдка, чтобы бабок заработать и маме насолить.

— Насолить?

— За год до всего, что произошло, этот мудака приехал в наш город. Его действия

привели к обострению отношений, а потом и к открытому конфликту с моей мамой. Александровский это знал, и я думаю, что он поддержал ее врага, чтобы в последствии на нее воздействовать, но не ожидал, что сын этого мудака окажется еще большим мудаком. Как то так.

— Я не поняла.

— Понимаю, сложно так сразу разобраться. Александровский был влюблен в мою маму — это единственное, логичное объяснение. Ты же не думала, что он так помешан на Лиле за ее душевный минет? Нет. Она очень похожа на мою маму в юности. Ты же помнишь, я показывала тебе фото мамы с конкурса красоты?

— Ну да...

— Ты сама это сказала еще тогда. Пару месяцев назад я залезла к нему в кабинет и нашла ее фотку в его столе — так все и сложилось. Это единственное разумное объяснение. Лилия не золотая, признаем правду, окей? Он слишком много ей позволяет.

— Как и тебе.

— Как и мне. Я — ее дочь. *Родная* дочь. Видимо это его личный кинк.

— Он к тебе...приставал?

— Боже упаси, конечно нет! Но мне еще нет восемнадцати, Крис, а это...

— ...Пятно на репутации.

— Точно.

— И ты...ты все видела? — шепчет Крис, но я активно мотаю головой.

— Роза уговорила этого черта позволить ей дать мне наушники, чтобы я ничего не слышала, а глаза я закрыла сама. Я испугалась и бросила ее...

— ...Амелия...

— Не надо, — отрезаю, вырубая видео и выдирая из компьютера флешку, — Так и есть. Весь этот ад длился три часа и двадцать восемь минут, потом он ушел, а Роза схватила меня, выпихнула в окно, и мы сбежали. Там в лесу...я помню, как за нами гнались с собаками, помню, как страшно мне было, и...Она сказала мне бежать и не оборачиваться — я и побежала, а она осталась одна. Я ее бросила.

— Амелия, — снова начала Крис, с жалостью смотря мне в глаза, — Ты понимаешь, что...

— Прекрати! — повышаю голос, — Если бы не Роза, меня бы здесь не было, ты это понимаешь? Она меня спасла, а я ее бросила. Я сбежала, даже не оглянулась, а потом, когда меня нашли, не смогла указать место, где нас держали.

— Тебе были всего девять лет! — тоже повышает голос, даже выступает на шаг вперед, хмурия брови, — Ты слишком строга к себе! У тебя был шок, это очевидно, я бы и сама вряд ли смогла бы указать, а ты была совсем маленькой!

— Факт все равно остается фактом! Это все моя вина, и теперь я по-твоему должна сидеть и ждать, пока эти придурки что-то решат?! Да они ничего не смогут сделать, восемь лет одни только слова!

— Этот Костя...

— Он должен был стать ее мужем, но они не успели пожениться: Роза пропала за две недели до свадьбы. У них есть дочь, ее зовут Камилла.

— Тогда он говорит правду, когда называет ее любовью своей жизни?

— Да, но это не мешает ему делать "ничего". Он просто неспособен на это, а я способна! Больше я не брошу Розу, потому что я знаю, как *его* найти! Он ответит за все, что

сделал, и ты меня не остановишь.

— Как ты собралась его искать, а?!

— Через единственного человека, который сможет мне помочь — через его младшую сестру. Александровский женил ее на своем старшем сыне — это Евгения Валерьевна Александровская, в девичестве Ревцова.

— И что ты собираешься делать?! — повышает голос, начиная еще больше нервничать, — С чего она будет тебе помогать?!

— С того, что у нее не останется выбора.

Разворачиваюсь решительно, но тут же застываю. В дверях стоит Алекс, прижавшись к косяку плечом, сложа руки на груди и щурясь. В первую секунду я ловлю ступор, ну а он нет — Алекс слегка усмехается и медленно, отрицательно мотает головой, мол, не пройдешь. Это бесит и одновременно приводит в чувства: я закатываю глаза, сдабривая сие действие громким цыком и уверенно иду вперед. Очевидно натыкаюсь на него, потому что что? «Будет-так-как-я-хочу».

— Отойди.

— Снова хочешь подергать льва за усы, милая? — протягивает, на что я не собираюсь отвечать.

Делаю шаг в сторону, но тут же меня пресекают. Алекс вырастает на моем пути. *ОПЯТЬ*. Ухмыляется. *ОПЯТЬ*. И продолжает. *ОПЯТЬ*.

— Если ты остановишься хотя бы на секунду, то поймешь — это плохой план. Идти на бал и похамить миллиардеру — это одно, а идти в дом к его старшему сыну и угрожать его семье — другое.

— Я не собираюсь никому угрожать.

— Тогда в твоём кармане, наверно, вкусные печенья, а не пистолет, да?

Замираю, расширив глаза. Понятия не имею, как он догадался. Неужели я действительно так торопилась из-за нервяка, что не заметила, как неаккуратно уложила свое оружие? Алекс тихо цыкает, будто отвечая на эту глупую очевидность, а потом разворачивается и идет к входной двери, бросая через плечо.

— Я поеду с тобой.

— Ты то здесь при чем вообще?!

— Я неплохо сошелся с Алексеем, позвоню ему, решим, как поступить. Ты посидишь в машине. Что-то мне подсказывает, что сегодня в доме Александровских будет слишком много оружия. Даже не смотря на то, что я уверен, что ты свое не используешь...

— Что?! — хватаю его за локоть и разворачиваю на себя, — О чем речь?!

Алекс уже открыто усмехается, но глаза пылают злостью.

— А ты думала, что одна такая умная?! Куда по-твоему поехал твой Костя?

Старший сын Александровского живет за городом, у него две дочери-погодки, и, как говорила Адель, это был самым нормальным решением из всех. К тому же Женя, опять же по словам Адель, любила природу, а городской шум напротив ненавидела. Она ценила уединение. Вообще по рассказам, девушкой Женя была вполне нормальной. Тихая, скромная, добрая — я все фыркала про себя, негодовала, но рационально принимала и то,

что в каждой семье бывают свои исключения. Не даром же существует поговорка «в семье не без урода», только в ее случае оказалось наоборот. Женя была единственным светлым пятном в семейном древе Ревцовых, и да, так бывает.

— Я не собиралась ей угрожать, — зачем-то говорю я, хотя до этого мы ехали в тишине и, кажется, обоим это устраивало.

Алекс хмыкает, нажимая на поворотник, а я смотрю на его профиль и хмурюсь. Не верит?

— Ты мне не веришь?

— Зачем тогда нужен был пистолет? И я даже спрашивать не буду, откуда он у тебя вообще взялся, твою мать.

— Шокирован?

— А сама как думаешь?

— Моя семья тот еще ящик с приколами, и так как я росла в...кхм, *необычной* среде, не знаю даже, что тебе ответить.

— Если ты думаешь, что твоя семья — это ящик с приколами, ты еще не знаешь о моей.

Неожиданно. Я наклоняю голову на бок, пытаюсь разгадать смысл фразы, спрашивать то смысла нет, и мне это известно. Но если это внезапно брошенная «правда» меня удивила, то то, что произошло дальше и вовсе повергло в шок.

— Я ненавижу своего отца за то, что случилось с моей мамой. У меня есть братья и сестры, но с ними тоже не складывается. Я не могу простить им того, что они простили его, — бросив на меня взгляд, он пожимает плечами, — Видишь? Не у одной тебя в семье творится хрен знает что. Я не люблю об этом говорить, потому что не хочу вспоминать все то дерьмо, которое было, а его было очень много. У нас нет любви или тепла, в кругу семьи мы вынуждены выживать.

— Зачем ты мне это говоришь?

— Потому что ты сможешь понять.

Снова замолкаем, а я обдумываю услышанное, но ярче всех остальных мыслей бьет другая — он со мной поделился.

«Он впустил меня дальше! Он сделал это!» — я так счастлива сейчас, как не была очень давно. Улыбаюсь, рассматривая свои коленки, а потом признаюсь, потому что он сможет понять.

— Это был план "Б", — достаю Глок и слегка им мотаю, — А его мне подарили на день рождения. Хан, кстати.

— Какой...хороший подарок.

— Я люблю стрелять, у меня даже разряд есть.

— Серьезно?

— Ага, — слегка усмехаюсь, кладу оружие себе на колени и пожимаю плечами, — После того, что случилось, мама у меня совсем чокнулась. Записала меня на всякие боевые кружки, включая стрельбу.

— А план "А" достать взрывчатку на черном рынке?

— Зачем на черном рынке? — усмехаюсь, переведя взгляд на лобовое, — У меня она хранится в левом кармане сумки вместе с героином.

— Ха-ха.

Снова замолкаем, но теперь без напряжения. До этого обстановка то была так себе, и оно понятно. За сегодня обо мне узнали столько, сколько не знали за все время моего

пребывания в Москве — и эти открытия могли шокировать кого угодно.

— Ты не виновата, — неожиданно говорит, и я бросаю на него короткий взгляд.

Благодарна за то, что Алекс на меня не смотрит вообще. Он словно понимает в какое состояния вгоняют эти «гляделки», и сейчас делает так, как для меня будет лучше. Я действительно за это благодарна, но не за его фразу. Ее я отмечаю беспощадно.

— Не будем это обсуждать.

— Ты была ребенком.

«А вот и «как я хочу» подъехало...» — вздыхаю, но Алекс игнорирует, продолжая.

— ...Ты многого не понимала и...

— Я остановлю тебя сейчас, — твердо перебиваю, и снова поворачиваюсь на него, — Я все понимала всегда, потому что знаю, кто моя семья.

— Охотно верю, котенок, но я говорю не об этом. Знать и понимать — вещи разные. Я говорю о том, что ты многое *не понимала*.

Тут мне парировать нечего, потому что, наверно, он был прав. Я не сказала бы, что когда-то относилась к запретам серьезно. Я даже сейчас не отношусь, а тогда... Я знала, что нельзя ходить без охраны, знала, что у мамы проблемы на работе, но... понимая все равно не было. Как будто все несерьезно. Алекс считывает мое молчание и кивает.

— А-га. В том возрасте ни к чему серьезно не относишься.

«Он что мысли читает?!» — вспыхиваю, чем вызываю смешок.

— Нет, я не читаю мысли.

— Ты издеваешься?!

— И в чем состоял план? Ты хотела сплавить Александровского, чтобы он не мешал тебе угрожать его невестке?

— Я же сказала, что не собиралась ей угрожать... сразу! — цежу сквозь зубы, а он улыбается, но молчит — ждет, и я вздыхаю, решаясь приоткрыть завесу тайны, — План состоял в том, чтобы показать ему, что я не похожа на маму — это первое, а второе — натравить его на их папашу. Я хочу разрушить их семью до основания, как они разрушили мою. Мне это не под силу, и я это понимаю, тогда родилась идея: почему бы не натравить одного гандона на гандона поменьше, если я могу себе это позволить? И я сделала. Все.

— Не боишься отхватить за это?

— За что? — притворно сладко хлопаю ресницами, на что получаю скучающий взгляд.

— Ты поняла за что. Он оказывает тебе услугу, и если он тебя хочет, понимаешь, что потребует взамен?

— «Никогда и ничего не просите! Никогда и ничего, в особенности у тех, кто сильнее вас. Сами предложат и сами все дадут.»

Вопрос и ответ звучит как раз когда мы останавливаемся у огромного, светлого особняка, так что теперь он может смотреть на меня, не подвергая наши жизни опасности. Смотрит, я это чувствую, но не отвечаю ему — сейчас меня волнует другое. Я придвигаюсь к торпедо и сразу узнаю машину Алексея, а дальше по улице и машину Кости.

— Твою мать!

Кажется мы опоздали...

Глава 16. Вдвое сложенный листок. Амелия

17; Июнь

Когда мы попадаем в зал — все плохо. Все очень-очень-очень плохо.

Хан оттеснил Алексея в сторону, и тот, пусть и пытается храбриться, но видно, что напуган видом моей «Мери Поппинс», которая к тому же еще и вооружена. Но центром этой мизансцены они не являются, это лишь так, заправка, а основное блюдо там, где ему и полагается быть. В центре большой гостиной стоит Костя собственной персоной и держит на мушке Михаила. Даже не так, он упирает дуло ему в голову, а сам смотрит в глаза Евгении, которая жметя к мужу белее тонкой простынки.

— Ты что творишь?! — повышаю голос, делая шаг в сторону этого кошмара, но Алекс тут же хватает за локоть и заводит меня чуть за себя, шипя.

— Ты вообще должна сидеть в тачке, не лезь!

— Я сказал тебе быть дома! — тут же добавляет Костя, но я фыркаю, полностью игнорируя Алекса, да и Костю тоже.

— Какого хрена ты вытворяешь?! Опустит пистолет!

— Не лезь, твою мать! — рычит Костя, — Она скажет мне все, что я хочу знать, или влезет в мою шкуру. Знаешь какого это лишиться того, кого любишь? Нет, *Евгения Валерьевна?* Узнаешь.

Михаил напрягает плечи так, что становится в несколько раз больше, а потом тихо и четко произносит, пока его жена пребывает в секунде от абсолютного нервного срыва.

— Вы сейчас уйдете из моего дома, и я сделаю вид, что ничего этого не было.

— Ты сделаешь вид?! — усмехается, упирая дуло точно промеж глаз Михаил и с силой надавливая им.

От этого я теряю дар речи, а Евгения начинает трястись, хватаясь за пиджак своего мужа. Не представляю в каком диком шоке она сейчас пребывает, и это просто кошмар! Нет, такого я точно не планировала! С позиции силы тут решить что-то не вариант, но никто никогда меня не слушает, поэтому и получается вот такая вот адская кринжатина...

— ...А может подскажешь, как мне сделать вид, что ничего не было, а?! Как мне забыть, что ее брат сделал с женщиной, которую я любил?! — Михаил проглатывает слюну, а Костя резко приближается и орет прямо ему в лицо, — **НУ, БОГАТЕНЬКИЙ МАЛЬЧИК ПОДСКАЖЕШЬ?!**

— Она здесь не при чем...

— Послушай, — вдруг вступается Алекс, на которого смотрю не только я.

Михаил бросает взгляд, Алексей, Хан, Евгения вообще смотрит на него, как на спасательный круг, а я...Сегодня Алекс решил удивить меня на все сто процентов, не меньше...

— Я понимаю твоё желание отомстить. Когда-то я тоже любил одну женщину, но потом ее у меня забрали. Она сама этого хотела, конечно...

— О господи, — фыркает Костя, — У тебя отбили подружку, и ты думаешь, что понимаешь меня?! Пошел ты!

— Поверь, я тебя очень хорошо понимаю. Ее не просто отбили, она ушла к моему отцу.

Я резко расширяю глаза и перевожу взгляд на Алекса, но тут же бью себя по рукам. Меня саму бесит, когда на меня пялятся в такие вот личные моменты, но информация,

конечно, бомба...

«Он так о ней говорит...» — шепчет подсознание, — «Вот почему у меня никогда и не было шанса — он все еще ее любит...»

«Боже, о чем ты думаешь СЕЙЧАС?!» — снова бью себя по рукам и возвращаюсь к реальности.

— ...Мою женщину насильовали несколько часов, а потом застрелили в затылок, как собаку, — выплевывает, и я снова ежусь от того, как сильно эта правда бьет по мне.

«...А какого Косте?...»

— ...Все еще понимаешь меня, а?!

Алексу нечего ответить, он молчит, но тело его напряжено до предела — я же вижу. Сейчас рассмотреть даже проще, он стоит передо мной, плечи надуты, руки в кулаках, весь собранный и, спорю на что угодно, смотрит твердо и прямо, как только он умеет.

«Все очень-очень плохо...» — паникую про себя, ну а Костя только накидывает сверху.

Он издает тихий смешок, кивает, а потом отходит на шаг, чтобы вытянуть руку для удобства выстрела и чеканит.

— Когда я выстрелю, для твоей семьи все изменится, *Евгения Валерьевна*. Для моей изменилось. Мою дочь лишили ее матери, теперь я лишу ваших дочерей отца, и тогда ты будешь при чем.

Он опускает предохранитель, и происходит сразу несколько событий. Алексей начинает выворачиваться из рук Хана, Евгения пытается встать перед Михаилом, а я бегу в сторону этой парочки титанов, ловко обогнув Алекса, и встаю между ними.

И все прекращается. Все замирают. Спорю на что угодно, никто не ожидал такого поворота событий.

Костя смотрит на меня вместе с дулом пистолета и психует. Его мышца на щеке сжимается и разжимается, кожа ладони на рукоятке трещит, а сам он разве что молнии не пускает, когда цедит сквозь зубы.

— Какого хера ты вытворяешь, Амелия?! Отойди!

— Нет.

— Отойди!

— Нет!

— Костя, ты обалдел?! — вмешивается Хан, своим басом разрушая возникшую тишину, — Опустит пистолет немедленно!

— Ты ведешь себя неправильно, — игнорируя протесты своей няни, тихо обращаясь исключительно к Косте, — Силой здесь не получится, надо говорить. Она — не при чем.

— Она — его сестра.

— Но она не он! Она такая же заложница обстоятельств, подумай, что ты делаешь? — жалобно шепчу, делая к нему шаг, — Ты угрожаешь женщине, которая ничего плохого не сделала. При ее муже. В доме, где живут ее дети. Остановись, я прошу тебя. Дай мне все это решить. У меня получится лучше.

— Костя, немедленно опусти пистолет! Или я за себя не ручаюсь, клянусь!

Снова Хан. Краем глаза я замечаю, что он и думать забыл об Алексее, вместо того серьезно смотрит на нас и хмурит брови. Злится. Не шутит. Но и Костя не шутит. Кажется, что он дошел до своего предела, потому что он не собирается отступать. Нет, конечно, мне ничего не угрожает, я это знаю, но я не такая уж и стена, которую невозможно подвинуть.

Поэтому я достаю свой пистолет, направляя на него, и если за секунду до этого он

глазами убивал Михаила, теперь медленно опускает их на меня, через миг ухмыляясь.

— Забавно.

— Ты меня вынудил. Отступи.

— Амелия! — рычит фоном Хан, но мы оба не обращаем на него внимания.

— Хочешь, чтобы я поверил, что ты в меня выстрелишь?

— Еще как. Возможно я не смогу ранить тебя смертельно, но я совершенно точно прострелю тебе ногу, если это потребуется. От-сту-пи.

Костя открывает рот, чтобы парировать — не успевает. Возникшую тишину нарушает громкий, отчетливый, детский голос.

— Мама!

Мы слышим из недр дома топот маленьких, босых ног, и как по щелчку пальцев прячем пистолеты за спину и поворачиваемся. В этот самый момент маленькая девочка в синей пижаме подлетает к перилам второго этажа и замирает. Костя тихо цыкает языком по зубам, отворачивается, а Евгения, быстро взяв себя в руки, пытается улыбнуться.

— Соня, ты почему не в постели?

— Мне приснился кошмар... — тихо отвечает девочка, которая, как две капли, похожа на своего отца, также как он недоверчиво осматривает нас и хмурится, — А что здесь такое?

Медленно взгляд ребенка скользит по всем присутствующим, пока она не останавливается на Алексее, и не загорается, как елка. Мне на душе становится на секунду теплее, когда она радостно выкрикивает:

— Дядя!

И бежит к лестнице, а тот, бросив взгляд на Алекса, который тоже стоит рядом, слегка пожимает плечами и идет навстречу. За нами же с Костей вырастает Хан, который отнимает пистолеты, как игрушки и нашкодивших детей, и шипит на ухо.

— Мы с вами об этом еще непременно поговорим. Константин, Амелия!

Я закатываю глаза, а Костя фыркает, и оба друг на друга не смотрим, что, наверно, со стороны достаточно забавно. Вот только Хан непреклонен и не реагирует на комичность ситуации, а добавляет:

— Костя, мы уезжаем.

Тот бросает на него гневный взгляд, но Хан мотает головой.

— Уезжаем. Мы о таком вообще не договаривались. Твоя боль не дает тебе карт-бланш на все, что в башку взбредет, и тебе это известно.

Я, если честно, думала, что он будет спорить, но Костя молча разворачивается и уходит, а Хан, бросает на меня взгляд и подмигивает, после переводит внимание на Михаила.

— Мне жаль, что так получилось, но и вы должны понять. Ситуация очень сложная.

— Я должен понять, что моей семьей угрожали в моем доме? Весело...

— Будь ты на его месте, поступил бы иначе?

Стоит двери закрыться за Ханом, как Евгения обнимает Мишу и начинает плакать. Это выглядит очень интимно, и я отвожу взгляд в сторону, давая им настолько желаемую приватность, а сама натыкаюсь на Алекса. Он снова странно смотрит на меня, и я шурюсь, мотнув головой, как бы спрашивая: ну что? Тот тоже мотает своей с легкой полу-улыбкой, отвечая: ничего. Мне почему-то слабо в это верится, и совсем не нравится этот его взгляд — слишком он какой-то...нежный?

— Мне нужно поговорить с тобой, — выпаливаю быстро, резко переведя внимание на пару, и она замирает.

Михаилу эта идея не нравится от слова «совсем». Он сильнее сжимает тонкий стан жены, словно желая вписать ее в свою мощную фигуру, а потом коротко отвечает за нее.

— Нет.

— Я не спрашивала твоего разрешения.

— О, правда? — усмехается, но потом сразу становится серьезным, даже злым, — Ты в моем доме, напомню, и говоришь с моей женой. Или что? Наглость передалась по наследству напополам с сестрой?

«Откуда он знает, что я ее сестра? У меня что на лбу написано?» — немного ежусь, а обида бьет внутри, как молот по наковальне.

Он с таким пренебрежением это сказал, что мне становится не по себе, и я совершенно теряюсь. Не знаю, что ответить, молчу. Помощь приходит совсем из неожиданного источника — от Евгении.

— Миша, успокойся, — мягко говорит и отстраняется, вытерев слезы, — Не думаю, что она мне навредит.

— Жень...

— Я хочу с ней поговорить. Я должна...

— Ты ничего и никому не должна, Жень. Ты этого *не* делала.

Возникает пауза, которую я не смею нарушить — это разговор без слов между мужем и женой.

«Черт, он ее действительно любит...» — пробегает мысль, пока я наблюдаю за этой немой сценой, потому что вижу — они друг друга понимают и без слов.

— У тебя просто чудные знакомые, дорогая...

Алексей вырастает, как из под земли, и я вздрагиваю, резко повернув на него голову. Он идет уверенной походкой, даже улыбается, хотя в глазах и сквозит легкий нервоз, но мне на него плевать. Я снова обращаюсь к Мише.

— Лиля может быть для вас дрянью... — он нехотя переводит внимание на меня, и я продолжаю, как будто получаю зеленый свет, — Адель говорила о вас, что вы — добрый.

— Может быть для нее я и добрый, но не для той, кто пришел в мой дом, чтобы угрожать моей жене.

— Я ей не угрожала, а как раз наоборот.

— И для этого «наоборот» взяла с собой пистолет?

«Черт!» — шикаю мысленно на его усмешку, но в жизни соглашаюсь: нет смысла врать.

— Да, возможно, это был мой план «Б», но лишь для того, чтобы меня выслушали.

— Я...

И прежде, чем он снова продолжит сыпать колкости, я выпаливаю.

— Адель говорила, что вы с Мариной разные.

— К чему это здесь и сейчас?

— К тому, что вы, как никто, должны понять. Близнецы — всегда разные, даже если они похожи друг на друга, как две капли! Вы с Мариной разве не доказательство? Адель говорит, что она — темная сторона луны, а вы — светлая, но и она не Саурон. Лилия тоже не Саурон, а Роза была... — я прикрываю глаза и тихо выдыхаю, уставившись в пол, чтобы не показывать им свои слезы, — Она была прекрасным человеком. По-настоящему доброй, светлой, наивной. Она всегда старалась для других, жертвовала своими интересами и ставила интересы окружающих, любимых ею людей, выше своих. Всегда!

Быстро вытерев влажную дорожку, я делаю еще один вдох и снова смотрю ему в глаза и наконец вижу в них то, о чем говорила и Адель, и Настя — доброту. Пусть внешне он и похож на Александровского, но они такие разные... Глаза его выдают с потрохами, особенно сейчас, когда из них ушла вся злость и страх, оставляя место лишь его сути — мягкости. Он не дает мне карт-бланш, но дает право сказать, и я им пользуюсь, продолжая.

— Костя очень сильно любил и, думаю, что будет любить ее всегда. Вы это тоже должны понять, потому что я вижу, что вы любите свою жену. Представьте себе, что у вас ее отнимут? Разве вы смогли бы вести себя здраво? Зная, что с ней сделали? Как ее мучили и как убили, когда им надоело?

Михаил отводит глаза, но я не даю ему потерять этот контакт, делая шаг на встречу.

— У них есть дочь.

Получается. Это срабатывает также, как выстрел — резко привлекаю его внимание и возвращаю себе, что прибавляет мне сил и смелости.

— У вас тоже есть дочери. Только ваши девочки знают свою мать, а Камилла никогда ее не увидит. Она ее не помнит. Когда Роза пропала, ей было всего полгода. Это случилось за две недели до их с Костей свадьбой. Представьте себе, что он чувствует. Вы с ним похожи гораздо больше, чем готовы признать, но...

— Достаточно, — обрубает, но я не сдаюсь, а хмурюсь и твердо продолжаю.

— Вы защищаете не того человека! Он ее брат, но он монстр!

— Я сказал — достаточно. Женя, иди...

Михаил разворачивает свою жену в сторону лестницы, и та, словно кукла, идет, куда ее ведут, а меня прямо взрывает, и я ору им в спину.

— Мне было девять, когда это случилось, и знаете что?! Ваш брат забрал и меня тоже!

Пара замирает, пока внутри меня избивает мое же сердце, а внутренности сворачиваются в узел. Всхлипнув, я вытираю слезы, чтобы хотя бы сделать вид, что я взрослая и сильная, ведь сейчас себя такой не чувствую совсем. Мне неловко, неудобно, не по себе рассказывать то, что тогда случилось, но у меня нет другого выбора, кроме искренности. Это единственный шанс...

— Он хотел, чтобы я смотрела. Роза умоляла его позволить дать мне наушники, а потом велела закрыть глаза. Все это длилось ровно три часа, двадцать восемь минут и тринадцать секунд, пока она не схватила меня и не выпихнула в окно. Мы бежали по лесу, а ваш брат гнался на нами с собаками, и когда Роза поняла, что мы не сможем выбраться — она заставила бежать меня. Она пожертвовала собой, не испугалась, даже после всего того ада, который устроил ваш брат! Заставила меня бежать и не оборачиваться, а сама пошла в обратную сторону! К ним! Вот какой она была!

— Я СКАЗАЛ — ХВАТИТ!

Голос Михаила гремит, как гром, и я опускаю глаза, вся ежусь и всхлипываю, но следом раздается голос его жены. Точнее не так. Визг его жены, который приводит в ступор даже меня.

— Прекрати, Миша!

Мы все удивленно смотрим на эту маленькую, хрупкую женщину, которую явно потряхивает, но которая, как и я, храбрится и сжимает кулачки.

«Неужели я выгляжу также?» — думаю, но тут же отбрасываю эти глупости, когда она снова начинает говорить.

— Сколько можно?! Я не сахарная, и я хочу с ней поговорить! Я хочу ее выслушать! Я

хочу...

— Женя...

— Хватит! — твердо отсекает она, а после переводит взгляд на меня и хмурится, — Извини, но я не могу тебе помочь.

— Если вы мне не верите, я могу показать видео. Костя...

— Нет! — взвизгивает и отступает, будто от уродливой, страшной змеи, видя флешку в моих руках, а потом тише, но не смотря на меня, признается, — Я знаю кто мой брат, знаю, что он делает...потому что я это все видела.

— Что?

Я не верю своим ушам. Смотрю на эту тонкую фигуру и просто не верю! Как так? Адель мне соврала? Но не похоже, что это так. Я вижу, что Евгения не плохой человек, она не похожа на них, а напротив, как Роза, аж светиться добротой, но...как же так?

— Такие наклонности спрятать сложно, — еле слышно говорит, сжимая себя руками, будто хочет защититься, — Я знаю все, о чем ты говоришь, потому что росла внутри этого ада каждый день, пока Миша меня не забрал.

Наконец она поднимает на меня взгляд, всхлипывает и шепчет.

— Прости, но я не могу тебе помочь. Не потому что я его защищаю, а потому что не знаю, где отец его прячет. Я с ними больше не общаюсь... прости меня, Амелия.

— Женя, идем.

Миша бережно обнимает жену и уводит ее наверх, а я смотрю-смотрю-смотрю им в спины и не верю.

«Ничего не получилось. Все напрасно...»

Это та самая мысль, которая бьет сильнее пощечины — у меня не вышло. Я подвела ее...

Я сижу на диване огромной гостиной, редко, но метко всхлипывая. Мне плевать, что происходит вокруг, даже не смотря на свое природное любопытство, я ничего не рассматриваю. Считаю дощечки в полу, подперев голову рукой, и всхлипываю. Каждый раз, когда это происходит, чувствую короткие взгляды Алекса и Алексея, но не реагирую — мне действительно насрать.

«Зачем я вообще здесь сижу?!» — то и дело порывается сознание, но я не могу заставить себя встать и уйти.

Вместо этого я сижу.

«Похоже я просто на что-то надеюсь?»

— Может тебе выпить? — вдруг спрашивает Алексей, но я лишь кошу взгляд, не собираясь отвечать.

Зато Алекс собирается, судя по всему.

— Она уже вчера выпила достаточно.

— С каких пор ты ее суфлер?

— Заткнись.

Парни усмеваются над своим остроумием, а все, чего я хочу, чтобы они заткнулись. Закатываю глаза и молчу, снова изучаю пол, но тут мое внимание привлекают быстрые шаги,

и я резко натягиваюсь, как струна.

Михаил спускается с лестницы, останавливается, оглядывая нас злым взглядом, а потом также стремительно подходит к бару, где также молча наливает себе стакан и сразу выпивает его до дна. Как-то волнительно становится, и я вся превращаюсь в слух, наблюдая за его могучей спиной. Боюсь даже пошевелиться, пока он повторяет процедуру, и только после третьего бокала выдыхает.

— Мда...ну вы устроили, конечно. Какого хрена?!

Он оглядывает парней, но те молчат, и тогда он поворачивается ко мне. Самое страшное, что я не могу разгадать его взгляд, вжимаюсь в спинку дивана и не могу сказать и слова в свое оправдание. Мне почему-то не просто волнительно, а еще и действительно страшно, словно он меня сейчас пришибет. Вот что верховодит в этой красивой комнате, правда ровно до того момента, как я не рассматриваю в его глазах доброту. Снова доброту, которую он прячет на миг, прикрыв их, а когда снова смотрит на меня, она все еще там, только в коктейле с сочувствием и сожалением.

— Женя очень тяжело переносит все эти разговоры о ее семье, а я не люблю видеть свою жену грустной или расстроенной.

— Понимаю.

— Хорошо, что ты это понимаешь. Возьми.

Он протягивает мне вдвое сложенный листок и ждет, пока я на негнувшийся ногах подойду и аккуратно его заберу. Когда я разворачиваю, не могу сдержать облегчения в громком выдохе, тогда он тихо поясняет.

— Она с ними не общается, потому что я ее ограждаю, но мне приходится. Там он держит этого ублюдка.

Не верю своим ушам и...тому, что делаю дальше. Это происходит само собой и вообще на меня не похоже, но в следующий миг я уже вишу у него на шее...Это странно. Очень-очень странно. Я это сама понимаю, отстраняюсь и краснею, смотрю в пол, мямлю что-то вроде «простите», но он не злится, а посмеивается.

— Не благодари. Если бы твой Костя не достал пушку, я бы дал адрес и ему, — поднимаю глаза, а Миша уверенно кивает, — Ты права была, малышка, мы похожи. Если бы я узнал, что они касались Жени хотя бы пальцем, я бы убил их голыми руками. Мы не будем переживать, когда это действительно случится, но.

— Но?...

— Как только Константин нажмет на курок, он должен понимать, что ему не жить: Валерий Семенович души не чает в своем сынке-обмудке. Он его наследник, ты же понимаешь, что это значит?

— Понимаю.

— Константину нужно будет бежать и молиться, чтобы он не нашел концы, иначе мой тесть подойдет к вопросу со всей ему присущей фантазией.

— Костя не отступит.

— И я это уважаю, поэтому просто обязан предупредить. Из России ему нужно будет уехать еще вчера.

— Я поняла.

— Отлично. А теперь иди-ка ты в ванну. Прямо по коридору и налево.

Киваю и разворачиваюсь на сто восемьдесят градусов, но как только немного отхожу, Михаил меня окрикивает.

— Амелия! Еще кое что. Передай ему, чтобы один туда не совался. Артема охраняет, как зеницу ока, почти целая армия. Пусть возьмет кого-то сверху этого крепыша, который был здесь сегодня.

— Это не проблема.

— Охотно верю. Беги, а мы пока поговорим с этими двумя красавцами.

— Спасибо.

Теперь он кивает, а я снова разворачиваюсь и иду в нужном направлении, но теперь окрыленная и счастливая.

У. МЕНЯ. ПОЛУЧИЛОСЬ.

Конечно вид у меня так себе для триумфального. Это я понимаю, стоит мне переступить порог светлой комнаты и увидеть в отражении себя — кошмар! Волосы все какие-то взъерошенные, глаза заплаканные, нос краснющий...а теперь еще и щеки покраснели, стоило мне осознать, что в таком виде меня видел Алекс.

«И на что я могу рассчитывать, боже ты мой!» — «Опять эти глупости...»

Закатываю глаза и умываюсь. Все, чего я хочу — это сконцентрироваться на своей победе, такой большой победе! А мысли все равно приводят меня к Алексу и его «женщине».

«Какой же надо быть сукой, чтобы изменить своему парню с его отцом?! Понятно почему он так реагировал на все вопросы о своей семье, и тем более понятно почему он так старается отгородиться от женщин! Поступи со мной так, я бы никогда в жизни не согласилась бы попробовать снова...»

Думая об этом, я покидаю ванну, смирившись с тем, что лучше уже не будет. Кое как исправила прическу, затянув хвост на макушке, немного смыла слезы, поправила одежду, и на этом все. Думаю, что Алекса уже ничем не удивишь, особенно учитывая мой бухой трип, который я так до конца и не вспомнила.

В гостиной никого нет, и я наконец могу полюбопытствовать. Комната светлая, просторная и мягкая — бежевый, огромный диван, напротив камин из светлого камня. Я так и представляю себе, как они всей семьей смотрят огромный телек, который как раз висит над камином, и улыбаюсь. А еще шире улыбаюсь, когда вижу просто миллион фотографий, с которых мне вторят эти счастливые люди. Вот они на море, в походе, во дворе, в ресторане Михаила. Вот Евгения держит одну из их дочерей, судя по всему только родившуюся крошку. А вот их свадьба. Я аккуратно снимаю красивую рамку, чтобы разглядеть поближе, и не могу оторвать глаз. Михаил крепко обнимает ее, как будто готовый разделить все, что выпадет ей, а Евгения так нежно на него смотрит, отвечая взаимностью. Тут сразу понятно, что любовь у них настоящая и глубокая, от которой пальцы покалывает...

— Я тогда платье испачкала прямо на животе, — вдруг раздается голос Жени, и я вздрагиваю, чудом не уронив рамку.

Оборачиваюсь. Она стоит, неловко сжав руки внизу живота, и слегка улыбается, глядя мне в глаза. Я тут же краснею, быстро возвращая фото на законное место и мотаю головой.

— Простите пожалуйста, я...эм...я...

— Ничего страшного, и давай на «ты», я немногим старше тебя, — усмехается и подходит ко мне, сама снимая рамку с ностальгической улыбкой, — Я уронила помаду. Так нервничала, что руки тряслись, и прямо на живот...Пятно осталось. Я расстроилась.

— Его не видно...

— Конечно не видно, — ставит фото на полку и смотрит на меня с улыбкой, — Миша поехал и купил мне новое платье вместе с Мариной. Она выбирала, а то это не по

традициям... С Мариной спорить бесполезно.

— Видела ее один раз...

— И она, спорю на что угодно, произвела фурор.

— О да, — усмехаюсь, сама также неловко сжимая пальцы, — Огромный.

— На самом деле она хороший человек. Знаю, что так и не скажешь, но если заглянуть за все ширмы — внутри очень добрая девушка, но очень одинокая. С таким родителем по-другому и не будет...

Я только киваю, потому что не хочу говорить все то, что думаю об этом «родителе», а она и не ждет.

— Я хотела выпить молока, может ты составишь мне компанию?

Конечно молоко — это предлог, я понимаю, но также я понимаю, что ей важно о чем-то со мной поговорить и не могу отказать. Не знаю почему.

— Конечно.

— Отлично! Я своим девочкам его готовлю, когда они просыпаются среди ночи. Очень вкусно. Ты же любишь корицу?

— Вполне.

Евгения кивает и ведет меня за собой, а я следую, потом наблюдаю за всеми ее приготовлениями молча. Что-то внутри подсказывает мне, что ей нужно время, чтобы решиться сказать то, ради чего она спустилась и привела меня сюда. Так и выходит. Когда Женя наполняет блестящий, медный половник, она тихо произносит.

— Мне очень жаль, что ты это все пережила. И Розу... мне очень жаль...

Я опускаю глаза на белую столешницу и киваю, потому что не знаю, что ответить. Очевидно, что ей жаль, но она не виновата — я это понимаю. Теперь, когда я убедилась сама в том, что Адель говорила правду, я не могу злиться на нее...

— Ты, наверно, меня ненавидишь, да?

Резко поднимаю глаза.

«М-да, чтение мыслей явно не ее конек...»

— Нет, — также тихо отвечаю, а потом откашливаюсь и более уверенно добавляю, — Я достаточно умна, чтобы понимать: ты здесь не при чем. Ты даже не похожа на них, так что...

— Я на маму похожа.

— Повезло, — усмехаюсь с отсылкой на свою беду, а Женя понимает с отсылкой на свою, кивая.

— Знаю, что ты думаешь о моем отце. Я его тоже ненавижу, поверь.

— Верю.

— Он всегда был жестоким. И с мамой был еще хуже...

— Какой была твоя мама?

— О, она была совершенно не такой, как они. Очень теплая и мягкая... Я ее почти не помню, она умерла, когда мне было пять. Рак. Но я помню, что от нее пахло мятой, а еще она крепко обнимала меня перед сном. Это была наша маленькая традиция, которую я перенесла и в свою семью — мои девочки не засыпают без этого.

Слушая, я улыбаюсь, а она вдруг бросает на меня взгляд и говорит.

— Ты, кстати, не похожа на свою сестру. Адель о тебе многое рассказывала, и я уже тогда это понимала, но теперь убедилась.

— Да... Моя сестра тема животрепещущая...

— Да, это так, но знаешь? Я в отличии от Александровских, ее не ненавижу. Мне кажется, что Лиля тоже хороший человек, просто скрывает это.

— Раньше она была другой. До Вл...Петра Геннадьевича.

Женя усмехается и кивает, опуская взгляд в кастрюльку, где мерно помешивает угощение, а я вдруг говорю, сама не зная зачем.

— Она была смелой.

Моя собеседница возвращается ко мне, и я краснею. Смотрю по сторонам, не зная куда себя деть, но продолжаю. Снова не зная зачем.

— Всегда была такой. Ей все было интересно, она все хотела знать и не боялась. Лилия никогда ничего не боялась, перла, как танк, была умной...

— Она и сейчас не дура.

— Это да, но я имею ввиду по-настоящему умной, — бросаю взгляд на Женю, которая также смотрит на меня и подбадривающе улыбается, мол, продолжая, и снова я продолжаю! — Ее отец был классным, когда приезжал к нам в гости всегда привозил мне платья. Он купил мне самое мое любимое — лиловое с кучей рюшей, а я в нем была похожа на пирог. Элай, мой брат, так и бегал за мной с криками: пирог-пирог-пирог.

Женя смеется, и я отвечаю ей тем же, делая шаг на встречу.

— Очень мягкий человек и очень умный. Он был ученым.

— Ученым?

— Да. Изобретатель. У него было сразу несколько патентов на какие-то формулы, я точно не знаю какие, правда, но знаю, что их используют до сих пор в одном из видов производства. Она тоже могла бы стать кем-то вроде него, но потом уехала в Москву, а еще через какое-то время Александровский уничтожил ее до основания.

— Знаешь, она до сих пор смелая, если тебе интересно.

— Правда?

— О да. Я ей всегда завидую, потому что такой, как она никогда не была и не смогу стать. Видела бы ты, как она ведет себя на всех семейных сборищах...Держится, как львица.

Мне приятно это слышать. Женя будто дарит мне надежду на то, что еще не все потеряно, и это греет. Я улыбаюсь, убрав прядь волос за ухо, а она вдруг тихо, но со сталью в голосе добавляет.

— А *он* многое уничтожил до основания.

Такого откровения я никак не ожидала, если честно. Наблюдая за тем, как девушка снимает с огня свое творение, я пытаюсь срастить услышанное с тоном.

«Кажется, Петеньку ненавидят и внутри его семьи...хм...»

Нет, мне это известно, конечно. Адель бывало и сама бросала неоднозначные фразы, правда я никогда не думала, что все настолько запущено. Наверно поэтому неожиданно мне приходит лихая идея, и, недолго думая, я решаюсь ее воплотить. Не знаю откуда взялась такая смелость и, что важнее, такое доверие, но в следующий выпаливаю, как на духу.

— Что случилось с Матвеем?

Из рук Жени выпадает ложка, а я жалею, что спросила, особенно когда встречаю ее долгий, непонятный взгляд. Мне не то чтобы неловко, я хочу провалиться сквозь землю, краснею, бледнею, и молчу, как дура. Жалею-жалею-жалею. Ругаю себя, даю ментальные пощечины, и от увечья меня спасает именно эта хрупкая девушка, даря слабую улыбку в ответ.

— Матвей хороший парень, но слишком вольный. За это его наказали.

— Но он...жив?

— Если можно так сказать, — с горечью отвечает, наблюдая за тем, как молоко разливается по чашкам, — Мой тесть его спрятал, а для Матвея жить внутри тесных рамок очень и очень непросто.

— Спрятал?

— Петр Геннадьевич так наказал его, и это просто ужасно! Матвей совсем ребенок, но это быстро забылось.

— Зря я спросила? — с тихо надеждой спрашиваю, в ответ получая чашку с молоком и еще одну ласковую улыбку.

— У меня не зря, но лучше не поднимай эту тему в присутствии его братьев — они очень остро реагируют. Сядем?

Я соглашаюсь, а пока иду к столу вслед за хозяйкой, размышляю. Не только о Матвее, но и о ней самой. Меня слишком уж сильно напрягает эта странная связь, и украдкой за ней наблюдая, я наконец понимаю, откуда она взялась: Женя очень похожа на Розу. С ней рядом так тепло, она буквально заражает своей добротой и мягкостью, а так было только с Розой. Я невольно задумываюсь, как необычно все это. Жизнь — такая странная штука. Я сижу в доме женщины, которая как две капли воды похожа на мою ушедшую сестру, и которая является родственницей тех, кто в этом повинен.

«И она могла бы быть здесь. Сидеть, варить мне что-то вкусное, иметь мужа и много-много детей...»

Отвожу взгляд, чтобы скрыть свои снова назревающие слезы, и сразу же отвлекаюсь на происходящее на улице. Там рядом с бассейном стоят трое мужчин и один, самый крупный и самый старший, откровенно отчитывает двух других. Меня это беспокоит. Ладно Алексей, ему ничего и не будет, но вот Алекс...

— Ему влетит, да? — тихо спрашиваю, Женя сначала не понимает, но проследив за моим взглядом только улыбается.

— Ты волнуешься за него?

— Ну...эм...Он во все это влип из-за меня и...

Я так мямлю, что сама себя готова убить, а вот Женю это веселит. Она хитро смотрит на меня, а потом не менее хитро протягивает.

— Ну понятно-понятно...Я сразу это увидела, даже не смотря на ситуацию. Подметила, как он смотрит на тебя, как ведет себя рядом...

— И как же? — жалобно пишу, получая уверенный, но дико неожиданный ответ.

— Как будто хочет уберечь и защитить. Вы очень красивая пара.

Дальше происходит сразу несколько вещей. Во-первых, Алекс понимает, что за ним наблюдают и резко переводит глаза точно на меня. Во-вторых от этого факта и от услышанного я роняю свою чашку, и содержимое растекается по красивому, мраморному столу. Ну а в-третьих я смачно выругиваюсь, резко вскочив и расставив руки в стороны. Женя прямо в восторге! Она хохочет так звонко, что у меня зубы сводит, а сама я краснею так сильно, что еще секунда и точно вспыхну.

Это. Просто. Какой-то. Кошмар!

Но становится еще хуже, когда на кухне появляется это двухметровое чудо и нагло так протягивает.

— Что, котенок, продолжаешь бесчинствовать?

— Котенок? У-у-у... — дразнит Женя, а я одариваю Алекса супер-злобным взглядом и

шиплю сквозь зубы.

— Хватит меня так называть! И вообще...заткнись!

Это веселит теперь не только Женю, но и двух других мужчин, которые пришли следом, а меня прямо таки калит. Смотрю на Евгению, вытирая свое «бесчинство» непонятно откуда взявшимся полотенцем, и мотаю головой.

— То что ты сказала — не так. Это не так!

— О чем речь? — весело интересуется Алекс, и я жалобно выдыхаю.

— Боже, да заткнись!

— Я как раз говорила, что вы — красивая пара.

Из меня рвется писк. Я резко закрываю лицо руками, слушая смешки, а Алекс, клянусь всеми святыми, открывает рот, чтобы вставить еще один свой «остроумный комментарий», но я резко перебиваю.

— Мы не пара! Поехали!

— А указывает, как девушка... — тихо, но достаточно громко, комментирует Алексей, за что я просто мечтаю запустить в него кружкой, но лишь одариваю говорящим взглядом, который его смешит, — Ой, я это в слух сказал?

— Ты козел, а Адель врунья!

Семейство снова смеется, вот только я не желаю во всем этом участвовать и делаю шаг от стола, кивая.

— Пора бы и честь знать. Эм...Михаил?

— М?

— Могу попросить...

— ...Чтобы о том, что здесь было, никто не узнал?

— Если можно.

— Понимаю. Я — могила.

— Круто-классно. Поехали!

К нему я обращаюсь исключительно сквозь зубы, и Алекс улыбается, указывая мне дорогу к выходу. Пулей вылетаю в коридор, а когда чувствую спиной его присутствие, краснею сильнее и отскакиваю в сторону.

— Не трогай меня!

— Сегодня утром ты была не против, котенок.

— Сегодня утром я была еще бухая!

— А-га...

И мне снова хочется его убить...

Глава 17. Дыши свободно. Амелия

17; Июнь

Мы возвращаемся домой глубокой ночью, поэтому долго ищем место для парковки. Я ни о чем с ним не говорю, потому что слишком сильно концентрируюсь на листке, который сжимаю в руках. Алекс понимает. Он не лезет ко мне больше, не достает, не подкалывает — просто молчит, и я ему благодарна за это. Боюсь, что меня просто не хватило бы на два дела сразу, особенно когда меня так мандражирует.

А меня ведь действительно трясет. Когда мы поднимаемся на этаж, я смотрю в одну точку на створки лифта, потом на первую дверь, ведущую в тамбур с нашей квартирой, потом и на входную дверь. Алекс открывает все сам, но на последнем этапе, держа ключи в замке, ненадолго замирает, будто давая мне возможность собраться, а потом тихо спрашивает.

— Все нормально?

Он дает этот момент на «сборы себя в кучу», потому что вопрос этот означает «ты готова?», и я это понимаю без пояснений. Поднимаю на него глаза, медлю, но все же коротко киваю, только после чего он открывает для меня проход к свободе.

Это ведь действительно свобода, вот что означает этот листок с координатами. Я чувствую облегчение, потому что понимаю: все кончено. Зная Костю, я уверена, что это так, и это чувство просто великолепно. Носить на душе столько лет этот тяжелый камень, который тянет тебя вниз, в прошлое, в ту страшную, ужасную ночь — невероятно тяжело. Сейчас я чувствую себя по-настоящему свободной и счастливой, когда захожу на кухню и вижу Костю, весь этот потрясающий коктейль только множится.

Он сидит на подоконнике, наверно выглядывал меня в окно, а когда наконец увидел, застыл. Его сигарета медленно тлеет, поднимая тонкую струйку дыма к потолку, и вообще, обычно, такое здесь вытворять нельзя. Кристина не разрешает курить в квартире, а сейчас молчит. Она тоже здесь, сегодня в нашем доме никто не спит. На столе стоят четыре кружки кофе, а стены взрываются от тишины и напряжения. Оно занимает место кислорода, вот какое впечатление складывается, и им явно было не до шуток, потому что никто не смеется и даже не улыбается.

«Интересно, сколько часов они здесь провели?» — на подсознательно уровне думаю, но мысль быстро ускользает.

Мне на самом деле сейчас неинтересно это. Меня ничего не волнует, кроме этой победы, а Костя не решается спросить. Я вижу, как ему страшно, как он волнуется. Клянусь, я даже слышу, как бешено отбивает его сердце ритм этого самого волнения, и срываюсь с места. Обнимаю его крепко, утыкаясь в грудь, и первую секунду он не понимает, что происходит. Я плачу, и это вгоняет его в тупик, но потом, спустя каких-то пару мгновений, он тоже обнимает меня и тяжело вздыхает.

Странно, но этот «вздых» не похож на «вздых облечения», а скорее полон обреченности, и когда я смотрю ему в глаза, ее и вижу. На секунду я даже думаю, что возможно он передумал? Возможно теперь, когда у нас есть точное местоположение, уже не сдашь назад? Ведь ему придется перекроить всю свою жизнь, а для Камиллы это стресс. Ему нужно думать не только о себе, и теперь уже не сдашь назад. Но я быстро отметаю эту глупую теорию, когда он грустно улыбается и убирает прядь волос за ухо, будто говоря: ничего

страшного, мы попытаемся еще.

И до меня доходит.

«Конечно! Он же не понял! Идиотка!»

Я издаю смешок, беру его руку и вкладываю в разрисованную хитрыми узорами ладонь лишь визуально маленький листочек бумаги, который на деле больше, чем Вселенная... для нас так совершенно точно.

— Миша дал мне адрес, — тихо говорю, сжимая его пальцы и наконец встречаясь с ним взглядом, — У меня получилось.

То, что я вижу дальше, подтверждает мою теорию о том, что Костя любил и всегда будет любить Розу, потому что тот коктейль эмоций на дне его черных глаз повторить сможет только человек любящий. Они настолько разрывные, что я всхлипываю, а он резко притягивает к себе, утыкается в макушку и хрипло шепчет.

— Спасибо, малая.

А потом все как-то вдруг меняется. Сначала, конечно, когда Костя встает и молча уходит, мы все еще напряжены, но Хан ловко разряжает обстановку очередной каверзной историей и своими фирменными шуточками. Конечно же про меня. Естественно!

Я закатываю глаза и плюхаюсь в свое любимое кресло, продолжая кивать на рассказ Хана. Встречаюсь глазами с Крис. Признаюсь, что мне страшно это сделать в первый раз, после всего произошедшего, но ничего плохого за этим не следует — она только нежно улыбается и предлагает мне чай, приподняв заварочный чайник. Я киваю — так все встает на свои места и между нами. Потом возвращается Костя, который уже пришел в себя, взял в руки и снова «ему все не по чем». Он встает у кухонной тумбы, подперев ее спиной, даже улыбается той же Кристине, которая сегодня, видимо, на раздаче напитков, забирает кружку с кофе, но молчит. Поглядывает в сторону Хана, тот ведь все никак успокоится не может, бурно жестикулируя во время рассказа нашего сегодняшнего приключения, а я просто счастлива.

Подтянув ноги к груди, грею руки о чашку и улыбаюсь, но тут понимаю, что на меня кто-то смотрит, и поднимаю глаза. Клянусь, лучше бы я этого не делала... Алекс стоит у подоконника, заменив своей фигурой фигуру Кости, курит и не сводит с меня «того самого» взгляда, из-за которого я краснею. Резко расширяю глаза и отвожу их в сторону, чем привлекаю внимание Хана. Он, как заправский, хитрый лис сразу все срисовывает, и ему хватает всего секунды, чтобы все понять. Я это четко вижу по хитринке и полу-улыбочке, в ответ на которую я тихо шепчу:

— Пожалуйста, заткнись.

Но даже не смотря на то, что я действительно шепчу тихо, это не ускользает от окружающих. Все замолкают, кажется, что даже за окном все останавливается во времени, и теперь сосредоточено на мне.

«Это фиаско...» — проносится в голове, в то время как я сама краснею, а еще через миг издаю тихий писк и ударяюсь лбом о стол.

Мое лицедейство веселит всю компанию, а Хан, опять же как тот самый лис, которому просто необходимо засунуть свой нос в любой курятник, поворачивается на Алекса и улыбается.

— Кого-то ты мне напоминаешь, Алекс...

— Надеюсь кого-то хорошего? — усмехается в ответ, пока я готова на все, лишь бы провалиться сквозь землю.

— Ну...это время покажет, приятель. Смотря как будешь обращаться с моим маленьким цветочком...

Я издаю очень-очень громкий писк и закрываю лицо руками, слышу сбоку смешок Арая, а потом и «па» Алекса.

— А как можно относиться к котяткам? Только холить и лелеять, а еще *почаще чесать за ушком*, да, дорогая?

В этой фразе столько намеков, что у меня снова возникает идея причинить ему физические увечья, что я и транслирую при помощи своих глаз, сжатых губ и шумного выдоха носом. Но ему плевать. Его вообще это не цепляет, только заставляет ухмыляться шире.

«*Вот...мудак!*» — думаю, но краем глаза замечаю, как Хан уже открывает рот, чтобы *ввернуть словечко*, и понимаю, — «*Ну уж нет!*»

— А давайте я лучше расскажу, что я сделала и зачем? Вместо того, чтобы обсуждать какой-то кринж!

— Кринж? Надеюсь это не какие-то наркотики? — шутит Хан, за что и его постигает кара «взглядом».

Он втягивает губы внутрь, кивает, и я наконец раскладываю все по полкам. С самого начала, включая мое нежелание от него зависеть и поступление в Академию, чтобы этого избежать. Как пару месяцев назад я впервые сделала вброс, в качестве проверки его намерений и своих подозрений. Это было кольцо, то самое бриллиантовое кольцо, о котором я тоже говорила с Лилей, расписывая во всех красках и его, и мой восторг. Когда я получила его в подарок после выпускного — это означало одно: он схавал наживку, а значит я могу переходить к следующему этапу. Мне было необходимо выбесить Лилю и подвести к разговору о Розе, чтобы он знал, чего я хочу больше всего, и чтобы он захотел мне это дать, чтобы меня впечатлить и изменить о себе мое мнение. Главная сложность всегда состояла в том, чтобы он считал это своей идеей, но и это у меня получилось. Я даже не забыла о Кристине, которой теперь подробно объяснила зачем нужно было ее присутствие: Лиля на эмоциях может многое рассказать о моей семье, а давать в руки этому гандону козыри я не собиралась никогда.

— ...Очевидно при Кристине она будет фильтровать свой базар, так и вышло. По сути, она сказала только то, что я хотела, чтобы он услышал. Как-то так.

Отгибаюсь на спинку кресла и мерзко улыбаюсь, как делаю с детства, а потом играючи добавляю тоже, что говорила с самого детства.

— Шалость удалась.

Хан приходит в себя первым, начиная громко хохотать и хлопать в ладоши, и раньше других дает комментарий, который в миг стирает с моего лица ухмылку.

— Ну точно...вся в отца!

После моего изменившегося лица, смеяться начинают уже и остальные, а Костя добавляет.

— М-да...а масштабы то растут...

— И это мне еще нет восемнадцати, представляешь?

— Когда будет, смело сможешь захватить мир.

— Или разрушить еще одну империю... — загадочно парирую, а Хан с Костей перестают ухмыляться.

Зато я снова начинаю. Смотрю точно в глаза то одному, плавно перевожу на другого,

постукивая пальцами по столешнице. Я знаю, что они читают меня, потому что позволяю им это — я злюсь и хочу, чтобы это видели, что Хана естественно тревожит.

— О чем ты говоришь, Амелия?

— Ты же мне соврал, не так ли? — молчит, хотя понимает, о чем речь, и я киваю, — Спрошу еще раз. То, что случилось с моим отцом дело рук Александровского. Да или нет?

— Скажи ей. Нет смысла скрывать то, о чем она уже явно давно догадалась.

Костя ухмыляется мне в ответ, и его слова именно то, чего я так ждала. Это тот самый подъем внутри, но я не даю ему прорваться наружу, вместо того продолжаю ждать. Хан снова медлит, решается, но недолго. Наверно он и сам понимает, что больше действительно нет смысла скрывать, поэтому выдыхает и коротко кивает.

— Да.

— Из-за мамы?

— Да.

— Так он хотел убрать конкурента?

— Он рассчитывал, что после смерти твоего отца, твоя мама станет его женщиной, так что да, так он убрал конкурента.

— А когда этого не случилось?

— Когда этого не случилось, а твоя мама вернулась в Россию, после того, как ты окрепла, мы перебрались в Новосибирск.

— В смысле «окрепла»? — неожиданно спрашивает Кристина, и я резко перевожу взгляд на нее, внезапно вспоминая, что она все еще здесь.

Кошу взгляд на Хана, тот без слов понимает, что разговор мы продолжим наедине, а потом вздыхаю, как бы невзначай.

— Я родилась не в России, а в Японии.

— В...Японии?

— Это традиция. Моего отца убили, как раз когда это происходило.

— Ну не прямо в этот момент... — вклинивается Хан, издав смешок, — Он успел подержать свое главное сокровище на руках и выбрать тебе имя. Знаешь почему он так тебя назвал?

— Потому что даже в безобидном цветке может быть скрыта смертельная опасность, и всегда нужно это помнить. Знаю. Глупая легенда...

— Что за легенда?

Ну это прямо-таки звездный час Хана. Он закатывает рукава, улыбается и приближается к столу, уперев в тот локти, а потом таким «особым», полным мудрости голосом делится с Крис той легендой, которой руководствовался мой отец при выборе моего имени.

— У Одина и Фригг был сын, которого все любили, и звали его Бальдр. Однажды ему была предсказана не своя смерть. Тогда Фригг взяла клятву со всех живых и неживых существ, от всех растений, камней, стихий, что они никогда не навредят Бальдру, но забыла попросить клятву у маленькой омелы. Злой и коварный Бог Локи знал это и воспользовался ее невнимательностью, сделал маленькую стрелу, которая пронзила сердца прекраснейшего из асов Бальдра, — от этой заезженной истории я закатываю глаза, но Хан игнорирует, смотрит уже на меня и кивает, — Никогда нельзя упускать из виду пусть и маленький цветок. Никогда нельзя его недооценивать.

— Прекрати, пожалуйста...

— Почему? По итогу то он был прав! Какой человек...

— Хватит уже его восхвалять, как будто он божество! — цежу сквозь зубы, а с боку фонит Костя своим цыком.

— Ты когда-нибудь прекратишь?

— Прекращу «что»?!

— Ты знаешь что. Твоя необоснованная ненависть уже утомила.

— Необоснованная?! Ха! — резко поворачиваюсь к нему лицом и дергаю головой, — Мой отец — козел и мудака. Мне ему построить алтарь и поклоняться? Может поделитесь набросками строения, раз только этим и занимаетесь?!

— Твой отец был хорошим человеком, — мягко перебивает Хан, и теперь я смотрю на него также ядовито хмыкая.

— «Хороший» человек, хм, как забавно. Надо разослать письма во все учебники по криминальной психологии с предложением называть маньяков «хорошими людьми».

Как один они тяжело вздыхают и смотрят в потолок, что меня окончательно выносит, так что я начинаю перечислять, загибая пальцы.

— Убийца с Грин Ривер? Он убивал проституток, а еще поговаривают занимался некрофилией. Хороший человек? Конечно! — Костя еще раз цыкает, а я развожу руками и нервно дергаю головой, — Тед Банди? Он тоже убивал женщин, похищал их и насиловал. Хороший человек? Несомненно да! Джеффри Дамер? Да это вообще победитель всех наград! Он столько наворотил, что заслужил звание «отличный человек»! И...

— Прекрати ты перечислять эту нечисть! — фыркает Хан, а потом трет виски, — Я все твоё детство это слушал, у меня от таких фактов мигрень! Откуда эта странная страсть, не понимаю...

— Да я хочу узнать о своем отце, как можно больше, вот и интересуюсь ему подобными!

Пару секунд я наблюдаю за тем, как Хан беззвучно молится, но в следующий резко опускает на меня взгляд и серьезно выкатывает.

— Ты немного не понимаешь, какой тогда была жизнь. Девяностые — страшное время, кто бы что не говорил, как бы не восхвалял в песнях, но это было страшно. Банд было столько, что не продохнуть, и то, что они творили — мерзость и грязь.

— И тогда вы решили пойти по их стопам?

— Считаешь, что я способен на такое?

Отвожу взгляд, потому что нет, я так не считаю, но в слух не произнесу, ведь тогда все мои аргументы посыпятся, как карточный домик. Выбираю молчание, но Хан все прекрасно понимает и улыбается.

— Кто-то должен был их контролировать. Твой отец был справедливым человеком, и он сделал много хорошего. К нему прислушивались и с ним советовались. Если у фермеров были проблемы — шли к нему, и он помогал. Если в школах не хватало средств — он их находил. Его *любили*.

— Мама тоже его «любила»?

— Что за тон? — возмущается Хан, — Конечно любила! Твоя мама никого так не любила, как его. Он тоже.

— Он ее похитил!

Оба моих родных мужчин начинают посмеиваться, а меня так бесит, что я сжимаю кулаки и рычу. Не произвожу эффекта. Вообще ноль. Костя лишь слегка закатывает глаза и протягивает.

— Давай на чистоту, окей? Он ее *забрал*, а не похитил.

— Если кто-то не может уйти, когда захочет — это похищение. Похищение — это удерживание против воли и...

— У них уже были отношения, когда он ее забрал, — моя тирада умирает под сухим фактом от "дядя", который для пущей надежности добавляет, — Они встречались пару месяцев. Он ходил на все ее выступления, а потом...

— Фу, заткнись! Ла-ла-ла! — затыкаю уши руками, но сама улыбаюсь, а когда вижу, что он все таки заткнулся, с той же улыбкой указываю на него рукой, — Но это не значит, что она хотела!

— Она *хотела*.

— Он закрыл ее в доме! Она этого хотела?! Говорила иначе!

— Она не говорила иначе, а говорила, что по началу злилась, но потом...

— ...Смирилась. Какая чудная история любви!

— Ты знала, что он ее отпустил?

— Что?!

— Да. Когда дошло до предела, он ее отпустил, а потом спас и снова отпустил, но она не захотела уходить. В конце концов, она знала, что любит его, перестала сопротивляться этим чувствам, приняла и его и его жизнь — она сама захотела остаться. Твой отец никогда не удерживал ее силой, даже когда удерживал. Если бы он увидел, что она *действительно* хочет уйти, отпустил бы ее сразу. И отпустил...

— Но...

— Никаких но. Он никогда ее не обижал, а уважал и ценил.

— И не изменял?

— Клянусь всем, что у меня есть, он никогда ей не изменял. Зачем? Он полюбил ее с первого взгляда. Но, если тебе так интересно, он жалел об одном.

— Ага! — как будто подловила, указываю в свою «няню» пальцем, но он отбивает это ловким «ничем».

— О том, что отпустил ее и подверг ее жизнь опасности. Говорил всегда, что лучше бы она еще чуть-чуть его поненавидела, чем все это.

«Твою мать...» — нечем бить дальше, но я все равно пытаюсь слабо подкидывать тихим шепотом.

— Он убивал...

— Да, это так. В нашей среде иначе не выжить, так просто не бывает. Это было необходимое зло, Амелия.

— Необходимое... — пытаюсь возмущаться, но тут же меня останавливают, и на этот раз Костя.

— Да, Амелия. Необходимое зло. Твой отец никогда не убивал, если можно было договориться — это был последний вариант, который он бы выбрал. Но да, он его выбирал, потому что это жизнь, а в жизни встречаются такие черти, которые просто недостойны жить.

Заканчивает твердо и безапелляционно, намекая на небезызвестного ублюдка, которого мы так долго искали, одним глотком допивает свой кофе, ставит кружку со стуком и смотрит на меня.

— Нам, наверно, уже пора. Светает.

— Подожди, мы еще не обсудили самое важное.

Костя молча ждет, хотя я уверена, что знает, о чем я хочу поговорить, но не перебивает.

Чтобы казаться более уверенной и твердой, я поднимаюсь на ноги, расправляю плечи и, помедлив пару мгновений, киваю.

— Я хочу поехать с вами.

Предвещая лавину отказов и пререканий, сразу, как говорю, вбираю в грудь побольше воздуха, чтобы дальше протараторить все свои аргументы, что и делаю...

— Я уже не ребенок и имею на это право, если не больше остальных, то по крайней мере на одном уровне. Я не боюсь. И не испугаюсь! Я...

— Хорошо.

— Я хоть и не знаю, что... Стоп, что?! — удивленно хлопаю глазами, глядя на веселое лицо Кости, — И никаких тебе «ни в коем случае», «это опасно», «ты с ума сошла»?!

— Нет.

Недоверчиво щурюсь, а еще немного отступаю, словно в ожидании взрыва от бомбы с лже-таймером. Но ничего не происходит. Костя, как в принципе и Хан, молча смотрят на меня и улыбаются, а я наконец выдыхаю и мотаю головой.

— Что-то не так. Этот мудака с отвисшими яйцами все таки убил меня за хамство?! Это лимб?

Хан тихо посмеивается, на него я бросаю короткий, испуганный взгляд, потому что дальше снова всем моим вниманием завладевает Костя. Он делает ко мне шаг, сжимает руки выше локтя и кивает.

— Нет, все так и есть. Ты заслуживаешь быть там не меньше меня, но... Позволь мне просто сказать, окей?

Недоверчиво киваю. Тогда меня усаживают на кресло, а «говорильщик» притягивает табуретку под задницу, садится и, помедлив немного, выдыхает.

— Если я попытаюсь тебе запретить, ты же все равно не послушаешь, так? Уверен, что ты запомнила координаты, и даже если тебя ночью разбудить, ты назовешь их без единой ошибки.

— Допустим.

— Поэтому запретов и не будет. Вместо того, я хочу...спросить у тебя: готова ли ты поставить крест на своей жизни?

Молчу. Бросаю взгляд на Кристину, потом бегло на Алекса, но лишь на секунду, снова возвращаясь к Косте, у которого на губах играет мягкая улыбка.

— Ты ушла год назад, потому что хотела жить по-другому, и я тебя понимаю. Это было правильно. Даже Элай понимал всегда, он просто слишком эмоциональный, да и расставание с тобой далось ему непросто. Так ответь мне, Амелия, разве это то, чего ты действительно хочешь?

Снова молчу. Он кивает.

— Птичка на хвосте принесла, что ты стала играть еще лучше...

— Болтливая птичка.

— Ну уж какая есть, — усмехаемся одновременно, а потом он вздыхает, — У тебя прослушивание в Гнессенку через две? Три недели?

— Три.

— Это же то, чего ты хотела... Я уверен, что ты поступишь. Ты не Лиля, той вечно не хватало усердия, но ты поступишь. И ты будешь тем, кем всегда хотела быть — профессиональным музыкантом. Если ты пойдешь со мной, об этом тебе придется забыть, ты это понимаешь? Никакой сцены. Никакого пианино. Ничего этого не будет. Нам

придется прятаться, и я не знаю сколько.

— Александровский его уничтожит...

— Неизвестно, как он себя поведет. Не берись ставить на других слишком много, Амелия, особенно на этого мудака.

— Да брось, это очевидно. Удар же пришелся на его любимую *РЕПУТАЦИЮ!*

— Даже если так, представь сколько времени это займет? А вдруг что-то случится?

— А вдруг что-то случится с тобой?

— Со мной? Ха! Даже не смешно.

— А с Камиллой?

— Не волнуйся за нее. Она защищена лучше, чем президент.

— Я могу ее увидеть? — тихо спрашиваю, Костя медлит, а потом щурится.

— Если ты хочешь пойти со мной, то нет. Я уезжаю прямо сейчас, и, если ты едешь со мной, я не дам подвергать ее такой опасности.

— Ты ее не увидишь?

— Какое-то время нет.

— Костя...может быть ты не будешь этого делать? — еще тише шепчу, сжимая его ладонь, — Я могу поехать вместо тебя и...

— Нет.

— Костя...

— Амелия, — твердо, но при этом мягко пресекает меня и снова улыбается, — Роза была любовью всей моей жизни, и я должен сделать это сам. Не только из-за этого, но чтобы смотреть нашей дочери в глаза и не стыдиться, когда она спросит о своей маме и о том, что стало с тем, кто виновен в ее смерти. Я *должен* сделать это сам.

— Я понимаю...

— Я рад это слышать. Ты можешь решить, я даю тебе право выбирать, а это самое важное, и никто тебя не осудит. Ты не обязана идти на эти жертвы, Роза бы этого не хотела... Она тебя очень любила, Амелия, и она не хотела бы, чтобы ты выбирала что-то не из-за своего желания, а потому что думаешь, что должна. Она бы хотела, чтобы ты прожила полную, яркую жизнь и ни в коем случае не зарывала свой талант. Помнишь, как она любила тебя слушать?

Мой речевой аппарат, кажется, отказывается работать — я не могу вымолвить и слова, поэтому только киваю. Косте этого достаточно, слава богу, и тогда он отстраняется и пожимает плечами.

— Камилла здесь, в Москве.

— Что?!

— Она под другим именем и улетит через неделю с *бабушкой*...

«Представляю, в каком восторге «бабушка»», — усмехаюсь, представляя, как маме некомфортно слышать такое слово, и Костя это понимает, хитро дернув бровями.

— ...Эту неделю она проведет с тобой. Так будет, если ты так захочешь, конечно. Если ты решишь пойти со мной, ты ее не увидишь, и она улетит завтра.

— Где она?

— В FourSeasons на Охотном ряду.

— И ты оставил ее одну?!

— Амелия, ей уже восемь, напоминаю.

— Ты же знаешь, как она не любит быть одна в новых местах!

— Решай, а не жури.

— Это отсутствие выбора.

— Это издержки нашей жизни, малая. Не тяни резину. Решай.

Мне не нужно было «тянуть» никакую «резину», чтобы принять это решение. Конечно с одной стороны у меня фактически забирали то, что так долго направляло и двигало вперед, но с другой стороны была Камилла, а Камилла всегда перевешивала. Да и кто выберет между смертью и жизнью смерть?

— Ты знаешь, что я выбираю. Глупое предложение.

— Какое есть. Ты хорошо подумала? Не пожалеешь?

— Я всегда выберу Камиллу. Нет, не пожалею.

— А было время, когда ты ее ненавидела, помнишь?

— Я скорее тебя ненавидела. Это же ты запихнул в мою Розу свой член, а потом еще и своего ребенка.

— Господи, Амелия! — шипит Хан, закатывая глаза, — Как ты разговариваешь?!

Но мы с Костей не реагируем на замечание по этикету, которое звучало в нашем доме уж слишком часто, вместо того начинаем улыбаться.

— Прости, не смог сдержаться.

— Я прощаю тебя, исключительно потому что ты неплохо постарался. Ну и потому что она не похожа на тебя.

— Это благословение, не иначе как.

Мы снова хихикаем, а потом я вдруг понимаю, что хочу знать еще кое что до того, как мы расстанемся.

— Могу задать один вопрос?

— А тебя остановит мой отказ? — с улыбкой прищипываю его за руку, но потом выдыхаю и киваю, собираясь в кучу.

Вопрос то серьезный, тут не до шуток.

— Почему Роза и Лиля поссорились тогда?

Костя тоже перестает улыбаться, и мне сразу становится понятно: он знает, и эта тема ему неприятна. Мне разумеется становится только интересней, и я шурюсь, а потом добавляю.

— Роза всегда ее прощала за час, а тут они не общались год. Целый год! Почему так вышло? Что случилось?

— Почему ты спрашиваешь у меня, а не у Лили?

— Потому что мы оба знаем, что Лиля расскажет историю так, как ей удобно. Она не из тех, кто признает свои ошибки, а я хочу знать правду.

— Тебе она не понравится.

— Не удивлена и все же.

Молчит и взвешивает, но я настроена серьезно. Я правда хочу знать, как все было — это мне нужно. Не знаю зачем, просто нужно. Хотя возможно я хочу сделать определенные выводы, а возможно мне просто надоело прятать голову в песок во всех аспектах своей жизни? Наверно все сразу. И, мне кажется, именно мой настрой подталкивает Костю приоткрыть завесу тайны.

— Помнишь, что после школы Роза и Лиля собирались уехать в Москву?

— Разумеется.

— В одиннадцатом классе Розе было семнадцать.

— И?

Он щурится с улыбкой, а я хмурюсь.

«И что с того?! Не понимаю...»

— Ты серьезно не догоняешь?

— А похоже, что я понимаю?!

— Как меня воспитывал отец?

— По правилам.

— И из чего следует...?

— О господи! — взрывается Арай, на которого я перевожу немного испуганный взгляд, — Ей не было восемнадцати, а сексом можно заниматься в восемнадцати! Обычно...

Последнее он прибавляет тихо и с улыбочкой, за что я вознаграждаю его средним пальцем, но потом снова смотрю на Костю и саркастично приподнимаю брови.

— Кому ты лечишь про восемнадцать? Ты лазил к ней в окно с лета перед одиннадцатым классом. Чем вы там занимались? Разгадывали sudoku?

— Все то она видит, ты посмотри... — протягивает Хан, на что я парирую, не отрывая пытливого взгляда от Кости.

— Я фиксирую извращения с пеленок. Ну и?!

— Мне в подробностях рассказать или как?

— Если ты помнишь, что такое секс, можешь и в подробностях.

— Какая ты сегодня остроумная. Хорошо. Любовью можно заниматься и без проникновения.

Бам! Что?!

Я, если честно, ловлю ступор, непонимающе хмурясь, пока вокруг все наблюдают за нашим баттлом, а мой оппонент улыбается во все тридцать два. Он, наверно, ждет, что до меня дойдет, но до меня не доходит, и это смешит Арая.

— Охо-хо...малышка не понимает о чем речь? Какое упущение...

Я резко краснею и злобно смотрю в сторону этого мерзавца, а взгляд так и липнет к Алексу. Он, в отличии от своего брата, шутки не оценил. Сложил руки на груди и вкручивает в меня свой, от чего я краснею только сильнее, быстро вернув внимание Косте, который только и рад, что поддержать мои унижения.

— Действительно...Что, малая? У тебя пропуск в сексуальном воспитании?

— Нет никакого пропуска, козел! Я просто не занимаюсь любовью, мне же не шестьдесят два!

«Бам!» — делаю характерный взмах руками, как репер, мол, приложила, хотя на самом деле просто мечтаю побыстрее перевести тему и соскочить, отвлечь, да что угодно!

Выходит. Все начинают смеяться, а я, подождав немного, дергаю головой.

— Я вообще не очень понимаю при чем здесь секс и их ссора.

— Забавно, как все взаимосвязано, да?

— Они поссорились, потому что вы начали...заниматься сексом?!

— Они поссорились, потому что наши отношения стали серьезными и полноценными, и Роза отказалась от меня уезжать. Когда она давала обещание, все еще было непонятно, сама понимаешь.

М-да. Нет, ну я ожидала какой-то тупости, но чтобы вот так?! Хмыкаю, недоверчиво разглядывая его лицо, а потом резюмирую.

— Но это не все. Роза бы ее простила за любую хрень, которую та сказала, а она

слышать о Лиле не желала.

— Ты права, не все. Вторая часть истории...кхм...это попытки Лили изменить ситуацию и сделать так, как она хочет. Ты же помнишь, как ей сносило башню, когда она не получала желаемого?

— Далеко ходить не надо, ей до сих пор ее сносит. Меньше, но сносит.

— А тогда совсем пиши-пропало.

— Допустим.

— Мы с Розой решили год пропустить, чтобы понять, чего мы хотим. Образование, местоположение и все такое, но стали жить вместе сразу после выпускного. Помнишь, квартиру в новых высотках?

— Да.

— Помнишь, что тогда отец подвязал меня работать в клубе?

— Да.

— А что Роза отказалась сидеть дома и работала в школе на продленке?

— Да.

— Уверена, что хочешь услышать дальше?

— Да.

— Хорошо, — Костя отгибается назад, опираясь на кухонную тумбу, складывает руки на груди и жмет плечами, — Это была моя первая работа, и я очень серьезно к ней относился. Я не хотел расстраивать и разочаровать отца.

Киваю, неосознанно придвигаясь ближе.

— ...В ту ночь твой брат-мудак опять стал исполнять. Он решил, что раз я работаю в клубе, то *по-дружески* пушу его на бои. Я естественно отказался. Во-первых, маниакальность, а во-вторых...

— Ты боялся маму. Дальше.

— Именно. Мы поссорились, потолкались, а в конце смены он снова припелся, и мы мирились за бутылкой рома.

Закатываю глаза, как всегда их закатывала на все эти «мальчишеские» приколы, как я их называю.

— В общем я пришел домой в ноль. Роза посмеялась и уложила меня спать. Я проснулся только в обед от звонка в дверь. Открываю — там она. Я удивился, что она так рано, но был не в состоянии выслушать ответ. Потом она начала трахать мне мозг, что я алкаш и «посмотри на себя вообще», но быстро успокоилась. Сунула мне пиво. Я взял, а дальше провал.

— Та-а-к?

— Я проснулся только утром. Вижу, Роза сидит напротив в углу на кресле, ноги к груди и взгляд волком. Я начал вспоминать, что было до моего провала, и как раз в памяти возник образ, как она отчитывает меня по поводу выпивки. Что мне еще было думать? Наверно она обиделась из-за этого?

— Но она обиделась не из-за этого, да? — тихо спрашиваю, уже зная ответ наперед.

— Не из-за этого... Выяснилось, что Роза застучала нас с Лилей.

Догадываться и знать — вещи разные. Да, еще до конца его рассказа, я понимала, откуда растут ноги, потому что Роза никогда не стала бы его отчитывать. А вот Лилия бы стала. Она всегда очень громко выказывала свои недовольства, но это все? Это же кринж!

— Погоди-погоди-погоди...Ты, конечно, извини, но Лилю ты не привлекал никогда,

каким бы красавчиком не был.

— А я ее и не привлекал, между нами ничего не было. Она накачала меня и сделала вид, что мы занимаемся сексом, чтобы показать Розе, какой я гандон на самом деле. Меня спасло только то, что Роза забыла свои книги и вернулась домой, увидела меня в бессознанке и все поняла.

— А она сбежала?

— А ты Розу не знаешь? Она не стала бы ничего выяснять, не устраивала бы скандалов.

— Ну да...она всегда была слишком мягкой... — киваю, соглашаясь, — Да и потом — это унижительно!

— Вот именно. После этого я больше не пил. Особенно из рук женщины...

— Но стой, это же нелогично! Она бы и с Лилей не общалась в таком случае...

— И снова. Ты же помнишь какой она была?

— Слишком мягкой...

— Лиля бы ее смогла убедить.

Я хмурюсь, отстраняюсь и смотрю в пол, обдумывая услышанное, а Костя вдруг хмыкает.

— Ты ведь подруга Лили? — резко смотрю на Крис, которая в такой шоке, что и сказать ничего не может, а только кивает, — Ну в таком случае извини. Твоя подруга — мразь. Мы все это знаем, а ты, судя по тому, что говорит Мел, нет. Будь с ней осторожна, потому что она воткнет тебе в спину нож, если ей это будет выгодно. А теперь мы поехали.

Костя поднимается, но я продолжаю сидеть, смотрю на него снизу вверх и тихо спрашиваю.

— Когда я могу забрать Камиллу?

— Да хоть сейчас. Она завела будильник на раннее утро и ждет тебя.

— Козел! — вскакиваю с улыбкой до ушей, — Ты же все знал!

— Ни секунды в тебе не сомневался, малая.

Так мы и прощаемся. За окном уже почти утро, светло, а в прихожей толпа народа. Кристина обнимает Хана и даже Костю, а потом говорит то, чего я от нее уж точно не ожидала.

«Нет, сегодня день внезапностей, не меньше!»

— Я буду рада, если вы снова приедете. В следующий раз приготовим что-то по моему рецепту, хорошо?

— В следующий раз? — переспрашиваю, уставившись на нее, — Крис, ты все поняла? Осознала, что здесь сегодня произошло?

— Что ты имеешь ввиду? — притворно-сахарно спросила, но мне не до шуток.

Я выдыхаю и киваю, указывая сначала на Хана.

— Этот человек один из соучредителей ОПГ. А этот... — указываю на Костю, — Едет убивать, и я не шучу, убивать! Одного богатенького ублюдка. По-настоящему.

— Я это поняла! — шипит, слегка пихая меня локтем, — И после того, что я видела...я не против.

— Охо-хо...она не против. Хорошо. Мой отец был криминальным авторитетом и держал под своей пятерней крупный район. Он тоже убивал людей. Пачками. Моя мама лишь числилась юристом в этой самой ОПГ, но по факту, после его смерти ей руководила. А мой брат сейчас в Японии, учится быть моим отцом. Все еще не передумала?

— Нет не передумала! — не выдерживает и вскрикивает, — Я никогда не видела твою

мать, но думаю, что она была хорошим человеком. Твой брат тоже не монстр, хотя и весьма специфический, но ты не лучше! Я знаю, что ты не ангел, видела сто раз, а слышала еще больше, но меня все устраивает! Что касается твоего отца...почему-то я склонна верить Хану, ты за что-то на него злишься, поэтому не объективна. Все?! Я все разложила по полочкам?! Или мне нужно добавить, что ты — часть моей семьи тоже?! Кстати, а вас...то есть тебя...так и зовут? — вдруг спрашивает у Хана, пока я улыбаюсь, как дура, как и он, кстати.

— Меня зовут Ганбаатар, но проще и короче Хан. Пристало еще на службе в армии.

— Вот! Он еще и в армии служил! Вы — хорошие люди. Или что?! Тебя что-то не устраивает?

— Все устраивает.

— Вот и прекрасно! Боже! Ты бываешь просто невыносима!

А мне так на душе тепло становится...Она злится дальше, что-то говорит, но я не слышу — все просто чудесно, потому что я остаюсь дома, пусть другая часть моего дома и уезжает сейчас в неизвестность...Конечно я спускаюсь их проводить, и после недолгого разговора с моим продолжением об Александровский и их наставлениями, Костя целует меня в висок и тихо шепчет.

— Я пришлю тебе нож, которым проткну его сердце.

Возможно и не так романтично, зато действенно. Я обнимаю его в ответ, утыкаюсь в грудь и пару раз киваю, также шепча.

— Будь осторожен.

— Если что-то случится...

— Я знаю, что делать.

— Точно. Знаешь. А пока...дыши свободно, Амелия. За нас всех.

17; Июнь

Я еще долго смотрю в след габаритов машины, которая увозит моих любимых людей и понимаю, что это переломный момент. Теперь в Новосибирске у меня ничего не осталось: все уехали. Брат в Японии в небольшой деревушке, где проходит обучение, которое когда-то проходил мой отец. Костя и Хан скоро и вовсе покинут Россию на неопределённый период вместе с Камиллой и мамой. Конечно я всегда могу приехать к ним, используя окольные пути, но это не одно и тоже. Есть Кристина, но это тоже не одно и тоже. Лиля...с Лилей все сложно, особенно после того, что произошло за эти последние дни. Думаю, что она уже в курсе, а это означает, что и с ней «нет пути назад».

Я осталась одна.

Сейчас тот момент, когда я начну строить свою жизнь и «дышать свободно», потому что по факту из всей моей семьи только у меня есть такая возможность. Наверно, когда-нибудь, у остальных она тоже появится, я, по крайней мере, хочу в это верить.

— Надеюсь, что ты не собираешься рыдать... — вдруг раздаётся хорошо знакомый голос за спиной, от которого я все равно вздрагиваю.

Алекс стоит и ухмыляется, но сам вроде как...злится? Я не очень это понимаю, хотя судя по тому, что он пытается поддеть меня моей же фразой — это совершенно точно так.

«ЧТО ОПЯТЬ?!»

— ...Это так пошло.

Фыркаю, складываю руки на груди, запахнув кардиган сильнее, и спрашиваю.

— Что ты здесь забыл?

— Еду в центр, ты, я так понимаю, тоже?

— И?

— Садись, подкину.

— Я могу...

— Садись, Амелия, — строго обрывает, указывая на свою машину, — Есть разговор.

Мне это не нравится, потому что на самом деле разговаривать нам не о чем, но я все равно иду, как глупая овца из стада.

«Что со мной не так?!» — думаю, пристегиваясь, а потом тихо усмехаюсь над своим же непостоянством, — «Забавно, возмущаюсь, и все равно делаю. И для чего это надо, а?»

Я жду, что говорить он начнет сразу. Я ведь действительно этого жду. Мне почему-то страшно, я волнуюсь, но не понимаю почему. Вроде как все очевидно и расставлено по своим местам, а внутри бьет какая-то глупая...надежда?

«Надежда на что? На что ты надеешься то, господи?! Амелия! Приди в себя! Он все сказал и обозначил!»

Нервничаю больше, украдкой поглядывая в его сторону, но Алекс не произносит ни слова. Мы тупо едем прямо, он бесится, а я мандражирую. В салоне стоит липкая атмосфера — так себе, скажу прямо, да настолько, что я задыхаюсь. Он как будто специально тянет кота за яйца, и в какой-то момент я не выдерживаю.

— Так о чем ты хотел поговорить?

Алекс сильнее сжимает руль, на его щеке играет мышца, но на вопрос он не отвечает, и меня это бесит.

«Какого хрена?!» — шиплю про себя и вторую внутреннему голосу уже в реальности.

— Ты оглох?!

— Закрой рот сейчас.

— Прости?!

Снова тишина, а меня так возмущает его фраза, что я резко поворачиваюсь к нему лицом и неожиданно для себя вдруг со всей силы пихаю его двумя ладонями прямо в эту самую щеку с ходящими ходуном желваками.

«И что на меня нашло?»

Если честно, сама не знаю. Я обычно себе такого не позволяла, особенно когда человек за рулем, на скорости и на Кутузовском, где едва ли можно ехать медленно. Удивленно моргаю, но для Алекса это как будто последняя капля. Он издает рык, вот в прямом смысле рык! Выворачивает руль и съезжает в какой-то карман. Черная БМВ несется вперед с огромной скоростью, неожиданно со скрипом тормозит, и снова ее хозяин резко выкручивает руль, заезжая в неприметный двор. Я озираюсь, как загнанный в клетку зверек, схватившись за торпеду.

«Куда его понесло?!» — «Может мне все-таки суждено оказаться в трупном мешке?»

Не успеваю задуть этот предательский смешок в горле от веселой идеи внутри своей чокнутой головы, как раз в тот момент, когда он тормозит в закутке, спрятанном от посторонних глаз за трансформаторной будкой и небольшим забором.

— Смешно тебе, дура?!

Его хриплый, злой голос разрывает и тишину, и напряжение, а когда я поворачиваю на него голову...пропадаю. Стоит мне встретиться с ним взглядом — все стирается. Вакуум. Мир снова сжимается до размеров одной машины, одного салона с запахом его парфюма, до одного прикосновения, до одного мужчины... Сама не понимаю, как оказываюсь у него на коленях, все так быстро происходит, как будто кто-то перемотал пару кадров от этого странного, нелогичного фильма, вперед. Пропустил весь бред в виде каких-то там диалогов и приступил к самому интересному. К десерту.

Алекс резко дергает рычажок с боку сидения, и оно также резко отъезжает назад, пока сам он терзает мои губы. Меня терзает. Руки на бедрах, сильно сжимающие кожу, поцелуи на грани укусов, тяжелое и частое дыхание... Меня тянет к нему, как магнитом — к его коже, к его рукам, к его душе...Мне нравится она. Да, он самый настоящий красавец с телом греческого бога, глупо это отрицать, когда это так очевидно, но если уж совсем на чистоту, меня в нем привлекает не только оно. Другое. Я почему-то четко осознаю, что будь он очкариком с прыщами и в глупой футболке, мне все равно хотелось бы быть с ним рядом. С ним мне тепло. Хорошо. По каким-то внутренним, сильным вибрациям мы совпадаем идеально, а когда нас накрывает страсть, как сейчас, так вообще сносит крышу...

Алекс издает отчетливый рык, а потом силой дергает платье. Я слышу треск ткани где-то на задворках сознания, но мне плевать. Плевать, как я пойду по улице, плевать на то, что будет «потом», мне хочется лишь «сейчас». Побольше «сейчас», потому что это мне сейчас действительно необходимо, словно только он и может меня спасти. А я хочу спастись, поэтому позволяю ему содрать с себя лифчик, целовать в шею, снова оставлять на ней свои отметины. Они — единственное, что я хочу видеть на своем теле. Какое бриллиантовое кольцо? Мне оно ни к чему. Я хочу только его губы...

С придыханием дрожу, как осиновый лист, слегка выгибаю спину, когда он оставляет царапины на моей голой спине, а сама горю от нетерпения. Мои руки меня больше не

слушаются, когда я пытаюсь расстегнуть молнию на его джинсах, и это злит. Меня дико злит, поэтому я начинаю ее дергать, а Алекс хрипло смеется мне на ухо.

— Тише, мой нетерпеливый котенок...

— Закрой рот.

За хамство получаю наказание. Алекс резко отстраняет меня от себя, прижимая к рулю одной рукой, а потом приближается, смотря в глаза, захватывает в плен своих губ ореол и ощутимо прикусывает его. По телу прокатывается еще одна волна дрожи, я издаю стон и слегка сжимаюсь, закрыв глаза и откинув голову назад. Вторую грудь накрывает его рука, которой он сжимает и тянет в сторону, выбивая из меня еще один стон.

Я знаю, что он хочет, чтобы я посмотрела на него — ему всегда нравится, когда я смотрю, — и я смотрю. Эти чертовы глаза...не знаю, как он это делает, но он будит во мне то, чего казалось и вовсе нет. Страсть, огонь, чувственность — я только с ним стала замечать, какой могу быть, или это только он знал на какие кнопки нажать, чтобы я стала такой? Не знаю, и не хочу знать. Я хочу остаться в этом моменте навечно. В этой тесной машине, с ним. Снова с ним. Все уговоры летят в тартарары — я хочу быть рядом с ним. Особенно сильно ощущая это именно сейчас, когда он снова целует, водит по коже губами, хитро глядя в глаза, а свободной рукой расстегивает свою ширинку.

Я горю от нетерпения, часто вдыхая, смотрю на него и не шевелюсь, а он ухмыляется. Алексу это нравится — делать из меня такую покорную, желающую большего девушку. Он хочет меня. Сильно. Не знаю, как у него было с другими, но его эрекция просто каменная и отзывается на каждое мое движение. Когда я беру его член в руку, его дергает, а когда начинаю медленно двигать вверх-вниз, Алекс откидывается на спинку сидения и жмурится. Кажется в порыве страсти я стянула с него футболку, но это даже хорошо. У меня есть возможность наблюдать, как его мышцы с каждым вдохом становятся отчетливее, и это заводит меня еще больше.

Из колонок играет «Love Lockdown». Какое забавное совпадение с говорящими строчками: I'm not loving you, the way I wanted to. What I had to do, had to run from you...

Мне действительно следовало бы бежать, но я не могу. Вместо этого я касаюсь его пресса, медленно веду пальцами выше, наблюдая за этим, а Алекс наблюдает за мной. Я чувствую его взгляд и поднимаю свой. Наверно сейчас мне влетит за все, что я позволила себе за последние сутки, и от этого волнение и нетерпение только возрастает с геометрической прогрессией, но...кажется сегодня он и сам не может вытерпеть. Чеку срывает.

Резко Алекс дергает меня на себя, впиваясь в мои губы, а потом жадно дергает тонкие трусики. Секунду кожу прижигает, потом еще раз от ощутимого шлепка, а потом я снова растворяюсь в знакомом чувстве легкой боли и полной, абсолютной наполненности. Пальцы подрагивают от его громкого, глухого стоны мне в плечо, ими я цепляюсь за его плечи, а он прижимает меня к своей груди так сильно, что я задыхаюсь.

Алекс замирает на секунду, дает мне время привыкнуть, но потом набирает темп, не давая мне и шанса на спасение. Как он это делает? Я готова кончить уже сейчас, когда все только началось, и не могу себя сдерживать. Что меня толкает к первому оргазму «прямо не отходя от кассы», я не знаю. Никогда не могла этого понять, но анализировать что-то в этот момент совершенно бессмысленно. Потому что меня нет. Я себя не чувствую от того, что тону в ощущениях, пульсациях, фрикциях...Чтобы хоть немного оставаться на поверхности, я вонзаю ногти ему в плечи, Алекс снова рычит мне на ухо, прикусывает мочку, а через меня

будто пропускают разряд тока в миллион ватт. Не могу вдохнуть, снова теряюсь в пространстве, в глазах бьют круги, Алекс добавляет. Тихо, сбито, хрипло посмеивается, вдруг замедляется для того, чтобы продлить удовольствие и шепчет.

— Громче.

Приказ. От него только сильнее сжимаются мышцы, а после звонкого, обжигающего шлепка, я полностью подчиняюсь. По другому просто невозможно — сдерживаться не получается, даже если бы я вспомнила, что нахожусь во дворе жилого дома, а на часах уже восемь тридцать. Мне плевать, кто может услышать или увидеть — мне на все плевать. Я хочу этого.

— Сильнее... — хрипло выдыхаю ему на ухо и сразу получаю фидбек.

Алекс хватает меня за волосы на затылке и оттягивает так, чтобы я облокотилась на руль. Его движения становятся, как я и просила, еще более резкими, сильными и частыми, так он собирает новую волну внутри меня. В этот раз, когда она, как из переполненной чаши, выливается наружу со стонами и новыми судорогами, сводящими колени, Алекс кончает вместе со мной.

Одновременно.

Я где-то читала, что кончить одновременно сложно, почти нереально, что нужно действительно совпадать, чтобы это получилось. Это подтверждение — мы идеально подходим друг другу. Мы чувствуем друг друга. Мы знаем друг друга.

«Нет, не так. Мы знаем тела друг друга, но не души...» — так я думаю, когда снова сижу на своем, пассажирском месте, одной ногой упираясь в торпеду, а рукой поддерживая голову.

Дыхалка не пришла в норму, но сознание уже вернулось из омута, и я понимаю, что снова облажалась. Я, как безвольная марионетка, которая просто не может держать ноги вместе, когда он рядом. Алексу достаточно один раз посмотреть на меня, и это полный провал. Все мои решения обнуляются, все мои стены рушатся, а дистанция не значит ровным счетом ничего! И это бесит, но одновременно с этим я чувствую какое-то опустошение и смирение, которое выливается в какой-то обреченный смешок.

— Снова что-то смешное случилось? — Алекс тут же переводит на меня взгляд, но я свой не поднимаю, уставившись в пол.

— Нет. Просто подумала, что, кажется, действительно похожа на свою маму больше, чем мне всегда казалось.

Достаю салфетки из его бардачка, знаю, что они там есть, потому что сама их туда и положила как-то раз, когда мы вместе ездили за продуктами в ближайшую Ленту. Алекс никак не реагирует, молчит, а я начинаю вытирать следы этого безумия со своего бедра, чуть ли не плача при этом.

«Как это унижительно, господи...»

— Чего ты хочешь, Амелия? — вдруг глухо спрашивает, но я упорно молчу.

Не знаю, что ему сказать. А что тут скажешь? Он не даст мне этого при любом раскладе, потому что...

«Все еще любит ту. Из своего прошлого...»

Алекса игнор не устраивает. Он берет мой подбородок пальцами и поднимает лицо так, чтобы смотреть мне в глаза.

— Ты оглохла? — использует мои же слова на свой лад, слегка улыбается.

Он будто хочет исправить ситуацию, старается? Но я не оцениваю, выдерживаюсь и

щурюсь.

— Не трогай меня.

— Только что ты не была сильно против!

— Это наваждение. Сейчас оно прошло, и я снова могу думать, так что не трогай меня, твою мать! — ору, повернувшись корпусом в его сторону, а Алекс вдруг повторяет.

Слышу, как под его мощной пятерней скрипит кожа, на меня накатывает волна его запаха, от которой меня снова немного ведет, но я возвращаюсь обратно. Из-за его крика.

— Чего ты хочешь от меня, а?! Чего?!

— Я в тебя влюблена, что непонятного?!

Не знаю, что меня подталкивает к откровению. То ли стресс от всего, что произошло, то ли усталость, то ли злость на себя за то, что так легко воспламеняюсь, на него за то, что знает мое тело наизусть, но я сказала это. Сказала! И знаете? Почувствовала просто дикое... облегчение. Мне стало свободно, даже не смотря на то, что ответа нет никакого. Реакции нет. Все еще тяжело дыша, я смотрю в его глаза и не вижу в них ничего, что хотела бы найти. Что могло бы хоть немного остановить, заставить меня притормозить. Он просто молчал, как будто в рот воды набрал, и это был провал. Усмехаюсь, на миг прикрыв глаза, но потом, подпаленная злостью, резко распахиваю их и цежу сквозь зубы.

— Отлично поговорили. Спасибо, что «подкинул», дальше я сама. ДОЕДУ НА АВТОБУСЕ!

Резко вылетаю из салона его машины и быстро иду по тихому двору, где разве птицы кричали, но больше ничего. Сегодня воскресенье, так что нечему удивляться, что все спят. Только такие дуры, как я нет. Их трахают у помойки.

Прямо рыдать охота, насколько это унижительно...

«Видок просто блеск!» — шиплю про себя, поправляя лямку платья, которую он порвал.

Теперь оно ужасно вульгарно свисает, а под платьем у меня и белья то нет — просто красота. Приходится быстро застегивать пуговицы кардигана, чтобы никто не увидел этого ужаса. Но я то знаю...

«Вот он итог моих тупых, неразумных решений! У меня порвано платье, так что грудь вот-вот выпрыгнет наружу на радость извращенцем. Вся моя шея в его засосах, спорю на что угодно, что и прическа, будто меня таскала рота солдат. С одной стороны вся юбка в его сперме, а под этой самой юбкой и трусов то нет! Класс! Я посреди Москвы с голой задницей, как портовая шлюха! Просто. Вели...»

Тираду продолжить не успеваю, потому что меня резко дергают за руку. В первый миг я, естественно, пугаюсь, забывая все свои «супер-навыки», но быстро этот страх сменяется еще одной волной злости.

«ОПЯТЬ ОН!»

— Да что еще...

И снова договорить мне, видимо, не судьба. Алекс хватает меня за щеку, пальцами сжимая шею сзади, а потом дергает еще раз на себя, впиваясь в губы. Это неожиданно, и я теряюсь. Смотрю на него, расставив руки в стороны, и даже не дышу. Не отвечаю. Это его немного охлаждает, и он отстраняется, смотрит мне в глаза, молчит еще пару мгновений, а потом хрипло выдыхает.

— Я тоже.

— Что?

— Я тоже в тебя влюблен. Довольна?!

— Таким тоном нет! — пытаюсь его отпихнуть, а Алекс снова впивается в губы, и я уже пишу, молотя по каменным плечам, пока мне не удастся вырваться, — Псих! Зачем ты это делаешь?!

— Чтобы ты заткнулась, очевидно.

Смотрю на него зло, щурюсь, нервно одергиваю платье, потому что мне все кажется, будто вот-вот да все увидят мою голую задницу, не смотря на то, что во дворе по-прежнему ни души. Алекс наблюдает за мной, не уступая в эмоциях — я его тоже бешу, и даже не знаю, что больше: принуждение к признанию или просто я.

— Ты хотела знать — я признался, — вдруг повышает голос, раскинув руки в стороны, — Теперь тебя тон не устроил?!

— Тебя как будто вынудили!

— Не как будто! — орет еще громче, делая на меня шаг, — Ты меня вынудила! Или что, а, малышка?! Я сделал это не так, как ты нарисовала в своем воображении из сахарной ваты?!

Звонкий удар пощечины заставляет стайку птиц неподалеку резко взлететь, но я на них не смотрю, хотя с детства недолюбливаю птиц (когда-то на меня напала курица). Алекс забирает все внимание на себя, потому что я прямо нутром чую: зря я это сделала. Очевидно так и есть. Он тяжело дышит, голову, которая от удара отклонилась, так и не повернул на меня, а уставился в пол. Снова его желваки играют покруче любого рок-музыканта, так отбивая бешенный ритм, а мне почему-то страшно. Я вроде и знаю, что он меня не тронет, но все равно...мне немного не по себе. Вдруг он окончательно психанет и, нет-нет, да и врежет?

— Амелия... — рычит сквозь зубы, медленно поднимая на меня взгляд, — Еще раз это сделаешь, ты пожалеешь. Я выебу тебя так жестко, что ты ходить не сможешь. И сидеть тоже.

— Пошел ты! — пытаюсь храбрится, сжав себя руками, — То, что было в машине, больше не повторится!

— Еще как повторится. Хочешь отношений?! Ты их получишь!

— Не хочу я никаких отношений! — ору прямо в голос, тяжело дышу и смотрю на него волком.

Алекс молчит. Снова молчит и наблюдает за мной, как будто шок словил, но в следующий миг вдруг начинает смеяться. Теперь моя очередь стоять и втыкать, как дура, и все равно, когда он делает шаг на встречу — я делаю от него. Не смотря на свое бедственное положение...

— Не хочешь, говоришь? — вкрадчиво интересуется, делая еще шаг.

Я хмурюсь.

«Что он задумал?!»

Какая-то больная игра. Он на меня — я от него. Но главный вопрос, почему я поддаюсь?! Снова отступаю...

— Не хочу, — неуверенно мотаю головой, осторожно осматривая его внушительную фигуру.

«Не нравится мне это все...»

Еще шаг — мой не заставляет себя ждать.

— Ты меня боишься?

— А надо?

— Я тебя никогда не обижу.

Усмехаюсь и киваю, вспоминая все те разы, когда он меня «обижал».

Шаг — мой.

— Даже несмешно.

— Не веришь?

— Мне кажется, что это твое любимое развлечение.

— Ты ошибаешься. Есть развлечения получше.

Шаг — мой.

Я шурю.

— Считаешь себя остроумным?

— Вполне. А ты?

Шаг — мой.

Алекс тихо цыкает.

— Не вижу проблемы. Ты этого хотела...

— Вот именно. Я этого *хотела*. В прошедшем времени.

— Десять минут назад все было иначе.

— Еще раз повторяю: это наваждение.

— Это называется иначе.

Шаг — мой.

— И как же?

— Страсть, котенок. Это называется страсть.

— Терминология не меняет сути.

— Правильно. Это лишь слова.

— Что ты делаешь?!

— А что я делаю?

Усмехается, делая еще шаг, а когда я делаю свой, он становится последним. Упираюсь спиной во что-то шершавое и холодное, но у меня нет сил посмотреть, что именно это такое — я не смогла бы отвести от него глаз, даже если бы за моей спиной взрывались города. Алекс, словно довольный хищник, загнавший свою добычу в ловушку, упирает руку чуть выше моей головы, как тогда на балконе нашего дома, и улыбается.

— Знакомая позиция, не так ли?

Если честно, то я почти рыдаю. Сжав себя руками, опускаю глаза в пол, хмурюсь, а потом вдруг тихо шепчу, не узнавая свой голос — это на меня совсем не похоже...

— Пожалуйста...я хочу уйти.

Алекс молчит на этот раз достаточно долго, но потом убирает руку, и мне становится легче дышать. Правда ненадолго. Он до странного бережно кладет ее под низ подбородка и поднимает лицо на себя, как всегда любит делать. В этот момент случается то, что заставляет меня покраснеть — моя слеза падает на его татуировку, а он хмурится.

— Ты плачешь?

Из груди вырывается самопроизвольный писк, и я пытаюсь отстраниться, но Алекс не позволяет. Сгребает меня в охапку и обнимает, а я...черт, не могу сдержаться и начинаю рыдать, как конченная дура. Мне кажется, что хуже просто быть не может, что сейчас он посмеется над глупой малолеткой, развернется и уйдет, а он...черт, он мне нужен. Я вцепляюсь ему в футболку изо всех сил, но Алекс и не пытается отстраниться — он крепче обнимает, положив голову мне на макушку и молчит.

Не знаю, сколько это продолжается, но не думаю, что очень долго. Этот эмоциональный всплеск достаточно быстро проходит, и я успокаиваюсь, отстраняюсь, но в глаза ему так и не смотрю. Продолжаю изучать его черные кеды и свои пальцы в шлепках, и его это снова не устраивает. Алекс притягивает меня к себе, обнимает бережно, на этот раз я в этом уверена, а потом шепчет.

— Посмотри на меня.

Медлю. Волнуюсь. Но смотрю. И я наконец-то вижу в его глазах то, что так хотела, но уже не надеялась увидеть — чувства.

— Чего ты боишься? — дергаю плечами, на что получаю улыбку, — Не ври. Знаешь. Говори со мной, Амелия, я не умею читать мысли. Всегда говори со мной...

Алекс приближается и слегка касается моих губ, а потом тихо шепчет.

— Чего ты боишься?

— Тебя.

— Я тебя не обижу, — снова касается губ, правда уже дольше, — Знаю, что вел себя, как мудака, но мне сложно подпускать кого-то ближе.

— И что тогда изменилось?

— Не знаю, но что-то изменилось, — еще одно касание, — Я не готов тебя отпустить.

Я слегка дрожу. Он точно в прошлой жизни был, если не Люцифером, то змеем-искусителем. Мои глаза сами собой закрываются, а тело пробирают уже давно знакомые мурашки. Я. Не. Могу. Сопротивляться. Он только утрирует все мои чувства, продолжая мягко целовать.

— Я знаю, что сделал тебе больно, — хрипло шепчет, а я только киваю, не в силах и слова вымолвить, — Больше этого не повторится. Даю тебе слово. Чего ты хочешь?

— Я хочу...тебя.

— Это понятно, — смеется мне в губы, а потом слегка отстраняется и проводит внешней частью ладони по щеке, — Ты уже меня получила, но нам нужны границы.

«Ну конечно...сранные границы!» — вздыхаю и закатываю глаза, а когда он начинает смеяться уверенней, устало на него смотрю.

— Снова твои границы. Ну хорошо, расставляй.

— На этот раз они тебе понравятся.

— Удиви меня.

— Никаких третьих лиц не будет.

Хмурюсь.

«ЧТО?!»

Но Алекс не шутит. Он уверенно пожимает плечами, отгибает уголки губ и неожиданно достает свой телефон. Я наблюдаю, как коршун — ни разу его вблизи не видела. Не сказать, что я сильно пыталась, но все равно...Алекс бросает на меня взгляд с легкой улыбкой, но сразу опускает его в экран, где в телефонной книге находит ненавистное имя «Вера». И сносит! Вот так просто сносит, потом вздыхает и смотрит на меня.

— Так лучше?

— А она у тебя одна? — хмыкает на мой саркастический выпад, но говорит правду.

И это радует.

— Нет.

— Спасибо за правду.

— Не за что. Это еще одно правило: никогда мне не ври. Я ненавижу ложь.

— Буду иметь ввиду. Я тоже.

— Буду иметь ввиду. Что касается «третьих» лиц...

— Пожалуйста... — перебиваю шепотом, неосознанно сжимая его футболку, — Не поступай так больше со мной. Лучше просто уйди, но...

Алекс тоже перебивает, взяв мое лицо в ладони, приближается и уверенно, твердо отрезает все мои сомнения.

— Прости за то, что тогда было. Не знаю, зачем я это сделал... хотя нет, знаю.

— И зачем?

— Мне не нравится быть зависимым, а ты... не могу это контролировать. Ты меня дико тянешь. Мне нравится с тобой говорить и слушать тебя. Нравится, когда ты рядом. Нравится...

— Секс со мной? — усмехаюсь, а он нагло дергает бровями.

— Это мне очень нравится. У меня такого никогда не было.

— Врешь.

— Нет, — спокойно отбивает, но потом уже четко ставит точку, — Я даю тебе слово, что этого не будет. Только ты и я, никакой грязи. Вдвоем. Ты согласна?

Молчу, пытаюсь анализировать, взвесить риски, но все летит к черту — я не могу думать! Поэтому только часто киваю и тянусь к нему, а Алекс не заставляет себя долго ждать. Он впивается в меня поцелуем, прижимая к стене, и так мы скрепляем наш «пакт», который звучит очень просто: у нас отношения.

Глава 19. Зебра. Амелия

17; Сентябрь

Он сдержал каждое свое слово, но это не означало, что все было идеально. Нет, не было. Все было с ухабами и кочками, но кто сказал, что ухабы и кочки не могут быть идеальными? Мне было хорошо каждую минуту эти три месяца. Если меня спросили, я бы с уверенностью ответила, что это были лучшие три месяца в моей жизни, даже не смотря на все сложности. Алекс не был хорошим мальчиком, очевидно, но я приняла его. Конечно без его правил он не был бы собой, но правила были просты и до безобразия очевидны.

Во-первых, никакого вранья. Он на дух не переносил ложь в любом ее проявлении, но я тоже, так что в этом мы совпадали, и меня это правило не напрягало от слова «совсем». 1:1

Во-вторых, запретные темы. Как и «до» нашего пакта, в наших отношениях присутствовали своеобразные «зоны X», в которые входить нельзя ни при каких условиях, если только разговор не начнет тот, кому эта зона принадлежала. В его случае, это была семья и «та самая» женщина. В моем семья. 2:2

В-третьих, Алекс оказался собственником до мозга костей. Он ревнивый настолько, что в тот день, когда мы заключили наш пакт, как уже потом выяснилось, он действительно злился. Потому что ревновал. Меня. К Косте. Я смеялась часа два, а потом пару дней его подкалывала, когда слышала этот кринж, который «не наркотики», а дичь какая-то. Самое забавное, что даже после всех моих шуток, объяснений и приведении логичных аргументов, он остался непреклонен. Мне нельзя ни с кем общаться, кроме него. Точка. Мне нельзя одеваться слишком откровенно. Точка. (Запятая, если считать, что в нашей комнате можно ходить хоть голой, но только для его глаз). Когда я слышала все это, мне сразу пришла в голову та странная фраза на Патриарших: моя любовь гораздо хуже моего безразличия. Почему-то я прямо почувствовала, что она как-то связана с этой его чертой, и Алекс подтвердил. Он — собственник, а если я «его», то только «его». Такое зайдет далеко не всем. «Той женщине», например, это не нравилось (сноска: он сам пустил меня на эту территорию, но всего на полшажка, а я и не лезла особо. Все и без того понятно, по-моему). Но знаете? Оказалось, что и я не отстаю. Меня быстро стало бесить, что когда мы куда-то шли, на него непременно все пялились, а особо наглые дамы и вовсе строили глазки. Алекс посмеивался, но так ничего себе и не позволил, даже банального контакта взглядами. И все равно...бесило. Так что 3:3.

Больше никаких четких правил не было, а это, как ни крути, всего лишь границы, которые меня не напрягали, а которые я скорее разделяла. Остальное — глупость, по поводу которой мы бурно ссорились все лето, потом также бурно мирились. Крис и Арай даже настояли на нашем переезде в «домик для гостей» у бассейна того самого дома их общего приятеля. Да, мы провели там все лето, и я не жалела ни секунды. Да и вообще жалеть особо было не о чем — в этот период мне выпадали одни лазейки для удачных ходов.

Та неделя с Камиллой прошла просто прекрасно! Она очень повзрослела и поумнела, а еще стала заниматься танцами. Мы много куда ходили: в аквапарк, в кино, в музеи, на всякие выставки, в зоопарк...и ходили не одни. Алекс был третьим, так что да, я всё-таки получила свое «не-свидание» в зоопарке. Странно было то, что не смотря на все его громкие заявления о «я-предпочту-аборт», с Камиллой он поладил с первой минуты их знакомства. Одна радость была за ними наблюдать, у меня сердце пело. Когда мы ее провожали, она даже

подарила ему камушек, который сделала в тайне, когда мы ездили на Лошадиную ферму. Там был уголок «творчества», где я слепила цветок, Алекс разрисовал кружку вместе с Араем, а Кристина сделала тарелку из глины. Камилла же скрывала до последнего, что она там накуролесила, но когда мы прощались, каждый на память получил вот такой вот маленький презент. Алекс был последним. Ему она стеснялась подарить открыто, поэтому отвела в сторону и нашептала что-то на ухо, и пока это происходило, улыбка на его лице только росла.

Вторая хорошая новость случилась в тот же вечер, как Камилла улетела с мамой в Исландию: мне принесли коробку. Обычную, картонную коробку, но когда я ее открыла, на секунду замерла. Внутри на черном бархате лежала одна красивая роза идеально белого цвета, безупречная. Каждый лепесток шел к другому, бутон крупный, увесистый, а запах просто волшебный, насыщенный. Алекс подошел со спины, обнял и уже по-привычному положил голову мне на макушку, а через миг издал хриплый смешок.

— Знаешь, я, наверно, скоро привыкну, что моей девушке дарят ножи, но розы? Это меня уж точно не устраивает.

Я улыбнулась. Душу приятно грело это «моя девушка», я ведь пока не привыкла к новому статусу. Слегка мотнула головой, проведя кончиками пальцев по цветку и действительно ножу прямо под ним, а потом прошептала.

— У него все получилось.

Алекс плавно провел губами по волосам, спускаясь к уху, прижимая к себе сильнее, и также вторил, слегка прикусив мочку.

— У кого получилось и что? Потому что если ты говоришь о том, чтобы меня выбесить, то да. Действительно получилось.

— У Кости. Все кончено. Он мертв.

В ту ночь мы впервые не занимались сексом и просто лежали. Я много говорила, рассказывала о Розе, а потом плакала. Алекс молчал. Он гладил меня по спине, вырисовывая круги, *просто слушал*. И так как я фактически перебралась к нему в комнату, роза стояла именно здесь. Наверно это был и всегда будет единственный раз, когда мне позволили *сохранить*, а тем более поставить на видное место цветок «не от него», ну и плевать. Я все равно не хотела ничего «не от него».

Цветы он мне, кстати, иногда дарил. В первый раз привез букет из лиловых хризантем, но даже не это стало самым удивительным, а то, *как* он их подарил.

— Ты знаешь, что означают хризантемы?

— Нет, а ты знаешь? — усмехнулась, наливая воду в вазу, но получила неожиданно серьезный ответ.

— Знаю.

Я недоверчиво подняла брови и повернулась, сразу натыкаясь на Алекса взглядом. Он сидел на подоконнике, курил и смотрел на меня пристально, твердо и...горячо. От такого взгляда мурашки по телу начинали бежать, и сейчас не исключение, а подтверждение этого правила.

— Они означают долгую жизнь и процветание. Популярный выбор на день рождение или рождение ребенка. Но в Японии хризантема — это императорский цветок. Он означает высшую власть и является официальным гербом страны.

Я онемела. Нет, серьезно, аж рот открыла, чем только добавила этому павлину поводов гордиться собой. Алекс растянулся в улыбке, дернул бровями, а потом опустил взгляд в

пепельницу, куда как раз тыкал докуренной сигаретой.

— Ты родилась в Японии. И ты наследница. Все чин по чину.

— Почему лиловые?

— Потому что это твой любимый цвет.

«О. Боже. Мой...»

Я никогда не ожидала, что получить от мужчины цветы может быть настолько *глубоким* событием. Наверно мало кто *может* подарить своей девушке цветы с таким смыслом, и это снова меня поразило. В самое сердце. Я смотрела на него и не верила, что он — мой. Не верила своему счастью. Поэтому мне просто необходимо было убедиться, что он — реальный. Я аккуратно отставила букет в сторону и подошла, коснулась его — реальный. *Он здесь, рядом, мой.* И "все" снова схлопнулось до размеров одного мужчины. Вакуум и никого, кроме него.

Насчет наследницы, это вообще забавно. Он поднял эту тему единожды, как раз после того, как мы заключили наш «пакт», чем тогда вверг в полнейшее недоумение. Все в том же дворе, у стены трансформаторной будки, уперев руки по обе стороны от моей головы, Алекс, прижимаясь лбом к моему, хрипло прошептал.

— Я должен кое-что тебе сказать.

Насторожило. Нервы и без того натянутые, как канаты, напряглись сильнее.

«Ну не может быть все настолько хорошо! Не может!» — предательски шипело что-то внутри, ворочаясь и извиваясь.

Я открыла глаза и посмотрела на него. Алекс вдруг стал каким-то нервным, взволнованным, а во взгляде его читалась какая-то непонятная...вина?

«Ну точно. Сейчас мне будет очень больно...»

— Что сказать? — испуганно, тихо прошептала, цепляясь за его футболку, и еще больше замандражировала, когда не получила ответ.

Алекс опять медлил. Он смотрел на меня также странно, молчал, будто решаясь на что-то, а я, клянусь, готова была шлепнуться в обморок. Дышать было тяжело от того, как сердце колотилось и било по ребрам...

— Ты наследница, — вдруг изрекает, и я не сразу понимаю, что он говорит, а когда понимаю, неуверенно переспрашиваю.

— Что?

— Это очевидно, что ты — наследница. Судя по тому, кем были твои родители, у тебя есть деньги.

«ЧЕГО?!» — в тупике. Я хлопала глаза, как дура, но на этот раз мне не пришлось переспрашивать, Алекс усмехнулся и сам пояснил, немного отстранившись.

— У меня нет ничего. Когда я ушел из своей семьи, ничего не взял, да и, если честно, брать мне особо нечего было. Ты это понимаешь?

«Нет. Совершенно не понимаю...» — продолжала хлопать глазами, давая это понять, и Алекс понял.

— У меня нет постоянной работы, денег, я даже квартиру не могу позволить себе снять.

— Я думаю, что у тебя все получится...

Я, если честно, подумала, что он переживал об отсутствии перспектив, но не была до конца уверена, и Алекс снова это понял, усмехнувшись.

— Я не к тому говорю.

— А к чему тогда?

— К тому, что я не смогу дать тебе жизнь, к которой ты привыкла.

«Что, блин?!» — кажется, я сказала это в слух.

Даже не сказала, а крикнула, спугнув очередную стайку голубей. Алекс в ответ просто пожал плечами и изрек очередную глупость.

— Это правда, Амелия. Я не говорю, что так будет всегда, но не знаю, когда все изменится и не могу дать гарантий, что все вообще изменится.

— Господи, какой кринж... — замотала головой, на что получила очередную шуточку.

— Надеюсь, ты не про наркотики? Потому что я против.

Как по щелчку пальцев, я начала смеяться, а когда снова на него посмотрела, то слегка коснулась его щеки и прошептала.

— Во-первых, это не мои деньги...

— Так говорят все наследники состояния.

— Я не знаю много наследников, а ты?

— Ты знаешь целую семью наследников.

Перебил и слегка прищурился.

«Кажется Алекс готовится бросить очередную бомбу...» — так и вышло. Через миг он вздохнул и еще раз кивнул.

— Я думаю... Может тебе лучше было бы в своей среде, а не связывать себя непонятными отношениями.

— Ты на что намекаешь?!

— Ты приглянулась Алексею, — я аж воздухом подавилась от такого предположения, но Алекса это не остановило, а наоборот будто подстегнуло, — Тебе с ним будет лучше. Он может все себе позволить, и ты...

Я не собиралась выслушивать этот кринж, а двор снова взорвался звуком хлесткой пощечины. Теперь я понимала, что делаю и за что отвесила ему оплеуху — Алекс в этот раз и не думал злиться. Он вдруг рассмеялся, хитро перевел на меня взгляд и прошептал.

— Ты, кажется, действительно любишь получать по заднице, да, котенок?

— Сам виноват. За кого ты меня вообще принимаешь?!

— Я хотел...

— Неважно мне, что ты там хотел — никогда не смей так говорить! — горячо выпалила я, а потом приблизилась, снова встала на полу-пальчики и слегка его поцеловал, — Алексей может быть любым, но он мне не нужен. Я хочу *тебя*. И денег у меня нет, мой счет будет доступен только через полгода после моего восемнадцатилетия. У меня осталась кое какая сумма от брата, но там не очень много.

— Ты к чему ведешь, котенок? — хрипло спросил, явно ощущая мою хитринку, и я улыбнулась.

— Ну а что? Ты тоже общаешься с Алексеем. Может быть попросишь его познакомить с сестрой? Она наследница покругче меня и...

Резко он придавил меня к стене, взяв за шею, а потом хрипло прошептал в губы.

— Заткнись сейчас.

Надавила на больное место для каждого мужика — его эго, а взамен получила не наказание, а самый страстный, крышесносный поцелуй из всех возможных. Больше мы эту тему не поднимали никогда. Алекс, кстати, устроился на работу к Михаилу в ресторан поваром. Я там ни разу не была, конечно, потому что после той ночи боялась увидеться с Александровским, но Алекс всегда приносил мне что-то сладенькое после смены. А еще у

него появилась неплохая зарплата, так что все его комплексы хоть немного, но были успокоены.

Что касается Гнесинки — я действительно поступила, а Алекс и там был рядом. Он ездил со мной. Конечно, в зал он не ходил, но терпеливо ждал в машине снаружи, а потом также терпеливо ждал результатов. Помню тот день был просто прекрасен! На улице стояла жара, и, чтобы скоротать время, мы пошли в парк погулять, где в какой-то момент стали друг за другом бегать — в основном он за мной, конечно, — и в результате оказались в фонтане. Я тогда так много смеялась, что у меня живот заболел...Алекс сумел отвлечь от волнения так просто, играючи, а когда время пришло ехать обратно, серьезно заявил:

— Поступление у тебя в кармане.

Я усмехнулась, мотнув головой.

— Ты даже не слышал, как я играю.

— И это огромное упущение с моей стороны, — обнимая, прошептал мне в висок, а потом поднял голову за подбородок и улыбнулся еще нежнее, — Я все равно уверен, что ты поступишь. И когда это случится, мы исправим это.

— Что «это»?

— Мое упущение. Сыграешь для меня?

Я потеряла дар речи. Снова по телу бегали мурашки, которые так никуда и не делись, даже не смотря на то, что он уже был моим. Ничего не изменилось. Меня все также тянуло к нему, если не больше, просто теперь не было нужды скрывать и прятаться — и это было потрясающе. Целовать его, когда я хочу — потрясающе. Это я и собиралась сделать. Привстав на полупальчики, нежно положила ладонь на его слегка колючую щеку и вместо каких-то там слов, поцеловала.

Мы даже с Лилей помирились! Она приезжала в конце лета *сама. К нам.* И мы поговорили спокойно. Поплакали о Розе. Поделались воспоминаниями, и все оказалось как-то внезапно...хорошо. Мы словно снова нашли дорогу друг к другу. Я больше на нее не злилась, так счастлива была, что все это отошло на задний план. Она тоже не злилась. Я видела в ее глазах, что она по мне скучала, и призналась себе, что тоже. Глупо отрицать — она моя единственная семья, которая рядом. Я как-то в одночасье решила оставить плохое позади, дать ей шанс, дать *нам* шанс, и не пожалела — Лиля меня не подвела, даже когда познакомилась с Алексом. Если честно, то этого я очень боялась и сразу по нескольким причинам.

Во-первых, для Лили очень важна материальная составляющая. Я только теперь поняла, что это тянется из детства, когда Виолетта бросила и свинтила с деньгами их с Розой отца. Если бы предположить, что моя мама не приняла их, они бы остались на улице без средств к существованию, а это было страшно. Наверно этот страх действительно отложился где-то на подкорке моей сестры, поэтому она так и ценила деньги. И поэтому считала, что у мужчины они быть просто обязаны, а на других не стоит тратить свое время.

Во-вторых...Лилия была невероятно красива. Невероятно! Я всегда видела, как на нее реагируют мужчины, пусть и малодушно, мне было страшно, что Алекс среагирует также. На секунду, когда мы поднимались к нам на этаж, я представила себе, что сейчас он ее увидит, влюбится, так и кончится моя сказка, от чего хотелось выть. Но ничего этого не случилось. Лилия вежливо ему улыбалась, а он безэмоционально разговаривал с ней. Алекс не испытывал к ней никакого влечения, и это было заметно, так что я успокоилась. Что касается моей сестры, то, наверно, она была не в восторге от моего выбора, но так как мы

только помирились, решила ничего не говорить. Слава богу.

Вообще по всем фронтам было тихо. Я получила даже больше, чем могла бы рассчитывать даже в самых смелых мечтах — я его *узнала*. Мы часами могли говорить, лежа ночью без сна, и мне не надоедало его слушать — я люблю его слушать и сейчас. Я все в нем люблю и принимаю. Каждый его загон, каждый заскок, каждый минус и плюс, и мне все также тянет даже сейчас, когда прошел почти год с того момента, как он впервые меня поцеловал.

И мне все также нравится на него смотреть, как сейчас.

Лежа на нашей кровати, где черное, атласное белье сменилось нежно лиловым сатиновым, я смотрю на него и не могу налюбоваться. Алекс стоит у балконной двери, голый по пояс, и курит. На его бедрах висят серые спортивки, а сам он смотрит куда-то вдаль и о чем-то думает.

«Зрелище, что надо...»

— Я чувствую, как ты на меня пялишься.

В ночи его голос звучит еще более сексуально, так что мурашки уже во всю танцуют на моей голой коже румбу, а я улыбаюсь.

— Кажется меня поймали? Почему не спишь?

— Иди ко мне.

Все, что мне надо. Все, чего я сейчас снова так сильно хочу.

Аккуратно слезаю с постели и ступаю по прохладному полу медленно, не отводя от него своего внимания. Это как игра, наша особая, личная игра, и он это знает. Я больше не стесняюсь своего обнаженного вида, и он ухмыляется, потому что сам отучил меня поддаваться глупостям, а сейчас рад плодам своего гения. И я рада. Я не хочу стесняться или бояться — с ним в этом нет нужды.

Останавливаюсь напротив, Алекс все также прижимается спиной к дверному косяку и все также молчит, но глаза снова нет. Они будто говорят: «Сделай, что хочешь сама. Твой ход...». Я не против. Делаю еще один шаг к нему, слегка касаясь кончиками пальцев косых мышц живота, которые вздрагивают при даже таком незначительном контакте с моей кожей, а я улыбаюсь.

— Кажется, мне этого никогда не будет достаточно...

Взгляд Алекса становится каким-то странным, но я не успеваю его разгадать, да и не до этого мне сейчас. Приближаюсь еще, целую в грудь, слегка прикусываю, на что он реагирует хрипом, а это значит, что я все делаю верно. «Что я хочу» совпадает с тем «что хочет он». Спускаюсь ниже, еще ниже, берусь за резинку спортинок — он не останавливает меня, а наблюдает, когда я на секунду поднимаю глаза, вижу в его огонь. Мне это нравится — знать, что я могу так его разжечь всего парой касаний. Опускаюсь на колени. Меня больше ничего не сдерживает, я доверяю ему на сто процентов и хочу пробовать новое и новое. Он всегда ведет меня к новому, показывает, даже учит, и такие уроки всегда даются мне на отлично, оставляя после себя прекрасное послевкусие огненной неги.

Алексу не терпится. Со стороны может показаться иначе, но я знаю, что это так. Вижу это. Чувствую, когда он убирает мои волосы слегка подрагивающими пальцами. Сейчас — я его вселенная, кроме меня нет ничего. Он так сосредоточен, ждет, не торопит и не давит, но если даже будет рушиться мир, он будет смотреть на меня. Как я на него. Алекс тоже чувствует тот вакуум, в нем мы *вдвоем*.

С первым моим движением головой и рукой, Алекс закидывает голову назад и издает

громкий стон — меня бросает в жар. С того момента, как я впервые услышала этот звук, нет для меня музыки приятнее, и я бы хотела слушать ее с утра до вечера. Всегда. Мне нравится доставлять ему удовольствие. Когда-то я помню, что думал — это унижительно, неправильно, фу! — но весь мир, кажется, состоит из перемен, и мои детские суждения не исключение. На самом деле это дико заводит. Мне нравится, как он берет меня за волосы на затылке, направляет, указывает темп. Мне нравится его сила, и я иду за ней не думая, потому что хочу за ним следовать.

Я хочу подчиняться.

В какой-то момент Алекс останавливает, тянет за руку, и когда я встаю, он подхватывает меня под бедра и ловко, будто я пушинка, поднимает на руки. *Наша* постель встречает нас привычным запахом зеленых, кислых яблок...

«Черт, наша постель...» — это так звучит потрясающе, что я улыбаюсь, Алекс улыбается в ответ, а потом снова целует меня.

Я издаю стон и выгибаю спину, чтобы быть к нему ближе, когда он медленно ведет губами по шее, вниз к ключицам, к груди. Вздрагиваю, когда он уделяет ей особое внимание, тихо смеюсь. Алекс слегка прикусывает такую чувствительную кожу, а потом спускается еще ниже, перебирается на пол и берется за тонкие лямки кружевных трусиков. Мои щеки вспыхивают, когда я понимаю, что он задумал, и я закрываю руками лицо, но не сопротивляюсь. Алекс уже исключил все «пробелы» в моем сексуальном образовании, и теперь я точно знаю, что будет дальше, правда так до сих пор к такому не привыкла. Хотя это и было круто. Очень круто. Прямо как сейчас.

Я чувствую его горячее дыхание на внутренней части бедер, которое собирает томительное напряжение внизу живота, но не шевелюсь. Хочу попробовать каждый этот волшебный момент, и когда он касается кожи губами, откидываюсь на подушки, издав жалобный стон. Хочу быстрее, он это знает, и поэтому очередной, глухой смешок не заставил себя долго ждать. Хочу видеть все, поэтому смотрю на нас сквозь зеркало на потолке и нетерпение только растет. Его сильные плечи, «эти» руки, которыми он обхватил мои бедра — со стороны это выглядит дико сексуально. Он сексуальный. Все дело в нем. Вот он ответ на мой вопрос: почему я кончаю почти сразу, как он меня касается? Потому что это он, все просто, и в этот раз нет исключений. Размеренные движения языком, которые сменяются быстрыми, и снова отпускают скорость, доводят до пика за каких-то жалких пару минут. Меня содрогает, я сжимаю в кулаках постельное белье и пытаюсь быть тише, но просто не могу — я чувствую слишком много, и это еще не конец. Так просто Алекс не отпустит, он любит доводить меня до состояния "оргазмической комы", которая по итогу всегда выливается в одно и то же: глаза будто заливают свинцом, а тело словно из ваты. Мой мужчина усмехается мне на ухо, довольный свои трудом, а потом шепчет.

— Спи, моя сладкая девочка.

— Обними меня... — еле слышно бормочу, но Алекс не отвечает.

Какое-то время вообще ничего не происходит, кроме того, что сон пытается затянуть меня в свою трясиину с такой силой, будто это самые кровожадные зыбучие пески в мире.

«Может он в душ пошел?» — мелькает где-то в голове, правда тут же слышится его хриплый шепот.

— Мне надо уйти.

— Что? — я пытаюсь сопротивляться, привстать, открыть глаза, но Алекс мягко останавливает, а потом слегка трется носом о мою щеку.

— Не вставай, спи. Мне надо на работу.

— Но...уже же ночь?

— С сегодняшнего дня я отвечаю за закупки, надо проверить все.

— Правда? — улыбаюсь, — Ты не сказал...поздравляю.

— Спи, котенок, — ласково целует в голое плечо, — Я приеду утром.

— Я люблю тебя, — выдыхаю, подпихивая одеяло под себя, — Будь осторожен и удачи.

И меня окончательно уносит в мир Морфея.

17; Октябрь

Абсолютное счастье опасно. Ты ничего вокруг не видишь, все застилают бурные, сильные эмоции, а еще ты чувствуешь, как будто можешь летать. Ты и летаешь. Высоко, там куда даже птицам путь заказан — ты летаешь, ты окрылен, но люди не умеют летать... Очень важно это помнить. Очень важно оставлять якоря, чтобы всегда можно было спуститься на землю безопасно по цепочке, медленно, потому что в один момент ты просто можешь рухнуть и разбиться. Однажды я попыталась представить, что со мной будет, если мы расстанемся, и мое сердце уже было разбито, поэтому я снова бежала. Отложила эти глупости в дальний ящик, навешана на него миллион огромных, амбарных замков и просто плыла по течению.

Я не оставляла якоря. Мне было страшно спугнуть, и страшно было настолько, что я забыла еще о кое чем важном: ничего абсолютного не существует, а после белой полосы *всегда* следует черная.

Моя черная полоса началась на следующий день, когда он не пришел с утра, как обещал. Тогда я списала все на нюансы новой работы, возможно на проблемы с поставщиками, но все уже было решено. А потом я снова бежала...Глупо отрицать, я замечала перемены в нем. Когда я вновь увидела его, он уже был не моим Алексом, а тем самым Алексом, который когда-то встретился мне на балконе этого дома. Но я отрицала...не соглашалась, упиралась и ногами, и руками, открещивалась, пыталась...Он отталкивал меня, а я пыталась не замечать, сглаживая все углы. Как раньше. Да, все вернулось туда же, от чего я ушла: стена изо льда, об которую я билась чуть ли не головой, и что не имело никакого эффекта.

Я даже думала, что виновата в чем-то, а точнее вполне в конкретном «чем-то». Раньше мы не говорили о любви, а в ту последнюю нашу ночь, я взяла и брякнула это, пребывая между сном и реальностью.

«Я не специально!» — думала я, — *«Я даже не хотела этого говорить, само вырвалось, но теперь эти три слова все безнадежно испортили что ли?!»*

Не может быть. Или может?

«Он и без того боялся отношений, а я тут еще со своими любовными глупостями. Конечно! Я наверно его напугала, вот он и пытается отгородиться и справиться с этим сам...»

«Нам надо поговорить» — принимаю четкое решение резко, сидя на последней паре.

Знаю, что он меня не ждет, как обычно всегда ждал. Весь сентябрь Алекс забирал меня после учебы, но теперь ссылается на свою занятость. Я бы ему, может быть, и поверила, если бы не одно но — я знаю, что он меня просто избегает. Снова не отвечает на мои сообщения и игнорирует звонки, снова шляется где-то, приходя почти ночью, снова отталкивает меня. Но самое паршивое, что если раньше мы могли продолжать общаться хотя бы в постели, то сейчас и там все стало, как при штиле. Ни ветерка, ни дуновения — ни че го.

Убежденная в том, что сама виновата, решаюсь на попытку все исправить, и еду к нему

на работу.

«Я ему все объясню, все будет нормально, ничего такого не произошло. Неделю назад все было же хорошо! Выдыхай, Амелия...» — убеждаю себя, пока еду в автобусе, — «Дыши. Он просто испугался, ничего не случилось...»

Жить в иллюзиях тоже опасно, а еще опасней соглашаться на это добровольно и из всех сил упираться открыть наконец глаза и прозреть. Самое простое объяснение — верное. Так кратко гласит знаменитый, методологический принцип, который, если разобрать подробно, поясняет следующее: если есть несколько логически непротиворечивых объяснений чего-либо, которые одинаково хорошо это «что-либо» описывают, следует выбрать самое просто из всего этого многообразия. Если еще проще: не надо изобретать колесо, моя милая, потому что до тебя все уже изобрели. И до тебя такое было. С тысячами тысяч, после будет не меньше. Не придумывай, не строй безумных теорий, а лучше сними-ка свои розовые очки, пока они не разбились стеклами внутрь. Так и надо было сделать, потому что мои разбились именно так, когда подходя к ресторану, я заметила его машину, а в ней Верочку.

По всем канонам должен был идти дождь. Ливень! Я должна была драматично плакать, а слезы должны были «быть невидны». Мои волосы бы мокли, тушь бы текла, весь мир был бы серым, но...ничего этого не было. Если честно, то погода стояла отменная. Весь день светило солнце, а сейчас оно погибало на линии горизонта, разливаясь красным и топя в своей крови все, до чего могло дотянуться.

Я застыла. Смотрела, как они о чем-то воркуют в его машине, как она его касается, а он и не против. Не уводит головы, просто смотрит на нее, позволяет этой суке касаться его щеки лапой с уродливыми, длинными ногтями! Потом он резко поднимает глаза и замечает меня, медлит, говорит что-то Верочке. Он не торопится ко мне навстречу, как опять же бывает по всем канонам. Не бежит, роняя тапки, а просто сидит и что-то ей втирает! Она поднимает глаза следом, смотрит на меня и усмехается, кивает, и только после этого Алекс открывает дверь.

Не верю, что это происходит. С каждым его шагом, кажется, я немею сильнее, мои легкие будто сжимают чьи-то монолитные ручища так, что не получается вдохнуть.

— Что ты здесь делаешь? — спрашивает раздраженно, и застает врасплох.

Я такого вопроса не ожидала уж точно, поэтому выдыхаю, невольно повышая голос.

— Что я здесь делаю?! А что она здесь делает?!

Алекс молчит. Он сканирует меня взглядом и, твою мать, молчит! Он не пытается объясниться, он даже не пытается мне соврать, а тупо молчит, и в этом молчании я читаю правду: «ты все поняла правильно». Не знаю я зачем спрашиваю то, что спрашиваю, потому что тут все итак понятно...

— Ты мне изменил?

Вопрос выходит таким жалким, что его еле слышно. Я сжимаю себя руками, смотрю в землю, меня трясет, но больше всего за все наше знакомство, я молюсь, что он скажет «нет». Так забавно. Раньше я мечтала слышать от него только «да», а вон оно как бывает. И, еще более забавно то, что как и в начале, ничего не идет, как я хочу.

— Да.

Это признание накрывает меня так, что я сгибаюсь пополам, приложив руку к сердцу. Мне никогда не было так больно, если честно, даже когда я узнала, что Роза мертва так не было. К той новости я была готова, но к этой...? Часто вдыхаю, жадно, жмурюсь, кажется,

что меня сейчас стошнит, а из под ног выбили почву безжалостно и жестоко. Потом я чувствую его руку. Чувствую его присутствие и резко отшатываюсь. Чтобы не развалиться на части, я крепко держусь себя обеими руками, роняя слезы. Ничего не могу сказать, истерика уже тут как тут, стучит в двери, а его лицо расплывается...но с ним то все в порядке. Алекс может говорить и говорит.

— Я правда пытался, но это действительно не для меня.

«ЧТО НЕ ДЛЯ ТЕБЯ?!» — бьется мое сознание внутри, пока я смотрю на него всхлипывая и хмурясь.

— ...Мне жаль, что так вышло, но так просто случилось. Это просто случилось, Амелия, отношения не для меня, я тебе это говорил сразу.

— Ты же обещал...

«Боже, как же жалко я звучу со стороны...» — мне бы хотелось отвесить себе миллион ментальных пощечин и на ментальные нити сшить рот, чтобы не звучало ни одного слова, но было уже поздно.

Прозвучало. Алекс устало выдыхает, уперев руки в бока, смотрит в небо, а потом резко опускает на меня взгляд, и я понимаю: вот сейчас я на самом деле узнаю, как больно он может мне сделать.

— Давай на чистоту, окей? Ты мне нравилась, но никаких сильных чувств я к тебе никогда не испытывал. Если бы испытывал, то не смог бы, но я это сделал, а потом понял: я просто устал притворяться. От тебя устал, Амелия, понимаешь? Все настопиздело: игра в эти отношения, разговоры и прочая херь, я для этого не создан! Моя жизнь и без того слишком сложная, я хочу трахаться и расходиться, не вникать во всякое дерьмо! Твою мать, мне все это просто не нужно, пойми ты наконец!

Здесь и сейчас кое кого не было — моего теплого, родного человека. Вместо него передо мной стоит холодный, безжалостный и беспринципный мудака, каким он был до нашего "пакта". Надменность сочится из каждой его поры, и это убивает меня, ведь я наконец вижу, что все «наше» время для него лишь «время». Он просто поигрался, а теперь устал, затянув меня на дно дохлых и вонючих отношений, пропитанных ложью и притворством.

Звонкая, сильная пощечина пресекает дальнейшие попытки открыть рот. Хотя это по канону: он отгибает в бок голову и затыкается!

— Прощай, — все, что я могу сказать голосом, который не узнаю.

Так это и случилось. У черного входа ресторана, подобно крысе, он нарушил все свои обещания, а потом растоптал и выбросил мое сердце на помойку. Выбросил меня, как надоевший, нежелательный и тяготящий элемент. Так мое абсолютное счастье стало абсолютным ничем.

17; Октябрь

Я уже три недели не живу дома.

Тогда, как в бреду, я еле дошла до остановки. Меня шатало, трясло, изнутри просто разрывало, но при всем этом разнообразии потрясающих ощущений, я понимала одно: я ни за что не вернусь в ту квартиру. Я поехала к Лиле — не знала, куда еще мне себя деть. Она, по счастливому стечению обстоятельств, была дома и застыла, стоило ей меня увидеть, да и чего бы не застыть? Спорю на что угодно, что вид у меня был тот еще, но объяснить я так ничего и не смогла. Увидев родное лицо, я снова превратилась в маленькую девочку, которая начала плакать, закрыв лицо руками.

Квартира у нее была просто огромной. Четыре комнаты общей площадью почти двести пятьдесят квадратов с потрясающим, современным ремонтом. Основная спальня (это что-то на богатом), то есть Лилина, еще одна спальня, то есть гостевая, третья спальня, которую она переделала в личный спортзал. Гостиная, совмещенная с кухней и три ванных комнаты: одна как бы общая, вторая лично для Лили, и третья лично для ее гостей, плюс две огромные гардеробные, которые были до потолка забиты ее шмотками, аксессуарами и обувью. И самое мое любимое место — просторная, крытая терраса с небольшим камином, состоящим из двух частей: верхняя как бы "вытяжка", а нижняя выложенный камнями круг, где и располагался открытый огонь. Все это дополнял огромный диван и несколько кресел-яиц, которые я все планировала утащить у нее для себя. Простыми словами, Лиля жила в раю. Естественно эти квадратные метры ей не принадлежали, но она спала с тем, кому они принадлежали, как и все остальные квартиры в доме...да и сам дом в принципе. Ее Властелин мира был конченным мудаком, но все равно стоило не отдать должное — за своими любовницами он ухаживать умел. Тут даже пол был из чистого мрамора, настоящего! Именно, как Лиля и хотела — он и этот ее каприз исполнил, усом не повел.

«Размах, что надо...» — думала я на следующее утро, когда обводила носком один кусочек камня по окружности, — «Ненавижу его, но это сильно...»

— О, ты уже проснулась?

Лиля вышла вся в мыле, коротком топе и шортиках явно из спортзала. Наверно снова «прокачивала» свою фигуру, а учитывая гульку на башке, совершенно точно так и было. Жаль, что у меня не было сил пошутить по этому поводу, я только посмотрела в окно и слабо кивнула.

— Да. Ехать пора...

— Брось, один день можно пропустить, ничего страшного не случится. Раздевайся, закажем что-нибудь и...

— Я думаю, что...мне... — заикалась, как дура, не зная куда деть руки, и Лиля замерла, приподняв бровь.

— Мел, все нормально?

— Да, но...мне нужна твоя помощь.

— Та-а-к...

— Снять квартиру, — я бросила на нее беглый взгляд, но сразу опустила его в пол и дернула плечами, — Я сняла комнату в Химках для отвода глаз, и могла бы пожить там...

— Фу, ты спятила?!

Ее брезгливость заставила меня слабо, но улыбнуться, даже немного закатить глаза, но все веселье быстро испарилось. Я выдохнула и, ковыряя джинсы на коленке, прошептала.

— Не могу туда вернуться.

— Крис звонила вчера, когда ты заснула.

Сердце забилось чаще, и я резко подняла на сестру глаза, а та, как заправская стерва из какого-нибудь фешенебельного, голливудского фильма, расставила руки вдоль свой огромной тумбы из белого мрамора, и усмехнулась.

— Она сказала, что *он* съехал. Ты можешь вернуться туда, если хочешь.

Вся моя надежда рухнула, что я ощутила по глухому пульсу в горле, где каждый удар — кирпич этой самой надежды. Ко всему прочему, мне почему-то представилась картина, как Алекс живет где-нибудь с этой своей Верочкой, которая, судя по ее нарядам, могла себе позволить не одну квартиру...

«Может у него действительно есть к ней чувства, раз он все время возвращается...»

— Я не могу там жить... — еле слышно прошептала, быстро вытерев слезу, потому что вдруг представила еще кое что.

Как я возвращаюсь и вижу все те моменты, что мы провели вместе. Эти стены пропитаны нами, и, боюсь, что я тогда просто сойду с ума...

— Понимаю, — также тихо ответила сестра, а потом вдруг улыбнулась и кивнула, — Решено. Ты остаешься у меня.

— Что?

— А что? — дернула плечами, повернув в сторону холодильника, — Давно надо было тебя забрать.

— Ты не хотела этого никогда...

— Хотела, но думала, что моя жизнь может тебе навредить, Мел. Понимаешь...я сделала многое, чем не могу гордиться, и не хотела, чтобы это как-то повлияло на тебя.

— Что изменилось сейчас?

— Давай закажем еду, а потом поговорим, м? — предложила она, доставая бутылку вина, — И выпьем. Много выпьем, потому что то, что я тебе скажу...тебя очень удивит.

— Как же мои вещи?

— Я их заберу завтра. С Кристиной тоже поговорю. Пошли уже, я умираю с голода!

Она была права — удивила: Лиля решила уйти от своего Властелина мира. Бам! Честно? Никогда не думала, что это когда-нибудь случится, но вот она сидит на террасе рядом, подогнув ноги под себя, пьет красное сухое и задумчиво изрекает:

— Давно надо было это сделать. Ничего хорошего не могло получиться...

— Потому что он мудака?

— Потому что мы начали плохо, — улыбнулась сестра, взглянув на меня, — Когда плохо и со скрипом начинается, никогда ничем хорошим это дело не кончается.

— Этого ты мне не говорила.

— Слышала, что ты влюблена, поэтому решила не расстраивать. Вдруг ты стала бы исключением? Не всегда же все одинаково...

— Ну да...

— Сейчас понимаю, что надо было, может и не было бы ничего...

«Было бы...» — подумала про себя, — «Потому что я этого слишком сильно хотела»

Но я не стала в таком признаваться, поэтому решила отойти от темы и задала вопрос отвлеченный.

— И что было в начале?

— Я пошла на большие жертвы, чтобы привлечь его внимание...

«Загадки...понятно. Тоже не хочет говорить...»

— И когда ты собираешься от него уйти?

— Он будет в Новосибирске до февраля, так что я планирую подкопить денег, продать кое что из драгоценностей, а лучше их спрятать, и свалить из страны. Ты поедешь со мной?

От неожиданности я подавилась, а когда откашлялась, вытерла каплю вина с подбородка и посмотрела ей в глаза.

— Лиль, ты забыла, что я учусь?...

— Да брось! Ты можешь взять академический отпуск! Тебе его дадут, ты же звезда! Только представь...Мы и Европа...разве это не мечта?

— А кто тебе сказал, что он так легко тебя отпустит?

— Ему будет не до меня.

— Да ну?

— Ага, — тихо цыкнув, она снова перевела взгляд перед собой и слегка прищурилась, — Поверь мне.

«Как-то она странно себя ведет...»

— Все в порядке?

— Да, — притворно улыбнулась и сделала еще один глоток, но меня так просто не обманешь и, через пол-минуты гляделок, Лиля фыркает, — Ну что ты так смотришь?! Просто мне немного грустно, что эти отношения закончены — вот и все.

— Хорошо. И что потом?

— А что потом? У нас будут развязаны руки. Захотим, можем и осесть где-нибудь в Италии или Испании.

— Снова напоминаю, что у меня учеба и...

— Университеты есть везде, тебя возьмут в любой. Необязательно учиться в России, чтобы получить то, что ты хочешь. Там даже больше шансов на успех.

— Но...

— Давай будем решать постепенно, м? Поживем немного там, рассмотрим возможности, может тебе и понравится? — хитро протянула и придвинулась ближе, убрав волосы за ухо, — Думаю, что нам обеим это нужно. Выдохнуть...и что тебя держит здесь?

Я не ответила ничего определенного, но склонна была скорее сказать да. Единственное важное, что у меня осталось в этом городе — концерт в конце ноября для первокурсников, чтобы дать им возможность "показать себя". Будет много важных людей, преподаватели, другие студенты...а еще возможность попасть в оркестр. Это действительно единственное, что хоть как-то держало меня на плаву — возможность попасть в оркестр, чего я безумно хотела всегда. Конечно, если я собиралась уехать из страны и поступить в другой универ, в этом смысла было ноль, ну а если нет? Если это поможет мне? Я достигну своей цели, смогу окунуться с головой в работу, а потом смогу действительно забыть его имя хотя бы на секунду...а если не выйдет, предложение несгораемое, я всегда могла сказать да.

Так я и стала жить со своей сестрой. Лиля привезла мои вещи, как и обещала, я сначала хотела позвонить Кристине, и все объяснить, но в голове так и раздавались вопросы ее голосом...

«Что случилось?», «Почему вы расстались?», «Все же было хорошо?»

В результате я не смогла даже нажать на вызов. Мне показалось, что пройти через это

— подобно добровольному самосожжению, а я итак горела.

«Мне лучше дать себе немного времени...» — подумала я, да и Лиля убедила меня, что все в порядке.

— Кристина все понимает.

Наверно так и было, потому что она меня не беспокоила, и я была благодарна. Но, как говорится, где-то ты получаешь, а где-то теряешь, и если с Кристиной вопрос был "типо" решен, по крайней мере на данный момент, с Лилей он только назревал. Она дала мне спокойно поплакать и повалиться безвылазно в кровати всего неделю, после чего начала доставать. Звала меня с собой по магазинам, на выставки, в клуб, кино, рестораны — куда угодно, будто поставила себе цель вытащить меня из депрессняка, и не понимала, что сейчас это просто невозможно.

Твою мать! Я не могла пошевелиться, парализованная болью, но она отказывалась слушать!

Лилия действительно *не понимала*. Она никогда не переживала из-за расставания, даже спустя столько лет с этим старым мудаком, когда она поняла, что их отношения закончены, пожалала плечами и улыбнулась. "Грустно" — такое определение, кажется, было дано? Хотя возможно мне бы и стоило брать с нее пример, со мной то все обстояло иначе. Я впала в анабиоз, перестала улыбаться и смеяться, и только ходила на учебу, а потом сразу домой. И так как на скандалы у меня не осталось сил, я выбрала самый разумный способ отстраниться и успокоить ее неумную энергию — просто притворилась. При ней я улыбалась, даже неуклюже шутила, а слезы остались только в подушке, душе и там, где я могла спрятаться. В своем закутке у моста Богдана Хмельницкого.

Тогда и сейчас я могла плакать лишь там, и туда я шла, когда мне становилось совсем невыносимо, как сейчас.

Вокруг ни души, я сижу на скамейке, разглядывая маленькую кошку на своем кулоне, который он мне подарил, и думаю: когда мне станет легче? Потому что мне не становилось. Вообще. Когда мы только начинали, у меня рядом с ним было стойкое чувство свободного падения, но он всегда меня подхватывал, а сейчас...Алекс стал тем, кто толкнул меня с огромной высоты и ушел, а я осталась лететь, чтобы в последствии разбиться на тысячу мелких частей.

Я больше не целая. Я больше не могу дышать. Я больше ничего не хочу. Так, наверно, ощущается разбитое сердце?

«Я не видела его двадцать один день, и каждый из них — я скучала...»

Вот так и получалось. Он уничтожил меня, а я скучаю даже сейчас. Так хочу услышать его голос, увидеть его лицо, но больше не могу...Его телефон отключен. Пока Лилия ходила на одну из многочисленных выставок, я подпила ее винца, а потом набрала его номер.

«Абонент временно недоступен» — и смс-ки о появлении в сети так и не было.

«Наверно он сменил номер, чтобы окончательно избавиться от надоедливой малолетки, которая никогда ему и не была нужна...»

Слёзы подкатили к глазам, которые я закрываю ладошками и наклоняюсь чуть вперед, извергая всю боль, обиду и унижение наружу.

«Боже, когда это кончится...»

Забавное совпадение, но, кажется, Бог решил закончить это сейчас одной короткой вибрацией моего телефона, который я достаю из кармана, вытирая слезы. Если честно, то ничего хорошего я не ожидаю, но все равно каждый раз кидаюсь к экрану своего сотового,

потому что все еще надеюсь увидеть его имя.

Но нет, как и двадцать один день до, это был не Алекс.

«Неизвестный абонент. Одно сообщение».

Хмурюсь. Чувствую какое-то странное волнение, как будто засосало под ложечкой, а глупая, наивная дурочка внутри меня пищит и просит побыстрее открыть сообщение. Будто это он...и я ведусь на уговоры, хотя головой понимаю — это не он. Это что-то очень. Очень. Очень и еще миллион раз «очень» странное.

Неизвестный абонент

Скажи мне, а какого это убиваться по человеку, которого ты абсолютно не знаешь?

Неизвестный абонент

Ты очевидно понимаешь, что он не хороший мальчик и в джентльмена играть не любит, но насколько на самом деле он плохой? □

Я хлопаю глазами, а внутри вся вибрирую...Вдруг на меня нападает трясучка да такая, что зуб на зуб не попадает, а руки ходят ходуном. Я нервничаю, злюсь, ничего не понимаю и только пялюсь в это короткое сообщение, а потом быстро вбиваю ответ. Не с первого раза у меня выходит, но когда выходит, я с жадностью вглядываюсь в экран.

Вы

Кто это?

Неизвестный абонент

Аноним.

Неизвестный абонент

Но, поверь мне, я единственный твой друг □

Вы

Друзья не прячутся за анонимностью

Неизвестный абонент

В твоём случае грех жаловаться, малышка □

Вы

Еще раз. Кто это?

Неизвестный абонент

Говорят, что ты любишь правду.

«ЧТО?!» — хмурюсь, но ответить не успеваю. Новое сообщение не заставляет себя долго ждать.

Неизвестный абонент

Хочешь узнать правду об Алексее? О своих друзьях, которые не прячутся за анонимностью? О твоей сестре?

Интуиция орет одно: беги, ты не захочешь продолжать! А я вдруг возвращаюсь к началу этой странной переписки, и...меня парализует. Мне и до этого фраза про «джентельмена» показалась знакомой, а сейчас память подкидывает точное время, место и обстоятельства, при которых я уже такое слышала. Это было именно в ту ночь, когда за моим детством закрылась дверь, и сейчас я хмурюсь сильнее, а сама еле дышу.

«Откуда он знает?!»

Неизвестный абонент

Тик-так, Амелия, тик-так □ Да или нет?

Вы

Допустим люблю.

Ругаю себя, но иначе не могу. Знаю, что ведусь на фактически шантаж, но ничего не могу с собой сделать. Я полностью отдаю себе отчет, что при таких раскладах, я вряд ли хочу что-то знать. Мне бы бежать подальше, но этой опции у меня нет. Аноним снова делает ход.

Неизвестный абонент

Буду считать, что это да. Приходи сегодня по этому адресу...

Неизвестный абонент

Это жилой комплекс. Элитный. Тебя так просто не пустят, так что скажи на посту охраны пароль: я доставляю желтые тюльпаны в триста пятую квартиру.

Вы

Что за бред?

Неизвестный абонент

Ну же, малышка, не огорчай меня — это пароль □ Встретимся там. Когда будешь на месте — смотри во все глаза и слушай каждым ушком □

Неизвестный абонент

И еще. Советую готовить свое крошечное тельце к взрыву, которого ты никогда не видела — это будет шедеврально. Удачи. Целую. Твой лучший друг Аноним

Без десяти восемь. Я стою у указанного, жилого комплекса, и он не просто элитный — это самые сливки. Конечно перед походом сюда, я почитала в интернете о месте, куда меня затягивают, и, мягко говоря, была шокирована ценами за один квадратный метр.

«На эти деньги можно купить маленькую студию...» — присвистнула про себя, пока ехала на автобусе, как бы комично не звучало.

Совершенно не понимаю, что я здесь делаю. Возможно правильно было бы уйти, а лучше вообще не приезжать, но я почему-то не могу. Это просто выше моих сил, и я, очевидно, делаю очередное неправильное решение, когда направляюсь к будке охраны.

— Здравствуйте... — неуверенно говорю в темное окно, откуда доносится холодный, безэмоциональный голос.

— Вас ожидают?

— Я с доставкой. Желтые тюльпаны для триста пятой квартиры?

Фраза звучит больше, как вопрос, нежели утверждение. Я чувствую себя просто конченной идиоткой, жду, что сейчас меня погонят поганой метлой, может пригрозят полицией, но вместо этого раздается противное пищание. Меня действительно впускают, и этот факт не радует, а наоборот пугает.

«Аноним не блефовал...»

Мне страшно сделать этот шаг, и я стою, смотрю на резные, черные ворота, которые «приветливо» открылись. Как будто я стою на краю высоченного здания, а сделаю шаг — точно разобьюсь.

— Ну?! Идешь или как?! — грубо подталкивает тот же голос, который я уже слышала из-за глухого стекла.

Неизвестный абонент

Да. Идешь или как? □

Смотрю на смс, и коленки сводит.

«Он действительно ждет меня на месте...» — «Мне совершенно точно нужно бежать...»

Но разум опять вылетает в трубу, потому что на негнущихся ногах я делаю шаг вперед, а не назад и «восвояси». Когда забор за мной со щелчком закрывается, ощущаю себя в ловушке еще больше, чем обычно. Меня встречает мой тюремщик — двухметровый, лысый мужик в похоронном костюме. Он не смотрит на меня, а как будто сквозь, указывает вглубь территории и коротко, также холодно бухает.

— Прямо и направо.

— А...

— Прямо и направо.

«Понятно. Тут без вариантов даже слово вставить...»

Иду прямо, разглядывая все вокруг. Если честно, то такие дома я видела разве что на картинках в модных, европейских журналах. Везде зелёная трава, будто ее баллончиком покрасили, красивые, «французские», узорчатые столбы-фонари, подсветка в земле. Она же есть и на доме, подсвечивая балконы и фасад в стиле сталинского ампира.

«Дорого-богато...» — слегка закатываю глаза, но в следующую секунду мне становится не до пейзажей, потому что впереди слышу крики.

Я как раз подошла до поворота, и с каждым шагом они становятся только громче, а когда я этот самый поворот совершаю, впереди вижу целую толпу. Они стоят на круглой «площади», по оси которой расставлены скамейки под стать фонарям. По середине даже фонтан есть, который и сейчас бьет высокими струями, но я его не рассматриваю — мне плевать. Я узнаю этих людей, поэтому замедляюсь.

«Ничего не понимаю...»

Здесь все. Адель и Рома, Арай с Кристиной, Михаил и Марина, Алексей, а еще моя сестра и...Алекс, только выглядит он иначе. Когда мы познакомились, он был похож скорее на рокера, у которого имелся небольшой пучок на затылке, татуировки и всего пара футболок...Сейчас передо мной стоял *другой* мужчина. Волосы коротко, фигурно стрижены и уложены небольшим ежиком вверх, щетина тоже приведена в порядок и обрита словно по линейке. На нем светло-коричневое пальто, под которым шоколадный бадлон и строгие брюки в похожем оттенке. На правой руке золотые, увесистые часы...И если я до этого ничего не понимала, то теперь даже не знаю, как описать свое чувство.

А еще мне страшно. Почему-то увиденное пугает просто до чертиков, потому что где-то на подсознательном уровне я знаю, что это не то, что мне хотели показать. Я не для этого здесь. Правда еще грянет, и, спорю на что угодно, аноним в третий раз меня не разочарует. Поэтому когда в моей руке коротко вибрирует телефон, я задерживаю дыхание.

И я не хочу читать, но читаю...

Неизвестный абонент

Готова? □

«Нет, я совершенно точно не готова...» — пару раз моргаю, чтобы немного успокоить сердце.

На площади тем временем крики становятся только громче, но я не понимаю, что они говорят. Вижу только, как Лиля и Алекс горячо жестикулируют, махают руками, потом она

толкает его в грудь. Алекс почти не двигается, а через миг хватает ее за запястье и дергает на себя. Грубо, сильно, не жалея. Я вижу, что ей больно — она кривится, но старается держать лицо, хотя все ее чувства очевидны. Я еще в большем замешательстве. Такое ощущение, что они знакомы давно, хотя видели друг друга всего раз.

«О боже...» — вдруг думаю, вся сжимаясь, — «Неужели он изменил мне с ней?»

Но нет. Вся фишка была совершенно в другом...

Неизвестный абонент

Снова буду считать, что да

Неизвестный абонент

Ты знаешь все действующие лица этого спектакля, кроме одного. Знакомься: Максимилиан Александровский собственной персоной. Кое кому внутри нашего тесного круга, он представился своей старой кличкой «Алекс» □

Дыхание спирает. Я снова и снова перечитываю строки, но не понимаю суть. Я. Вообще. Ничего. Не. Понимаю.

«Какой-то бред...» — «Нет, этого не может быть!»

— Амелия?

Слышу свое имя и резко поднимаю глаза. Не заметила, как толпа притихла, и теперь все они пялятся на меня. Лиля белая, как полотно, испуганная, но я все еще ничего не понимаю. Смотрю на них по очереди, медленно и плавно, и молчу. Я пытаюсь разобраться сама, но совершенно не знаю откуда начать. Благо у меня есть "лучший" друг, который присылает мне еще кое что.

Неизвестный абонент

Говорят, что ты любишь шахматы? Как на вашем называется жертва материала ради более глобальной цели? Неужели...гамбит? □

Неизвестный абонент

Надеюсь, что не нужно объяснять, кто здесь «жертвенный материал»?) Кажется тебе только что поставили шах и мат, девочка) Очень жаль □

К "доброму" посланию прилагается видео. Моя интуиция теперь не просто орет, она беснуется и умоляет не нажимать на плей, но это как попросить кого-то не смотреть на сбитую кошку — ты все равно будешь. Какая-то непонятная, странная человеческая черта знать, что будет больно, но делать, как будто и выбора другого нет, хотя он есть. И у меня есть, но я нажимаю на плей, и то, что я там вижу абсолютно стирает меня с лица земли...

Конец первой части

Больше книг на сайте - Knigoed.net